

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2025 Том 27 № 4

Политика в Африке и Африка в политике

Приглашенный редактор *Н.А. Медушевский*

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Николя — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Параишар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор И.Л. Панкратова
Редактор англоязычных текстов Д.Б. Казаринова
Компьютерная верстка И.А. Черновой

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2025. Выход в свет 30.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1662. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2025 VOLUME 27 NO. 4

Politics in Africa and Africa in Politics

Guest editor *N.A. Medushevsky*

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of HSE University, Moscow, Russian Federation

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center “Religion in Modern Society” of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary Editor *Irina L. Pankratova*
English Text Editor *Daria B. Kazarinova*
Computer Design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Почта Ю.М. Кризис западной модели глобализации и социально-политическое развитие Африки: уроки из обострения международных отношений..... 701

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Дегтерев Д.А., Федоров А.В. Репарации за трансатлантическую работорговлю и преступления колониализма: актуальная повестка ООН и Афросоюза..... 713

Камара С., Подшибякина Т.А. Постколониальная политика Франции в Африке: смена неоколониальных парадигм 734

Салиу Д. Влияние колониального наследия на современную политику в Африке: на примере стран Западной Африки 746

МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сидорова Г.М. Эволюция внешнеполитических ориентиров государств Африки южнее Сахары..... 759

Сересова У.И. Развивающиеся социальные государства Африки: концептуализация и классификация 775

Shishkina A.R., Ibuowo O.F. Impacts of COVID-19 on the Economic and Humanitarian Situation of Food Security in West Africa (**Шишкина А.Р., Ибуово О.Ф.** Влияние COVID-19 на экономическую и гуманитарную ситуацию в сфере продовольственной безопасности в Западной Африке) 793

Lapenko M.V., Muche Ya.A. From Local Conflicts to Global Implications: The Ripple Effects of Political Violence in the Horn of Africa (**Лапенко М.В., Муче Я.А.** От локальных конфликтов к глобальным последствиям: эффект домино политического насилия на Африканском Роге)..... 805

СТРАНОВОЙ АНАЛИЗ

Медушевский Н.А. Эволюция традиционной власти вождей в политическом управлении Ганы: исторический опыт и современный контекст..... 816

Кортаев А.В., Черноморченко И.Ю., Якубчук А.С., Сергеев С.С., Глущенко А.В. Природные ресурсы, этнополитические конфликты и факторы риска устойчивого развития Демократической Республики Конго 833

Авдалян М.Р., Орлова Л.Н., Ситар К.А., Барановская Е.И., Фесюн А.Г., Тимиргалеева Р.Р. Ресурсы и власть в Демократической Республике Конго: формальные и неформальные режимы управления 848

Самойлова Е.Е. Расширение влияния политического ислама в Южно-Африканской Республике на примере деятельности транснациональных организаций 867

Бурова А.Н. Особенности партийной системы в современном Тунисе 881

Купалов-Ярополк А.И. Динамика электоральных процессов в Мозамбике в 2014–2024: на стыке глобальных влияний и локальной специфики 896

Абрамова А.А. Военные перевороты в Западной Африке: пример Буркина-Фасо	909
Elbathy R.M. The Role of Military Backgrounds in the Liberation Movements of Middle Eastern Leaders: A Case Study of the Free Officers Movement in Egypt (Эльбаси Р.М. Роль профессиональной военной подготовки в освободительных движениях лидеров Ближнего Востока: пример Движения свободных офицеров в Египте)	920
 РОССИЯ И АФРИКА	
Булва В.И. Форматы сетевой дипломатии России в Африке	931
Диату К.Л.М. Взаимоотношения России и Африки: динамика и проблемы	945
Zing M.Y., Issaev L.M. Transformation of Narrative Representation of Russia among Youth in West Africa (Зинг М.Й., Исаев Л.М. Трансформация нарративного представления о России среди молодежи Западной Африки)	957

CONTENTS

Pochta Yu.M. The Crisis of the Western Model of Globalization and the Socio-Political Development of Africa: Lessons from the Aggravation of International Relations 701

POSTCOLONIAL DEVELOPMENT

Degterev D.A., Fedorov A.V. Reparations for the Transatlantic Slave Trade and the Crimes of Colonialism: The Current Agenda of the UN and the African Union..... 713

Camara S., Podshibyakina T.A. Postcolonial Policy of France in Africa: Change of Neocolonial Paradigms..... 734

Saliu D. The Impact of Colonial Legacy on Contemporary Politics in Africa: A Case Study of West African Countries 746

MACRO-REGIONAL ISSUES

Sidorova G.M. Evolution of Foreign Policy Guidelines of the States in Sub-Saharan Africa 759

Seresova U.I. Developmental Welfare States in Africa: Conceptualisation and Classification..... 775

Shishkina A.R., Ibuowo O.F. Impacts of Covid-19 on the Economic and Humanitarian Situation of Food Security in West Africa 793

Lapenko M.V., Muche Ya.A. From Local Conflicts to Global Implications: The Ripple Effects of Political Violence in the Horn of Africa 805

COUNTRY-SPECIFIC CASE STUDIES

Medushevsky N.A. The Evolution Of Chieftaincy Power in Ghana’s Political Governance: From Historical Legacy to Contemporary Role 816

Korotayev A.V., Chernomorchenko I.Yu., Yakubchuk A.S., Sergeev S.S., Glushchenko A.V. Natural Resources, Ethnopolitical Conflicts and Risk Factors for Sustainable Development in the Democratic Republic of the Congo..... 833

Avdalyan M.R., Orlova L.N., Sitar K.A., Baranovskaya E.I., Fesyun A.G., Timirgaleeva R.R. Resources and Power Dynamics in the Democratic Republic of the Congo: Interplay Between Formal Institutions and Informal Networks of Governance 848

Samoilova E.E. The Expansion of the Influence of Political Islam in South Africa, as Exemplified by the Activities of Transnational Organizations 867

Burova A.N. The Peculiarities of the Modern Tunisian Party System..... 881

Kupalov-Yaropolk A.I. Dynamics of the Electoral Processes in Mozambique in 2014–2024: At the Junction of Global Influences and Local Specifics 896

Abramova A.A. Military Coups in West Africa: The Case of Burkina Faso..... 909

Elbathy R.M. The Role of Military Backgrounds in the Liberation Movements
of Middle Eastern Leaders: A Case Study of the Free Officers Movement in Egypt 920

RUSSIA AND AFRICA

Bulva V. I. Formats of Russia's Network Diplomacy in Africa 931

Diato C.L.M. Relations Between Russia and Africa: Dynamics and Challenges 945

Zing M.Y., Issaev L.M. Transformation of Narrative Representation of Russia among
Youth in West Africa 957

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-701-712

EDN: GEXJIV

Редакционная статья / Editorial article

Кризис западной модели глобализации и социально-политическое развитие Африки: уроки из обострения международных отношений

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ pochta_yum@pfur.ru

Аннотация. В редакционной статье главный редактор журнала Ю.М. Почта представляет материалы номера, трактуя их сквозную тематику как вопросы развития государств африканского континента в условиях кризиса западной модели глобализации. Этот кризис стал наиболее очевиден в условиях обострения международных отношений в связи с российской специальной военной операцией на Украине. Конфликт России с коллективным Западом свидетельствует не только о его агрессивности. Само западное общество находится в кризисе, вовлекая в него все человечество, в том числе общества Африки, осложняя для них процессы социально-политического развития и избавления от неокOLONиализма. Представленные в номере статьи охватывают широкий спектр политологических тем, связанных с Африкой, от колониального наследия и постколониальной политики до современных вызовов развития, конфликтов и внешних отношений. Многие работы анализируют влияние исторического колониализма на современные африканские государства, включая репарации за работорговлю через Афросоюз, смену неокOLONиальных парадигм Франции и воздействие на политику стран Западной Африки, подчеркивая необходимость концептуализации социальных государств и классификации политических режимов (однопартийных, многопартийных и доминирующих). В работах также исследуются эволюция внешнеполитических ориентиров южнее Сахары, глобальные последствия локальных конфликтов на Африканском Роге и экономические эффекты COVID-19 на продовольственную безопасность в Западной Африке. Страновые анализы фокусируются на традиционных институтах, таких как власть вождей в Гане, ресурсные риски в Демократической Республике Конго и партийных системах в Тунисе, Мозамбике и ЮАР, включая роль исламистских движений и военных переворотов в Буркина-Фасо. Наконец, внешние аспекты включают российскую сетевую дипломатию в Африке и трансформацию нарративов о России среди молодежи Западной Африки, а также сравнительные исследования военных движений в Египте, иллюстрируя пересечения африканской и ближневосточной политики. Эти

© Почта Ю.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

темы подчеркивают динамику между историей, развитием и глобальными связями, предлагая критический взгляд на устойчивость африканских политических систем.

Ключевые слова: Африка, Россия, деколонизация, постколониализм, терроризм, специальная военная операция, глобализация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Почта Ю.М. Кризис западной модели глобализации и социально-политическое развитие Африки: уроки из обострения международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 701–712. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-701-712>

The Crisis of the Western Model of Globalization and the Socio-Political Development of Africa: Lessons from the Aggravation of International Relations

Yuriy M. Pochta

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ pochta_yum@pfur.ru

Abstract. In the editorial article, the editor-in-chief of the journal, Yu.M. Pochta, presents the materials of the issue, interpreting their cross-cutting themes as issues of the development of the states of the African continent in the context of the crisis of the Western model of globalization. This crisis has become most evident in the context of the aggravation of international relations in connection with the Russian Special Military Operation in Ukraine. Russia's conflict with the collective West is not only evidence of its aggressiveness. Western society itself is in crisis, involving all of humanity, including the societies of Africa, complicating the processes of socio-political development and liberation from neocolonialism for them. The articles presented in the issue cover a wide range of political science topics related to Africa, from the colonial legacy and postcolonial politics to modern development challenges, conflicts and foreign relations. Many works analyze the impact of historical colonialism on modern African states, including reparations for the slave trade through the African Union, the change of the neocolonial paradigms of France and the impact on the politics of West African countries, emphasizing the need to conceptualize social states and classify political regimes (one-party, multiparty and dominant). The articles also explore the evolution of sub-Saharan foreign policy orientations, the global consequences of local conflicts in the Horn of Africa, and the economic effects of COVID-19 on food security in West Africa. Country analyses focus on traditional institutions such as chieftainship in Ghana, resource risks in the Democratic Republic of Congo, and party systems in Tunisia, Mozambique, and South Africa, including the role of Islamist movements and military coups in Burkina Faso. Finally, external aspects include Russian network diplomacy in Africa and the transformation of narratives about Russia among West African youth, as well as comparative studies of military movements in Egypt, illustrating the intersections of African and Middle Eastern politics. These themes highlight the dynamics between history, development, and global connections, offering a critical look at the sustainability of African political systems.

Keywords: Africa, Russia, decolonization, postcolonialism, terrorism, Special military operation, globalization

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Pochta, Yu.M. (2025). The crisis of the Western model of globalization and the socio-political development of Africa: Lessons from the aggravation of international relations. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 701–712. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-701-712>

Введение

Мечтания о бесконфликтном переходе от однополярного к многополярному миру не оправдались. Запад не собирается уступать, определив Россию в качестве экзистенциальной угрозы для себя и отодвинув на второй план мягкую силу и перейдя к использованию жесткой силы. Украинский кризис обнаружил, что коллективный Запад готов на все ради сохранения своего доминирования, подводя мир к грани третьей мировой войны. Так как данный выпуск нашего журнала посвящен политическим проблемам Африки, рассмотрим, как связанные с российской специальной военной операцией события сказываются на проблеме избавления ее от неокOLONиализма.

Конфликт России с коллективным Западом свидетельствует не только о его агрессивности. Само западное общество находится в кризисе, вовлекая в него все человечество. В этом отношении очень интересны выводы, к которым приходит французский мыслитель Эммануэль Тодд в своей недавней книге «Поражение Запада», посвященной значению российской специальной военной операции в контексте мировой политики.

По мнению Э. Тодда, этот военный конфликт раскрывает реальную ситуацию в мире. «...Мы должны признать, — пишет Э. Тодд, — что война — область насилия и страданий, царство глупости и заблуждений — является, однако, проверкой на реальность. Война переносит нас по ту сторону зеркала, в мир, где идеология, статистические ловушки, грехи средств массовой информации и государственная ложь, не говоря уже о ереси заговорщиков, постепенно теряют свою силу. Откроется простая истина: кризис Запада является движущей силой истории, в которой мы живем. Многие об этом знали. Когда война закончится, никто уже не сможет это отрицать» [Тодд 2024: 31]. Он делает жесткий вывод о катастрофическом завершении западного доминирования, о том, что наступила эпоха оконченной глобализации. В этой ситуации Россия не дестабилизирует мировое равновесие, а представляет собой нормальное государство с предсказуемой политикой: «Есть неизлечимый кризис Запада, в основном США, ставящий под угрозу равновесие на планете. Его самые периферийные волны обрушились на волнорез сопротивления, на Россию — классическое и консервативное национальное государство». Хотя война еще не завершена, но очевидно поражение Запада «так как Запад скорее самоуничтожается, нежели подвергается нападкам со стороны России» [Тодд 2024: 17].

Оправдались опасения относительно последствий воздействия на политику таких особенностей ситуации западного постмодерна, как паранойя и ирония, отказ от истины и традиционных ценностей. Из-за разрушения христианской религиозной матрицы на Западе там возникает нигилизм, дающий толчок к разрушению материального и человеческого: «в последнем случае нигилизм как проистекающий из отсутствия ценностей аморализм неудержимо стремится разрушить само понятие истины и запретить любое разумное описание мира». Именно эта нигилистическая основа, полагает Э. Тодд, дала возможность объединения США и Украины [Тодд 2024: 28]. Но фактически под видом конфликта России и Украины происходит столкновение России с США и их союзниками (вассалами) [Тодд 2024: 272].

Утрата чувства реальности привела к тому, что Запад оказался в идеологической изоляции, в мире почти повсюду проявляется очевидная симпатия к России, а в мусульманском мире Россию воспринимают не столько противником, сколько партнером. «В более широком плане, — полагает Э. Тодд, — экономическая динамика войны изо дня в день усиливает враждебность развивающихся стран к Западу из-за понесенного ими ущерба из-за санкций» [Тодд 2024: 16–17].

Углубляя свой анализ кризиса западного общества, Э. Тодд утверждает, что на Западе больше нет национального государства из-за «исчезновения национальной культуры, разделяемой массами и правящими классами». Формально оставаясь либеральной демократией, по существу, западная либеральная демократия превратилась в либеральную олигархию [Тодд 2024: 24, 128].

Прежние подходы к объяснению международных отношений не позволяют осознать современную реальность. Предполагалось, что они осуществляются между национальными государствами, хотя западные государства уже не являются национальными. К тому же постимперский менталитет США, как распадающейся империи однополярного мира, исключает представление о суверенитете национального государства [Тодд 2024: 28–29]. Американская (западная) мания величия приводит к тому, что мировая политика фактически отрицается: «Нынешняя западная система стремится представлять весь мир и больше не признает существование другого. Но... если мы больше не признаем существование другого, легитимного, то прекращаем собственное существование. Сила России, напротив, в том, что она мыслит в терминах суверенитета и эквивалентности наций...» [Тодд 2024: 30].

В мире американской гегемонии даже союзники могут быть жертвами своего сюзерена. Э. Тодд показывает, что Европа была втянута в саморазрушительную войну, глубоко противоречащую ее интересам. Экономические санкции (экономическая блокада) против России внезапно превратили «скромную», «специальную военную операцию», начатую россиянами с целью добиться исправления границы и предотвратить вступление Украины в НАТО, в Третью мировую войну» [Тодд 2024: 140]. Это похоже на самоубийство, это тот же доминирующий на Западе нигилизм, но в экономической сфере. Официальные заявляемые цели войны базируются на неадекватном видении реальности, так

как Россия не угрожает Западной Европе, а «ведет оборонительную войну против наступающего западного мира» [Тодд 2024: 142–143].

Почему же Европа вступила в эту войну? Да, ее втянули в войну США, однако еще одна причина состоит в том, что она переживает «собственный крах. Европейский проект мертв. Чувство социологической и исторической пустоты овладело нашими элитами и средним классом» [Тодд 2024: 143]. Европа утратила статус субъекта мировой политики. В этих условиях то, что на Западе называли нападением России на Украину, по мнению Э. Тодда, придало новый смысл европейской интеграции как способу сплочения перед лицом внешнего врага. Однако вызывает удивление та «новая роль, которую Соединенные Штаты играют в Европе в настоящее время, — роль ассистента при эвтаназии или военной ассистированной смерти Евросоюза» [Тодд 2024: 144].

Очагом мирового кризиса, полагает Тодд, является американская черная дыра: «Потому что реальная проблема, стоящая сегодня перед миром, — это не воля к власти России, которая весьма ограничена, а разложение его американского центра, которому не видно конца» [Тодд 2024: 208–209]. Тодд, опираясь на свою трактовку нигилизма, предлагает «концепцию, символизирующую превращение Америки из добра в зло» из-за того, что «сегодня они идут по пути, ведущему к нищете и социальной атомизации». Ценности и поведение американского общества сегодня по существу негативны, так как в нем «политическая жизнь функционирует без ценностей; это не более чем движение склонное к насилию». С этим связано и основанное на нигилизме отрицание реальности [Тодд 2024; 2010; 2011: 212].

Шведский ученый Грег Саймонс также обращает внимание на отрицание реальности сторонниками однополярного мира. Он полагает, что «реализм по-прежнему способен разумно объяснять многие явления, но его необходимо пересмотреть с учетом специфики текущего геополитического момента, чтобы переосмыслить попытки западного однополярного порядка препятствовать становлению незападного многополярного порядка посредством транзакционных игр с нулевой суммой (в противовес относительно беспроигрышной стратегии многополярного мира)». Грег Саймонс также близок к представлению Эммануэля Тодда о самоуничтожении Запада. Саймонс пишет, что «западная цивилизация, включающая в себя однополярный порядок США, находится на пути цивилизационной самоликвидации из-за выбранного ими самоубийственного идеологического пути уничтожения нематериальной основы через разрушение целостной, сильной культуры и идентичности, обеспечивающих целеполагание, ощущение принадлежности и целеустремленности как среди элиты, так и среди широких слоев населения. При этом сохраняется амбициозное стремление к абсолютной мировой гегемонии»¹.

Э. Тодд совершенно справедливо отмечает полное отсутствие исторического сознания у правящей американской олигархии, которую «вдохновляет лишь

¹ Саймонс Г. Поворот к реализму (6.10.2023) // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-k-realizmu/> (дата обращения: 28.10.2025).

величие американской империи» [Тодд: 259]. Западом отброшены или пересматриваются итоги Второй Мировой войны, основы послевоенного урегулирования, ООН, международное право, принципы свободы движения рабочей силы, товаров, денег, ученых, студентов, основы дипломатии. Развязана очередная гонка вооружений. Поэтому не только Евразию (прежде всего Россию и Китай) Запад не собирается отпускать на свободу, но и Африку. Очевиден кризис политики неоколониализма. В попытках остановить этот процесс западные страны с помощью мягкой и жесткой силы, экономических санкций, экстремизма и терроризма дестабилизируют или свержают политические режимы в неудобных для них странах. Яркие примеры: оккупация Ирака, уничтожение государственности Ливии, Сирии, Афганистана. Э. Тодд доказывает, что экономический антагонизм Запада с остальным миром обусловлен тем, что «глобализация оказалась не чем иным, как повторной колонизацией мира Западом, на сей раз под руководством Америки, а не Великобритании» [Тодд 2024: 266]. В отличие от США, «Россия живет за счет природных ресурсов и труда; она ни в коем случае не собирается навязывать собственные ценности всему миру. ...Перед лицом Америки, существующей за счет труда „остальных“ и восхваляющей нигилистическую культуру, Россия в целом выглядела предпочтительнее для „остальных“. Советский Союз внес весомый вклад в первую деколонизацию; теперь многие страны ожидают от России, что она способствует второй деколонизации» [Тодд 2024: 266].

В контексте этих рассуждений, где Россия позиционируется как потенциальный партнер народов Африки в борьбе с неоколониализмом, особенно актуальным становится изучение Африканского континента в российской научной традиции. Российская африканистика, унаследовавшая подходы советской науки, традиционно фокусируется на постколониальных трансформациях, внешних связях и социально-политическом развитии африканских государств, что позволяет критически оценивать влияние глобальных кризисов на континент. Это направление не только развивает академический дискурс, но и способствует концептуальному формированию политики России в международных отношениях с Африкой.

Значение Африки в мире и роль России в избавлении Африки от неоколониализма

В России придают большое значение изучению политических проблем Африканского континента. Особую актуальность эти исследования приобретают в настоящее время, в условиях кризиса западной модели глобализации и усиления борьбы народов Африки против неоколониализма. Значение Африки в современном мире неуклонно усиливается. По мнению А. Картунова, африканский материк является центром Глобального Юга и «если на секунду отвлечься от текущей политической конъюнктуры и оставить в стороне сегодняшнее противостояние великих держав, нетрудно прийти к логичному выводу о том, что именно Африка, а не Россия, не Китай и даже не Индия представляет собой главный вызов существующему, преимущественно западному миропорядку». Имеется в виду, что

при бурном росте народонаселения в Африке происходит хаотичная урбанизация, углубляются экологические проблемы, обострение социально-экономического неравенства сопровождается внутри- и межгосударственными конфликтами, усилением экстремизма и терроризма, усилением миграционного давления на остальной мир. «Не ответив достойно на африканский вызов в нынешнем столетии, человечество не сможет успешно двигаться вперед в XXII веке»².

Африку существенно затрагивают процессы глобализации, она также участвует в драматическом становлении многополярного мира. Хотя африканским обществам оказывается многосторонняя поддержка для их развития, однако, как справедливо замечает Н.А. Медушевский, оценивая роль ведущих западных держав, заявляющих о своих интересах на этом континенте, вне своих неокOLONиальных интересов они не заинтересованы в обеспечении стабильности и усилении интеграционных процессов: «В таких условиях, действительно, процесс глобализации приходит на Африканский континент и приносит новые формы экономической деятельности и новые модели коммуникативного взаимодействия, но приход глобализации неизбежно приобретает какую-либо интерпретацию, будь то американизация, европеизация или китаизация» [Медушевский 2020: 118].

Эти варианты глобализации в Африке чаще всего имеют неокOLONиальную сущность, которая традиционно не присуща российскому влиянию. Так, Н. Панин отмечает, что «африканский вектор экономической дипломатии Соединенных Штатов и Китая носит довольно агрессивный характер: все больше африканцев считают, что американцы обременяют экономическое сотрудничество целым рядом не связанных с экономикой условий, а китайцы без оглядки на нужды и чаяния африканцев преследуют собственные неокOLONиалистские цели. России важно избежать появления подобного образа вокруг своей активности в Африке»³.

В качестве примера драматического процесса избавления отдельных регионов Африки от французского неокOLONиализма и возможной роли в нем России можно привести ситуацию в странах Сахеля, обладающих богатыми природными ресурсами. По мнению аналитиков Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества, «регион стал новым эпицентром международного терроризма, сместив прежние центры — Ближний Восток и Северную Африку». Так, в 2024 г. более 50 % всех смертей в мире в результате террористических атак случились в странах Сахеля. При сравнении с ситуацией в 2007 г. количество жертв терроризма увеличилось здесь в 30 раз. «Основными причинами насилия в регионе являются бедность, тяжелое наследие французского колониализма и продолжающаяся эксплуатация со стороны империалистических держав»⁴.

² Кортунов А.В. Об Айболитах и Бармалехах. 28.05.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-aybolitakh-i-barmaleyakh/> (дата обращения: 19.10.2025).

³ Панин Н. Возможен ли африканский гамбит во внешней политике России? 23.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/vozmozhen-li-afrikanskiy-gambit-vo-vneshney-politike-rossii/>. (дата обращения: 19.10.2025).

⁴ Печальное наследие колониализма: глобальный терроризм целится в Африку. 19.03.2025.. URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/16765/ (дата обращения: 18.10.2025).

Стремление руководства ряда стран Сахеля (Буркина-Фасо, Мали и Нигер) избавиться от зависимости от Франции вызывает резкую активизацию деятельности террористических группировок. Причин этому несколько.

Во-первых, французы, теряя свои позиции в этих странах и выводя свои войска, не сумели оставить после себя какие-либо устойчивые политические системы. Кстати, США с таким же успехом недавно ушли из Афганистана, оставив страну террористической группировке «Талибан»⁵, которую в свое время создавали вместе с Пакистаном для борьбы с советским присутствием в этой стране.

Во-вторых, к власти в этой ситуации приходят военные правительства, слабо контролирующие свои территории. Возникают серые зоны, в которых вакуум власти заполняется племенными ополчениями, отрядами самообороны, криминальными организациями, террористическими группировками — как местными, так и привнесенными из арабских стран (Ирака, Сирии, Ливии). Террористические группировки периодически оказываются способны контролировать территории с миллионами жителей, превышающими территории, контролируемые правительствами стран Сахеля.

В-третьих, сказываются последствия уничтожения Западом ряда арабских мусульманских государств — Ирака, Ливии и Сирии, что привело к возникновению новых террористических группировок (ИГ), появлению на черном рынке огромного количества оружия, возникновению новых альянсов западных правительств с террористами. Усиление терроризма в регионе Сахеля (в Буркина-Фасо, Мавритании, Нигере, Чаде), в частности, было результатом падения режима Каддафи в Ливии при активном участии Франции.

В-четвертых, международный терроризм в регионе также подпитывается глобальными геополитическими конфликтами. В регионе активно действуют такие террористические организации (запрещенные в РФ): «Исламское государство» (ИГ), «Исламское государство Западной Африки», «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин» (ДНИМ), «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин» (ХШМ), «Боко Харам».

Великобритания и Франция активно использовали террористические группировки для сохранения своего контроля в Африке. На современном этапе, когда террористы явно не справляются с такими задачами, вместо них в качестве прокси западные державы стали охотно использовать украинских наемников. Теперь украинская сторона поддерживает радикальные группировки⁶.

Текущее противостояние между Россией и Украиной проявляется и в Сахеле. В последнее время заметным внешним союзником террористов в Сахеле стала Украина, обучая боевиков и поставляя им вооружение.

⁵ Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ Сечкин Д. Воинский континент: украинские боевики развели бурную деятельность в Африке. Зачем Киеву страны Сахеля и как Россия противодействует активности противника в этом регионе (27 октября 2025 г.). URL: <https://iz.ru/1978349/daniil-sechkin/ukrainskie-boeviki-razveli-burnuyu-deyatelnost-na-kontinente> (дата обращения: 28.10.2025).

По заявлению начальника Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимова, террористические организации, поддерживаемые Украиной, являются угрозой для безопасности региона Сахель в Африке. Он имел в виду, что Украина участвует в подготовке террористов к использованию БПЛА, тренировке в ведении подрывной деятельности против мирного населения⁷. Об этом также заявляла официальный представитель МИД РФ Мария Захарова. Она сообщила о том, что представители ливийского Правительства национального единства при посредничестве Великобритании организовали сотрудничество с «украинскими боевиками» для поставок ударных БПЛА тренировок террористов Сахеля⁸.

После уничтожения ливийской государственности в 2012 г., демонтажа созданной М. Каддафи системы региональной безопасности и возникновения вакуума власти в регион Сахеля вторглись исламистские террористы. У них были как собственные интересы, так и роль прокси для обеспечения интересов внешних государств, участвовавших в конкуренции за влияние в регионе. Резко обострились отношения и между местными акторами (племенами, скотоводами и оседлыми земледельцами). Франция уже не могла сохранить свое влияние в своих бывших колониях, и ей пришлось вывести из Сахеля весь свой военный контингент. Обеспечивавшееся западными державами «либеральное миротворчество» потерпело неудачу. Возникла потребность в предложении иных, незападных концепций обеспечения региональной безопасности. В 2023 г. возникает Альянс государств Сахеля (Мали, Нигера и Буркина-Фасо), который должен послужить инструментом разрыва связей с западными государствами, перестройки внешнеэкономических и политических отношений, а затем и пересмотра отношений с Западом для обеспечения региональной безопасности, защиты государственного суверенитета и создания отношений с незападным миром (страны БРИКС) [Дегтерев 2025: 4–7].

Создание собственного интеграционного проекта государств Сахеля является давно назревшим шагом, вызванным ростом национального самосознания в этом регионе и стремлением избавиться от неокOLONиальной зависимости. Л. Исаев отмечает в этой связи возникновение новых возможностей для присутствия России в Африке [Исаев 2025: 76–77].

Достаточно оптимистическую точку зрения относительно перспектив борьбы народов Сахеля против неокOLONиализма высказывают Т. Денисова и С. Костелянец, анализируя столь важную для стран, создавших Ассоциацию

⁷ Герасимов назвал поддерживаемых Украиной террористов угрозой для Сахеля (18.12.2024). URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6762aace9a794746c6319bf0> (дата обращения: 18.10.2025).

⁸ МИД России уличил Киев в сотрудничестве с террористами. Захарова заявила о новых доказательствах поддержки Украиной террористов в Сахеле (8.10.2025). URL: <https://news.ru/vlast/mid-rossii-ulichil-kiev-v-sotrudnichestve-s-terroristami> (дата обращения: 18.10.2025). См. также: Сечкин Д. (27 октября 2025 г.) Воинский континент: украинские боевики развели бурную деятельность в Африке. Зачем Киеву страны Сахеля и как Россия противодействует активности противника в этом регионе. <https://iz.ru/1978349/daniil-sechkin/ukrainskie-boeviki-razveli-burnuyu-deyatelnost-na-kontinente> (дата обращения: 29.10.2025).

государств Сахеля, задачу преодоления неокOLONиальной зависимости: «„Тройка“ ведет борьбу не только за выживание перед лицом исламистской угрозы, но и за смену торгово-экономической модели, предполагающей жесткую эксплуатацию развитыми державами слаборазвитых стран. В любом случае процесс поляризации в Африке между прозападными государствами и объединениями, с одной стороны, и странами, пытающимися избавиться от неокOLONиальной зависимости, с другой, уже начался и, судя по всему, обрел необратимый характер»⁹.

Как мы видим, российские ученые большое внимание уделяют проблемам Африки, истории и современному политическому развитию этого континента, влиянию глобализации, процессу деколонизации и роли России в Африке. Этим вопросам также посвящены статьи данного выпуска нашего журнала.

О статьях в этом номере журнала

Первый раздел «Макрорегиональные проблемы» открывается статьей *Д.А. Дегтерева и А.В. Федорова* о проблематике репарационного правосудия за трансатлантическую работорговлю и преступления колониализма в повестке Афросоюза. В статье *С. Камара и Т.А. Подшибякиной* рассматривается эволюция постколониальной политики Франции в Африке в связи с глобальными геополитическими изменениями, вызвавшими усиление значимости «Глобального Юга» в мире. Вопрос о возможности применения концепции социального государства к африканским странам рассматривает *У.И. Сересова*, предпринимая для этого концептуализацию и классификацию развивающихся социальных государств Африки. *Дабо Салиу* на примере стран Западной Африки рассматривает влияние колониального наследия на современную политику в Африке, показывая, что без деколонизации сознания это наследие будет по-прежнему влиять на внутреннюю и внешнюю политику. В статье *Г.М. Сидоровой* осуществляется анализ эволюции внешнеполитических ориентиров государств Африки южнее Сахары и отмечается взросление политических элит африканских государств, их прагматизм и отмежевание от бывших метрополий, которые, в свою очередь, стремятся удерживать их в орбите своего влияния. *А.Р. Шишкина и О.Ф. Ибуово* показывают влияние пандемии COVID-19 на гуманитарную ситуацию с продовольственной безопасностью в Западной Африке и дают рекомендации провести дополнительную работу по интеграции использования технологий для улучшения продовольственной безопасности как в Нигерии, так и в Буркина-Фасо, а также других странах Западной Африки. В статье *М.В. Лапенко и Я.А. Муче* показаны глобальные последствия политического насилия на Африканском Роге, включающие терроризм, пиратство, нелегальную торговлю оружием, миграционные потоки и гуманитарные кризисы.

⁹ Денисова Т., Костелянец С. Конфедерация государств Сахеля и дезинтеграция ЭКОВАС (09.09.2024) URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konfederatsiya-gosudarstv-sakhelya-i-dezintegratsiya-ekovas/?sphrase_id=249250266 (дата обращения: 18.10.2025).

Раздел «Страновой анализ» начинается статьей *Н.А. Медушевского* о том, как традиционная власть вождей в системе политического управления Ганы вписывается в современные отношения. Тему продолжает статья *А.В. Коротаева* и его коллег о природных ресурсах и факторах риска устойчивого развития Демократической Республики Конго, в частности, показывается зависимость страны от внешних воздействий экологических проблем. Соотношению формальных и неформальных режимов управления в Демократической Республике Конго посвящена статья авторов *М.Р. Авдалян* и ее коллег. Они анализируют противоречивое положение этой страны, обладающей значительными природными ресурсами, но страдающей от бедности и нестабильности. О специфическом статусе филиала организации «Братья-мусульмане»¹⁰ в ЮАР пишет в своей статье *Е.Е. Самойлова*, раскрывая историю присутствия этой организации в Южной Африке и анализируя связи южноафриканского филиала с различными социальными и политическими структурами в стране. Особенности современной партийной системы в Тунисе после событий «арабской весны» рассматривает *А.Н. Бурова*, приходя к выводу о том, что факторы преемственности прежнего режима по-прежнему сохраняют свое влияние. Во взаимосвязи глобальных тенденций и локальных трендов изучает электоральную ситуацию в 2020-е гг. в Мозамбике *А.И. Купалов-Ярополк*, применяя комплексные математические методы расчета пространственного распределения голосов избирателей по административно-территориальным единицам. На примере политических кризисов в Буркина-Фасо в 2022 г. *А.А. Абрамова* исследует феномен военных переворотов в Западной Африке, выделяя в качестве основных причин политической нестабильности внутренние социально-экономические проблемы, угрозы терроризма со стороны группировок, а также влияние кризиса в соседних странах — Мали и Гвинее. *Рим М. Эльбаси* на примере Движения свободных офицеров в Египте показывает, почему профессиональная военная подготовка лидеров ближневосточных освободительных движений помогла им возглавить процессы деколонизации.

В заключительном разделе «Россия и Африка» *В.И. Булга* уделяет внимание форматам и перспективам сетевой дипломатии России в Африке, приходя к выводу о том, что форматы сетевой дипломатии как глобального, так и регионального уровней могут выступать только в качестве вспомогательных треков, не подменяя традиционные каналы дипломатии. *Мика Й. Зинг* и *Л.М. Исаев* заинтересовались тем, как изменяется нарративная репрезентация России как глобального игрока среди западноафриканской молодежи. Авторы приходят к выводу о том, что западные СМИ, как правило, формируют восприятие молодежью России как негативного глобального игрока, особенно в отношении нарративов о кризисе на Украине. О динамике и проблемах развития взаимоотношений России и Африки пишет в своей статье *К. Дуату*.

Поступила в редакцию / Received: 15.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.08.2025

¹⁰ Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

Библиографический список

- Дегтерев Д.А. Предисловие. Альянс государств Сахеля (АГС): общий путь к суверенному развитию // Альянс государств Сахеля: военно-политические возможности нового регионального блока: доклад № 105/2025 / [Д.А. Дегтерев, Л.М. Исаев, Н.Р. Красовская, А.Г. Мардасов, И.А. Субботин]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2025. С. 4–7).
- Исаев Л. Заключение // Альянс государств Сахеля: военно-политические возможности нового регионального блока: доклад № 105/2025 / [Д.А. Дегтерев, Л.М. Исаев, Н.Р. Красовская, А.Г. Мардасов, И.А. Субботин]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2025. С. 76–77.
- Медушевский Н.А. Африка перед вызовом глобализации // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 107–118. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.20.012>
- Todd Э. Поражение Запада / пер. с франц. Н. Жиро. Москва : Изд. АСТ, 2024.

References

- Degterev, D.A. (2025). Preface. The Sahel States Alliance (SSA): A common path to sovereign development. In D.A. Degterev, L.M. Isaev, N.R. Krasovskaya, A.G. Mardasov, I.A. Subbotin, *The Sahel States Alliance: Military and Political Possibilities of a New Regional Bloc: Report No. 105/2025* (pp. 4–7). Russian Council on International Affairs (RCIA). Moscow: NP RCIA. (In Russian).
- Issaev, L.M. Conclusion. In D.A. Degterev, L.M. Isaev, N.R. Krasovskaya, A.G. Mardasov, I.A. Subbotin *The Sahel States Alliance: Military and Political Possibilities of a New Regional Bloc: Report No. 105/2025* (pp. 76–77). Russian Council on International Affairs (RCIA). Moscow: NP RCIA. (In Russian).
- Medushevsky, N.A. (2020). Africa facing the challenge of globalization. *Theories and problems of political research*, 9(5A), 107–118. <http://doi.org/34670/AR.2020.47.20.012> (In Russian).
- Todd, E. (2002). *La défaite de l'Occident*. Paris: Gallimard (In Russian).

Сведения об авторе:

Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665)

About the author:

Yuriy M. Pochta — Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665)

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ POSTCOLONIAL DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-713-733

EDN: FPAPYG

Научная статья / Research article

Репарации за трансатлантическую работорговлю и преступления колониализма: актуальная повестка ООН и Афросоюза

Д.А. Дегтерев , А.В. Федоров

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 ddegterev@inafr.ru

Аннотация. В последние годы все большую популярность как в академическом, так и политическом дискурсе набирает повестка выплаты репараций Африке со стороны западных стран за преступления трансатлантической работорговли и колониализма. Проведен анализ современного дискурса как в политико-правовом, так и в экономическом разрезе, а также очерчена представленность данной проблематики в российской и советской научной литературе. Особое внимание уделено становлению политического дискурса, в том числе в контексте работы Группы видных деятелей, созданной в 1992 г. в Западной Африке для привлечения внимания к данной теме, и ряду конференций, проведенных по частной инициативе в 1990-е гг. Показан выход проблематики репарационного правосудия на уровень ООН и Афросоюза, практические шаги, предпринимаемые в этой связи и их последствия. Рассмотрены политико-правовые аспекты выплаты репараций Африке в западном дискурсе, в том числе неоднократно поднимаемая западными экспертами проблема ретроактивности правовых норм и ее политическая деконструкция. Также изучена стратегия западных стран, связанная с реагированием на проблематику репарационного правосудия. Спонсируемые западными фондами структуры достаточно плотно интегрированы в репарационную повестку Афросоюза. В этом контексте практическая имплементация решений ООН и Афросоюза в данной сфере во многом будет зависеть от проявленного уровня африканской агентности. При благоприятном исходе полученные репарации могут стать важным источником финансирования суверенного развития Африканского континента.

© Дегтерев Д.А., Федоров А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Африка, ООН, Афросоюз, работорговля, колониализм, репарации, репарационное правосудие, Афросоюз, Дурбанский процесс

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дегтерев Д.А., Федоров А.В. Репарации за трансатлантическую работорговлю и преступления колониализма: актуальная повестка ООН и Афросоюза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 713–733. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-713-733>

Reparations for the Transatlantic Slave Trade and the Crimes of Colonialism: The Current Agenda of the UN and the African Union

Denis A. Degterev , **Andrey V. Fedorov**

Institute for African Studies, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

 ddegterev@inafr.ru

Abstract. In recent years, the agenda of reparations to Africa by Western countries for the crimes of the transatlantic slave trade and colonialism has been gaining increasing popularity in both academic and political discourse. The study analyzes contemporary discourse in both political, legal and economic terms, as well as the representation of this issue in Russian and Soviet academic literature. Particular attention is paid to the formation of political discourse, including in the context of the work of the Group of Eminent Persons established in 1992 in West Africa in order to draw attention to this topic and a number of conferences held on private initiative in the 1990s. The researchers show how the issue of reparations justice has reached the level of the UN and the African Union, practical steps taken in this regard and their consequences. The article examines the political and legal aspects of paying reparations to Africa in Western discourse, including the problem of retroactivity of legal norms, repeatedly raised by Western experts, and its political deconstruction. Particular attention is paid to the strategy of Western countries related to responding to the problem of reparative justice. The structures sponsored by Western funds are quite closely integrated into the reparative agenda of the African Union. In this context, the practical implementation of the UN and African Union decisions in this area will largely depend on the level of demonstrated African agency. If the outcome is favorable, the reparations received can be an important source of financing for the sovereign development of the African continent.

Keywords: Africa, UN, African Union, slave trade, colonialism, reparations, reparation justice, African Union, Durban Process

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Degterev, D.A., & Fedorov, A.V. (2025). Reparations for the transatlantic slave trade and the crimes of colonialism: The current agenda of the UN and the African Union. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 713–733. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-713-733>

Введение

Возмещение ущерба, нанесенного трансатлантической работорговлей и колониализмом народам и странам Африки, является одним из наиболее обсуждаемых вопросов восстановления исторической справедливости, настоящего и будущего социально-экономического развития черного континента. Поднимаемые вопросы о преступлениях работорговли и колониализма, совершенных европейцами [Абрамова 2023], позволяют преодолеть методологический национализм [Pradella 2014], представление о том, будто развитые страны успешны *сами по себе*, т.е. их развитие носит сугубо эндогенный характер, в то время как страны «Глобального Юга» отстают в социально-экономическом развитии также *сами по себе*. Объективный анализ колониальной и неоколониальной эксплуатации стран «Глобального Юга» позволяет восстановить единый макроисторический процесс, напрямую увязать успешное развитие стран Центра с отставанием ныне периферийных зон.

В настоящее время репарационная проблематика постепенно переходит из академической в политико-правовую плоскость и становится на повестку дня Организации Объединенных наций (ООН) и Африканского союза (АС). На национальном уровне ряд африканских стран ведут предметные обсуждения о возмещении ущерба с отдельными европейскими странами. Так, правительство Намибии обсуждает с ФРГ компенсации за кровавое подавление восстаний наму и гереро в 1904–1907 гг. общим объемом более 1 млрд евро¹. В связи с повышением актуальности данной повестки в ближайшие годы ожидается целый ряд публикаций и на русском языке, одной из первых призвана стать данная статья.

В первом разделе статьи проблема репараций будет представлена в современном академическом и политическом дискурсе; далее будет проведен анализ данных вопросов в деятельности ООН и Афросоюза. Впоследствии будут рассмотрены основные пункты репарационной повестки и сложности ее практической реализации, а также стратегия реагирования западных стран на данный вызов.

Репарации: политико-правовой и экономический дискурс

События, связанные с работорговлей, имеют критическое значение в формировании мировоззрения африканцев и лиц африканского происхождения. Данный период в их сознании прочно ассоциируется с «африканским холокостом» и концептуализируется как *Maafa* («катастрофа» с суахили)² или *Maangamizi* («геноцид» с суахили)³.

¹ Hood L. Germany's genocide in Namibia: deal between the two governments falls short of delivering justice // The Conversation. 07.01.2025. URL: <https://theconversation.com/germanys-genocide-in-namibia-deal-between-the-two-governments-falls-short-of-delivering-justice-246719> (accessed: 11.08.2025).

² Автор термина — афроамериканка Маримба Ани (Дона Ричардс). Подробнее см. [Ani 1988].

³ Автор термина — афроамериканец, один из идеологов афроцентризма Маулана Каренга (Рональд Эверетт).

Идейным предтечей репарационной проблематики является У. Родни, гайанский историк и революционер, работавший в Танзании, автор монографии «*How Europe Underdeveloped Africa*» (1972 г.) [Rodney 1972], переведенной на русский язык [Родни 2022]. Сравнивая степени развития различных континентов, он говорил о феномене «недоразвития» и отсталости Африки, фундаментальной причиной которого стали преступления колонизаторов и сложившиеся вследствие этого особые взаимоотношения эксплуатации. Характеризуя работорговлю, он отмечал: «...важно осознавать, что оценивается результат *социального насилия*, а не торговли в каком-либо привычном смысле этого слова» [Родни 2022: 50].

С началом XXI в. существенно возросло количество научных публикаций по проблематике репараций африканцам, в том числе в правовом ключе. Так одним из первых системных исследований по западным репарациям Африке является монография канадского ученого, специалиста в области прав человека доктора философии Роды Ховард-Хассман «Репарации для Африки», изданная в 2008 г. [Howard-Hassmann 2008]. Исследование основано, в частности на опросе нескольких десятков ведущих африканских и мировых экспертов по проблематике репараций.

Юридические аспекты и особенности репарационного правосудия представлены и в монографии Катарини Шварц, доцента Университета Ноттингем (Великобритания) [Schwarz 2022]. В ней показано, каким образом изменения в международном праве оправдывали африканский народ и лиц африканского происхождения, а также представлена новая теория репарационного правосудия и формирующаяся практика возмещения ущерба в рамках правосудия переходного периода, призванного устранять исторические несправедливости. Пересматриваются «конвенциональные подходы» к репарациям в рамках международного права, в том числе обосновываются не только международно-правовые требования возмещения ущерба за рабство, но и морально-политические.

Под редакцией Ф. Бреннана (Школа права Университета Эссекса) и Дж. Паркера (директор Центра по правам человека Университета Эссекса) в 2012 г. вышла монография, посвященная политико-правовым аспектам репараций за трансатлантическое рабство [Brennan, Packer 2012].

Касаясь экономического аспекта проблемы, следует выделить работы нигерийца Дж. Иникори, профессора Университета Рочестера, который издал целую серию работ, посвященных влиянию трансатлантической торговли рабами на промышленное развитие Великобритании, стран Африки и Америки⁴. Он наглядно показывает, как использование труда африканских рабов позволило создать крупномасштабные плантационные хозяйства, что привело к серьезным структурным трансформациям и промышленной революции в Британии. Впоследствии, используя новые промышленные

⁴ Inikori J. Department of History. University of Rochester. URL: https://www.sas.rochester.edu/his/people/retired-faculty/inikori_joseph/index.html (accessed: 11.08.2025).

технологии, западные страны смогли распространить свой порядок на остальные страны Глобального Юга, сформировав иерархическую капиталистическую систему, которая, претерпев ряд изменений (в том числе формирование и распад социалистической системы), существует и по сей день [Inisogi 2020]. Бурундийский профессор Леонс Ндикумана, директор Исследовательского института политэкономии Массачусетского университета в Амхерсте (США) прорабатывает проблематику утечки капитала из стран Африки [Ndikumana, Boyse 2008].

Из российских исследователей необходимо отметить Л.Л. Фитуни (1953–2023 гг.), опубликовавшего в соавторстве с С.Ю. Глазьевым и К.В. Малофеевым научный доклад «Заговор против Африки. Разбивая цепи колониализма» (2019 г.), а также коллективную монографию по негативной роли санкции в развитии континента [Фитуни 2021]. При том, что в современной западной науке весьма распространен критический дискурс и достаточно критические оценки деятельности колонизаторов, в отечественной науке в постсоветский период подавляющее большинство исследователей старались этого избегать, хотя и был опубликован ряд работ по репарационной проблематике в целом [Катасонов 2015]. Вопрос репараций за трансатлантическую работорговлю затрагивался куда реже [Идахоса и др. 2017; Элез 2024].

Ведущим российским (и советским) исследователем трансатлантической работорговли являлась С.Ю. Абрамова (1929–2013 гг.), работавшая в том числе в архивах Ливерпуля, Антиневольничьего британского общества, Государственном архиве Великобритании [Ксенофонтова 2025: 112]. Фактически изучение трансатлантической работорговли было делом всей ее жизни, а ее флагманская монография по данной теме несколько раз переиздавалась на русском языке [Абрамова 1978; Абрамова 1992: 4–5]. Более того, исследование С.Ю. Абрамовой также было издано и на французском языке [Abramova 1988].

Примечательно, что в советский период на русский язык была переведена ставшая классической работа бывшего премьер-министра Тринидад и Тобаго (1956–1981 гг.) Эрика Вильямса (1911–1981 гг.) «Капитализм и рабство», где на микроуровне представлена взаимосвязь между крупнейшими британскими работорговцами (буквально пофамильно) и процессом индустриализации Англии [Вильямс 1950].

Важным импульсом для продвижения вопроса выплаты репараций Африке в политическом дискурсе стала инициатива по созданию в 1992 г. Группы видных деятелей (ГВД) в составе 12 человек⁵. Инициатива исходила

⁵ Мошуд Абиола (Нигерия, бизнесмен, политик; председатель группы), Аде Аджайи (Нигерия, историк), профессор Самир Амин (Египет/Сенегал), Р. Деллумс (США, конгрессмен), Жозеф Ки-Зербо (Буркина-Фасо, историк), Грача Машел (бывш. 1-я леди Мозамбика, потом — жена Нельсона Манделы), Мириам Макеба (ЮАР, певица), проф. Али Мазруи (Кения/США), проф. М. М'Боу (бывш. Генеральный директор ЮНЕСКО), А. Перейра (Кабо-Верде, бывш. президент) Алекс Куэйсон-Саки (Гана, бывш. министр иностранных дел в правительстве Кваме Нкрумы), Дадли Томпсон (Ямайка, юрист и дипломат)

от Мошуда Абиолы, политического деятеля и бизнесмена⁶. В 1993 г. была созвана 1-я Абуджийская панафриканская конференция по репарациям за африканское рабство, колонизацию и неоколонизацию (инициаторы — Организация африканского единства (ОАЕ), в том числе Комиссия ОАЕ по репарациям; ГВД), которая приняла Абуджийскую декларацию. До начала 2000-х гг. отдельные члены ГВД продолжали выступать с лекциями и готовить публикации, привлекая внимание к данной проблематике.

Еще одна инициатива была реализована в 1999 г., когда прошла 1-я Африканская всемирная Конференция Комиссии по установлению истины в вопросах репараций и репатриации (Гана)⁷, на которой была принята Аккрская декларация о репарациях и репатриации. Инициативы 1992 и 1999 гг. носили во многом стихийный характер, хотя в них и принимали участие отдельные официальные представители стран, а также Организации африканского единства (ОАЕ).

Репарационная повестка на площадке ООН

Важную роль в привлечении внимания к проблематике работорговли сыграла и Всемирная конференция по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и связанной с ними нетерпимостью (в Дурбане, ЮАР в 2001 г., координатор — Управление Верховного комиссара ООН по правам человека), где был принят Итоговый документ Конференции, который включает Декларацию и Программу действий. Принятые документы содержали достаточно обстоятельный перечень практических действий, ориентированных в том числе на борьбу с расовой дискриминацией в прошлом⁸.

Так, в Декларации напрямую отмечается (ст. 13), что «рабство и работорговля, включая трансатлантическую торговлю рабами, представляли собой вопиющие трагедии в истории человечества не только в силу их отвратительного варварства, но и с точки зрения масштабов и характера их организации, и особенно отрицания самой сущности жертв, и, кроме этого... рабство и работорговля являются преступлением против человечности и всегда должны были рассматриваться как таковые, в особенности трансатлантическая торговля рабами...». Также говорится (ст. 14), что «колониализм привел к расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и что жители Африки и лица африканского происхождения, а также лица азиатского происхождения и коренные народы были жертвами колониализма

⁶ Выиграл президентские выборы в Нигерии в 1993 г., но не вступил в должность, умер в 1998 г. в нигерийской тюрьме.

⁷ Участники — из 9 африканских стран, из Великобритании, США и трех Карибских государств по инициативе Хамета Маулану и Деброй Коффи. Объявили о международной группе юристов из Африки и диаспоры.

⁸ Всемирная конференция по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. 31 августа — 7 сентября 2001 г., Дурбан. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/racism/durban2001> (дата обращения: 11.08.2025).

и продолжают быть жертвами его последствий... Последствия и сохранение этих структур и практики были в числе факторов, способствующих продолжению социально-экономического неравенства во многих частях сегодняшнего мира». В ст. 100 и 101 Декларации напрямую речь идет о том, что «некоторые государства взяли на себя инициативу принести извинения и, в соответствующих случаях, выплатили возмещение за совершенные грубые и массовые нарушения», и содержится призыв к «...тем, кто еще не внес вклада в восстановление достоинства жертв, изыскать соответствующие пути для этого...»⁹.

В ст. 119 Дурбанской Программы действий содержится призыв к государствам и международным организациям подкреплять усилия ООН «путем создания мультимедийных центров и/или программ документальных материалов и свидетельств, касающихся рабства, которые будут заниматься сбором, регистрацией, организацией, экспонированием и публикацией существующих данных об истории рабства и трансатлантической и средиземноморской работорговли, а также работорговли в регионе Индийского океана, уделяя особое внимание воззрениям и действиям жертв рабства и работорговли в их стремлении к свободе и справедливости»¹⁰.

25 марта 2006 г. ООН провозгласила «Международным днем памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли», с тех пор 25 марта отмечается ежегодно, а в ООН была создана Информационно-пропагандистская программа по трансатлантической работорговле и рабству, призванная повышать осведомленность о данных преступлениях посредством организации круглых столов, выставок, кинопоказов, публикации информационных материалов. При этом каждый год День памяти имеет свою тему¹¹. В рамках ЮНЕСКО с 1998 г. 23 августа ежегодно отмечается как «Международный день памяти жертв работорговли и ее ликвидации» в память о восстании, которое произошло 22–23 августа 1791 г. в Сан-Доминго (ныне — Республика Гаити)¹². Наконец, с 1986 г. 2 декабря ежегодно отмечается как «Международный день борьбы за отмену рабства», поскольку именно в этот день в 1949 г. ГА ООН была принята Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами¹³.

⁹ Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, Дурбан, Южная Африка, 31 августа — 7 сентября 2001 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/2002decl.shtml (дата обращения: 11.08.2025).

¹⁰ Программа действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, Дурбан, Южная Африка, 31 августа — 7 сентября 2001 г. ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/program.shtml (дата обращения: 11.08.2025).

¹¹ Информационно-пропагандистская программа по трансатлантической работорговле и рабству. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/rememberslavery> (дата обращения: 11.08.2025).

¹² Международный день памяти о работорговле и ее ликвидации. ЮНЕСКО. URL: <https://www.unesco.org/ru/days/slave-trade-remembrance> (дата обращения: 11.08.2025).

¹³ Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/317\(IV\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/317(IV)) (дата обращения: 11.08.2025).

Дурбанский процесс привлек внимание к трагедиям, пережитым африканцами в прошлом, и десять лет спустя, 2011 г. был объявлен «Международным годом лиц африканского происхождения». Спустя еще два года, в декабре 2013 г. ООН провозгласила «Международное десятилетие лиц африканского происхождения» (2015–2024 гг.), отмечая, что «лица африканского происхождения представляют собой обособленную группу, чьи права человека необходимо поощрять и защищать»¹⁴. В декабре 2024 г. было объявлено о втором «Международном десятилетии лиц африканского происхождения» (2025–2035 гг.), в рамках которого предполагается «предпринять конкретные действия по борьбе с наследием рабства и колониализма, обеспечить репаративное правосудие и гарантировать полные права человека и свободы лиц африканского происхождения во всем мире»¹⁵.

В рамках первого «Международного десятилетия лиц африканского происхождения», в контексте реализации Дурбанской повестки в 2021 г., был создан Постоянный форум людей африканского происхождения, в координации с Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека¹⁶. Форум призван устранять несправедливости для лиц африканского происхождения, связанные с рабством, работорговлей и колониализмом. В состав Постоянного форума входит 10 человек, 5 из которых назначают правительства стран на основе принципа справедливого географического распределения (избирает ГА ООН), а еще 5 — Председатель Совета по правам человека ООН.

14–17 апреля 2025 г. в штаб-квартире ООН прошла 4-я сессия Постоянного форума, предыдущие три сессии проходили в 2022–2024 гг.¹⁷ Открывая 4-ю сессию, Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш заявил, что международное сообщество должно стремиться к «рамкам репарационного правосудия, основанным на международном праве в области прав человека, разработанным при инклюзивном и значимом участии пострадавших сообществ». Афросоюз представляла А.Н.А. Одай, и.о. начальника отдела диаспор Управления по делам граждан и организаций диаспоры (CIDO), которая сообщила о готовности Афросоюза реализовать коллективный подход к репарационному правосудию¹⁸.

¹⁴ Международное десятилетие лиц африканского происхождения 2015–2024 // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/observances/decade-people-african-descent> (дата обращения: 11.08.2025).

¹⁵ The Second International Decade for People of African Descent renews the call for recognition, justice, and development // UN OHCHR. 19.12.2024. URL: <https://www.ohchr.org/en/stories/2024/12/second-international-decade-people-african-descent-renews-call-recognition-justice> (accessed: 11.08.2025).

¹⁶ Учреждение Постоянного форума лиц африканского происхождения. Резолюция ГА ООН 75/314 от 02.08.2021. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/75/314> (дата обращения: 11.08.2025).

¹⁷ Постоянный форум по проблеме лиц африканского происхождения // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/observances/decade-people-african-descent/permanent-forum> (дата обращения: 11.08.2025).

¹⁸ UN forum tackles slavery reparations for Africa, people of African descent // UN. 15.04.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/04/1162276> (accessed: 11.08.2025).

Повестка Афросоюза

С 2020-х гг. проблема выплаты репараций странам Африки существенно активизировалась и постепенно стала выходить на уровень Афросоюза. Так, в 2022 г. Африканская комиссия по правам человека и народов приняла резолюцию (ACHPR/Res.543 (LXXIII) 2022) по привлечению к ответственности и предоставлению средств правовой защиты за исторические массовые преступления. На 36-й очередной Ассамблее Афросоюза (18–19.02.2023, Аддис-Абеба) было одобрено предложение президента Республики Гана Нана Акуфо-Аддо о проведении в 2023 г. Международной конференции на тему «Создание единого фронта для продвижения дела справедливости и выплаты репараций африканцам».

В 2023 г. Афросоюз объявил 2025 г. Годом справедливости для африканцев и лиц африканского происхождения посредством репараций. Практическими шагами стало решение о создании Африканского фонда репараций (АФР) и международной экспертной группы по разработке инструментов и механизмов возмещения ущерба от работорговли, колониализма, апартеида и геноцида в контексте Общей африканской позиции по репарациям. Предполагается включить в нее Африканскую программу действий по репарациям¹⁹, активизацию диалога на площадке ГА ООН, в том числе в рамках Постоянного форума ООН по проблеме лиц африканского происхождения. Планируется также проведение летней школы по репарациям, ключевым академическим партнером которой будет Университет Ганы. По линии Афросоюза основная работа идет в рамках Экономического, социального и культурного совета Афросоюза, а также Управления по делам граждан и организаций диаспоры (CIDO) Комиссии Афросоюза. Таким образом, фактически создана политическая, правовая и экономическая платформа для продвижения данной проблематики на официальном уровне.

Достижение этих целей предусматривает и формирование Африканско-Карибского совместного механизма по репарационному правосудию в контексте тесного сотрудничества с Комиссией по репарациям Карибского Сообщества (КАРИКОМ)²⁰, которая функционирует с 2013 г. и существенно продвинулась в плане методологии и оценки ущерба, нанесенного работорговлей странам Карибского бассейна. Это обусловлено ее тесными связями с американской научной «репарационной школой», которая является одной из наиболее развитых в мире и ведет свою историю со времен Гражданской войны Севера с Югом (1860 г.), ее представителями являются многие мотивированные афроамериканские исследователи. Помимо академической среды в США также имеется большое количество общественных и политических движений в защиту прав чернокожего населения [Карандеев, Ачкасов 2023; Вишневский, Прокопенко 2010]. Первый в истории США законопроект о государственных репарациях за рабство²¹ был представлен в 1866 г. Т. Стивенсом, лидером Республиканской

¹⁹ African Union Theme of the Year 2025. URL: <https://au.int/en/theme/2025> (accessed: 11.08.2025).

²⁰ Сайт Комиссии по репарациям КАРИКОМ. URL: <https://caricomreparations.org/> (дата обращения: 11.08.2025).

²¹ Т. Стивенс предлагал выделить за бюджетный счет США 40 акров земли и одного мulla каждому освобожденному рабу

партии и депутатом Палаты представителей от Пенсильвании. Законопроект не прошел; семнадцатый Президент США (1865–1869 гг.) Э. Джонсон наложил на него вето.

10–11 июля 2025 г. в г. Малабо (Экваториальная Гвинея) прошла 47-я очередная сессия Исполнительного совета государств — членов АС на тему «Справедливость для африканцев и лиц африканского происхождения посредством возмещения ущерба»²². Первоначальные ожидания экспертного сообщества скорой имплементации ранее объявленных институциональных механизмов реализации репарационной повестки оказались несколько завышенными. Данная тема прошла на заседании сессии скорее фоном и не была основной в выступлении африканских лидеров. Во многом это связано не только с зависимостью Афросоюза от текущего финансирования его деятельности, о котором будет сказано далее, но и в связи с отсутствием явного panaфриканского лидера, который взял бы на себя ответственность за продвижение повестки репарационного правосудия.

Основные пункты репарационной повестки

Под репарациями, как правило, понимаются не только финансовые выплаты (компенсации) потомкам жертв преступлений работорговли и колониализма. Так, в табл. представлены 10 пунктов репарационной повестки, одобренной Карибским сообществом (КАРИКОМ), а также пункты, сформулированные Национальной комиссией по репарациям афроамериканцев, проживающих в США. Как на Карибских островах, так и в США проживают многочисленные потомки африканцев, вывезенные туда в ходе трансатлантической работорговли.

10 пунктов репарационной повестки

Карибское сообщество (КАРИКОМ)	Национальная комиссия по репарациям афроамериканцев
1. Полные официальные извинения	1. Официальное извинение и создание института Африканского Холокоста (<i>Maafa</i>)
2. Финансирование репатриации в Африку	2. Право на репатриацию и создание программы африканских знаний
3. Программа развития коренных народов	3. Право на землю для социально-экономического развития
4. Создание культурных учреждений и возвращение культурного наследия	4. Фонды для развития социально ответственного предпринимательства
5. Помощь в преодолении кризиса общественного здравоохранения	5. Здравоохранение и исцеление
6. Расширение доступа к образованию	6. Образование
7. Развитие обмена историческими и культурными знаниями с Африкой	7. Доступное жилье
8. Психологическая реабилитация в связи с перенесенной травмой	8. ИКТ для афроамериканцев
9. Реализация права на развитие посредством трансфера технологий	9. Сохранение памятников
10. Списание долгов и денежная компенсация	10. Устранение несправедливого ущерба, нанесенного системой правосудия

Источник: подготовлено Д.А. Дегтеревым, А.В. Федоровым на основе: CARICOM Ten Point Plan for Reparatory Justice // CARICOM. URL: <https://caricom.org/caricom-ten-point-plan-for-reparatory-justice/> (accessed: 11.08.2025); Reparations Plan. The National African American Reparations Commission. URL: <https://reparationscomm.org/reparations-plan/> (accessed: 11.08.2025).

²² 47th Ordinary Session of the Executive Council // African Union, 10–11.07.2025. URL: <https://au.int/en/newsevents/20250710/47th-ordinary-session-executive-council> (accessed: 11.08.2025).

Ten Points of the Reparations Agenda

Carribean Community (CARICOM)	National Commission on Reparations for African Americans
Full formal apologies	A formal apology and establishment of a African Holocaust (Maafa) Institute
Funding for repatriation to Africa	The right to repatriation and creation of an African knowledge program
Indigenous peoples' development programmes	The right to land for social and economic development
Establishment of cultural institutions and the restitution of cultural heritage	Funds for Cooperative Enterprises and Socially Responsible Entrepreneurial Development
Assistance in addressing public health crises	Health and wellness
Expansion of access to education	Education
Development of historical and cultural knowledge exchange with Africa	Affordable housing
Psychological rehabilitation in response to historical trauma	Information and communication technologies (ICT) for African Americans
Realisation of the right to development through technology transfer	Preserving sacred sites and monuments
Debt cancellation and financial compensation	Repairing for damages inflicted by the criminal justice system

Source: compiled by the D.A. Degterev., A.V. Fedorov on the basis of: CARICOM Ten Point Plan for Reparatory Justice // CARICOM. Retrieved August 11, 2025, from <https://caricom.org/caricom-ten-point-plan-for-reparatory-justice/>; Reparations Plan. The National African American Reparations Commission. Retrieved August 11, 2025, from <https://reparationscomm.org/reparations-plan/>

Как видно, данные пункты в целом достаточно схожи и предполагают в первую очередь признание бывших колонизаторов в преступлениях работорговли и колониализма и принесение официальных извинений. Важная роль отводится укреплению культурных традиций, восстановлению связей с Африкой, сохранению памятников и памятных мест для афроамериканцев. Большой блок связан с общим повышением уровня социально-экономического развития африканского сообщества посредством расширения доступа к образованию, к системе здравоохранения, к новым технологиям, особенно ИКТ. Отдельный пункт — это возможность репатриации на историческую родину, в Африку. Наконец, денежная компенсация.

Ряд африканцев выступают против коммерциализации данного вопроса, рассматривая его как попытку «продать» (и предать) память о страданиях предков [Wittmann 2019]. Речь идет о более комплексном возмещении ущерба, причем не исключительно «по доброй воле» потомков рабовладельцев (*ex gratia*), а исходя из солидной правовой базы, признанной международным сообществом (*ex jure*).

Согласно определению по одному из дел Постоянной палаты международного правосудия, «возмещение (репарации) должно, насколько это возможно, устранить все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы это деяние не было совершено»²³. Аналогичное положение содержится и в ст. 35 Резолюции «Ответственность государств за международные противоправные действия» 2001 г. Комиссии международного права: «Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано осуществить реституцию,

²³ Permanent Court of International Justice, The Factory at Chorzów (Germany v. Poland), Judgement of 13 September 1928, PCIJ Ser. A., No. 17, p. 40.

то есть восстановить положение, которое существовало до совершения противоправного деяния»²⁴.

Согласно стр. 31, речь идет о возмещении ущерба, как материального, так и морального, «нанесенного международно-противоправным деянием государства». Согласно ст. 34, «полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием, осуществляется в форме реституции, компенсации и сатисфакции». Под сатисфакцией предполагается (ст. 37) признание нарушения, выражение сожаления, официальное извинение. Ст. 38 определяет порядок начисления процентов, которые необходимы «для обеспечения полного возмещения. Ставка и метод расчета процентов определяются таким образом, чтобы достичь этого результата»²⁵.

Под реституцией понимается репатриация афроамериканцев, ныне проживающих в Западном полушарии, на их историческую родину (при их желании); а также о передаче африканским странам суверенитета над их природными ресурсами. Также ряд экспертов под «восстановлением положения, которое существовало до совершения противоправного деяния» понимают завершение процесса деколонизации [Wittmann 2016], в том числе предоставление независимости заморским департаментам Франции, включая Мартинику, Гваделупу, Гвиану, и другим зависимым территориям [Добронравин 2016].

Сложности практической реализации

Оценивая практические перспективы возмещения ущерба за преступления колониализма, значительная часть западных экспертов отмечает, что закон не имеет обратной силы и невозможно осудить за преступления, совершенные до принятия закона, их криминализирующие (*Nullum crimen sine lege*). Применительно к преступлениям колониализма и неоколониализма такой отправной точкой, как правило, является лишь декларация «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» 1960 г., провозгласившая необходимость положить конец колониализму.

В декларации особо отмечается, что «в подопечных и самоуправляющихся территориях, а также во всех других территориях, еще не достигших независимости, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи всей власти народам этих территорий в соответствии со свободно выраженными ими волей и желанием, без каких бы то ни было условий или оговорок и независимо от расы, религии или цвета кожи, с тем чтобы предоставить им возможность пользоваться полной независимостью и свободой»²⁶. Это создает формальные

²⁴ 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Шестого комитета (A/56/589 и Corr.1)]. 2001. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941379> (дата обращения: 11.08.2025).

²⁵ Там же.

²⁶ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 11.08.2025).

основания для преследования по преступлениям, *совершенным после 1960 г.* Что касается предыдущего периода, то речь идет скорее о международно-политической доктрине ответственности, нежели традиционной международно-правовой [Schwarz 2022].

Однако далеко не все западные эксперты разделяют данную точку зрения. Так, по мнению Норы Уиттманн, утверждение о том, что трансатлантическая работорговля была легальной (и не являлась преступлением) во времена ее проведения, не является корректным. Рабство и работорговля противоречили общим принципам международного права своего времени [Wittmann 2012]. Тем самым она деконструирует основное положение в защиту европейских работорговцев.

Н. Уиттманн призывает более подробно изучить национальное право как европейских стран того времени (XV–XVIII века), так и доколониальные африканские правовые обычаи (в том числе в Империи Сонгай, королевствах Замбези и др.) [Wittmann 2019]. Исходя из этого, на основе совокупности как африканских, так и европейских подходов, предлагается судить об общих принципах сложившейся на тот момент правовой системы. Точку зрения о том, что данная система как таковая, сложилась уже позже, при доминировании европейских подходов (в том числе за счет преимуществ, полученных от работорговли), она считает сугубо европоцентричной, приводя примеры соглашений, заключенных в доколониальный период в сфере международной торговли со странами Африки. В самом деле, в этот период на территории Африки существовал ряд средневековых государств, которые имели активные экономические отношения с остальным миром, поставляя золото, медь, хлопковые ткани, а взамен приобретая европейское сукно, оружие, книги и другие товары [Львова 2024].

В своей аргументации Н. Уиттманн апеллирует к праву Великобритании, законам Франции, исламской системе права, правовым обычаям аканов (этническая группа, проживающая на современной территории Ганы и Кот-д’Ивуара), царства Бамум (Камерун), Игболенда (Нигерия). Особое внимание она обращает на признание неприемлемости работорговли в действиях и переписке африканских правителей, в том числе правителя Конго Афонсу I (XVI век), королевы Зинга Мбанди Нгола (правительница государства Ндонго, XVII век), а также в действиях многочисленных африканцев, которые (по крайней мере в первые века работорговли) оказывали ожесточенное сопротивление европейским «охотникам» за африканскими рабами [Wittmann 2019].

Затрудняет возмещение ущерба также большая давность событий и отсутствие доказательных документов. Вопрос возмещения материального ущерба ныне живущим за нанесение ущерба их далеким предкам не регулируется ни страновым, ни международным правом, поскольку сроки исковой давности играют свою решающую роль.

Существуют определенные сложности и в определении ответчиков за преступления работорговли и колониализма, ведь значительная часть африканских традиционных элит, потомки которых на сегодня зачастую возглавляют

независимые страны Африки, непосредственно участвовала в работорговле [Ajavon 2005].

Как правило, колониальное ограбление стран Африканского континента осуществлялось в контексте «цивилизационной миссии» и при заключении соглашений, пусть и несправедливых, с местными правителями и племенами²⁷. В период работорговли путь к власти в Африке чаще всего лежал через сотрудничество с европейскими работорговцами, которые поставляли оружие африканцам [Wittmann 2016]. В постколониальный период концессионные соглашения на вывоз природных ресурсов, использование льготных торговых тарифов и принудительный труд подписывались главами уже формально независимых африканских государств.

Вместе с тем многие африканские и афроамериканские исследователи опровергают данную точку зрения. Так, идеолог афроцентризма М. Асанте отмечает в этой связи, что возлагать вину на африканцев за работорговлю, это все равно что возлагать вину за апартеид на чернокожих полицейских либо вину за холокост — на юденраты (еврейские советы), которые сотрудничали с немцами. По его мнению, речь идет именно о *европейской работорговле*, а не *африканской работорговле*²⁸.

Стратегия и тактика западных стран

Необходимость западных репараций для Африки в широком смысле этого термина признается мировым сообществом²⁹. В целом не отрицают свою вину в 400-летнем уничтожении африканского генофонда и разграблении природных ресурсов бывшие западные страны и политики — потомки колониалистов и работорговцев, международные правовые и финансовые институты. Так, в мае 2001 г. Сенат Франции единогласно принимает закон Тобира, признающий «рабство и работорговлю преступлением против человечности»³⁰. Однако если первоначально предполагалось создание комитета экспертов для изучения условий возмещения ущерба, причиненного в результате преступления; то впоследствии данный институт был заменен на комитет экспертов, призванный гарантировать «сохранение памяти [о рабстве] для будущих поколений»³¹.

²⁷ Archives Nationales d'Outre-Mer. Ministère des Colonies. Traités 1687–1911. 40 COL 1–987. Répertoire méthodique. 2016.

²⁸ Mitole E. The European Slave Trade Across the Atlantic. Modern Ghana. 25.09.2023. URL: <https://www.modernghana.com/news/1261283/the-european-slave-trade-across-the-atlantic.html> (accessed: 11.08.2025).

²⁹ Duarte Ch. Beyond compensation: Reparatory justice as a structural economic imperative for Africa // Africa Renewal, UN. 02.09.2025. URL: <https://africarenewal.un.org/en/magazine/beyond-compensation-reparatory-justice-structural-economic-imperative-africa> (accessed: 11.08.2025).

³⁰ Loi n° 2001–434 du 21 mai 2001 tendant à la reconnaissance de la traite et de l'esclavage en tant que crime contre l'humanité. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000405369> (accessed: 11.08.2025).

³¹ Ibid.

Таким образом, основные проблемы в сфере возмещения ущерба, нанесенного Африканскому континенту, лежат в плоскости распределительного правосудия, определения бенефициаров репараций и методологии расчета этого показателя. В практическом аспекте — в доказательстве причинно-следственной связи действий угнетателей и современного положения угнетенных. Ряд западных экспертов по репарациям выступают за скорейшую выплату ущерба, что позволит сократить пеню за просрочку. При этом отмечается, что оценить единовременно точную сумму выплат не получится, как и в случае с выплатами за холокост, в дальнейшем она может существенно возрасти.

В целом западные страны практически обладают дискурсивной монополией по репарационной тематике. Именно в ведущих западных университетах ведутся, пожалуй, наиболее серьезные исследования по оценке ущерба от преступлений колониализма и неоколониализма, основанные на статистических данных и на обширных архивных материалах³². Посредством «утечки мозгов» западным странам удалось переманить ключевых экспертов по данной проблематике из стран Африки. Так, нигериец Дж. Иникори, выходец из знаменитой исторической школы Ибаданского университета³³, до 1989 г. преподавал в Университете Ахмаду Белло в Нигерии, пока не переехал в Великобританию. В целом выходцы из Африки и афроамериканцы составляют значительную часть исследователей по репарациям в западных вузах. Еще одна группа — это равнодушные исследователи европейского происхождения, стоящие на позициях необходимости восстановления исторической справедливости — среди них уже упомянутые Рода Ховард-Хассман и Нора Виттманн. Отдельная группа экспертов — «вплетающие» вопрос выплаты репараций в общую глобалистскую правозащитную проблематику, фактически манипулирующие репарационным дискурсом.

Централизация требований по репарациям, переход от персональных и государственных компенсаций на уровень Африкосоюза в целом — это выход проблемы на качественно новый уровень. Западные страны, понимая, что процесс выплаты репараций неминуемо будет передан на уровень Африкосоюза, пытаются оказывать на него воздействие, используя традиционную слабость африканского регионализма — недостаток финансирования. Так, в 2021 г. под эгидой Комиссии Африкосоюза в г. Дакар (Сенегал) прошел Континентальный экспертный семинар по реституции культурных ценностей и наследия, одним из организаторов которого выступило отделение «Открытого общества» (Дж. Сорос) в Западной Африке (*OSIWA*). Данное отделение финансировало и поездку высокопоставленной делегации Африкосоюза в Республику Барбадос 24–28 июля 2023 г. для обмена опытом по возмещению репараций.

³² Основная часть архивов вывезена из бывших колоний и находится в Европе.

³³ Ибаданская историческая школа была наиболее известна в 1980-е гг. Впоследствии, после программ структурной перестройки МВФ и Всемирного банка, многие ее представители уехали преимущественно в западные страны. Один из самых известных — историк Тойин Фалола, ныне работающий в США. Вслед за ним целый ряд нигерийских историков также уехали в США.

В этом же контексте необходимо отметить и встречу на высшем уровне «Обеспечение справедливости: саммит по возмещению ущерба и расовому оздоровлению» по возмещению репараций 1–4 августа 2022 г., проведенный по инициативе правительства Ганы при участии Фонда наследия правосудия переходного периода в Африке (*ATJLF*) и Африкано-американского института (*AAI*). В итоге Комиссия Афросоюза подписала Меморандум о взаимопонимании с *ATJLF* для сотрудничества и партнерства в реализации любых будущих решений по возмещению ущерба через Проект правосудия и репараций данного Фонда. *ATJLF* оплатил работу трех прикомандированных к уже упоминаемому Управлению по делам граждан и организаций диаспоры (*CIDO*) секретариата Афросоюза сотрудников в 2024 г. для поддержки деятельности данного управления Афросоюза по возмещению ущерба³⁴. *ATJLF* — это зарегистрированное в Гане НКО, созданное при поддержке Фонда Макартуров (США). *AAI* — это международная организация со штаб-квартирой в Нью-Джерси (США), в Совет попечителей которой входит, например, П. Маккиллоп (инвестфонд *BlackRock*).

Важную роль в привлечении дополнительного финансирования в секретариате Афросоюза традиционно играет Управление по координации партнерств и мобилизации ресурсов (*Partnerships Management and Resource Mobilisation Directorate*). До настоящего времени основными внешними донорами Афросоюза выступали преимущественно западные страны (в особенности страны Евросоюза), с которыми у данного Управления сложились наиболее тесные рабочие отношения. Централизованное выдвижение репарационных требований и использование полученных средств для суверенного развития Африки, вдобавок к уже имеющимся финансовым ресурсам [Федоров 2025], возможно лишь при высоком уровне африканской агентности [Дегтерев 2024].

Важным тактическим аспектом Запада по репарационной повестке является и фактор международной помощи. Так, в целом ряде западных работ по репарациям утверждается, что западная «помощь», особенно «официальная помощь в целях развития» (ОПР), выданная странам Африки за последние годы, должна вычитаться из суммы репараций. Общий объем «помощи», направленный западными странами — членами Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), за 1960–2022 г. составил 1,2 трлн долл. США [Нганг 2024: 47].

Однако сами африканцы крайне негативно оценивают воздействие данной «помощи». Южноафриканский исследователь-эксперт в области права на развитие К. Нганг считает, что «механизм ОПР разработан и призван служить интересам стран-доноров для сохранения их глобальной гегемонии, что требует постоянного подчинения и зависимости стран-получателей». По его мнению, КСР ОЭСР неслучайно был создан в 1961 г., на следующий год после масштабной

³⁴ Concept Note on the African Union Theme of the Year “Justice for Africans and People of African Descent Through Reparations”. EX.CL/1528(XLV) Rev. 1. African Union Executive Council 45 Ordinary Session, 19 June — 19 July 2024.

деколонизации, поскольку, «лишившись возможности эффективного присутствия и контроля над своими территориальными владениями в колониях, колонизаторы разработали альтернативу в виде иностранной помощи, которая позволила бы им прочно удерживать контроль над бывшими колониями» [Нганг 2024: 51].

Также он обращает внимание, что, по разным оценкам, от 20 % до двух третей иностранной «помощи», по сути, никогда не достигает стран-реципиентов, а направляется в консалтинговые организации стран-доноров («первые партнеры по реализации»). Кроме того, часть «помощи» выделяется на прием мигрантов из стран Африки и интеграцию их в экономики развитых стран [Нганг 2024: 52].

Таким образом, едва ли можно весь объем «помощи» учитывать в счет выплаты репараций. Скорее всего, необходимо это делать с определенным коэффициентом, например 30 %, но в любом случае не более 50 %. Фактически западная «помощь» поддерживает «матрицу зависимости» стран Африки от «Коллективного запада». Как отмечает К. Нганг, «представляется практически недостижимым, что африканские страны могут в одностороннем порядке прекратить потоки иностранной помощи, поскольку они не обладают суверенитетом для этого. В этой связи Д. Мойо предположила, что достаточно лишь одного телефонного звонка от иностранных доноров странам-реципиентам, чтобы положить конец зависимости от помощи» [Нганг 2024: 51]. Примечательно, что Д. Мойо, экономистка из Замбии и автор знаменитой книги о неэффективности западной помощи для Африки [Мойо 2010], впоследствии была кооптирована в британские элиты. В ноябре 2022 г. ей был присвоен титул баронессы Мойо из Найтсбриджа в Вестминстере, а также пожизненное пэрство во время особой церемонии награждения с участием королевы Великобритании³⁵.

Заключение

В последние годы проблематика репараций за трансатлантическую работорговлю и преступления колониализма в Африке переходит из академического и политического дискурса в практическую плоскость и уже занимает важное место в повестке дня как ООН, так и Афросоюза. Объявление ООН второго «Международного десятилетия лиц африканского происхождения» (2025–2035 гг.), регулярная работа Постоянного форума людей африканского происхождения в рамках ООН, а также провозглашение Афросоюзом 2025 г. «Годом справедливости для африканцев и лиц африканского происхождения посредством репараций» создают благоприятные возможности для продвижения репарационной повестки. Однако многое будет зависеть от практической имплементации принятых решений, от проявленной «африканской

³⁵ *Baroness Moyo*. UK Parliament. URL: <https://members.parliament.uk/member/4968/career> (accessed: 11.08.2025).

агентности» как на самом континенте (особенно в Комиссии Афросоюза), так и в рядах африканской диаспоры. В ином случае репарационное правосудие может стать еще одним механизмом цементирования «матрицы зависимого развития» Африки вместо классического механизма западной «помощи» по линии КСР ОЭСР.

Поступила в редакцию / Received: 14.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 10.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Абрамова И.О.* (ред.). Африка: неоплаченный долг колонизаторов. Москва : Институт Африки РАН, 2023. EDN: OORAQY.
- Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. Москва : Наука, 1978.
- Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд. Москва : Наука, 1992.
- Вильямс Э.* Капитализм и рабство / пер. с англ. Москва : Издательство иностранной литературы, 1950.
- Вишневский М.Л., Прокопенко Л.Я.* США и страны Африки южнее Сахары: проблемы отношений // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 6. С. 48–62. EDN: MTBFNR.
- Дегтерев Д.А.* «Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 2. С. 57–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73> EDN: CUTUGY.
- Добронравин Н.А.* Конец деколонизации: самоуправляющиеся территории в составе обновленных (постколониальных) империй. Препринт М-47/16. Санкт-Петербург : Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.
- Идахоса С.О., Онимхаво Д.А., Ихидеро С.А.* Возмещение морального ущерба Африке: на примере Бенинского царства (Нигерия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 301–311. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-301-311> EDN: YMRWFI.
- Карандеев И.А., Ачкасов В.А.* История афроамериканского сепаратизма в США // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 3. С. 461–470. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.307> EDN: OLRNPK.
- Катасонов В.Ю.* Россия в мире репараций. Москва : ИД Кислород, 2015.
- Ксенофонтова Н.А.* Советская/российская африканистика в 1960–1990 гг. Историческое и культурологическое направления (интервью) // Ученые записки Института Африки РАН. 2025. Т. 11. № 2. С. 106–122. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-71-2-106-122> EDN: MIOVHG.
- Львова Э.С.* Африка южнее Сахары и мир: исторический ракурс // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 4. С. 12–28. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-12-28>
- Нганг К.Ч.* Право на развитие и роль иностранной помощи КСР ОЭСР в развитии Африки // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 40–59. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-40-59> EDN: AFACJA.
- Родни У.* Черная дыра. Как Европа сделала Африку нищей. Москва : Родина, 2022.
- Федоров А.В.* Основные тенденции развития финансовой системы стран Африки южнее Сахары // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29. № 3. С. 6–19. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-3-6-19> EDN: LDPEYT.

- Фитуни Л.Л. (ред.). Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. Москва : Институт Африки РАН, 2021. EDN: VDPNMJ.
- Элез А.И. Роль колониализма в истории Африки и борьба против его наследия // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024. Т. 15. № 3. С. 46–58. <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-344-46-58> EDN: UONNGV.
- Abramova S.Yu. Afrique: Quatre siècles de traite des noirs. Moscou : Progress, 1988.
- Ani M. Let The Circle Be Unbroken: The Implications of African Spirituality in the Diaspora. New York : Nkonimfo Publications, 1988.
- Ajavon L.-P. Traite et Esclavage des Noirs: Quelle Responsabilité Africaine? Paris: Editions Menaibuc, 2005.
- Brennan F., Packer J. (Eds.). Colonialism, Slavery, Reparations and Trade. Remediating the Past? New York : Routledge, 2012.
- Howard-Hassmann R.E. Reparations to Africa. Philadelphia : University of Philadelphia Press, 2008.
- Inicori J.E. Atlantic Slavery and the Rise of the Capitalist Global Economy // Current Anthropology. 2020. 61 (S22). P. S159-S171. <http://dx.doi.org/10.1086/709818>.
- Moyo D. Dead Aid — Why Aid Is Not Working and How There Is Another Way for Africa. London : Penguin Books, 2010.
- Ndikumana L., Boyce D. New Estimates of Capital Flight from Sub-Saharan African Countries: Linkages with External Borrowing and Policy Options. PERI, UMASS, 2008.
- Pradella L. New developmentalism and the origins of methodological nationalism // Competition and Change. 2014. 18 (2). P. 180–193.
- Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London : Bogle-L'Ouverture, 1972.
- Schwarz K. Reparations for Slavery in International Law: Transatlantic Enslavement, the Maangamizi, and the Making of International Law. New York : Oxford University Press, 2022.
- Wittmann N. An International Law Deconstruction of the Hegemonic Denial of the Right to Reparations // Social and Economic Studies. 2019. 68 (3–4). P. 19–41.
- Wittmann N. Reparations — Legally Justified and Sine que non for Global Justice, Peace and Security // Global Justice: Theory, Practice, Rhetoric. 2016. 9 (02). P. 199–219. <https://doi.org/10.21248/gjn.9.2.118>
- Wittmann N. Slavery reparations time is now: Exposing lies, claiming justice for global survival. Vienna: Power of the TrInItY Publishers, 2012.

References

- Abramova, I.O. (Ed.). (2023). *Africa: Colonizers' Unpaid Debt*. Moscow: Institute for African Studies. EDN: OORAQY.
- Abramova, S.Yu. (1978). *Africa: four centuries of the slave trade*. Moscow: Science. (In Russ.).
- Abramova, S.Yu. (1988). *Afrique: Quatre siècles de traite des noirs*. Moscou: Progress.
- Abramova, S.Yu. (1992). *Africa: four centuries of the slave trade*. 2nd edition. Moscow: Science. (In Russ.).
- Ajavon, L.-P. (2005). *Traite et Esclavage des Noirs: Quelle Responsabilité Africaine?* Paris: Editions Menaibuc.
- Ani, M. (1988). *Let The Circle Be Unbroken: The Implications of African Spirituality in the Diaspora*. New York: Nkonimfo Publications.
- Brennan, F., & Packer, J. (Eds.). (2012). *Colonialism, Slavery, Reparations and Trade. Remediating the Past?* New York: Routledge.
- Degterev, D.A. (2024). “African Agency” in Constructing “African Agency”: International Studies in Africa. *Journal of International Analytics*, 15(2), 57–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73> EDN: CUTUGY.

- Dobronravina, N.A. (2016). *The End of Decolonization: Non-Self-Governing Territories within Renewed (Postcolonial) Empires*. Preprint M-47/16. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Elez, A.Y. (2024). The Role of Colonialism in the History of Africa and the Struggle against its Legacy. *Bulletin of the University of World Civilizations*, 15(3), 46–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-344-46-58> EDN: UONNGV.
- Fedorov, A.V. (2025). The main development trends of Sub-Saharan Africa financial system. *Finance: Theory and Practice*, 29(3), 6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-3-6-19> EDN: LDPEYT.
- Fitouni, L.L. (Ed.). (2021). *Africa: Sanctions, Elites, and Sovereign Development*. Moscow: Institute for African Studies. (In Russ.). EDN: VDPNMJ.
- Howard-Hassmann, R.E. (2008). *Reparations to Africa*. Philadelphia: University of Philadelphia Press.
- Idahosa, S.O., Onimhawo, D.A., & Ihidero, S.A. (2017). Reparation a Moral Justice for Africa: the Benin (Nigeria) in perspective. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(2), 301–311. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-301-311> EDN: YMRWFJ.
- Inicori, J.E. (2020). Atlantic Slavery and the Rise of the Capitalist Global Economy. *Current Anthropology*. 61 (S22). P. S159-S171. <http://dx.doi.org/10.1086/709818>.
- Karandeev, I.A., & Achkasov, V.A. (2023). A history of African American separatism in the United States. *Political Expertise: POLITEX*, 19(3), 465–474. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.307> EDN: OLRNPK.
- Katasonov, V.Yu. (2015). *Russia in the World of Reparations*. Moscow: ID Kislorod. (In Russ.).
- Ksenofontova, N.A. (2025). African Studies in the USSR/Russia in the 1960–1990s: Historical and Cultural Studies (interview). *Journal of the Institute for African Studies*, 11(2), 106–122. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-106-122> EDN: MIOBHG.
- Lvova, E.S. (2024). Sub-Saharan Africa and the World: History of Connections. *Journal of the Institute for African Studies*, (4), 12–28. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-12-28>
- Moyo, D. (2010). *Dead Aid — Why Aid Is Not Working and How There Is Another Way for Africa*. London: Penguin Books.
- Ndikumana, L., & Boyce, D. (2008). *New Estimates of Capital Flight from Sub-Saharan African Countries: Linkages with External Borrowing and Policy Options*. PERI, UMASS.
- Ngang, C.C. (2024). Right to Development and the Role of DAC OECD Foreign Aid to Development in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*, (2), 40–59. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-40-59> EDN: AFACJA.
- Pradella, L. (2014). New developmentalism and the origins of methodological nationalism. *Competition and Change*, 18(2), 180–193.
- Rodney, W. (1972). *How Europe Underdeveloped Africa*. London: Bogle-L'Ouverture.
- Rodney, W. (2022). *Black Hole. How Europe Made Africa Poor*. Moscow: Rodina. (In Russ.).
- Schwarz, K. (2022). *Reparations for Slavery in International Law: Transatlantic Enslavement, the Maangamizi, and the Making of International Law*. New York: Oxford University Press.
- Vishnevsky, M.L., & Prokopenko, L.Ya. (2010). USA and African Countries South of Sahara. *USA and Canada: Economy, Politics, Culture*, (6), 48–62. (In Russ.). EDN: MTBFHP.
- Williams, E. (1950). *Capitalism and slavery*. Moscow: Foreign Literature Publishing House. (In Russ.).
- Wittmann, N. (2012). *Slavery reparations time is now: Exposing lies, claiming justice for global survival*. Vienna: Power of the TrInlty Publishers.
- Wittmann, N. (2016). Reparations — Legally Justified and Sine que non for Global Justice, Peace and Security. *Global Justice: Theory, Practice, Rhetoric*, 9(2), 199–219. <https://doi.org/10.21248/gjn.9.2.118>

Wittmann, N. (2019). An International Law Deconstruction of the Hegemonic Denial of the Right to Reparations. *Social and Economic Studies*, 68(3–4), 19–41.

Сведения об авторах:

Дегтерев Денис Андреевич — доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН (e-mail: ddegterev@inafr.ru) (ORCID: 0000-0001-7426-1383)

Федоров Андрей Владимирович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН (e-mail: avfedorov@inbox.ru) (ORCID: 0009-0005-7533-8190)

About the authors:

Denis A. Degterev — Doctor of Political Sciences, PhD (World Economy), Professor, Principal Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ddegterev@inafr.ru) (ORCID: 0000-0001-7426-1383)

Andrey V. Fedorov — Doctor of Economics, Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: avfedorov@inbox.ru) (ORCID: 0009-0005-7533-8190)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-734-745

EDN: DVFVEG

Научная статья / Research article

Постколониальная политика Франции в Африке: смена неоколониальных парадигм

С. Камара¹ , Т.А. Подшибякина²

¹Университет юридических и политических наук, Бамако, Республика Мали

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 sidicamara1980@yahoo.fr

Аннотация. Актуальность исследования проблем постколониальной политики Франции в Африке определяется глобальными геополитическими изменениями, вызвавшими усиление значимости Глобального Юга в мире. Республика Мали является наглядным примером быстрой трансформации отношений с Францией — ее бывшей метрополией. Цель исследования — выявить неоколониальный характер двух внешнеполитических стратегий «Франсафрик» (Françafrique) и «Африк-Франс» (Afrique-France) в постколониальной политике Франции. Теоретическим основанием для ее достижения является теория постколониального дискурса, относящаяся к научному направлению постколониальных исследований (Э. Саид, Х. Баба, Г. Спивак). Для решения задач исследования был использован концепт «деконструкции» теории постколониального дискурса, описывающий способ выявления и критики колониальных стереотипов. Доказано сохранение колониальных стереотипов в стратегиях африканской политики Франции, нашедших отражение и в общественном сознании французского общества. Результат исследования заключается в установлении причин и способов воспроизводства колониальных стереотипов в постколониальной политике Франции, выявлении принципов формирования дискурсивных технологий продвижения «западных» неоколониальных стратегий в политических практиках.

Ключевые слова: постколониальность, неоколониализм, теория постколониального дискурса, постколониальный дискурс, политическая стратегия, деконструкция, «Франсафрик» (Françafrique), «Африк-Франс» (Afrique-France), этнополитический сепаратизм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Камара С., Подшибякина Т.А. Постколониальная политика Франции в Африке: смена неоколониальных парадигм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 734–745. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-734-745>

© Камара С., Подшибякина Т.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Postcolonial Policy of France in Africa: Change of Neo-Colonial Paradigms

Sidy Camara¹ , Tatyana A. Podshibyakina²

¹University of Legal and Political Sciences of Bamako (USJPB), *Republic of Mali*

²Southern Federal University, *Rostov-on-Don, Russian Federation*

 e-mail: sidicamara1980@yahoo.fr

Abstract. The relevance of the study of the problems of France's postcolonial policy in Africa is determined by global geopolitical changes that have increased the importance of the "Global South" in the world. The Republic of Mali is a clear example of the rapid transformation of relations with France, its former metropolis. The purpose of the study is to identify the neocolonial nature of two foreign policy strategies of "Françafrique" and "Afrique-France" in France's postcolonial policy. The theoretical basis for achieving this goal is the theory of postcolonial discourse, which belongs to the scientific direction of postcolonial studies (E. Said, H. Baba, G. Spivak). To solve the research problems, the concept of "deconstruction" of the theory of postcolonial discourse was used, which describes the way to identify and criticize colonial stereotypes. The preservation of colonial stereotypes in the strategies of France's African policy, which are reflected in the public consciousness of French society, is proven. The result of the study is to establish the causes and methods of reproducing colonial stereotypes in the postcolonial policy of France, to identify the principles of formation of discursive technologies for promoting "Western" neocolonial strategies in political practices.

Keywords: Postcoloniality, neocolonialism, theory of postcolonial discourse, postcolonial discourse, political strategy, deconstruction, Françafrique, Afrique-France, ethnopolitical separatism

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Camara, S., & Podshibyakina, T.A. (2025). Postcolonial policy of France in Africa: Change of neocolonial paradigms. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 734–745. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-734-745>

Введение

Постколониальность — явление, привлекающее внимание исследователей самых разных научных областей социальных и гуманитарных наук. Актуальной постколониальную повестку делают фундаментальные геополитические изменения, нашедшие выражение в возрастании роли Глобального Юга в мировой политике. В настоящее время отмечается рост отечественных и зарубежных публикаций аналитического характера по самому широкому кругу проблем вокруг отношений стран, некогда освободившихся от колониальной зависимости, и их бывших метрополий. Исследователи при этом сталкиваются с проблемой недостатка релевантных теорий и валидных методов при значительном расширении предметного поля постколониальности как социального феномена. Одним из перспективных направлений развития постколониальной мысли

является ее интеграция в социальную теорию [Longhofer, Winchester 2023], что позволяет расширить возможности исследования «постколониального сознания» [Прохоренко 2023: 123] и решать проблемы духовной колонизации и деколонизации сознания в постколониальных обществах.

Политическая наука, как ожидается, должна внести свой вклад в переосмысление проблем неокOLONIALИЗМА в современном обществе и предложить новую политическую теорию деколонизации [Getachew, Mantena 2021] и теорию освободительной политики [Neocosmos 2016]. В центре внимания данного исследования находится постколониальная политика Франции в африканских странах, а для примера выбран кейс республики Мали. *Цель исследования* заключается в выявлении в постколониальной африканской политике Франции признаков неокOLONIALНОЙ идеологии на примере анализа смены двух внешнеполитических парадигм — «Франсафрик» (Françafrique) и «Африк-Франс» (Afrique-France). Для ее достижения потребовалась адаптация сложившихся теоретико-методологических подходов к исследованию причин и способов сохранения неокOLONIALНЫХ стереотипов в современных политических практиках международных отношений. Рассмотрим в этом ключе возможности теорий постколониальных исследований, активно развивающихся в настоящее время, в том числе в постклассических формах.

Методология и методы

Теоретическим основанием исследования является теория постколониального дискурса, относящаяся к научному направлению постколониальных исследований. По оценкам специалистов, работающих в этой области, постколониальные исследования еще далеки от консенсуса по определению базовых понятий, неоднозначны как инструмент анализа политических практик и неоднородны по представленности национальных исследовательских школ, в частности французской. Критический потенциал теории постколониального дискурса может быть использован для достижения цели деколонизации социального и гуманитарного знания [Следзевский, Неклесса, Хайруллин 2023: 22].

Понятие «постколониальный» в данной работе рассматривается прежде всего как дефиниция постколониальных исследований. Понятие «постколониальный» является базовым в научном направлении постколониальных исследований — давно сложившемся течении академической мысли на Западе. Основателем теории постколониального дискурса является Эдвард Саид, опубликовавший в 1978 г. свой труд «Ориентализм», ставший классическим для исследователей проблем Востока [Ориентализм 2006: 10]. Признанными классиками этого направления стали также Хоми Баба и Гаяти Спивак [Гавристова 2020: 40]. Теория постколониального дискурса получила развитие благодаря трудам Франца Фанона, Эме Сезэра, Леопольда Седара Сенгора, Кваме Нкрумы, Альбера Мемми, Кваме Энтони Аппиа, Хоми Баба, Ачилла Мбембе, Рея Чоу.

Постколониальный дискурс как методология формировался под влиянием концепции дискурса Мишеля Фуко, теорий Р. Барта, Ж. Делеза, Ж. Деррида — представителей французской школы дискурс-анализа, а также идей постфрейдизма Ж. Лакана. Методологическое значение теории постколониального дискурса заключается в ее уникальных возможностях исследования способов, посредством которых «Запад» конструировал колониальный «Восток», а главное, как он воспроизвел их в современных формах неокOLONIALИЗМА. Наиболее распространенным методом является дискурс-анализ трудов основоположников постколониальной теории [Гавристов 2020: 9]. Применение методологии к исследованию дискурсивных практик заключается в том, чтобы услышать голос «постколонии» по самым разным проблемам постколониализма. Понятие постколониального дискурса в настоящее время имеет несколько значений, все они в дискурсивных аспектах рассматривают проблемы переоценки колониальной истории с позиций бывших покоренных народов.

Релевантным для исследования практик постколониальной политики является один из концептов теории постколониального дискурса — концепт «деконструкции», описывающий способ противостояния колонизаторам посредством «разоблачения» западно-ориентированных идей. Метод деконструкции колониальных стереотипов валиден при исследовании политических дискурсивных практик. Исследователям общественного сознания этот концепт помогает установить причины сохранения колониальных стереотипов в постколониальный период и выявить принципы формирования и продвижения «западных» неокOLONIALНЫХ стратегий. Практическая значимость метода заключается в обосновании технологий деконструкции колониальных стереотипов и деколонизации сознания.

«Франсафрик» (Françafrique) — «Африк-Франс» (Afrique-France). Смена неокOLONIALНЫХ парадигм

Шарль де Голль известен как идейный вдохновитель неокOLONIALНОЙ политики Франции, которая получила название «Франс-Африк» (France-Afrique). «Изначально она конструировалась как латентный механизм осуществления французской неокOLONIALНОЙ стратегии» [Филиппов 2023: 5] и представляла собой комплекс неформальных связей между политическими, финансовыми, дипломатическими и военными деятелями Франции и африканских государств. Термин никогда не был закреплён в официальных документах и не признавался политической стратегией Франции. Впоследствии понятие получило негативную коннотацию и стало писаться в одно слово «Франсафрик» (Françafrique).

К. Аллено в работе «Франсафрика: использование современного мифа во французской политической дискуссии (1994–2021 гг.)» представляет иную точку зрения: выражение Françafrique — это инструмент, предложенный президентом ассоциации «Выживание» (Survie) Франсуа-Ксавье Вершаве, чтобы разоблачать инциденты французской африканской политики [Alleno 2023].

Данную точку зрения представляют участники неправительственной Ассоциации «Выживание», объединившей противников сохранения неокOLONIALНЫХ принципов во внешней политике Франции.

После окончания холодной войны «деятельность «Франсафрик» во многом утратила системообразующий характер» [Сальников 2024: 30], происходит быстрая деградация и распад военно-политической системы «Франсафрик» [Филиппов 2024]. Президент Э. Макрон в 2018 г. представил новую политическую стратегию «Амбисьон-Африк» (*Ambition Afrique*) и «Африк-Франс» (*Afrique-France*), главная особенность которой — «нейтральность» Франции. Африканская политика Э. Макрона¹ в основе своей имеет несколько определяющих принципов: опора на диаспору, молодежь, гражданское общество, применение мягкой силы, франкофония. Для объединения всех сообществ в мире, говорящих на французском языке, создано Университетское агентство Франкофонии и Международная организация Франкофонии. Африка действительно до сих пор остается самым франкоговорящим континентом, по прогнозам экспертов, эта ситуация будет сохраняться до 2060 г. Африканская политика Э. Макрона декларирует принцип «нейтральности» Франции и «диалог со всеми».

Отражение колониальных стереотипов политики Франции можно найти в дискурсивных практиках во франкоязычных странах Африки. Дискурс-анализ заявлений французских лидеров показывает сохранение колониальных стереотипов или их неокOLONIALНЫХ вариантов. Президент Франции (2007–2012) Николя Саркози придерживался двойственной позиции в оценках колониального прошлого Франции. Осуждая политику Франсафрик, он в ряде речей подчеркивал положительные последствия французского колониализма в африканских странах и выражал желание иметь такое видение истории, которое французский народ мог бы праздновать, а не такое, за которое он был бы обязан раскаиваться [Forsdick, Murphy 2009]. Одним из самых распространенных и прочно укоренившимся в общественном сознании является стереотип европейских стран как создателей демократии в бывших колониях [Chesnel 2024].

Для данного исследования важен стереотип Франции как гаранта стабильности в постколониальной Африке. По мнению Дж. Газели [Gazeley 2022], стратегия французского военного вмешательства в дела Мали с 2013 г. по настоящее время, изложенная в Докладе Национальной ассамблеи Франции 2013 г. о военном вмешательстве в Мали, поддерживалась стереотипом о «слабости государства Мали как корня всех проблем». Французскими властями активно использовался миф о том, что стабильность политической власти в Мали может обеспечить только военно-политическая помощь Франции. Результатом стало установление зависимости Мали от своих иностранных

¹ От «Франс-Африк» до «Амбисьон-Африк»: возможности для нейтральности. 29 ноября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-frans-afrik-do-ambison-afrik-vozmozhnosti-dlya-neytralnosti/> (дата обращения: 01.07.2025).

союзников, но франко-малийские отношения стали резко ухудшаться в течение 2019–2020 гг. Власти Франции выражали обеспокоенность нарастанием кризиса, оппозиционных движений, осуждающих французское присутствие как «неоколониальное, империалистическое».

Во Франции еще во второй половине XIX в. возникла идея создания «туарегской нации», относящейся к белой расе (автор — французский путешественник по Северной Африке Анри Дувейриер во второй половине XX в., ему принадлежит первое научное исследование племен туарегов) [Luiz 2015]. Идея получила воплощение в политике Франции постколониального периода.

В 1990-е гг. был заключен секретный договор Франции с туарегами. Восстание туарегов 2012 г. против правительства Мали провозглашалось «революцией туарегского народа», и допускалась пропаганда идей движения, разрешены были демонстрации в поддержку создания государства Азавад. Франция вместе с туарегами-сепаратистами контролировала северный регион Мали [Boilley 2005] и была посредником на переговорах с туарегами. В 2020 г. малийские власти открыто обвинили Францию в оказании помощи сепаратистам и террористам и расторгли с ней военное соглашение, заставив в 2022 г. французские вооруженные силы покинуть страну. Была предпринята попытка разрешить туарегский конфликт конституционным путем. Новая конституция Республики Мали 2023 г. предусматривает децентрализованную систему, которая теоретически могла бы позволить северным общинам лучше управлять своими делами, но не предоставляет туарегам права автономии.

Деконструкция колониальных стереотипов в постколониальной перспективе

В настоящее время предпринимаются попытки деконструкции колониальных стереотипов в общественном сознании как европейских, так и африканских стран. Проблему постколониальной мысли Франции в африканских государствах, а также ее влияние на развитие и стабильность этих стран затрагивали многие французские писатели и публицисты, а также африканские авторы, пишущие на французском языке. В этой когорте исследователей можно назвать многие известные имена: О. Афоаку, О. Укага, Б. Эшкрофт, Г. Гриффитс, Л. Крисман, Ш.М. Хардт, А. Негри, Ж.-М. Моура, И.Д. Тиам. За этим направлением общественной мысли будущее, опорой для него являются ставшие уже классическими работы В.И. Мудимбе и А. Мбембе.

Вумби Йока (Валентина Ива) Мудимбе называют «Эдвардом Саидом современной африканистики», первым постколониальным теоретиком в Африке и одним из основателей постколониальной теории. Свои концепции он изложил в известной работе «Изобретение Африки: гнозис, философия и порядок знания» [Mudimbe 1988], в которой дал описание теоретических и исторических истоков постколониализма и раскрыл причины сохранения проявлений колониализма. Идея Африки рассматривается им в рамках западных теорий постструктурализма и постмодернизма, так же как у Саида рассматривается идея

ориентализма. Это позволяет критикам, таким как Дж. Тембо, Р. Гросфогель, Али А. Мазруи, утверждать, что это есть свидетельство сохранения западной эпистемической колониальности, а постструктуралистские теории недостаточно радикальны для проекта деколонизации. Общее в подходе Э. Саида и В.И. Мудимбе заключается в обращении к феномену Другого в западном сознании, то, что В.И. Мудимбе называет Инаковостью, описывая ее истоки и причины, показывая роль самих африканцев в ее создании.

В работе «Изобретение Африки» В.И. Мудимбе доказывает, что «Идея Африки» была сформирована как колонизаторами, так и африканскими интеллектуалами с использованием категорий и концептуальных систем западного колониального эпистемического порядка. Он отмечает, что есть разница между африканскими знаниями, полученными на основе западных эпистемических порядков и африканскими знаниями, полученными из эпистемических порядков коренных народов Африки. В двух работах «Изобретение Африки» и «Идея Африки» [Mudimbe 1994] В.И. Мудимбе предпринимает попытку деконструировать идею Африки, сформированную на основе концепций западной эпистемологии.

В.И. Мудимбе процесс деконструкции описывает посредством термина *«reprendre»*, означающего «перечитывание и переписывание» как идеи Африки, так и Запада. Г.Д. Ямб видит в этом процесс диалога с другими философами «деконструкции», такими как Мишель Фуко, Жак Деррида, Теодор Адорно и Фабиан Эбусси Булага. Речь идет о «написании в процессе становления» постколониального события, которое принимает форму тематической и концептуальной цикличности, прерываемой «возобновлениями», «разрывами», «преемственностями», «разрывами» и «присвоениями», и чей телос (окончателность) представляет собой критическое и перспективное переосмысление новой философской структуры для Африки и в Африке [Yamb 2024].

Прием деконструкции несет важную методологическую нагрузку в исследовании темы постколониального этносепаратизма, хотя непосредственно в большинстве случаев она не составляет предмет анализа теории постколониального дискурса. Исключение составляют некоторые сюжеты работ А. Мбембе «Рассказ Африки» и «О постколонии». А. Мбембе — один из самых известных представителей постколониальной теории, автор понятия «постколония». Именно его работы дают возможность соединить философскую мысль интеллектуалов и явления политической практики. Таким «мостиком» выступает понятие деконструкции.

«Понятие „постколония“ обозначает общества, недавно вышедшие из опыта колонизации и насилия. «Это особая система знаков, особый способ изготовления симулякров или переформирования стереотипов» [Mbembe 2001: 102]. А. Мбембе считает, что политическая сила постколониальной мысли заключается в ее вовлеченности в историческую социальную борьбу колонизированных обществ и в особенности в ее переосмыслении теоретической практики того, что мы называем освободительными движениями.

А. Мбембе в работе «О постколонии» высказал несколько важных идей, которые позволили вписать тематику национально-освободительных движений в контекст постколониальной теории, в том числе в ее дискурсивное направление.

Во-первых, это указание на исчерпание модели «территориального государства». «Догмат «о „неприкосновенности границы, унаследованные от колониализма, попираются — не в смысле неконтролируемых вспышек сепаратистской лихорадки, ведущих к необратимому посредством манипулирования „коренной принадлежностью“ и происхождением предков... но в том смысле, что существует давление идентичности, динамика автономии и дифференциации, различные формы этнорегионализма, миграционное давление, растущая значимость религии и ускоренное развитие наемничества» [Mbembe 2001: 86]. А. Мбембе критикует постколониальных теоретиков за то, что они не уделяют достаточно внимания жизненному, экзистенциальному опыту африканского субъекта и экономическим условиям, лежащим в основе различных символических и дискурсивных теорий, которые они могли бы использовать для анализа современной Африки.

Ж. Конфаврё в работе «Деколониальные тревоги в постколониальном мире: интервью с Ашилле Мбембе» приводит мнение А. Мбембе о понятиях универсальности и универсализма, коммунализма или сепаратизма: «АМ: Постколониальные течения говорят в пользу космополитического и гибридного мира... Все они выступали против любой формы эссенциализма. Мы не находим прославления партикуляризма, коммунализма или автохтонности ни у кого из них. Их объединяет интерес к историческому событию, которое было встречей разнородных миров — встречей, которая произошла в ходе работоторговли, колонизации, торговли, миграции и перемещений населения (включая принудительные), евангелизации, циркуляции форм и идей. Постколониальные течения подвергли сомнению то, что эта встреча, в ее многочисленных модальностях, произвела долю переосмысления, корректировок и перекомпозиций, которые она потребовала от всех главных действующих лиц, игру амбивалентностей, миметизм и сопротивление, которые она сделала возможными» [Confavreux 2022].

Заключение

Французское постколониальное влияние в Африке осуществляется посредством нескольких политических инструментов, а именно доминирования и навязывания французского языка и культуры через систему франкофонии, т.е. лингвокультурного доминирования; экономического и финансового господства посредством создания и навязывания колониальной валюты франка африканских колоний (CFA); военно-политического доминирования посредством различного прямого вмешательства в политические дела этих государств. Не последнюю роль в осуществлении внешнеполитического доминирования играют

дискурсивные стратегии, доказывающие особое право Франции на вмешательство в дела бывших колоний.

Анализ постколониальной политики Франции в Африке наглядно демонстрирует наличие в ней неоколониальных принципов. Замена внешнеполитической африканской стратегии «Франсафрик», реализуемой в XX в., на современную «Африк-Франс» не привела к изменению неоколониальной парадигмы, сохранив преемственность идеологии неоколониализма. Франция традиционно продвигала при помощи колониального дискурса идею о том, что она, как метрополия, исторически способствовала глубоким экономическим и культурным преобразованиям в своих колониях. Признавая государственный суверенитет и духовную субъектность бывших колоний, Франция вместе с тем пытается реализовать свое влияние через дискурсы необходимости «поддержания стабильности» и «строительства демократии» в постколониальный период.

Поступила в редакцию / Received: 18.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс : тезисы докл. участников Всерос. конф. 25–26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль : Филигрань, 2020. С. 40–42.
- Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А.В. Говорунова. Санкт-Петербург : Русский мир, 2006. 636 с.
- Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. Москва : Весь мир, 2023. С. 119–128. EDN: HWDIII.
- Сальников В.И. Межэтнические конфликты в странах «Франсафрик» — потестарное наследие или порождение неоколониализма? // Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик». Институт Европы РАН. Москва : Весь мир, 2024. С. 28–30.
- Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях // История и современность. 2023. № 1 (47). С. 22–62. <http://doi.org/10.30884/iis/2023.01.02> EDN: BXSFSU.
- Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей / отв. ред. Т.С. Денисова. Москва : ИАФР РАН, 2023. С. 214. EDN: VAGWFL.
- Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144–156. <http://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156> EDN: PNNVOD.
- Allen K. La "Françafrique": usages d'un mythe contemporain dans le débat politique français (1994–2021) // Revue historique. 2023. No. 4. P. 603–631. <http://doi.org/10.3917/rhis.234.0603> EDN: UQDBPP.

- Boilley P. Un complot français au Sahara? Politiques françaises et représentations maliennes // Mali-France: regards sur une histoire partagée. 2005. P. 161–182. <http://doi.org/10.3917/kart.gemd.2005.01.0161>.
- Boilley P., Bernus E., Clauzel J., Triaud J.-L. (dir.). Nomades et commandants: administration et sociétés nomades dans l'ancienne A.O.F. Paris: Karthala, 1993. P. 215–239.
- Chesnel R.M. De la démocratie en Françafrique. Une histoire de l'impérialisme électora. Fanny Pigeaud et Ndongo Samba Sylla. Paris: La Découverte, 2024 // Revue internationale et stratégique. 2024. Vol. 135. No. 3. P. 217–218. <http://doi.org/10.3917/ris.135.0217> EDN: KHPSXJ.
- Confavreux J. Decolonial anxieties in a postcolonial world: an interview with Achille Mbembe // Postcolonial Studies. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 128–135. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/>. <http://doi.org/10.1080/13688790.2022.2050587> EDN: QEVQKP.
- Gazeley J. The strong 'weak' state: French statebuilding and military rule in Mali // Journal of Intervention and Statebuilding. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 269–286. <http://doi.org/10.1080/017502977.2022.2030627> EDN: ZFNWDL.
- Forsdick C., Murphy D. Introduction: Situating Francophone Postcolonial Thought // Forsdick C., Murphy D., eds. Postcolonial Thought in the French Speaking World. Postcolonialism across the Disciplines. Liverpool University Press, 2009. P. 1–28.
- Getachew A., Mantena K. Anticolonialism and the decolonization of political theory. Critical Times. 2021. Vol. 4. No. 3. P. 359–388. <http://doi.org/10.1215/26410478-9355193> EDN: BIAPOD.
- Longhofer W., Winchester D. (Eds.) Social Theory Re-Wired: New Connections to Classical and Contemporary Perspectives (3rd ed.). London: Routledge, 2023. P. 54–0.
- Luiz J.M. The Impact of Ethno-Linguistic Fractionalization on Cultural Measures: Dynamics, Endogeneity and Modernization // Journal of International Business Studies. 2015. Vol. 46. No. 9. P. 1080–1098. <http://doi.org/10.1057/jibs.2015.6> EDN: DCUIIK.
- Neocosmos M. The domain of traditional society and its politics // Thinking Freedom in Africa: Toward a Theory of Emancipatory Politics. Wits University Press, 2016. P. 473–520.
- Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, 2001.
- Mudimbe V.Y. The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy and the Order of Knowledge, Bloomington and Indianapolis. Indiana University Press, 1988.
- Mudimbe V.Y. The Idea of Africa. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- Yamb G.D. Decolonizing Knowledge in Africa: Mudimbe's Philosophical Deconstruction of the Postcolonial Event // Africa Beyond Inventions: Essays in Honour of V.Y. Mudimbe. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 151–169.

References

- Alleno, K. (2023). La «Françafrique»: Usages d'un mythe contemporain dans le débat politique français (1994–2021). *Revue historique*, 708(4), 603–631. <http://doi.org/10.3917/rhis.234.0603> EDN: UQDBPP.
- Barsukova, A.V. (2024). «Ambition-Afrique» of President Macron: Opportunities for French neutrality in Africa. *African vector of French foreign policy: Difficult parting with «Françafrique»*. Moscow: Ves' mir, 26–28. (In Russian).
- Boilley, P. (2005). Un complot français au Sahara? Politiques françaises et représentations maliennes.... In *Mali-France* (pp. 161–182). Karthala. <http://doi.org/10.3917/kart.gemd.2005.01.0161>.
- Boilley, P., Bernus, E., Clauzel, J., & Triaud, J.-L. (1993). *Nomades et commandants: Administration et sociétés nomades dans l'ancienne A.O.F.* Paris: Karthala, 215–239.

- Chesnel, R.M. (2024). De la démocratie en Françafrique. Une histoire de l'impérialisme électoral. In Pigeaud, F. & Samba, Sylla N. (Paris: La Découverte, 2024, 380 p.). *Revue internationale et stratégique*, 135(3), 217–218. <http://doi.org/10.3917/ris.135.0217> EDN: KHPSXJ.
- Confavreux, J. (2022). Decolonial anxieties in a postcolonial world: An interview with Achille Mbembe. *Postcolonial Studies*, 25(1), 128–135. <http://doi.org/10.1080/13688790.2022.2050587> EDN: QEVQKP.
- Filippov, V.R. (2023). *African policy of the President of France E. Macron: chronicle of actions and evolution of ideas*. Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences. EDN: VAGWFL (In Russian).
- Filippov, V.R. (2024). Systemic crisis of «Françafrique». *Scientific notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*. (2), 144–156. (In Russian). <http://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156> EDN: PNNVOD.
- Forsdick, C., & Murphy, D. (2009). Introduction: Situating Francophone postcolonial thought. *Postcolonial Thought in the French-Speaking World*, 1–29.
- Gavristova, T.M. (2020). *Africa: Postcolonial discourse*. Yaroslavl: Filigree, 40–42. (In Russian).
- Gazeley, J. (2022). The strong 'weak state': French statebuilding and military rule in Mali. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 16(3), 269–286. <http://doi.org/10.1080/17502977.2022.2030627> EDN: ZFNWDL.
- Getachew, A., & Mantena, K. (2021). Anticolonialism and the decolonization of political theory. *Critical Times*, 4(3), 359–388. <http://doi.org/10.1215/26410478-9355193> EDN: BIAPOD.
- Longhofer, W., & Winchester, D. (Eds.) (2023). *Social theory re-wired: New connections to classical and contemporary perspectives* (3rd ed.). London: Routledge.
- Luiz, J. (2015). The impact of ethno-linguistic fractionalization on cultural measures: Dynamics, endogeneity and modernization. *Journal of International Business Studies*, 46(9), 1080–1098. <http://doi.org/10.1057/jibs.2015.6> EDN: DCUIIK.
- Mbembe, A. (2001). *On the postcolony*. University of California Press.
- Mudimbe, V.Y. (1994). *The Idea of Africa*. Bloomington: Indiana University Press.
- Mudimbe, V.Y. (1988). *The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy and the Order of Knowledge*. Bloomington and Indianapolis. Indiana University Press.
- Neocosmos, M. (2016). *The domain of traditional society and its politics. Thinking freedom in Africa: Toward a theory of emancipatory politics*. Johannesburg: Wits University Press, 473–520.
- Prokhorenko, I.L. (2023). Identity in postcolonial discourse. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identity: Personality, society, politics. New contours of the research field* (pp. 119–128). Moscow: Ves mir. EDN: HWDIIJ (In Russian).
- Said, E.V. (2006). *Orientalism: Western concepts of the East*. St. Petersburg: Russkiy mir. (In Russian).
- Salnikov, V.I. (2024). Interethnic conflicts in the Françafrique countries — a potestary legacy or a product of neocolonialism? *The African vector of France's foreign policy: a difficult parting with Françafrique*. (pp. 28–30). Moscow: Ves' mir. (In Russian).
- Sledzevsky, I.V., Neklessa, A.I., & Khairullin, T.R. (2023). The idea of postcoloniality in modern civilizational concepts. *History and Modernity*, 1(47), 22–62. <http://doi.org/10.30884/iis/2023.01.02> EDN: BXSFSU (In Russian).
- Vorobyeva, O.V., Gavristova, T.M., Griбанова, V.V. et al. (Eds.). (2020). *Africa: Postcolonial Discourse*. Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 247 p. (In Russian).
- Yamb, G.D. (2024). Decolonizing Knowledge in Africa: Mudimbe's Philosophical Deconstruction of the Postcolonial Event. In *Africa Beyond Inventions: Essays in Honour of VY Mudimbe* (pp. 151–169). Cham: Springer Nature Switzerland.

Сведения об авторах:

Камара Сиди — ассистент, преподаватель-исследователь кафедры публичного права, Университет юридических и политических наук, Мали, г. Бамако (e-mail: sidicamara1980@yahoo.fr) (ORCID: 0009-0004-4338-4363)

Подшибякина Татьяна Александровна — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (e-mail: tapodshibyakina@sfnedu.ru) (ORCID: 0000-0002-2689-8387)

About the authors:

Camara Sidy — Assistant, Teacher-researcher of Department of public law University of Legal and Political Sciences of Bamako (USJPB), Mali, Bamako (e-mail: sidicamara1980@yahoo.fr) (ORCID: 0009-0004-4338-4363)

Tatyana A. Podshbyakina — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science (e-mail: tapodshibyakina@sfnedu.ru) (ORCID: 0000-0002-2689-8387)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-746-758

EDN: GEMYVA

Научная статья / Research article

Влияние колониального наследия на современную политику в Африке: на примере стран Западной Африки

Дабо Салиу

Российский университет дружбы народов, Москва Российская Федерация

✉ dabosaliu@gmail.com

Аннотация. Колониальное наследие продолжает оказывать влияние на формирование и функционирование политических систем стран Западной Африки. Рассматриваются институциональные, этнополитические, культурные и экономические аспекты постколониального развития региона. Показано, что искусственные границы, созданные в колониальный период, этническая фрагментация, институциональная слабость и сохраняющаяся экономическая зависимость от бывших метрополий остаются ключевыми факторами, определяющими динамику внутренней и внешней политики. Особое внимание уделено двойственной природе политической культуры, сочетающей элементы традиционных структур власти и западных моделей управления, а также феномену «деколонизации сознания» как культурно-идейного процесса, направленного на переосмысление идентичности и траекторий развития. На основе исторического и современного материала проанализированы механизмы воспроизводства неоколониальных отношений, роль армии в политике, проблемы национальной интеграции и влияние колониальной политики на миграционные процессы. Сделан вывод о необходимости комплексных институциональных и культурных реформ, направленных на укрепление суверенитета и построение инклюзивной политической системы, учитывающей исторический опыт, этническое многообразие и вызовы глобализации.

Ключевые слова: колониальное наследие, постколониальное развитие, Западная Африка, искусственные границы, этническая фрагментация, институциональная слабость, неоколониализм, деколонизация сознания, политическая культура, национальная интеграция, военные перевороты, глобализация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Салиу Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Салиу Д. Влияние колониального наследия на современную политику в Африке: на примере стран Западной Африки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 746–758. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-746-758>

The Impact of Colonial Legacy on Contemporary Politics in Africa: A Case Study of West African Countries

Dabo Saliu

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ dabosaliu@gmail.com

Abstract. The colonial legacy still impacts the formation and functioning of political systems in West African countries. The study addresses institutional, ethno-political, cultural, and economic aspects of the region's postcolonial development. The analysis demonstrates that artificial borders created during the colonial era, ethnic fragmentation, institutional weakness, and persistent economic dependence on former colonial powers remain key factors shaping both domestic and foreign policy dynamics. Special attention is given to the dual nature of political culture, which combines elements of traditional power structures with Western governance models, as well as to the phenomenon of “decolonization of consciousness” as a cultural and ideological process aimed at rethinking identity and development trajectories. Drawing on historical and contemporary evidence, the study explores mechanisms for reproducing neocolonial relations, the role of the military in politics, challenges to national integration, and the influence of colonial policy on migration processes. The conclusion emphasizes the need for comprehensive institutional and cultural reforms aimed at strengthening sovereignty and building an inclusive political system that takes into account historical experience, ethnic diversity, and the challenges of globalization.

Keywords: colonial legacy, postcolonial development, West Africa, artificial borders, ethnic fragmentation, institutional weakness, neocolonialism, decolonization of consciousness, political culture, national integration, military coups, globalization

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Saliu, D. (2025). The impact of colonial legacy on contemporary politics in Africa: A case study of West African Countries. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 746–758. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-746-758>

Введение

Процесс деколонизации Африки, активно развивавшийся во второй половине XX в., стал одним из важнейших событий мировой политической истории. Однако формальное обретение независимости не означало немедленного отказа от институциональных, культурных и экономических структур, унаследованных от колониальных держав. Особенно это заметно в странах Западной Африки, где произвольное разделение территорий в колониальный период,

проведенное без учета этнического и культурного состава населения, заложило основу для ряда долговременных политических и социальных проблем.

В рамках Берлинской конференции 1884–1885 гг. европейские державы установили принципы территориального раздела Африки,¹ руководствуясь прежде всего собственными стратегическими и экономическими интересами. Это привело к тому, что современные границы в значительной мере носят искусственный характер, объединяя в рамках одного государства множество этнических групп с различными историческими традициями и политическими системами. Исследования [Alesina, Easterly и Matuszeski 2011] показывают, что до 70 % африканских границ были проведены без учета этнического распределения населения, что стало одним из ключевых факторов этнополитической фрагментации.

Анализ постколониального развития невозможен без привлечения концепций, описывающих долгосрочные эффекты колониализма. Постколониальная теория, разработанная в работах [Fanon 1961] и [Bhabha 1994], рассматривает колониализм не только как форму политико-экономического господства, но и как процесс культурного доминирования, изменяющий способы восприятия власти, идентичности и исторического времени.

Другим важным концептуальным инструментом является модель неопатримониального государства, подробно описанная [Englebert 2000]. В рамках этой модели формальные демократические институты функционируют параллельно с традиционными патронажными сетями, а реальная власть концентрируется в руках узкой элиты. Такая гибридная структура препятствует институционализации демократических норм и способствует воспроизводству авторитарных тенденций.

Теория неоколониализма, предложенная [Nkrumah 1965], дополняет этот анализ, обращая внимание на сохранение экономической зависимости постколониальных стран от бывших метрополий. Валютные союзы, контроль над экспортно ориентированными отраслями и продолжительное культурное влияние создают ситуацию, при которой политический суверенитет оказывается ограниченным рамками экономической и идеологической зависимости.

Исторически колониальные державы преследовали собственные интересы, игнорируя этническое и культурное разнообразие региона, что привело к формированию государств, в которых нация как единое целое не имела прочной социальной или политической базы. В результате постколониальные элиты были вынуждены балансировать между заимствованными из Европы государственными моделями и традиционными формами власти, что породило особый тип политической культуры, нередко описываемый в рамках неопатримониалистического подхода.

¹ Берлинская конференция (нем. *Kongokonferenz*, «конференция по Конго») — международная конференция, собравшаяся 15 ноября 1884 г. в Берлине для обсуждения раздела Африки между европейскими державами в условиях ожесточившейся «драки за Африку». Продлилась до 26 февраля 1885 г.

Одним из наиболее значимых последствий колониального наследия стала произвольная демаркация границ, проведенная европейскими державами в конце XIX в. Берлинская конференция 1884–1885 гг. закрепила принципы раздела Африки, при которых этнические, культурные и исторические реалии почти не учитывались [Herbst 2000]. В странах Западной Африки это привело к тому, что в пределах одного государства оказались объединены десятки различных этносов, а многие народы оказались разделены государственными рубежами.

Такая ситуация способствовала тому, что в постколониальный период этническая идентичность зачастую оставалась важнее национальной. В ряде случаев этнические партии стали главными игроками на политической арене, что усиливало внутриэлитную конкуренцию и подрывало возможности общенациональной интеграции. Лидеры некоторых государств предпринимали попытки сгладить эти противоречия — например, в Кот-д’Ивуаре Ф. Уфуэ-Буаньи использовал стратегию «инклюзивного распределения» министерских постов между этническими группами, в то время как Кваме Нкрума в Гане запретил партии на этнической основе [Nkrumah 1961]. Однако эти меры не всегда приводили к устойчивым результатам.

Постколониальный этап характеризовался становлением новой политической элиты, значительная часть которой получила образование в метрополиях. Это способствовало переносу в африканскую политическую систему европейских институтов — парламента, судебных органов, многоуровневой бюрократии [Whitaker 2018]. Однако заимствованные структуры зачастую сочетались с традиционными институтами власти, такими как институт вождей, создавая двойную систему управления.

При внешней ориентации на демократические нормы многие государства Западной Африки сохраняли авторитарные методы управления. Власть концентрировалась в руках узкого круга лиц, а политическая конкуренция часто сводилась к борьбе за доступ к государственным ресурсам. Подобная модель, характерная для неопатримониальных систем [Englebert 2000], препятствовала формированию устойчивых институтов и способствовала политической нестабильности.

Важной чертой постколониального развития региона стала роль армии как ключевого политического игрока. В некоторых странах Западной Африки именно военные обеспечивали свержение непопулярных режимов или приход к власти новых лидеров. Однако в большинстве случаев военные перевороты не приводили к долгосрочной демократизации, а, напротив, закрепляли персоналистские и авторитарные режимы. Примеры таких сценариев наблюдались в Мали, Нигере и Буркина-Фасо [Medushevskiy, Shishkina 2022], где армия регулярно вмешивалась в политический процесс, оправдывая это необходимостью стабилизации государства.

Несмотря на формальную независимость, многие страны Западной Африки сохраняли тесные политико-экономические связи с бывшими метрополиями. Примером является валютная система франка КФА, которая продолжает связывать ряд государств региона с Францией [Táíwò 2014], вызывая споры

о соотношении экономической целесообразности и политического суверенитета. Подобные формы «мягкого» контроля рассматриваются рядом исследователей как проявления неокOLONиализма [Nkrumah 1965], сохраняющего зависимость постколониальных государств от внешних центров силы.

Влияние колониального наследия на современную политику стран Западной Африки проявляется в целой совокупности факторов — от границ и этнической мозаики до институциональной слабости и внешней зависимости. Постколониальные государства региона продолжают искать баланс между модернизацией и сохранением традиций, между внутренней стабильностью и демократизацией. Однако без комплексного пересмотра структуры политической системы, укрепления независимых институтов и снижения внешней зависимости потенциал устойчивого развития остается ограниченным.

Анализ постколониальной динамики в странах Западной Африки невозможен без обращения к более широкому цивилизационному контексту, в котором идеи постколониальности выступают не просто как историко-политическая категория, но как способ осмысления места региона в глобальной системе [Abrahamsen 2006]. В отличие от узкоинституционального подхода, фокусирующегося на формальных механизмах власти, постколониальная перспектива акцентирует внимание на культурно-символическом и ментальном наследии колониализма, которое продолжает структурировать социально-политическое пространство даже в условиях независимости [Bhabha 1994]. Здесь важным является не только сохранение определенных форм политической организации, заимствованных у метрополий, но и воспроизводство представлений о власти, прогрессе и развитии, сформированных в рамках колониальной парадигмы. В странах Западной Африки этот процесс проявляется в амбивалентности политического дискурса: с одной стороны, правящие элиты демонстрируют приверженность идеям суверенитета и культурной самобытности, с другой — активно воспроизводят управленческие модели и ценностные ориентиры, унаследованные от колониального периода [Бисенова 2022]. Такая двойственность нередко становится источником внутренних противоречий, поскольку модернизационные проекты, инициируемые «сверху», сталкиваются с социальными структурами, чья логика укоренена в традиционалистских практиках. Таким образом, политическая эволюция государств региона оказывается вписанной в диалектику глобального и локального, где колониальное прошлое функционирует как устойчивый, хотя и постоянно трансформирующийся элемент политической идентичности.

Важным направлением современного исследования влияния колониального наследия становится изучение феномена «деколонизации сознания», предполагающего переосмысление базовых категорий, через которые африканские общества воспринимают и описывают политическую реальность [Ngũgĩ wa Thiong'o 1986]. В постколониальных государствах Западной Африки этот процесс осложняется тем, что система образования, официальная языковая политика и значительная часть медийного пространства продолжают функционировать в логике культурного кода бывших метрополий [Ofosu-Asare 2024].

Такая ситуация приводит к парадоксу: даже при декларируемой ориентации на национальное возрождение значительная часть символического капитала государства опирается на внешние, «привнесенные» образцы. В политической культуре это выражается в сохранении дистанции между государством и обществом, восприятии власти как «внешнего» института, а не органичного продолжения социальной структуры. Более того, постколониальная критика выявляет, что подобная зависимость от колониальных нарративов препятствует формированию подлинно инклюзивной модели национальной идентичности, способной интегрировать этническое и культурное многообразие региона [Абрамова, Фитуни 2015]. Преодоление этого наследия требует не только институциональных реформ, но и глубоких культурных изменений, предполагающих отказ от автоматического воспроизведения западных политических схем и выработку собственных концепций развития [Táíwò 2022]. В этом смысле деколонизация в Западной Африке предстает как многоуровневый и долгосрочный процесс, в котором культурная эмансипация является не менее значимой задачей, чем экономическая или политическая независимость.

Глубинное воздействие колониального наследия на политические процессы в странах Западной Африки остается одной из ключевых детерминант, определяющих вектор их современного развития. Формирование национальных государств на основе искусственно проведенных границ, интеграция в мировую хозяйственную систему и продолжительная зависимость от бывших метрополий создали устойчивые структурные особенности, во многом определяющие динамику внутренней и внешней политики региона [Hirsch, Lopes 2020]. В то время как политико-административные институты независимых государств во многом воспроизводят модели, заимствованные в колониальную эпоху, сохраняются существенные элементы патронажных отношений, внешней экономической зависимости и специфической культурной идентичности, выработанной на «пограничных» пространствах встречи африканских традиций и европейских ценностей.

Одним из проявлений колониального наследия является институциональная конфигурация власти. В таких странах, как Сенегал, Кот-д'Ивуар, Бенин и Буркина-Фасо, постколониальные политические системы долгое время являлись либо прямым продолжением администраций колониальных губернаторств, либо реинтерпретацией уже действовавших форм, адаптированных к условиям независимости [Medushevskiy, Shishkina 2022]. Применение французской административно-правовой модели, проведение реформ образования и военной сферы по западному образцу, развитие сети транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры в логике экспортно ориентированной экономики — всё это не только придало странам региона внешнее сходство с метрополиями, но и сформировало уникальные политические культуры [Skinner 2023]. В них воспроизводились элементы когнитивной зависимости, «импортированных» концепций демократии, управления многоэтничностью и локальных систем правосудия, часто вступающих в противоречие с традиционными африканскими способами регуляции и социальной интеграции.

Особое внимание заслуживает проблема воспроизводства экономической зависимости: несмотря на формальное обретение суверенитета, ключевые сектора экономики (сырьевой экспорт, банковское дело, инфраструктурные проекты) долгое время оставались под контролем компаний и финансовых институтов бывших колониальных держав [Táíwò 2022]. Колониальное прошлое продолжает определять судьбу интеграционных проектов, таких как Западноафриканский экономический и валютный союз (UEMOA) и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ECOWAS) [Shanguhya, Falola 2018]: региональные экономические стратегии зачастую ориентированы на удовлетворение спроса внешних рынков, а периферийное положение в международном разделении труда подкрепляется сохранением франка КФА и зависимостью валютной политики от Парижа. На этом фоне отмечается рост националистических движений, требующих экономической и институциональной деколонизации, что выражается как во внутренней дискуссии о национальной памяти, так и в попытках разрыва соглашений с международными финансовыми структурами и французскими компаниями.

Наряду с этим на политической сцене Западной Африки усиливается критика европоцентрической парадигмы: элиты и представители интеллектуальных кругов подчеркивают необходимость внутреннего диалога и поиска альтернативных моделей развития, опирающихся на африканский опыт, традиции и практики самоорганизации [Абрамова 2015]. В этом смысле разворачивается борьба между множественностью постколониальных идентичностей и попытками возвращения к утраченной аутентичности, чему содействуют процессы исламского и христианского ренессанса, репатриации исторической памяти и активизации горизонтальных связей между странами региона. Векторы политики всё чаще пересекаются с вопросами культурной и религиозной самобытности, в то время как внешние акторы, прежде всего бывшие метрополии, сталкиваются с феноменом «обратной» деколонизации — трансформацией собственных представлений о роли и месте Африки в современном мире [Бисенова 2022].

Современная политика в Западной Африке всё чаще проявляет себя через многоуровневое взаимодействие колониального наследия, новых идентичностных практик и глобальных вызовов [Ofosu-Asare 2024]. На фоне глобализационных трансформаций и нарастающей политической, трудовой и образовательной миграции перед странами региона встает задача переосмысления исторических сценариев развития и выработки собственных стратегий укрепления суверенитета. Этот процесс осложняется тяготением к ретравматизации памяти (например, в случаях с легитимацией власти через апелляцию к травматическому опыту рабства и колониализма), а также конкурирующими проектами модернизации — западного и локального происхождения. Таким образом, анализ постколониального воздействия на политику государств Западной Африки требует междисциплинарного подхода, учитывающего как процессуальность и множественность исторических изменений, так и многообразие субъектов, участвующих в формировании нового облика региона.

В заключение следует отметить, что колониальное наследие в политике стран Западной Африки трансформируется сегодня в сложную систему вызовов и возможностей. Оно проявляется не только как источник структурных проблем, но и как стимул для консолидации политической субъектности, поиска собственных траекторий развития и преодоления периферийности, навязанной в ходе многовекового взаимодействия с Западом. Акцент на внутренней интеграции, диалоге цивилизаций и создании новых контуров культурного и экономического суверенитета становится основой для будущих исследований и практических решений по формированию постколониального пространства в Западной Африке.

Колониальное наследие, сохранившееся в структуре политических отношений и в территориальной организации государств Западной Африки, продолжает определять повседневную реальность региона. Дальнейший анализ источника раскрывает важные параметры воздействия колониализма на современную политику — в частности, в аспектах этнической стратификации, пограничных конфликтов и процесса институционализации национальной идентичности.

Колониальные административные практики, начиная с миссий Берлинской конференции (1884–1885), реализовывались путем расчленения традиционных этнических территорий и интеграции разнородных групп в рамки новых государственных образований. На сегодняшний день порядка 70 % границ африканских государств определены без учета этнических ландшафтов, что привело к множеству межэтнических противоречий. Известно, что в пределах одного государства, к примеру в Бенине, Кот-д’Ивуаре или Нигерии, административные деления зачастую не совпадают с историческими зонами расселения этносов, что создает напряженность и питает сепаратистские тенденции, нередко приводя к вооруженным столкновениям.

Колониальные администрации активно применяли политику «разделяй и властвуй», искусственно возвышая одни группы над другими, что закрепляло социальную и политическую иерархию. Для примера, в бывших колониях Франции и Бельгии этническая стратификация формировалась на основе административной селекции, образовательной системы и трудового рынка, где привилегии предоставлялись определенным слоям — так возникла прослойка африканской интеллигенции («эволюэ»), занявшая промежуточную позицию между европейскими колонизаторами и коренным населением.

Колониальный период ознаменовался масштабными миграциями, не только принудительными, но и добровольными, что способствовало переосмыслению национальной и этнической идентичности. Например, перемещение народов баньяруанда из Руанды и Бурунди в районы Восточного Конго и современные процессы мобильности внутри региона Западной Африки во многом повторяют колониальные механизмы управления рабочей силой и распределения ресурсов. Подобные миграции, поддерживаемые колониальной администрацией, не только способствовали формированию новых социальных структур, но и породили длительные конфликты по поводу статуса, принадлежности и гражданства этнических меньшинств. В современных условиях специфика миграционных

процессов дополнительно осложняет интеграцию, поднимает вопрос о «чистоте» национальности и усиливает этнополитические дебаты.

Важным аспектом институционализации идентичности стали законодательные фиксации национального статуса, как это видно в юридических документах Конго, определяющих критерии принадлежности к конголезской нации по факту проживания на момент независимости. Аналогичные дискурсы сегодня проявляются в политике других государств региона, где продолжаются споры об исключении и включении отдельных этнических групп, а этническая политизация становится элементом внутренней и внешней борьбы за ресурсы и полномочия.

Среди ключевых проблем современного развития Западной Африки — пограничные конфликты, которые своими корнями уходят в эпоху колониализма [Shanguhya, Falola 2018]. Решающим фактором стало закрепление границ, проведенных колонизаторами, зачастую по геометрическим линиям, меридианам и параллелям, а не по естественным рубежам или историческим зонам проживания народов. Отсутствие учета этнических и культурных особенностей при демаркации приводило к распаду традиционных образований, разрыву семей и миграции целых этносов. Даже спустя десятилетия после обретения независимости проблема неприкосновенности границ остается предметом острых конфликтов, что негативно влияет на процессы интеграции и стабильности региона [Musavengane, Leonard 2019].

Яркий пример — создание зоны Киву, ассоциируемой с частыми столкновениями между автохтонным населением и мигрантами, а также ряд случаев, когда переселенные колониальной администрацией группы формируют устойчивые сепаратистские движения, оперируя аргументами исторической несправедливости и необходимости восстановления этнических территорий. Сегодня это проявляется как на межгосударственном уровне, так и в форме внутриэтнических конфликтов, что существенно затрудняет реализацию интеграционных проектов и развитие региональной безопасности [Бисенова 2022].

Фактическая непоследовательность в проведении колониальных границ, а также искусственная стратификация социальных и этнических систем стали катализатором для возникновения зон нестабильности, в частности тех, что характеризуются длительными гражданскими войнами, как в случае с лулува и луба в провинции Касаи или с политическими волнениями, вызванными интеграцией беженцев. Колониальные практики административного управления, в которых предпочтение отдавалось одним сообществам за счет других, стали причиной формирования локальных элит, способных вступать как во взаимодействие с внешними акторами, так и во внутренние противостояния.

На современном этапе отмечается тенденция пересмотра концепции национального суверенитета и поиска новых форм политической организации, которые бы учитывали исторический опыт, этнополитическую специфику и динамику миграционных процессов. Африканские элиты и интеллектуальные круги выступают за деколонизацию институтов, реконтекстуализацию национальной

идентичности и реформу систем управления в интересах внутренней интеграции и устойчивого развития [Shanguhya 2018].

Анализ геополитического наследия колониализма демонстрирует, что влияние колониальных практик намного глубже, чем простое воспроизведение прежних административных моделей или экономической зависимости. Оно проявляется в институционализации конфликта, формировании новых этнополитических конструкций, а также в многоуровневой трансформации идентичности. Ключевым вызовом становится необходимость поиска баланса между исторически обусловленными границами и современными требованиями справедливого распределения ресурсов, инклюзивности и устойчивого развития государств региона.

Можно заключить, что современные политические конфликты, этническая и миграционная динамика, а также проблемы с национальной идентичностью и гражданством — это прямое следствие исторического колониального вмешательства и искусственного формирования государственных образований. Для эффективного преодоления структурных вызовов важно опираться на критический анализ источника, учитывать междисциплинарные факторы и продолжать поиск альтернативных сценариев развития, способствующих интеграции и консолидации обществ Западной Африки в постколониальной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 03.08.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 12.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Абрамова И.О. Африка: неоплаченный долг колонизаторов / отв. ред. И.О. Абрамова. Москва : Ин-т Африки РАН, 2023. EDN: OORAQY.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал региона Африки к югу от Сахары // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 167–173.
- Бисенова А.Ж. Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации» // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. №4. С. 161–171. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171>; EDN: VPFXEG.
- Дейч Т.Л., Корендясова Е.Н. Африканские страны в современных международных отношениях: новые рубежи / под ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясова. Москва : Институт Африки РАН, 2017.
- Следзевский И.В. Христианские и мусульманские общности в Африке южнее Сахары: потенциал религиозной интеграции // Цивилизационные альтернативы Африки / И.В. Следзевский (отв. ред.). Т. III. Москва : Ин-т Африки РАН, 2020. С. 64–81.
- Abrahamsen R. Postcolonialism // Postcolonizing the International: Working to Change the Way We Are / P. Darby (ed.). Honolulu : University of Hawai'i Press, 2006. P. 25–43.
- Alesina A., Easterly W., Matuszeski J. Artificial States // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9. No. 2. P. 246–277.
- Bhabha H.K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994.

- Decolonisation: Revolution and Evolution / ed. by D. Boucher, A. Omar. Johannesburg : Wits University Press, 2023. <https://doi.org/10.18772/22023108448>
- Decolonising African University Knowledges. Volume 1 : Voices on Diversity and Plurality / ed. by A.P. Ndofirepi, F. Maringe, S. Vurayai, G. Erima. L. : Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003228233>
- Englebert P. State Legitimacy and Development in Africa. Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2000.
- Fanon F. Les damnés de la terre. Paris : François Maspero, 1961.
- Herbst J. States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Hirsch A., Lopes C. Post-colonial African Economic Development in Historical Perspective // Africa Development. 2020. Vol. 45. No. 1. P. 31–46. <https://doi.org/10.57054/ad.v45i1.651>; EDN: IHSTBY.
- Medushevskiy N.A., Shishkina A.R. Modern French Policy on the African Continent: Transformations of a Françafrique Model // Journal of Asian and African Studies. 2022. Vol. 57. Iss. 6. P. 1141–1157. <https://doi.org/10.1177/00219096211046275>; EDN: ZJFEML.
- Musavengane R., Leonard L.N. When Race and Social Equity Matters in Nature Conservation in Post-apartheid South Africa // Conservation & Society. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 135–146. https://doi.org/10.4103/cs.cs_18_23
- Ngũgĩ wa Thiong'o. Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature. Nairobi : East African Publishers, 1986.
- Nkrumah K. I Speak of Freedom: A Statement of African Ideology. London : Heinemann, 1961.
- Nkrumah K. Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism. London : Thomas Nelson & Sons, Ltd., 1965.
- Oforu-Asare Y. Decolonizing Design in Africa: Towards New Theories, Methods, and Practices. Postcolonial History. Palgrave Macmillan. New York : Routledge, 2024. <https://doi.org/10.4324/9781032692647>
- Shanghuhyia M.S. & Falola T. (Eds.). (2018). The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History. Palgrave Macmillan.
- Skinner R. Peace, Decolonization, and the Practice of Solidarity. London : Bloomsbury Academic, 2023. <https://doi.org/10.5040/9781350384736>
- Táíwò O. How Colonialism Preempted Modernity in Africa. Bloomington, IN : Indiana University Press, 2010.
- Táíwò O. Africa Must Be Modern: A Manifesto. Bloomington, IN : Indiana University Press, 2014.
- Táíwò O. Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously. London : C. Hurst & Company, 2022.
- Táíwò O. Legal Naturalism : A Marxist Theory of Law. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2015. <https://doi.org/10.7591/9781501701740>
- Whitaker B.E., Clark J.F. Africa's International Relations: Balancing Domestic and Global Interests. Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2018.
- Whitaker B.E., Clark J.F. Africa's International Relations. Balancing Domestic and Global Interests. Lynne Rienner, 2018.

References

- Abrahamsen, R. (2006). Postcolonialism. In P. Darby (Ed.), *Postcolonizing the international: Working to change the way we are* (pp. 25–43). Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Abramova, I.O. (Ed.). (2023). *Africa: The unpaid debt of the colonizers*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian). EDN: OORAQY.

- Abramova, I.O., & Fituni, L.L. (2015). Economic attractiveness and investment potential of the Sub-Saharan African Region. *Problems of Modern Economics*, 3, 167–173. (In Russian).
- Alesina, A., Easterly, W., & Matuszeski, J. (2011). Artificial States. *Journal of the European Economic Association*, 9(2), 246–277.
- Bhabha, H.K. (1994). *The location of culture*. London: Routledge.
- Bisenova, A.Zh. (2022). Review of the main terms of postcolonial theory and the question of their ‘localization’. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*, 4, 161–171. (In Russian). <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171> EDN: VPFXEG.
- Boucher, D., & Omar, A. (Eds.). (2023). *Decolonisation: Revolution and evolution*. Johannesburg: Wits University Press. <https://doi.org/10.18772/22023108448>
- Deich, T.L., & Korendyasov, E.N. (Eds.). (2017). African countries in contemporary international relations: New frontiers. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Englebert, P. (2000). *State legitimacy and development in Africa*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Fanon, F. (1961). *Les damnés de la terre*. Paris: François Maspero.
- Herbst, J. (2000). *States and power in Africa: Comparative lessons in authority and control*. Princeton: Princeton University Press.
- Hirsch, A., & Lopes, C. (2020). Post-colonial African economic development in historical perspective. *Africa Development*, 45(1), 31–46. <https://doi.org/10.57054/ad.v45i1.651>; EDN: IHSTBY.
- Medushevskiy, N.A., & Shishkina, A.R. (2022). Modern French policy on the African continent: Transformations of a Françafrique model. *Journal of Asian and African Studies*, 57(6), 1141–1157. <https://doi.org/10.1177/00219096211046275> EDN: ZJFEML.
- Musavengane, R., & Leonard, L.N. (2019). When race and social equity matters in nature conservation in post-apartheid South Africa. *Conservation & Society*, 17(2), 135–146. https://doi.org/10.4103/cs.cs_18_23
- Ndofirepi, A.P., Maringe, F., Vurayai, S., & Erima, G. (Eds.). (2022). *Decolonising African university knowledges. Volume 1: Voices on diversity and plurality*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003228233>
- Ngũgĩ wa Thiong’o (1986). *Decolonising the mind: The politics of language in African literature*. Nairobi: East African Publishers,.
- Nkrumah, K. (1965). *Neo-colonialism, the last stage of imperialism*. London : Thomas Nelson & Sons, Ltd.
- Nkrumah, K. (1961). *I speak of freedom: A statement of African ideology*. London: Heinemann.
- Ofosu-Asare, Y. (2024). *Decolonizing design in Africa: Towards new theories, methods, and practices*. New York : Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781032692647>
- Shanguhya, M.S., & Falola, T. (Eds.). (2018). *The Palgrave handbook of African colonial and postcolonial history*. Palgrave Macmillan.
- Skinner, R. (2023). *Peace, decolonization, and the practice of solidarity*. London : Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781350384736>
- Sledzevsky, I.V. (2020). Christian and Muslim communities in Sub-Saharan Africa: The potential for religious integration. In I.V. Sledzevsky (Ed.), *Civilizational Alternatives of Africa*. Vol. III (pp. 64–81). Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Táíwò, O. (2010). *How colonialism preempted modernity in Africa*. Bloomington, IN : Indiana University Press.
- Táíwò, O. (2014). *Africa must be modern: A manifesto*. Bloomington, IN : Indiana University Press.

Táíwò, O. (2022). *Against decolonisation: Taking African agency seriously*. London : C. Hurst & Company.

Táíwò, O. (2015). *Legal naturalism: A Marxist theory of law*. Ithaca, NY : Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501701740>

Whitaker, B.E., & Clark, J.F. (2018). *Africa's international relations: Balancing domestic and global interests*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Сведения об авторе:

Салиу Дабо — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (dabosalieu@gmail.com) (ORCID: 0009-0005-0951-2736)

About the author:

Dabo Saliu — PhD student at the Department of Comparative Politics, RUDN University (dabosalieu@gmail.com) (ORCID: 0009-0005-0951-2736)

МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

MACRO-REGIONAL ISSUES

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-759-774

EDN: EANXVP

Научная статья / Research article

Эволюция внешнеполитических ориентиров государств Африки южнее Сахары

Г.М. Сидорова

Институт Африки РАН, Дипломатическая академия МИД России, Московский
государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

✉ gal_sid@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что африканские страны становятся неотъемлемой частью политических и экономических процессов в мире. Стратегию сотрудничества африканские лидеры выстраивают исходя из национальных интересов и взаимной выгоды, делают упор на укреплении суверенитета государства. Африканские лидеры уделяют большое внимание военно-политическому аспекту международного сотрудничества, поскольку в ряде регионов континента наблюдается высокая интенсивность локальных и межгосударственных конфликтов. Об этом свидетельствует обострение обстановки в Сахаро-Сахельском регионе в 2023–2025 гг. Именно поэтому создаются региональные военно-политические объединения, пересматриваются соглашения с традиционными партнерами в области обороны. Особое внимание уделено взрослению политических элит африканских государств, их прагматизму и отмежеванию от бывших метрополий, которые, в свою очередь, стремятся удерживать их в орбите своего влияния. Такие механизмы неоколониализма, как «Франсафрик», подвергаются критике и вызывают протест у большинства африканцев. Подчеркивается самостоятельный выбор партнеров не только из числа западных, но также и незападных стран. Особо выделяется взаимодействие с Россией в свете решений саммитов 2019 г. в Сочи и 2023 г. в Санкт-Петербурге, Межминистерской встречи Россия — Африка в Сочи в ноябре 2024 г. Появление такой площадки, как форум Россия — Африка, значительно повысил возможности африканских стран в реализации национальных проектов и укреплении позиций в международных делах. Стремление африканских стран участвовать в межкультурном объединении БРИКС рассматривается как хорошая перспектива политического роста и международного авторитета стран Африки. Доказано, что политическая активность африканских стран неизменно растет, что способствует закреплению их авторитета в мире, повышению экономических показателей, помогает бороться с незаконными вооруженными формированиями. В работе применен комплексный подход к рассматриваемым процессам с использованием инвент-анализа с критической оценкой информации.

© Сидорова Г.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Африка, Россия, БРИКС, международное сотрудничество, внешняя политика, национальные интересы, военно-техническое сотрудничество

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сидорова Г.М. Эволюция внешнеполитических ориентиров государств Африки южнее Сахары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 759–774. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-759-774>

Evolution of Foreign Policy Guidelines of the States in Sub-Saharan Africa

Galina M. Sidorova

Moscow State Linguistic University, Institute for African Studies, Diplomatic Academy of the
Russian Ministry of Foreign Relations, *Moscow, Russian Federation*

✉ gal_sid@mail.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the fact that African countries are becoming an integral part of political and economic processes in the world. African leaders build their cooperation strategy on the basis of national interests and mutual benefit, focusing on strengthening sovereign states. African leaders pay great attention to the military-political aspect of international cooperation, since a number of countries on the continent are experiencing a high intensity of local and interstate conflicts. This is evidenced by the aggravation of the situation in the Sahara-Sahel region in 2023–2025. That is why regional military-political alliances are being established and agreements with traditional defense partners are being revised. The research focuses on the maturation of the political elites of African states, their pragmatism and disassociation from the former metropolises, which in turn seek to keep them in the orbit of their influence. Neo-colonialist mechanisms such as Fransafrigue are criticized and protested by the majority of Africans. The independent choice of partners is emphasized, not only from among Western countries, but also from non-Western countries. Interaction with Russia is emphasized in light of the decisions of the 2019 Sochi and 2023 summits in St. Petersburg and the Russia — Africa Inter-Ministerial Meeting in Sochi in November 2024. The emergence of such a platform as the Russia — Africa Forum has significantly increased the opportunities for African countries to implement national projects and strengthen their positions in international affairs. The aspiration of African countries to participate in the BRICS inter-civilizational association is seen as a good prospect for political growth and international prestige of African countries. It has been proved that the political activity of African countries is steadily growing, which contributes to the consolidation of their authority in the world, improvement of economic performance, and helps to combat illegal armed groups. The work applied a comprehensive approach to the processes under consideration, used event-analysis with critical evaluation of information.

Keywords: Africa, Russia, BRICS, international cooperation, foreign policy, national interests, military-technical cooperation

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sidorova, G.M. (2025). Evolution of foreign policy guidelines of the states in Sub-Saharan Africa. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 759–774. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-759-774>

Введение

В эпоху нового мироустройства, глобальной перестройки международных отношений государства Африки все больше становятся частью мировых политических и экономических процессов, взаимовлияющих и взаимодополняющих, что неизбежно приводит к изменениям как внутри политических систем самих африканских стран, так и во взаимоотношениях с традиционными и новыми партнерами [Неймарк 2024]. Африканские государства участвуют в международных форумах, становятся важными игроками в формировании глобальных отношений. Повышается и уровень дипломатии стран южнее Сахары, которые активно налаживают связи с незападными странами, что свидетельствует о зрелости африканских политических элит [Денисова 2016]. Развивается сеть регионального сотрудничества, в частности, в области обороны [Титоренко 2024]. Особенность современных процессов в Африке состоит в том, что страны континента стали более сплоченно координировать свои усилия и демонстрировать умение в решении общих задач как на региональном, так и международном уровнях¹. Это важно, в первую очередь, для противодействия террористическим угрозам, которые особенно остро проявляются в Сахаро-Сахельском регионе. В будущем роль африканских стран в международных делах будет увеличиваться уже по причине бурного роста населения и укрепления их государственности [Голстоун, Гринин, Устюжанин 2023: 54].

Объектом исследования являются внешнеполитические приоритеты государств Африки южнее Сахары в постколониальную эпоху, начиная с периода обретения большинством африканских стране независимости (с 1960 г.). Установлено, что за более чем полувековой период африканские государства достигли значительных результатов во внешнеполитических связях, стали неотъемлемой частью мировых политических и экономических процессов. Доказано также, что в настоящее время идет активный процесс отмежевания африканских стран от бывших метрополий, которые, в свою очередь, пытаются конкурировать с новыми африканскими партнерами и удерживать «пальму первенства» в бывших колониях [Ndlovu-Gatsheni 2021].

В процессе работы над статьей был, помимо ивент-анализа, использован метод историзма, позволивший установить динамику внешнеполитических приоритетов африканских стран на разных этапах становления государств, а также методы индукции и дедукции. Автор ставит задачу провести анализ внешнеполитической активности африканских государств и повышения их авторитета на международной арене. В заключение работы делается вывод о том, что африканские государства активно участвуют в международных процессах, стремятся к сотрудничеству с партнерами на взаимовыгодной основе, укрепляют

¹ См.: [Kiwiremba 2024]; Timossi A.J. Revisiting the 1955 Bandung Asian-african conference and its legacy. South Bulletin, 85, 15 Mai 2015. URL: <https://www.southcentre.int/question/revisiting-the-1955-bandung-asian-african-conference-and-its-legacy/> (accessed: 04.02.2025).

связи с Россией. Отличительной чертой их политики становится стремление к самостоятельному выбору партнеров и отказ от патерналистских отношений с бывшими метрополиями.

Этапы политической консолидации стран Африканского континента

Уже более полувека назад африканские страны добились независимости. На первом этапе деколонизации управленческого опыта у африканских политиков было недостаточно, и они во многом копировали модели государственного и экономического устройства по образцу своих бывших метрополий [Kiyirembe 2024: 16]. Внешние связи поддерживались в основном с бывшими метрополиями, которые навязали им соглашения в различных областях с односторонней выгодой. Для большинства африканских правителей политическая независимость превратила политику в борьбу за сохранение власти и «ежедневное, зачастую с большим трудом им дававшееся, управление делами государства» [Денисова 2016: 139]. Тем не менее африканские народы получили не только возможность сохранения своей культурной идентичности, но стали также развивать собственные политические институты власти, избирательную систему и конституцию, разрабатывать внешнеполитические стратегии [Ndlovu-Gatsheni 2021]. Политические элиты африканских государств совершенствовали свои знания и постепенно начали включаться в процесс международного сотрудничества.

Динамику для развития внешнеполитических связей африканских государств и наполнения их новым содержанием придала конференция 1955 г., состоявшаяся в Бандунге в Индонезии и вошедшая в историю как Бандунгская конференция. На ней обсуждались важные для того момента вопросы колониализма и расовой дискриминации, войны и мира, нераспространения атомного оружия, налаживания связей в различных областях. Десять «принципов Бандунга», закрепленные в финальной Декларации, среди которых: уважение прав человека, принципов и целей Устава ООН; уважение суверенитета и территориальной целостности; отказ от интервенции и вмешательства во внутренние дела; урегулирование международных споров мирным путем; уважение справедливости и международных обязательств и другие — дали участникам конференции ключ не только к пониманию стоящих перед ними задач, но стали директивным документом для коллективного решения проблем мира и безопасности на континенте². А главное — народы африканских стран стали заявлять о себе в международных делах. Солидарность народов Азии и Африки на этом форуме способствовала созданию Движения неприсоединения в 1961 г., объединившая 120 государств мира, однако со временем ее активность была снижена и практически свелась на нет [Bernard 2013].

² Timossi A.J. Revisiting the 1955 Bandung Asian-african conference and its legacy // *South Bulletin*, 85, 15 May 2015. URL: <https://www.southcentre.int/question/revisiting-the-1955-bandung-asian-african-conference-and-its-legacy/> (accessed: 04.02.2025).

Важной вехой в развитии регионального и международного сотрудничества стало создание 25 мая 1963 г. на конференции в Аддис-Абебе (Эфиопия) 32 африканскими странами Организации африканского единства, целью которой стало объединение африканских народов и решение общих проблем. В 2002 г. Организация была преобразована в Африканский союз. В настоящий момент — это крупная по своим масштабам политическая организация, объединяющая государства континента и способная решать общие континентальные задачи. О значимости этой организации В.Г. Шубин писал следующее: «Достижение единства Африки, о котором мечтал лидер независимой Ганы Кваме Нкрума еще более полувека назад и которое энергично продвигал М. Каддафи уже в нынешнем веке, — длительный и очень сложный процесс. Но даже само существование АС и региональных сообществ намного усиливает позиции африканцев перед лицом вызовов XXI века»³. В январе 2015 г. в Аддис-Абебе главы государств и правительств Африканского союза приняли «Повестку до 2063 года». Она представляет собой рамочное соглашение в целях социально-экономических преобразований на континенте, призвана к «инклюзивному и устойчивому развитию и подчеркивает важность единства, самодостаточности и активного участия граждан Африки в формировании будущего своего континента»⁴. Повестка дня состоит из семи направлений, которые представляют собой коллективное видение развития Африки, включая такие направления, как процветающая Африка; интегрированный континент; Африка эффективного управления; мир и безопасность; возрождение африканской культуры; полное гендерное равенство во всех сферах жизни; а также влияние Африки на мировые события⁵. Статус Африканского союза значительно повысился с момента его вступления в сентябре 2023 г. **в неформальное объединение наиболее крупных и влиятельных экономически развитых и развивающихся стран G20.**

Международное сотрудничество африканских стран координируется соответствующими организациями ООН, которая предоставляет платформу для диалога, принципы самоопределения и международные нормы. В рамках поддержки африканских стран был создан такой механизм, как Международная система опеки для наблюдения за переходом колоний к независимости. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1514, известную как Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. ООН способствовала ликвидации апарtheid (Pax Africana, 2009) и созданию Южно-Африканской Республики, оказывала содействие миротворческим миссиям в период перехода к независимости, помогая

³ Шубин В.Г. Единая Африка? // Российский совет по международным делам (РСМД). 2 июля 2014. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/edinaya-afrika/> (дата обращения: 04.02.2025).

⁴ ООН. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/africa> (дата обращения: 16.08.2024).

⁵ Там же.

поддерживать стабильность или, во всяком случае, снижать интенсивность вооруженных конфликтов. В 2016 г. ООН провозгласила период 2016–2025 гг. третьим Десятилетием промышленного развития Африки, акцентируя внимание на устойчивой индустриализации Африки. Напомним, что цель и задачи первого Десятилетия ООН были обозначены в 1980-е гг., а вторым Десятилетием был назван период 1991–2000 гг.⁶ Африканские лидеры стали активнее использовать трибуну Генеральной Ассамблеи ООН для декларативных заявлений о проблемах континента, связанных с колониальным прошлым. Так, на заседании Совета Безопасности ООН в 2023 г. в рамках ГА ООН глава Кении У. Руто заявил, что «страны Африки не требуют подарков от коллективного Запада», а лидер Ганы Нана Акуфо-Аддо, разделив позицию своего кенийского коллеги, добавил, что Африканский континент уже длительное время находится в упадке⁷.

Динамика участия африканцев в международных форумах и укрепление российско-африканских отношений

Африка стала одним из ключевых партнеров в новой системе многополярного мироустройства. Третье десятилетие XXI столетия характеризуется высокой динамикой участия африканцев в международных делах, включая взаимодействие с Россией. Подтверждением этого служат успешно проведенные саммиты Россия — Африка в 2019 и 2023 гг., XVI саммит БРИКС в Казани в 2024 г., а также Межминистерская встреча в Сочи форума Россия — Африка 2024 г.

Мощным импульсом развития международного сотрудничества африканских государств стало создание нового диалогового механизма — форума партнерства Россия — Африка в 2019 г., который предусматривает ежегодные консультации глав внешнеполитических ведомств. На масштабное мероприятие прибыло 6 тыс. делегатов из 104 государств и территорий, были представлены все африканские страны. Среди подписанных соглашений — Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Африканским союзом об основах взаимоотношений и сотрудничестве, а также Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества. Отмечается успех в деловом партнерстве. Всего в ходе саммита было подписано 92 соглашения на сумму более 1 трлн рублей⁸. Саммит получил высокую оценку в странах Африканского континента. Так, конголезская (ДР Конго) оппозиционная газета «Фар» подчеркивала, «что новое партнерство Россия и Африка в политической, экономической, гуманитарной

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/293, 5 August 2016.

⁷ Страны Африки послали сигнал Западу на ГА ООН в Нью-Йорке. 24.09.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZRFo4KVC6lepU9Q?ysclid=m6tj6ig07q529341194> (дата обращения: 06.02.2025).

⁸ Документы, подписанные в ходе саммита Россия — Африка. 25.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5454> (дата обращения: 04.02.2025).

и культурной областях, а также в вопросах международной безопасности, закладывает хороший фундамент на будущее»⁹.

На очередном форуме Россия — Африка, состоявшемся в Санкт-Петербурге в 2023 г., африканские лидеры подтвердили свою заинтересованность в развитии отношений с Россией на длительную перспективу, оставляя позади своих традиционных партнеров среди европейских стран. Несмотря на жесткое противостояние Запада и России в то время, а также пандемию COVID-19, планируемое мероприятие прошло успешно. Оно было привлекательным для африканских партнеров, поскольку Россия всегда уважала суверенитет государств Африки, их традиции и свободу выбора партнеров. На форум приехали представители 49 стран, 17 из которых были представлены главами государств. Саммит в Санкт-Петербурге сформировал понимание того, что настал момент исторического перелома, «который вернет странам и народам Африки контроль над их жизнями и судьбами»¹⁰.

Значимой вехой в международном участии африканских государств стал XVI саммит БРИКС в октябре 2024 г. На пленарном заседании в формате БРИКС Плюс приняли участие делегации из стран Азии и Африки, а также представители СНГ, Ближнего Востока и Латинской Америки. БРИКС расширила свои рамки, куда вошли новые страны-партнеры из Африки, включая Алжир, Нигерию и Уганду. Имеются и другие африканские претенденты на вступление в это межцивилизационное объединение. Тем не менее, исходя из логики, процесс расширения не может быть бесконечным, поскольку это затруднит его организацию и управление [Daniélou 2024]. Хотя имеется и другое мнение. Некоторые ученые полагают, что сила организации состоит как раз в демографическом преобладании. После присоединения Индонезии к БРИКС в январе 2025 г. число стран организации достигло 12. По данным на начало января 2025 г., суммарно население стран — участниц БРИКС, составило 51 % от населения планеты¹¹.

Африканские государства проявили активность и в Первой министерской конференции Форума партнерства Россия — Африка, состоявшейся в ноябре 2024 г. Она приняла около 1500 делегатов, в том числе 40 министров из стран Африки. Это высокий показатель, если учитывать сложную военно-политическую ситуацию между Россией и Украиной, а также усилившееся во круг этого давление западной пропаганды на нашу страну. Африканские делегаты обсудили темы, касающиеся процесса формирования многополярной архитектуры, межрегионального сотрудничества, в очередной раз подтвердили свое намерение и дальше развивать сотрудничество с Россией по разным направлениям. Россия, в свою очередь, рассматривает Африку как долгосрочного

⁹ О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с министрами иностранных дел государств Африки. 23.10.2019. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3861075 (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁰ Карпович О.Г. Похороны колониализма // Известия. 31.07.2023. URL: <https://iz.ru/1551682/oleg-karpovich/pokhorony-neokolonializma> (дата обращения: 31.07.2023).

¹¹ Jose A.L. BRICS Now Represents 51 % Of Global Population. 03.01.2025. URL: <https://www.cointribune.com/en/brics-now-represents-51-of-global-population/> (accessed: 09.11.2024).

и перспективного партнера. Глава МИД РФ, подводя итоги встречи, выразил уверенность в том, что в будущем Африка станет одним из центров многополярного мира¹².

Экономическая составляющая активности африканских государств

Наряду с политической активностью африканские государства добились значительных показателей в экономике. Среди крупнейших экономик континента можно выделить такие страны, как Нигерия, ЮАР и Египет. Но с точки зрения быстрых темпов развития экономики выделяются государства территориально более мелкие — Руанда, Кот-д’Ивуар, Бенин, а также Эфиопия и Танзания, которые по своим показателям вошли в пятерку лидеров [Денисова, Костелянец 2024]. Их ВВП относительно стабильный, и растет примерно на 5,5 % в год [Экономика Африки... 2023]. Не отстают от них и ДР Конго, Гамбия, Мозамбик, Нигер, Сенегал и Того (табл.).

Страны Африки с самым высоким валовым внутренним продуктом (ВВП) в 2025 году

Страны	ВВП в млрд долл. США
ЮАР	410,34
Египет	347,34
Алжир	268,89
Нигерия	188,27
Марокко	165,84
Кения	131,67
Эфиопия	117,46
Ангола	113,34
Кот д’Ивуар	94,48
Гана	88,33
Танзания	85,98
ДР Конго	79,12
Уганда	64,28
Тунис	56,29
Камерун	56,01
Ливия	47,48
Зимбабве	38,17
Сенегал	34,73
Судан	31,51

Источник: Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1120999/gdp-of-african-countries-by-country/> (accessed: обращения: 17.08.2025).

¹² Сотников Г. Лавров уверен, что Африка станет одним из центров многополярного мира. 10.11.2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/10/lavrov-uveren-hto-afrika-stanet-odnim-iz-centrov-mnogopoliarnogo-mira.html> (дата обращения: 09.11.2024).

African countries with the highest gross domestic product (GDP) in 2025

Countries	GDP in billions of US dollars
South African Republic	410,34
Egypt	347.34
Algeria	268.89
Nigeria	188.27
Morocco	165.84
Kenya	131.67
Ethiopia	117.46
Angola	113.34
Côte d'Ivoire	94.48
Ghana	88.33
Tanzania	85.98
DR Congo	79.12
Uganda	64.28
Tunisia	56.29
Cameroon	56.01
Libya	47.48
Zimbabwe	38.17
Senegal	34.73
Sudan	31.51

Source: Statista. Retrieved August 17, 2025, from <https://www.statista.com/statistics/1120999/gdp-of-african-countries-by-country/> (access: 17.08.2025)

По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, самый высокий показатель роста экономик континента за последнее десятилетие наблюдался в 2019 г. Он составил примерно на 3,4 %, что стало одним из самых продолжительных периодов непрерывного положительного экономического роста в истории Африки¹³. В 2024 г., по данным МВФ, этот показатель снизился до 2,5 %¹⁴. Показатель ВВП также заметно снизился¹⁵. Это было связано с замедлением темпов роста мировой экономики, ужесточением денежно-кредитной политики в целом. Повлияли также экстремальные погодные условия, засуха и геополитическая нестабильность, а в 2022 г. — пандемия коронавируса. Хотя в отдельных странах, например в Руанде, рост ВВП в 2021 г. достиг 10,9 % [Экономика Африки... 2023, 2]. Руанда остается перспективным, хотя и небольшим рынком. В 2024–2025 гг.

¹³ ООН. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/africa> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁴ International Monetary Fund World Economic Outlook (October — 2024). URL: <https://statisticstimes.com/economy/continents-by-gdp.php> (accessed: 05.02.2025)..

¹⁵ ООН. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/africa> (дата обращения: 16.08.2024).

там прогнозировался стабильный рост. По оценочным констатациям, он составил 7,5 % и, возможно, выше [Экономика Африки... 2023: 2]. Тем не менее практически во всех пяти регионах Африки, а это — Центральная Африка, Южная, Западная, Северная и Восточная — сохранились высокие показатели. Учитывая тот фактор, что в последнее десятилетие африканским континентом стали активно интересоваться, помимо традиционных партнеров, Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индия, Бразилия, Южная Корея, у африканцев появился выбор, кому отдавать свои предпочтения для развития своих национальных экономик. В.Р. Филиппов считает, что «африканские элиты ведут себя как разборчивые невесты, стремясь получить максимальные выгоды от конкурентной борьбы партнеров за африканские ресурсы» [Филиппов 2023: 190].

Африканские государства успешно осваивают современные технологии. Заметные изменения наблюдаются в сфере мобильных телекоммуникаций и цифровых инноваций. В ряде африканских стран созданы центры цифровых инноваций и технологические экосистемы для поддержки предпринимателей. Эти центры способствуют международному сотрудничеству, инновациям и разработке технологических решений. В ДР Конго, например, раньше, чем в других странах, было создано Министерство цифровизации (*Ministère du Numérique*), что говорит о быстрой адаптации африканцев к «цифровому миру». В 2023 г. в соответствии с Указом президента ДР Конго об использовании цифровых кодов (кодировании) многие государственные учреждения страны перешли на цифровой документооборот, электронные подписи и прочее¹⁶. Правительства различных африканских стран реализуют инициативы в области электронного правительства, чтобы повысить прозрачность и увеличить вовлеченность граждан. Цифровые платформы используются для предоставления государственных услуг, включая здравоохранение и образование. Наблюдается стремительный рост проникновения мобильных телефонов, а мобильные технологии служат ключевым фактором расширения возможностей подключения и доступа к финансовым услугам. Широкое распространение получили мобильные банковские и платежные системы. К этому можно добавить, что технологии играют важную роль в сельском хозяйстве. Такие инновации, как точное земледелие, мобильные приложения для фермеров и агротехнологические решения, способствуют повышению производительности и эффективности.

Среди технологических достижений важное место занимает возобновление источников энергии. По информации Международного энергетического агентства, на «Солнечный континент» приходится 60 % солнечных мировых ресурсов¹⁷. Все чаще именно стартапы, а не существующие

¹⁶ Ordonnance-loi № 23/010 du 13 mars 2023 portant code du numérique. Cabinet du Président de la République. Kinshasa. 13 mars 2023.

¹⁷ Toesland F. Les start-ups boostent l'écosystème de l'énergie solaire en Afrique. Afrique Renouveau: Janvier 2024. URL: <https://www.un.org/africarenewal/fr/magazine/janvier-2024/les-start-ups-boostent-l%C3%A9cosyst%C3%A8me-de-l%C3%A9nergie-solaire-en-afrique> (accessed: 18.08.2024).

компаний, предоставляют большинству африканцев доступ к передовым решениям в области солнечной энергии. Используя энергию солнца и перейдя на чистую энергию, африканцы могут рассчитывать на серьезные экономические и социальные изменения на всем континенте. Организация «Солнечная культура» (SunCulture) со штаб-квартирой в Найроби (Кения) собрала более 40 млн долл. США для оснащения сельских фермеров ирригационными системами, работающими на солнечной энергии. Вместо того чтобы полагаться на осадки или работу газовых или дизельных насосов, фермеры теперь могут рассчитывать на солнечные системы, которые дешевле, используют возобновляемые источники энергии и требуют минимального обслуживания. По прогнозам экспертов, ирригационные системы могут покрыть до трех акров.

Вызов бывшим метрополиям или новый этап деколонизации

В последнее время наблюдается тенденция нарастания противоречий между европейскими странами и их бывшими колониями.

За годы независимости политические элиты африканских стран заметно повзрослели и смело бросают вызов бывшим метрополиям. В ходе визита Э. Макрона в ДР Конго в марте 2023 г. президент Ф. Чисекеди призвал европейцев не смотреть свысока на его страну: «Европа должна изменить свой взгляд на нас, подчеркнул лидер, — вы должны начать нас уважать, считать нас настоящими партнерами, а не смотреть на нас вечно патерналистским взглядом, словно вы всегда правы, а мы — нет»¹⁸. Визит Э. Макрона в ДР Конго сами же французы назвали «дипломатическим провалом»¹⁹. Францию уже не воспринимают на континенте как союзника в отстаивании национальных интересов.

Потеря Африки для Франции и для других западных стран означала бы лишение ее важных источников сырья. Африка, это прежде всего, полезные ископаемые, которые использует современная промышленность, космическая и оборонная отрасли. Недра содержат до 40 % запасов мирового золота и до 90 % запасов хрома и платины. Также здесь находятся самые большие на планете запасы кобальта, алмазов и урана. На долю ДР Конго, например, приходится около 70 % мировой добычи кобальта. В Гвинее сосредоточены 35 % мировых запасов бокситов. ЮАР, Мадагаскар, Малави, Кения, Намибия, Мозамбик, Танзания, Замбия и Бурунди располагают значительными запасами

¹⁸ Дипломатическим провалом называют визит в Конго президента Франции Эммануэля Макрона. Новости. Первый канал. 06.03.2023 URL: https://www.itv.ru/news/2023-03-06/448579-diplomaticheskim_provalom_nazyvayut_vizit_v_kongo_prezidenta_frantsii_emmanuelya_makrona?ysclid=m3ae4s0ibp292335906 (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁹ Во Франции обсуждают поездку Эммануэля Макрона в Конго, которая закончилась полным провалом. 06.03.2023. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/279877635> (дата обращения: 05.02.2025).

редкоземельных металлов, включая неодим, празеодим и диспрозий²⁰. Так называемые неодимовые магниты широко применяются в бытовой технике, медицинских устройствах, в технологических инновациях [Пичугин 2022].

В период перестройки международных отношений наметилась стойкая тенденция новой волны деколонизации. Эксперты сербской газеты «Печат» отмечают, что «беспощадная борьба на континенте ожесточилась. Из госпереворотов, убравших старые режимы, ни один не был прозападным. Так, африканцы освобождаются от неокOLONиальной власти и тянутся к России»²¹. За период 2023–2024 гг. произошли радикальные изменения в политических режимах ряда стран, включая Гвинею, Мали, Буркина-Фасо, Чад, Габон, Нигер, Республику Конго, лидеры которых открыто демонстрируют неприязнь к Франции. Особенно это проявляется с Сахаро-Сахельном регионе, куда сместился эпицентр терроризма [Пономарев 2024].

Неспособность французских воинских подразделений справиться там с бандформированиями и последовавший их уход из конфликтной зоны накалил и без того сложную военно-политическую обстановку. Причем критическая ситуация в этом регионе со временем лишь усугубляется, превращая территории Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада в неуправляемое пространство, находящееся во власти транснациональной преступности и глобального радикализма (Жерлицына, 2022). Такого же мнения придерживается и бывший Посол в Центральноафриканской Республике В.Е. Титоренко. По его мнению, «огромные территории по периметру Сахеля стали прибежищем различных террористических организаций и джихадистских групп, сумевших образовать своего рода экстремистский альянс, в котором верховодят боевики Аль-Каиды исламского Магриба» (Титоренко, 2024, с. 78).

Утратив доверие к европейским партнерам, африканцы объединяют усилия для оказания противодействия террористам и недопущения разрушения государственности. В 2024 г. Буркина-Фасо, Мали и Нигер создали конфедерацию «Альянс государств Сахеля», которая нацелена на укрепление сотрудничества созданных ранее «Объединенных сил Сахельской группы пяти», куда вошли Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер и Чад (Сегелл, 2022). Главная цель альянса — выйти из-под влияния стран Запада. Волна протестов против присутствия Франции, ее военных баз и воинских контингентов на континенте продолжает нарастать. Президент Сенегала Бассиру Диомай Фай в интервью газете «Монд» заявил о выводе из страны французских солдат, подчеркнув, что «скоро в Сенегале больше не будет французского военного контингента... Тот факт, что французы находятся здесь со времен рабства, не означает, что они не могут поступить иначе»²². По мнению лидера Сенегала, страна, претенду-

²⁰ Экономика Африки: скрытый и реальный рост. Москва : Росконгресс, июль 2023. С. 16.

²¹ Над Б. Запад ошеломлен происходящим в Африке. 03.10.2024. URL: https://dzen.ru/a/ZRwTBcvI_1ITRv6q (дата обращения: 02.11.2024).

²² Меркулов А. Президент Сенегала Фай заявил о выводе из страны французских военных. 29.11.2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/29/prezident-senegala-faj-zaiavil-o-vyvode-iz-strany-francuzskih-voennyh.html?ysclid=m6q3ozo242627742468> (дата обращения: 05.02.2025).

ющая на независимость, не должна иметь иностранных военных на своей территории. К февралю 2025 г. в военный комплекс Сенегала уже переданы базы Марешаль, Сент-Экзюпери и Контр-адмирал Проте²³. Власти страны планируют пересмотреть доктрину военного сотрудничества с иностранными государствами и нацелены на развитие партнерства с такими странами, как Турция и Китай. Ранее сообщалось, что власти Чада разорвали соглашение 2019 г. о сотрудничестве в области обороны с Францией. Становится очевидным, что Франции необходимо кардинально менять свою африканскую политику с учетом интересов африканцев.

В январе 2025 г. в Совете Безопасности ООН прошли дебаты на тему «Борьба с терроризмом в Африке, ориентированная на развитие: укрепление африканского лидерства и реализация контртеррористических инициатив». Было отмечено, что за последние два года число террористических нападений в Западной Африке увеличилось более чем в 2 раза. При этом на страны к югу от Сахары приходится более 59 % всех смертей в мире, связанных с терроризмом. По данным Контртеррористического Центра Африканского Союза. В 2024 г. было зафиксировано более 3400 терактов, в результате которых погибло 14 тыс. человек²⁴. В ходе дебатов выступили делегаты Мали от имени «Альянса государств Сахеля», прямо назвавших Францию и Украину «государствами-пособниками террористов»²⁵.

Выводы

За годы независимости африканские страны добились значительных успехов в сфере международных отношений. Участие их лидеров в знаковых международных форумах, включая Россия — Африка и БРИКС и др., повышает авторитет африканских государств, консолидирует их ряды в борьбе против незаконных вооруженных формирований, терроризирующих гражданское население, способствует развитию отношений с новыми партнерами для достижения национальных целей. Улучшаются экономические показатели, осваиваются новые технологии, в частности цифровые, внедряется альтернативная энергетика. Экс-метрополии, такие как Франция, теряют свои позиции в бывших колониях. Африканцы уже не воспринимают так называемые патерналистские отношения. Лидеры африканских государств проявляют решимость в отстаивании своих национальных интересов, демонстрируя намерение сотрудничать на взаимовыгодной основе. Такие страны, как Сенегал, Чад, Центральноафриканская Республика, пересматривают свои доктринальные основы силового блока. Договоры в области военно-технического сотрудничества с экс-метрополиями подлежат пересмотру, а иностранные воинские контингенты сокращаются или

²³ Франция начала вывод войск из Сенегала. 03.02.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23045017?ysclid=m6q40ioozx626302229> (дата обращения: 05.02.2025).

²⁴ О заседании СБ ООН по борьбе с терроризмом в Африке. 28 января 2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1993249/ (дата обращения: 06.02.2025).

²⁵ Там же.

выводятся полностью. В то же время африканские лидеры стремятся к развитию партнерских отношений с Россией. Демонстрацией успеха стали саммиты Россия — Африка, Первая Межминистерская встреча в Сочи, а также расширение БРИКС за счет африканских государств. Учитывая современную динамику участия африканских государств в международных делах, есть основания полагать, что Африканский континент в будущем может стать одним из центров многополярного мира.

Поступила в редакцию / Received: 20.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 09.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Голстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 54–71. <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05> EDN: FSMFMK.
- Дейч Т.Л., Волков С.Н. Африка в условиях становления многополярности // Азия и Африка сегодня. 2024. № 8. С. 64–68. <http://doi.org/10.31857/S0321507524080079> EDN: OGDSTRN.
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Руанда как восходящий африканский «центр силы»? Три десятилетия постгенцидного развития // Азия и Африка сегодня. 2024. № 9. С. 12–20. <http://doi.org/10.31857/S0321507524090022> EDN: DJOHFF.
- Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. Москва : Институт Африки РАН. 2016. 596 с.
- Жерлицына Н.А. Буркина-Фасо и террористический кризис в Сахеле // Неприкосновенный запас. 2022. № 5. С. 165–177.
- Неймарк М.А. Особенности политических диссонансов и размежеваний в мировой политике // На переломе эпохи: мировая политика между прошлым и будущим / отв. ред. М.А. Неймарк. Москва : Изд.-торг. корп. «Дашков и К», 2024.
- Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база Республики Мадагаскар и возможные направления двустороннего сотрудничества // Африка: международная интеграция и партнерство: ежегодник — 2022 : сб. статей. Москва : Российский университет дружбы народов, 2022. 321 с. <http://doi.org/10.22363/11665-2022-161-209> EDN: GMPBDC.
- Пономарев И.В. Этносоциальные аспекты конфликта в Северном Мали // Азия и Африка сегодня. 2024. № 5. С. 6–14. <http://doi.org/10.31857/S032150750030862-0>.
- Сегелл Г. Объединенные силы Сахельской группы пяти (ОССГП) сегодня и завтра // Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы: доклад РСМД и Красного Креста). 2022. № 77. 60 с.
- Титуренко В.Е. К геополитическим раскладам в Сахаро-Сахельской зоне // Дипломатическая служба. 2024. № 1. С. 75–86. <http://doi.org/10.33920/vne-01-2401-10> EDN: JYBUFI.
- Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). Москва : ИАФР РАН, 2023. 214 с.
- Экономика Африки: скрытый и реальный рост. Москва : Росконгресс, июль 2023.
- Bernard E. Neutralité et non-alignement en Europe // Les Cahiers Irice. 2013. Vol. 1. No. 10. P. 83–95.
- BRICS development in the context of world dynamics: challenges and perspectives : monograph / ed. By Acad. Victor Sadovnichy. Moscow University Press, 2024. 336 p.
- Daniélou M. Les BRICS au centre de désoccidentalisation de la Russie en guerre // RIS. Matières premières, rareté, rivalités, dépassement sous la dir. E.Hache. P. : 2024. No. 136. 200 p.

- Diouf B. Réforme et gouvernance de la sécurité au Sénégal // African Security Sector Network (ASSN). Accra (Ghana), 2024. 20 p.
- Kiyiremba T.R. L'interventionnisme du Rwanda en République Démocratique du Congo. Hégémonie du puissance prédatrice? P. : L'Harmattan. 2024. 158 p.
- Ndlovu-Gatsheni S.J. Le long tournant décolonial dans les études africaines. Défis de la réécriture de l'Afrique // Politique africaine. 2021. No. 161–162. P. 449–472. <http://doi.org/10.3917/polaf.161.0449> EDN: MZTSCF.
- Рак Африкана: континент и диаспора в поисках себя / под ред. Давидсона А.Б. Москва : Институт Всеобщей истории РАН, 2009. 440 с.
- Solvit S. RDC: Rêve ou illusion? Conflits et ressources naturelles en République Démocratique du Congo. P. : L'Harmattan, 2009. P. 22.

References

- Africa's economy: Hidden and real growth. Moscow: Roscongress, July 2023. (In Russian).
- Bernard, E. (2013). Neutralité et non-alignement en Europe. *Les Cahiers Irice*, 1(10), 83–95.
- Daniélou, M. (2024). Les BRICS au centre de désoccidentalisation de la Russie en guerre. In E. Hache : *RIS. Matières premières, rareté, rivalités, dépassement*. Paris. No. 136.
- Davidson, A.B. (Ed.). (2009). *Pax Africana: The continent and the diaspora in search of themselves*. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Denisova, T.S. (2016). *Tropical Africa: The evolution of political leadership*. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2024). Rwanda as Africa's rising center of power? Three decades of post-genocide development. *Asia & Africa, today*, 9, 12–20. (In Russian) <http://doi.org/10.31857/S0321507524090022> EDN: DJOHFF.
- Deych, T.L., & Volkov, S.N. (2024). Africa in the conditions of emerging multipolarity. *Asia & Africa, today*, 8, 64–68. (In Russian) <http://doi.org/10.31857/S0321507524080079> EDN: OGDSRN.
- Diouf, B. (2024). *Réforme et gouvernance de la sécurité au Sénégal*. African Security Sector Network (ASSN). Accra (Ghana).
- Filippov, V.R. (2023). *The African policy of French President E. Macron: A chronicle of actions and the evolution of ideas (2017–2022)*. Moscow: IAfr RAS. (In Russian).
- Goldstone, J.A., Grinin, L.Ye., Ustyuzhanin, V.V., & Korotayev, A.V. (2023). Revolutionary events of the 21st century: A preliminary quantitative analysis. *Polis. Political Studies*, 4, 54–71. (In Russian) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05>. EDN: FSMFMK.
- Kiyiremba, T.R. (2024). *L'interventionnisme du Rwanda en République Démocratique du Congo. Hégémonie du puissance prédatrice?* Paris: L'Harmattan.
- Ndlovu-Gatsheni, S.J. (2021). Le long tournant décolonial dans les études africaines. Défis de la réécriture de l'Afrique. *Politique africaine*, 161–162, 449–472. <http://doi.org/10.3917/polaf.161.0449> EDN: MZTSCF.
- Neymark, M.A. (2024). Features of political dissonances and divisions in world politics. In M.A. Neymark (Ed.), *At the turning point of an epoch: World politics between the past and the future*. Moscow: Publishing and Trading Corporation Dashkov and K. (In Russian).
- Pichugin, S.V. (2022). The mineral resource base of the Republic of Madagascar and possible areas of bilateral cooperation. In *Africa: international integration and partnership: Yearbook — 2022: collection of articles*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russian) <http://doi.org/10.22363/11665-2022-161-209> EDN: GMPBDC.
- Ponomarev, I.V. (2024). Ethno-social aspects of conflict in Northern Mali. *Asia & Africa, today*, 5, 56–65. (In Russian).
- Sadovnichy, V. (Ed.). (2024). *BRIC. development in the context of world dynamics: Challenges and perspectives*, Moscow University Press.

- Segell, G. (2022). United Forces of the Sahel Group of Five (JCPOA) today and tomorrow. In *Pain points of the African continent: the Sahel (review of the situation and prospects: report of the RIAC and the Red Cross)*. No. 77 (In Russian).
- Solvit, S. (2009). *RDC: Rêve ou illusion? Conflits et ressources naturelles en République Démocratique du Congo*. Paris: L'Harmattan,.
- Titorenko, V.E. (2024). On the geopolitical situation in the Sahara-Sahel zone. *Diplomatic Service*, 1, 75–86. (In Russian) <http://doi.org/10.33920/vne-01-2401-10> EDN: JYBUFI.
- Zherlitsyna, N.A. (2022). Burkina Faso and the terrorist crisis in the Sahel. *NZ -Neprikosnovenny Zapas*, 5, 165–177. (In Russian).

Сведения об авторе:

Сидорова Галина Михайловна — профессор, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета. (e-mail: gal_sid@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4676-3954)

About the author:

Galina M. Sidorova — professor, Doctor of Political Sciences (Ph.D.), scientific associate of the Institute for African Studies, professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations, professor of the Moscow State Linguistic University (e-mail: gal_sid@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4676-3954)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-775-792

EDN: GEQECР

Научная статья / Research article

Развивающиеся социальные государства Африки: концептуализация и классификация

У.И. Сересова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ seresova_ui@pfur.ru

Аннотация. Концепция социального государства (государства всеобщего благоденствия) была основана на критериях, выработанных Г. Эспинг-Андерсеном для развитых капиталистических стран — членов ОЭСР. Ключевой исследовательский вопрос настоящей статьи — о возможности применения концепции социального государства к африканским странам. Для этого в работе исследуются различные теоретические и эмпирические классификации подходов к социальным государствам в Африке, в том числе вводящие понятия развивающегося социального государства и метасоциального государства для того, чтобы перенести эту методологию в развивающиеся страны. Ограничения применения концепции социального государства в Африке связаны с отсутствием демократических режимов, низким уровнем экономического развития и слабостью государства как политического института. Ключевой особенностью Африки с позиций критериев социального государства выступает происходящая в конце XX в. прекоммодификация — в то время как в развитых странах в этот период декоммодификация сменяет завершающуюся коммодификацию. Исходя из скорректированных критериев, в Африке выделяют продуктивный, протективный и дуальный режимы, метасоциальные государства с неформальной социальной защитой и без социальной защиты, страны с резервной рабочей силой и сельскохозяйственным режимом, центральноафриканскую и южноафриканскую модели социальной защиты и т.п. Сравнение этих теоретических классификаций с эмпирической классификацией стран по индексу человеческого развития вместе с повсеместным ростом этого индекса в последние десятилетия и наличием государственных социальных программ в Африке позволяет говорить о существовании своеобразного развивающегося социального государства на континенте, которое предлагается обозначить неологизмом «социальное государство с прилагательными». Разнообразие его проявлений в условиях отсутствия единого варианта африканского социального государства обусловлено наследием колониальной эпохи и постколониального транзита, религиозным разнообразием уровней экономического развития, зависимостью от международного сообщества и способностью государства выполнять свои социальные функции самостоятельно.

© Сересова У.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: социальное государство, социальные функции государства, декоммодификация, резидуальное социальное государство, развивающееся социальное государство, индекс человеческого развития

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сересова У.И. Развивающиеся социальные государства Африки: концептуализация и классификация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 775–792. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-775-792>

Developmental Welfare States in Africa: Conceptualisation and Classification

Uliana I. Seresova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ seresova_ui@pfur.ru

Abstract. The concept of welfare state based on the criteria that G. Esping-Andersen elaborated for developed capitalist economies — OECD member-states. The problem of the possibility of implementation of this concept in African states forms the key research question of the paper. We study various theoretical and empirical classifications of approaches adapting and transferring the methodology of welfare states towards developing countries and Africa, in particular, including the ones introducing the notions of developing welfare state and meta-welfare regimes. The limitations of the implementation of this concept in Africa are connected to the absence of democratic regimes, low level of economic development and certain weakness of state as a political actor. Precommodification happening in Africa in the late 20th century while commodification was giving way to decommodification in the developed economies is in fact the main peculiarity of Africa from the viewpoint of welfare state criteria. The adapted criteria enable the usage of new terms within the academic discourse like productive, protective and dual regimes; informal security regimes and insecurity regimes; labour reserve economies and cash crop economies; Middle African and Southern African models of social protection, etc. Comparing these theoretical approaches to an empirical classification of states according to the level of Human Development Index, and taking into consideration the known worldwide rise of the index for the last decades together with the presence of state social protection programmes in Africa, we can argue that an original developing welfare state exists on the African continent which we suggest to name ‘welfare state with adjectives’. The diversity of its representations under the conditions of the absence of any unite African model of welfare state depends on the heritage of the colonial past and postcolonial transition, religion, the level of economic development, differentiated dependence on the international community and capacity of state to fulfil social functions on its own.

Keywords: welfare state, social functions of the state, decommodification, residual welfare state, developmental welfare state, human development index

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Seresova, U.I. (2025). Developmental welfare states in Africa: Conceptualisation and classification. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 775–792. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-775-792>

Введение

Понятия «социальное государство» (sozialstaat) или «государство всеобщего благоденствия» (welfare state)¹ обычно ассоциируются со странами с развитой социальной политикой и рыночной экономикой, высоким уровнем социально-экономического развития и укрепившимися демократическими институтами. Не случайно самая цитируемая монография по теме социального государства, принадлежащая норвежскому ученому Г. Эспинг-Андерсену, называется «Три мира социального капитализма» (Three worlds of welfare capitalism) [Esping-Andersen 1990]. Своего пика развития такие страны достигли к 1960-м гг., а к концу XX в. стали демонстрировать признаки кризиса, которые усиливались под воздействием глобализации [Castles 2002; Genschel 2004]. Негативная оценка бюрократизации социальной сферы, переосмысление социальных прав и масштабов вмешательства государства в жизнь граждан, иждивенчество, экономическая неэффективность, а также открытые вопросы о соотношении социальных гарантий для граждан и мигрантов в сумме демонстрируют три основных аспекта кризиса социального государства — экономический, идеологический и концептуальный [Сидорина 2012].

Выход из кризиса европейские государства осуществляют по нескольким траекториям: через общее сокращение государственного финансирования социальной сферы [Zylan, Soule 2000; Swank 2005]; урезание социальных пособий и одновременное усиление активных мер помощи в рамках государства социальных инвестиций (social investment state) [Van Kersbergen, Hemerijck 2012], государства труда (workfare state) [Пискунов 2022; Vis 2007] или гибкого сочетания мер социальной защиты и стимулирования трудоустройства (flexicurity) [Wilthagen, Tros 2004; Tangian 2007]; теорию и практику устойчивого развития [Büchs 2021; Murphy, McGann 2022]. Поскольку феномен социального государства трансформируется, то и теория подвергается переосмыслению. Какие смыслы вкладываются в понятие социального государства сегодня? Можно ли применять концепцию социального государства для анализа социальной политики в странах Африки, которые существенно отстают по уровню развития экономических и политических институтов от стран Западной Европы и Северной Америки?

Социальное государство: эволюция осмысления феномена

Классическая концепция Эспинг-Андерсена предполагает выделение так называемых режимов всеобщего благоденствия на основе доминирующей политической идеологии и трех индикаторов социальной политики — декомодификации, социальной стратификации и масштабов государственного

¹ В академической литературе эти понятия рассматриваются как синонимы (но с разницей в переводе с немецкого и английского языков) либо государство всеобщего благоденствия анализируется как этап развития социального государства в период после Второй мировой войны [Калашников 2002; Захарьян 2016].

вмешательства для борьбы с социальными проблемами. Декоммодификацию [Esping-Andersen, Kolberg 1991; Esping-Andersen 1990: 35–54] в широком смысле можно рассматривать как ослабление зависимости личного или группового благосостояния от уровня включенности в рыночные отношения, возможность удовлетворить свои базовые потребности вне заработка на рынке и получить денежные средства в виде пенсий и пособий от государства или страховых фондов. Неолиберальный режим (США, Канада, Австралия) предполагает низкий уровень декоммодификации в сочетании с высоким уровнем социальной стратификации и минимальным вмешательством государства — с целью оказания помощи самым бедным. Консервативный (корпоративистский) режим (Германия, Франция) основывается на высоких уровнях декоммодификации и социальной стратификации, прямом вмешательстве государства через системы социальной помощи, социального страхования и регулирования рынков. Социал-демократический режим (Швеция) предполагает высокий уровень декоммодификации при низком уровне социальной стратификации и масштабных вмешательствах государства в виде обширных социальных гарантий, в том числе не только для бедных, но и для представителей среднего класса, и соответствующего государственного финансирования. В 1999 г. Эспинг-Андерсеном был добавлен критерий дефамилизации — это процесс передачи того объема социальной поддержки и помощи, который традиционно оказывает семья — в пользу государства или рыночных институтов [Esping-Andersen 1999]. Дефамилизация достигает высокого уровня в социал-демократических странах, на среднем уровне — в либеральных и высокая — в консервативных социальных государствах.

Описанный позднее вариант [Ferrera 2000, 2005] южноевропейского социального государства (Италия, Греция, Испания, Португалия) опирается на семью и церковь как важнейшие институты, занятые оказанием социальной помощи; в нем декларируется определенный разрыв между законодательно закрепленными социальными обязательствами государства и их реальным выполнением, более низкую эффективность функционирования государства в области борьбы с бедностью, организации здравоохранения, пенсионного обеспечения и т.п.

Понятие «развивающееся социальное государство» (developmental welfare state) применяется, прежде всего, для описания социальной политики стран Восточной и Юго-Восточной Азии [Aspalter 2006, Kwon 2009, Lee, Ku 2007]. Важными характеристиками такого типа социального государства становятся постиндустриализация экономик, их включение в глобализацию, недемократические политические режимы или режимы, описываемые в категориях незападной модели демократии, влияние традиционных ценностей, что в итоге приводит к формированию непохожего на западные варианты социального государства Г Эспинг-Андерсена [Han 2023]. Отличия будут заключаться в низком уровне декоммодификации и социальной стратификации при сильном вмешательстве государства; использовании социальной политики как способа легитимации политических элит.

Африканские социальные государства: возможности применения концепции Г. Эспинг-Андерсена

Академическая дискуссия о социальном государстве в Африке разворачивается вокруг вопроса о том, а) есть ли его признаки в функционировании африканских государств, и если да, то б) можно ли говорить о принадлежности африканского опыта к типу «развивающегося социального государства» [Карасев 2022], в) можно ли говорить о едином «африканском» варианте социального государства или речь идет о нескольких типах социальных государств в Африке.

В качестве основных аргументов за то, что в Африке нет социальных государств, называют отсутствие демократий [Lumumba-Kasongo 2006], бедность, слабо функционирующие формальные государственные институты и зависимость от помощи со стороны международных благотворительных организаций и других государств, низкий уровень модернизации, урбанизации и индустриализации [Dorlach 2021], слабость формального рынка труда и отсутствие массовых социальных гарантий для всех граждан [Künzler, Nollert 2017]. Для описания социальной политики может использоваться такая характеристика, как резидуальное социальное государство, подчеркивающая остаточный принцип государственного финансирования и государственного вмешательства в социальную сферу [Devereux, Lund 2010].

Однако, с другой точки зрения, эти проблемы рассматриваются как факторы, существенно влияющие на развитие социального государства, частично его лимитирующие, но не отрицающие сам факт его существования [Cerami 2013: 1–24]. Д. Кюнцлер и М. Ноллерт, описывая опыт реализации социальной политики в Африке, подчеркивают, что классические критерии классификации социального государства, выделенные Эспинг-Андерсеном, не вполне подходят к опыту Африканского континента. Прежде всего, проблема в измерении коммодификации и декоммодификации из-за превалирования неформального рынка труда, поскольку страховые выплаты, пенсии и больничные листы зависят от официальной зарплаты. По-другому понимается категория дефаминизации — в Африке о социальном благополучии человека заботится в первую очередь семья, и только когда она не справляется, государство ее заменяет [Künzler, Nollert 2017].

Главная особенность социальной политики в развивающихся социальных государствах — в том, что здесь можно говорить, скорее, о «прекоммодификации» [Rudra 2007: 383], чем коммодификации или декоммодификации. Масштабы декоммодификации становятся одним из индикаторов, по которым проводят классификацию западных социальных государств, поэтому этот классический критерий ограниченно подходит к развивающимся социальным государствам.

Н. Рудра, анализируя специфику социальной политики в развивающихся странах, выделяет иные три типа режима социальных государств для этих стран — продуктивный, протективный и дуальный [Rudra 2007]. Основным критерий различения этих трех типов — это выбор государством стремления завершить коммодификацию (создать условия для развития рыночной

экономики и возможностей для самостоятельного решения своих проблем) или, напротив, сразу перейти к декоммодификации (социальным гарантиям со стороны государства).

Продуктивные режимы ориентированы на коммодификацию, развитие рынка и социальные инвестиции. В области социальной политики для группы таких стран характерны существенные расходы на здравоохранение и образование для всех граждан, т.е. активные меры поддержки, стимулирующие людей к самостоятельности на рынке труда. Из африканских стран к этому типу социальных государств относится Маврикий, более характерен он для стран Азиатско-Тихоокеанского региона [Kühner 2015, Yang, Kühner 2020].

Протективные режимы нацелены на защиту внутренних рынков от рисков, связанных с глобализацией, защиту индивида от рынка и превентивную декоммодификацию в целом. Характерная черта социальной политики в таких государствах — это превалирование пассивных видов социальной поддержки над активными: расходы на социальное обеспечение, пособия по безработице и по бедности, выплаты семьям с детьми, жилищные субсидии. Политический эффект такого варианта социальной политики — формирование лояльности населения и бизнеса по отношению к политическим элитам. К протективным режимам социального государства в Африке относятся Египет, Марокко, Лесото, Тунис, Замбия, Зимбабве.

Дуальные режимы реализуют смешанную модель социальной политики, сочетающую элементы продуктивных и протективных; в Африке они не представлены.

Я. Гоуф с соавт. [Gough 2013, Abu Sharkh, Gough 2010] разработали классификацию социальных государств для стран, не входящих в ОЭСР, не используя в качестве основания критерии, введенные Г. Эспинг-Андерсеном. В качестве независимых переменных были взяты расходы на социальные нужды основных социальных институтов — государства, домохозяйств, местных сообществ, рынка, благотворительных международных организаций; в качестве зависимых — статистические показатели, свидетельствующие о результативности социальной политики, такие как доля вакцинированных детей, уровень грамотности, уровень бедности, ожидаемая продолжительность жизни, посещаемость старшей школы девочками; государственные расходы на здравоохранение и образование. Африканские страны в этой классификации попадают в типы «метасоциальных» (meta-welfare) государств («с неформальной социальной защитой» (informal security regimes) и «без социальной защиты» (insecurity regimes), в то время как некоторые страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Уругвай), постсоветские страны (Беларусь, Латвия, Литва) относятся к протосоциальным (proto-welfare state) государствам.

Режимы государств с неформальной социальной защитой характеризуются существенным вкладом негосударственных акторов в социальную поддержку населения, значимым неформальным сектором экономики и занятостью в нем населения, патрон-клиентельскими отношениями между работником и работодателем (ЮАР, Намибия, Ботсвана, Зимбабве, Кения). В этих странах средний

уровень грамотности, высокая распространенность социально значимых инфекционных заболеваний, существенная социальная стратификация и зависимость от практик социальной политики колониального периода.

Режимы «без социальной защиты» распространены в странах Африки южнее Сахары, для которых характерны низкая ожидаемая продолжительность жизни, низкая грамотность, наименьшие государственные расходы на социальные нужды, зависимость от финансовой помощи извне.

Классификации социальной политики в государствах Африки

Примером классификации социальных государств, разработанной специально для стран Африки, можно считать классификацию Т. Мкандавире [Mkandawire 2016]. Он отмечает влияние колониального фактора в формировании государственного управления в этих странах и внешнюю зависимость этих стран от иностранных государств. Мкандавире переосмысливает концепцию Эспинг-Андерсена и вместо декоммодификации использует коммодификацию. Кроме того, он добавляет критерий вмешательства в публичную политику стран Африки, который операционализирует через объем иностранных инвестиций, внешний долг и т.п. На основе кластерного анализа получается два варианта социального государства, которые автором обозначаются как «страны с резервной рабочей силой» (*Labour reserve economies*) и «сельскохозяйственный режим» (*Cash crop economies*). Характерные примеры первого варианта — ЮАР и Кения. Для него характерны урбанизация, миграция рабочей силы в города, развитие формальной занятости, исторически наличие социальных программ для белых (ЮАР), как следствие — более высокие налоги и большие расходы на реализацию социальных гарантий, чем в сельскохозяйственных социальных государствах. К последним относятся, прежде всего, страны Западной Африки. Для них характерна слабость государства и перенос функций социальной поддержки на местные сообщества.

Вариант с классификацией систем социальной защиты предложен А. Барриентосом, М. Ниньо-Заразуа с соавт. [Niño-Zarazúa et al. 2010, 2012], но, поскольку социальная защита является ядром социального государства, эту типологию можно экстраполировать и на все государство в целом. Выделяются центральноафриканская и южноафриканская модели социальной защиты.

Для центральноафриканской модели (к ней авторы относят Эфиопию, Замбию, Мозамбик) в XX в. характерна зависимость от гуманитарной помощи; социальная защита сводилась к несистемным выплатам пособий населению в случае гражданских конфликтов и стихийных бедствий. В начале XXI в. появляются государственные социальные программы с выплатами по бедности, безработице, инвалидности, реализация которых существенно зависит от финансовой помощи международных благотворительных организаций.

Южноафриканская модель основывается на историческом опыте ЮАР, где в XX в. появилось пенсионное страхование и выплаты для социально уязвимых групп белого населения. Они осуществлялись за счет налоговых сборов,

что похоже на европейские практики социального государства того же времени. На рубеже XX–XXI вв. система пенсионного страхования была расширена на все население; появляются пособия на детей, происходит диверсификация выплат в целом. Часть социальных программ заимствуют соседние с ЮАР страны — Намибия, Ботсвана, Лесото, Эсватини.

Измерение результатов социальной политики в странах Африки

Индекс человеческого развития ООН (ИЧР) позволяет измерить эффективность социальной политики государства, в первую очередь политики в области здравоохранения, образования и борьбы с бедностью². Он включает в себя три показателя: ожидаемую продолжительность жизни (качество работы системы здравоохранения), уровень грамотности населения и ожидаемую продолжительность обучения (качество работы системы образования), валовый национальный доход на душу населения по ППС в долларах США (уровень жизни населения). Индекс варьирует в диапазоне от 0 до 1 и классифицирует страны от очень высокого до низкого ИЧР.

По данным отчета 2025 г., анализирующего данные 2023 г., к африканским странам с очень высоким ИЧР относятся Сейшелы (0,848) и Маврикий (0,806), что сопоставимо с Россией и рядом стран СНГ. К странам с высоким ИЧР относятся Алжир, Египет, Тунис, ЮАР, Габон, Ботсвана, Ливия, Марокко (ИЧР в диапазоне 0,710–0,763). Кения, Ангола, Зимбабве и др. (всего — 21 страна) относятся к государствам со средним уровнем ИЧР (0,550–0,695). Большинство стран Африки южнее Сахары относятся к государствам с низким уровнем ИЧР: индекс варьирует от 0,388 в Южном Судане до 0,530 в Сенегале). Большая часть стран Африканского континента характеризуется средним и низким уровнем человеческого развития с ожидаемой продолжительностью жизни от 57 до 64 лет, бедностью, преимущественно только школьным образованием (табл.).

ИЧР можно рассматривать как один из вариантов эмпирической классификации социального государства и сравнивать его с теоретическими классификациями, приведенными выше.

Отнесение Н. Рудрой Маврикия к продуктивному режиму социального государства подтверждается статистикой ООН и классификацией его как государства с очень высоким ИЧР. Страны, которые она обозначает как протективные социальные государства, попадают в перечень стран с высоким и средним ИЧР (Египет, Марокко, Лесото, Тунис, Замбия, Зимбабве).

Метасоциальные государства с неформальной социальной защитой Я. Гоуфа (ЮАР, Намибия, Ботсвана, Зимбабве, Кения) также попадают в эту группу стран с высоким и средним ИЧР. Метасоциальные государства без социальной защиты — это страны Африки южнее Сахары с низким ИЧР.

² См.: Human Development Report 2025. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025>. UNDP (United Nations Development Programme). 2025. Human Development Report 2025: A matter of choice: People and possibilities in the age of AI. New York.

Индекс человеческого развития и его компоненты (страны Африки, 2025)³

Место в рейтинге стран мира	Страна	Индекс челове- ческого развития	Ожидаемая продолжи- тельность жизни, лет	Ожидаемая продолжи- тельность обучения, лет	Уровень грамотности, среднее количество лет, потраченных на обучение	Валовый национальный доход на душу населения по ППС, долларов США
1	2	3	4	5	6	7
Очень высокий уровень человеческого развития						
54	Сейшельские острова	0,848	72,9	18,2	11,2	29 195
73	Маврикий	0,806	74,9	14,2	10,1	27 280
Высокий уровень человеческого развития						
96	Алжир	0,763	76,3	15,5	7,4	15 114
100	Египет	0,754	71,6	13,1	10,1	16 218
105	Тунис	0,746	76,5	14,7	7,6	12 011
106	ЮАР	0,741	66,1	13,8	11,6	13 694
108	Габон	0,733	68,3	12,5	9,7	18 854
111	Ботсвана	0,731	69,2	11,4	10,5	16 984
115	Ливия	0,721	69,3	12,9	7,8	19 831
120	Марокко	0,710	75,3	15,1	6,2	8 653
Средний уровень человеческого развития						
126	Эсватини	0,695	64,1	15,2	8,7	9 919
133	Экваториальная Гвинея	0,674	63,7	12,5	8,3	12 762
135	Кабо-Верде	0,668	76,1	11,4	6,1	8 165
136	Намибия	0,665	67,4	11,8	7,3	10 917
138	Конго	0,649	65,8	12,7	8,3	5 903
141	Сан-Томе и Принсипи	0,637	69,7	12,9	6,0	5 583
143	Гана	0,628	65,5	11,4	7,1	6 846
143	Кения	0,628	63,6	11,5	8,6	5 608
148	Ангола	0,616	64,6	12,2	6,0	6 631
152	Коморские острова	0,603	66,8	13,3	6,0	3 481
153	Зимбабве	0,598	62,8	11,1	8,9	3 511
154	Замбия	0,595	66,3	11,0	7,4	3 447
155	Камерун	0,588	63,7	10,8	6,6	4 746
1	2	3	4	5	6	7
157	Кот-д'Ивуар	0,582	61,9	11,4	4,9	6 735

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
157	Уганда	0,582	68,3	11,6	6,3	2 736
159	Руанда	0,578	67,8	12,6	4,9	2 971
161	Того	0,571	62,7	13,1	5,9	2 856
163	Мавритания	0,563	68,5	7,9	4,9	6 267
164	Нигерия	0,560	54,5	10,5	7,6	5 569
165	Танзания	0,555	67,0	8,6	6,1	3 515
167	Лесото	0,550	57,4	11,0	7,7	3 029
Низкий уровень человеческого развития						
169	Сенегал	0,530	68,7	9,1	2,9	4 202
170	Гамбия	0,524	65,9	9,0	4,7	2 812
171	Демократическая Республика Конго	0,522	61,9	10,9	7,4	1 431
172	Малави	0,517	67,4	9,9	5,2	1 634
173	Бенин	0,515	60,8	10,4	3,2	3 806
174	Гвинея-Бисау	0,514	64,1	10,6	3,7	2 403
175	Джибути	0,513	66,0	6,2	4,0	6 368
176	Судан	0,511	66,3	8,6	4,0	2 810
177	Либерия	0,510	62,2	10,5	6,2	1 538
178	Эритрея	0,503	68,6	7,3	5,1	2 029
179	Гвинея	0,500	60,7	10,4	2,5	3 494
180	Эфиопия	0,497	67,3	9,2	2,4	2 796
182	Мозамбик	0,493	63,6	10,8	4,6	1 356
183	Мадагаскар	0,487	63,6	9,1	4,6	1 656
185	Сьерра-Леоне	0,467	61,8	9,1	3,5	1 714
186	Буркина-Фасо	0,459	61,1	8,7	2,3	2 391
187	Бурунди	0,439	63,7	9,8	3,5	859
188	Мали	0,419	60,4	7,0	1,6	2 342
188	Нигер	0,419	61,2	8,3	1,4	1 590
190	Чад	0,416	55,1	8,3	2,3	1 748
191	ЦАР	0,414	57,4	7,4	4,0	1 100
192	Сомали	0,404	58,8	7,5	1,9	1 475
193	Южный Судан	0,388	57,6	5,6	5,7	688
	Африка южнее Сахары	0,568	62,5	10,3	6,2	4 352
	Мир	0,756	73,4	13,0	8,8	20 327

Источник: Human Development Report 2025 // UNDP Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025> (accessed: 21.05.2025).

Human Development Index and its components (African states, 2025)⁴

HDI Rank	State	Human Development Index (HDI)	Life expectancy at birth, years	Expected years of schooling	Mean years of schooling	Gross national income (GNI) per capita, US dollars
1	2	3	4	5	6	7
Very high human development						
54	Seychelles	0.848	72.9	18.2	11.2	29 195
73	Mauritius	0.806	74.9	14.2	10.1	27 280
High human development						
96	Algeria	0.763	76.3	15.5	7.4	15 114
100	Egypt	0.754	71.6	13.1	10.1	16 218
105	Tunisia	0.746	76.5	14.7	7.6	12 011
106	South Africa	0.741	66.1	13.8	11.6	13 694
108	Gabon	0.733	68.3	12.5	9.7	18 854
111	Botswana	0.731	69.2	11.4	10.5	16 984
115	Libya	0.721	69.3	12.9	7.8	19 831
120	Morocco	0.710	75.3	15.1	6.2	8 653
Medium human development						
126	Eswatini	0.695	64.1	15.2	8.7	9 919
133	Ecuatorial Guinea	0.674	63.7	12.5	8.3	12 762
135	Cabo Verde	0.668	76.1	11.4	6.1	8 165
136	Namibia	0.665	67.4	11.8	7.3	10 917
138	Congo	0.649	65.8	12.7	8.3	5 903
141	Sao Tome and Principe	0.637	69.7	12.9	6.0	5 583
143	Ghana	0.628	65.5	11.4	7.1	6 846
143	Kenya	0.628	63.6	11.5	8.6	5 608
148	Angola	0.616	64.6	12.2	6.0	6 631
152	Comoros	0.603	66.8	13.3	6.0	3 481
153	Zimbabwe	0.598	62.8	11.1	8.9	3 511
154	Zambia	0.595	66.3	11.0	7.4	3 447
155	Cameroon	0.588	63.7	10.8	6.6	4 746
157	Côte d'Ivoire	0.582	61.9	11.4	4.9	6 735
157	Uganda	0.582	68.3	11.6	6.3	2 736
1	2	3	4	5	6	7
159	Rwanda	0.578	67.8	12.6	4.9	2 971
161	Togo	0.571	62.7	13.1	5.9	2 856

Ending of the Table

1	2	3	4	5	6	7
163	Mauritania	0.563	68.5	7.9	4.9	6 267
164	Nigeria	0.560	54.5	10.5	7.6	5 569
165	Tanzania	0.555	67.0	8.6	6.1	3 515
167	Lesotho	0.550	57.4	11.0	7.7	3 029
Low human development						
169	Senegal	0.530	68.7	9.1	2.9	4 202
170	Gambia	0.524	65.9	9.0	4.7	2 812
171	Democratic Republic of the Congo	0.522	61.9	10.9	7.4	1 431
172	Malawi	0.517	67.4	9.9	5.2	1 634
173	Benin	0.515	60.8	10.4	3.2	3 806
174	Guinea-Bissau	0.514	64.1	10.6	3.7	2 403
175	Djibouti	0.513	66.0	6.2	4.0	6 368
176	Sudan	0.511	66.3	8.6	4.0	2 810
177	Liberia	0.510	62.2	10.5	6.2	1 538
178	Eritrea	0.503	68.6	7.3	5.1	2 029
179	Guinea	0.500	60.7	10.4	2.5	3 494
180	Ethiopia	0.497	67.3	9.2	2.4	2 796
182	Mozambique	0.493	63.6	10.8	4.6	1 356
183	Madagascar	0.487	63.6	9.1	4.6	1 656
185	Sierra Leone	0.467	61.8	9.1	3.5	1 714
186	Burkina Faso	0.459	61.1	8.7	2.3	2 391
187	Burundi	0.439	63.7	9.8	3.5	859
188	Mali	0.419	60.4	7.0	1.6	2 342
188	Niger	0.419	61.2	8.3	1.4	1 590
190	Chad	0.416	55.1	8.3	2.3	1 748
191	Central African Republic	0.414	57.4	7.4	4.0	1 100
192	Somalia	0.404	58.8	7.5	1.9	1 475
193	South Sudan	0.388	57.6	5.6	5.7	688
Sub-Saharan Africa		0.568	62.5	10.3	6.2	4 352
World		0.756	73.4	13.0	8.8	20 327

Source: Human Development Report 2025 // UNDP Human Development Reports. Retrieved May 21, 2025 from: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025>

В классификации Т. Мкандавире страны с сельскохозяйственным режимом социального государства относятся к государствам с низким ИЧР. Страны с режимом резервной рабочей силы и более институционализированной социальной защитой относятся к группе стран с высоким ИЧР (ЮАР) и средним ИЧР (Кения).

Государства центральноафриканской модели А. Барриентоса и М.Н. Нино-Заразуа попадают в перечень стран со средним и низким уровнем ИЧР, страны южноафриканской модели — в группу стран с высоким уровнем ИЧР (ЮАР, Ботсвана) и средним уровнем ИЧР (Лесото, Эсватини).

Таким образом, ИЧР служит инструментом для измерения эффективности выполнения государством его социальной функции, позволяет увидеть статистические различия в результативности социальной политики в государствах Африки, принадлежащих к различным моделям социального государства.

Заключение

В современном академическом дискурсе понятие социального государства активно используется применительно к африканским странам, несмотря на то, что классическая классификация Эспинг-Андерсена была разработана для развитых капиталистических стран — членов ОЭСР.

В частности, разработаны несколько классификаций социального государства в развивающихся странах, и в частности в Африке. Обозначаются такие режимы социального государства, как продуктивный и протективный, резидуальный, метасоциальное государство с неформальной социальной защитой или без нее, центральноафриканская и южноафриканская модели. Исследователи этого феномена используют различные прилагательные, чтобы показать, чем африканский опыт отличается от европейского и североамериканского понимания социального государства, что в некоторой степени напоминает академическую дискуссию о «демократиях с прилагательными». Теоретические классификации социального государства в Африке охватывают не все страны, например, государства южнее Сахары оказываются исключенными.

Классическая концепция Эспинг-Андерсена применяется к опыту африканских государств с определенными ограничениями, связанными с пониманием феномена декоммодификации. В то же время в Африке есть социальное законодательство и финансируемые государством социальные программы, т.е. выделенный Эспинг-Андерсеном критерий государственного вмешательства в социальную сферу выполнен. Кроме того, динамика ИЧР в сравнении с 1990 г. положительна во всех странах мира, в том числе и в Африке.

Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о социальном государстве в статусе «развивающегося» применительно к африканским странам.

При этом не существует единой модели социального государства для африканских стран. Разница в реализации государственной социальной политики обусловлена колониальным наследием, религией, уровнем экономического

развития и зависимостью от международного сообщества, способностью государства выполнять свои социальные функции самостоятельно.

Сравнение эмпирической классификации африканских стран, основанной на уровне ИЧР, с различными теоретическими моделями, позволяет говорить о нескольких вариантах развивающегося социального государства в Африке.

Таким образом, все разнообразие вариантов развивающегося социального государства в Африке можно обозначить неологизмом «социальное государство с прилагательными».

Поступила в редакцию / Received: 20.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 05.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Захарьян Д.А.* Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. № 3. С. 649–658.
- Калашиников С.В.* Функциональная теория социального государства. Москва : Экономика, 2002.
- Карасев Д.Ю.* Режимы всеобщего благосостояния в развивающихся странах // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 4. С. 697–708. <http://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-4-697-708>. EDN: TYAXPG.
- Пискунов Д.С.* Модель государства труда (workfare state) // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 31–33. <http://doi.org/10.24411/2073-3305-2022-1-31-33>. EDN: TORKUY.
- Сидорина Т.Ю.* Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 3.1. С. 84–99.
- Abu Sharkh M., Gough I.* Global welfare regimes: A cluster analysis // Global Social Policy. 2010. Vol. 10. No. 1. P. 27–58. <http://doi.org/10.1177/1468018109355035>.
- Aspalter C.* The East Asian welfare model // International Journal of Social Welfare. 2006. Vol. 15. No. 4. P. 290–301. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2006.00413.x>.
- Büchs M.* Sustainable welfare: Independence between growth and welfare has to go both ways // Global Social Policy. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 323–327. <http://doi.org/10.1177/14680181211019153>. EDN: FZHYUW.
- Castles F.G.* The future of the welfare state: crisis myths and crisis realities // International Journal of Health Services. 2002. Vol. 32. No. 2. P. 255–277. <http://doi.org/10.2190/GJ9M-WUGX-DMJ2-35PA>.
- Cerami A.* Permanent emergency welfare regimes in Sub-Saharan Africa: The exclusive origins of dictatorship and democracy. London : Palgrave Macmillan UK, 2013. <http://doi.org/10.1057/9781137318213>. EDN: VJPBVJ.
- Devereux S., Lund F.* The political economy of social policy and social security in Sub-Saharan Africa // The political economy of Africa / ed. by V. Padayachee. London — New York : Routledge, 2010. P. 170–189.
- Dorlach T.* The causes of welfare state expansion in democratic middle-income countries: A literature review // Social Policy & Administration. 2021. Vol. 55. No. 5. P. 767–783. <http://doi.org/10.1111/spol.12658>. EDN: EWQGWJW.
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.

- Esping-Andersen G., Kolberg J.E.* Decommmodification and work absence in the welfare state // *International Journal of Sociology*. 1991. Vol. 21. No. 3. P. 77–111. <http://doi.org/10.1080/15579336.1991.11770014>.
- Esping-Andersen G.* *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Ferrera M.* Reconstructing the welfare state in Southern Europe // *The survival of the European welfare state* / ed. by S. Kuhnle. London: Routledge, 2000. P. 184–200. <http://doi.org/10.4324/9780203380314-18>.
- Ferrera M.* Welfare states and social safety nets in Southern Europe: An introduction // *Welfare state reform in southern Europe: Fighting Poverty and Social Exclusion in Italy, Spain, Portugal and Greece* / ed. by M. Ferrera. London — New York: Routledge, 2005. P. 1–23.
- Genschel P.* Globalization and the welfare state: a retrospective // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 11. No. 4. P. 613–636. <http://doi.org/10.1080/1350176042000248052>.
- Gough I.* Social policy regimes in the developing world // *A handbook of comparative social policy* / ed. by P. Kenneth. 2nd ed. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Ltd., 2013. P. 205–224.
- Han S.* Welfare regimes in Asia: convergent or divergent? // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Article no. 818. P. 1–14. <http://doi.org/10.1057/s41599-023-02337-y>. EDN: YBWYOO.
- Kühner S.* The productive and protective dimensions of welfare in Asia and the Pacific: Pathways towards human development and income equality? // *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2015. Vol. 31. No. 2. P. 151–173. <http://doi.org/10.1080/21699763.2015.1047395>.
- Künzler D., Nollert M.* Varieties and drivers of social welfare in sub-Saharan Africa: A critical assessment of current research // *Sozialpolitik.ch*. 2017. No. 2. P. 1–23. <http://doi.org/10.18753/2297-8224-94>.
- Kwon H.J.* The reform of the developmental welfare state in East Asia // *International Journal of Social Welfare*. 2009. Vol. 18. No. sl. P. 12–21. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2009.00655.x>.
- Lee Y.-J., Ku Y.-W.* East Asian welfare regimes: Testing the hypothesis of the developmental welfare state // *Social Policy & Administration*. 2007. Vol. 41. No. 2. P. 197–212. <http://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2007.00547.x>.
- Lumumba-Kasongo T.* The welfare state within the context of liberal globalisation in Africa: Is the concept still relevant in social policy alternatives for Africa? // *African Journal of International Affairs*. 2006. Vol. 9. No. 1–2. P. 1–40. <http://doi.org/10.4314/ajia.v9i1-2.57240>.
- Mkandawire T.* Colonial legacies and social welfare regimes in Africa: An empirical exercise (UNRISD Working Paper No. 2016–4). Geneva: United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD), 2016. URL: <https://hdl.handle.net/10419/148763> (accessed: обращения: 21.05.2025).
- Murphy M.P., McGann M.* Introduction: Towards a sustainable welfare state // *Social Policy and Society*. 2022. Vol. 21. No. 3. P. 439–446. <http://doi.org/10.1017/S1474746421000853>. EDN: XESLIB.
- Niño-Zarazúa M., Barrientos A., Hulme D., Hickey S.* Social protection in sub-Saharan Africa: Will the green shoots blossom? (Brooks World Poverty Institute Paper No. 116). Manchester: Brooks World Poverty Institute, 2010. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/22422/> (accessed: 21.05.2025).
- Niño-Zarazúa M., Barrientos A., Hulme D., Hickey S.* Social protection in sub-Saharan Africa: Getting the politics right // *World Development*. 2012. Vol. 40. No. 1. P. 163–176. <http://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.04.004>.

- Rudra N. Welfare states in developing countries: Unique or universal? // *The Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. No. 2. P. 378–396. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00538.x>.
- Swank D. Globalisation, domestic politics, and welfare state retrenchment in capitalist democracies // *Social Policy and Society*. 2005. Vol. 4. No. 2. P. 183–195. <http://doi.org/10.1017/S1474746404002337>. EDN: HLCWFR.
- Tangian A. European flexicurity: concepts, methodology and policies // *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2007. Vol. 13. No. 4. P. 551–573. <http://doi.org/10.1177/102425890701300404>.
- Van Kersbergen K., Hemerijck A. Two decades of change in Europe: the emergence of the social investment state // *Journal of Social Policy*. 2012. Vol. 41. No. 3. P. 475–492. <http://doi.org/10.1017/S0047279412000050>.
- Vis B. States of welfare or states of workfare? Welfare state restructuring in 16 capitalist democracies, 1985–2002 // *Policy & Politics*. 2007. Vol. 35. No. 1. P. 105–122. <http://doi.org/10.1332/030557307779657720>.
- Wilthagen T., Tros F. The concept of ‘flexicurity’: a new approach to regulating employment and labour markets // *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2004. Vol. 10. No. 2. P. 166–186. <http://doi.org/10.1177/102425890401000204>.
- Yang N., Kühner S. Beyond the limits of the productivist regime: Capturing three decades of East Asian welfare development with fuzzy sets // *Social Policy & Society*. 2020. Vol. 19. No. 4. P. 613–627. <http://doi.org/10.1017/S147474641900054X>. EDN: NLQKKQ.
- Zylan Y., Soule S.A. Ending welfare as we know it (again): Welfare state retrenchment, 1989–1995 // *Social Forces*. 2000. Vol. 79. No. 2. P. 623–652. <http://doi.org/10.1093/sf/79.2.623>. EDN: EOPTPF.

References

- Abu, Sharkh, M., & Gough, I. (2010). Global welfare regimes: A cluster analysis. *Global Social Policy*, 10(1), 27–58. <http://doi.org/10.1177/1468018109355035>.
- Aspalter, C. (2006). The East Asian welfare model. *International Journal of Social Welfare*, 15, 290–301. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2006.00413.x>.
- Büchs, M. (2021). Sustainable Welfare: Independence between growth and welfare has to go both ways. *Global Social Policy*, 21(2), 323–327. <http://doi.org/10.1177/14680181211019153>. EDN: FZHYUW.
- Castles, F.G. (2002). The future of the welfare state: Crisis myths and crisis realities. *International Journal of Health Services*, 32(2), 255–277. <http://doi.org/10.2190/GJ9M-WUGX-DMJ2-35PA>.
- Cerami, A. (2013). *Permanent emergency welfare regimes in Sub-Saharan Africa: The exclusive origins of dictatorship and democracy*. London: Palgrave Macmillan UK. <http://doi.org/10.1057/9781137318213>. EDN: VJPBVJ.
- Devereux, S., & Lund, F. (2010). The political economy of social policy and social security in Sub-Saharan Africa. In V. Padayachee (Ed.), *The political economy of Africa* (pp. 170–189). London & New, York: Routledge.
- Dorlach, T. (2021). The causes of welfare state expansion in democratic middle-income countries: A literature review. *Social Policy & Administration*, 55(5), 767–783. <http://doi.org/10.1111/spol.12658>. EDN: EWQGJW.
- Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen, G. (1999). *Social foundations of postindustrial economies*. Oxford: Oxford University Press.
- Esping-Andersen, G., & Kolberg, J.E. (1991). Decommodification and work absence in the welfare state. *International Journal of Sociology*, 21(3), 77–111. <http://doi.org/10.1080/15579336.1991.11770014>.

- Ferrera, M. (2000). Reconstructing the welfare state in Southern Europe. In S. Kuhnle (Ed.), *The survival of the European welfare state* (pp. 184–200). London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203380314-18>.
- Ferrera, M. (2005). Welfare states and social safety nets in Southern Europe: An introduction. In M. Ferrera (Ed.), *Welfare state reform in southern Europe: Fighting Poverty and Social Exclusion in Italy, Spain, Portugal and Greece* (pp. 1–23). London & New, York: Routledge.
- Genschel, P. (2004). Globalization and the welfare state: A retrospective. *Journal of European Public Policy*, 11(4), 613–636. <http://doi.org/10.1080/1350176042000248052>.
- Gough, I. (2013). Social policy regimes in the developing world. In P. Kenneth (Ed.), *A handbook of comparative social policy, 2nd ed.* (pp. 205–224). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Ltd.
- Han, S. (2023). Welfare regimes in Asia: Convergent or divergent? *Humanities and Social Sciences Communications*, 10(818), 1–14. <http://doi.org/10.1057/s41599-023-02337-y>. EDN: YBWYOO.
- Kalashnikov, S.V. (2002). *Functional theory of welfare state*. Moscow: Ekonomika. (In Russian).
- Karasev, D. (2022). Welfare regimes in developing countries. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(4), 697–708. (In Russian) <http://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-4-697-708>. EDN: TYAXPG.
- Kühner, S. (2015). The productive and protective dimensions of welfare in Asia and the Pacific: Pathways towards human development and income equality? *Journal of International and Comparative Social Policy*, 31(2), 151–173. <http://doi.org/10.1080/21699763.2015.1047395>.
- Künzler, D., & Nollert, M. (2017). Varieties and drivers of social welfare in Sub-Saharan Africa: A critical assessment of current research. *Sozialpolitik.ch*, 2, 1–23. <http://doi.org/10.18753/2297-8224-94>.
- Kwon, H.J. (2009). The reform of the developmental welfare state in East Asia. *International Journal of Social Welfare*, 18(s1), 12–21. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2009.00655.x>.
- Lee, Y.-J., & Ku, Y.-W. (2007). East Asian welfare regimes: Testing the hypothesis of the developmental welfare state. *Social Policy & Administration*, 41(2), 197–212. <http://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2007.00547.x>.
- Lumumba-Kasongo, T. (2006). The welfare state within the context of liberal globalisation in Africa: Is the concept still relevant in social policy alternatives for Africa? *African Journal of International Affairs*, 9(1–2), 1–40. <http://doi.org/10.4314/ajia.v9i1-2.57240>.
- Mkandawire, T. (2016). *Colonial legacies and social welfare regimes in Africa: An empirical exercise (UNRISD Working Paper, No. 2016–4)*. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD). Retrieved May 21, 2025 from <https://hdl.handle.net/10419/148763>
- Murphy, M.P., & McGann, M. (2022). Introduction: Towards a sustainable welfare state. *Social Policy and Society*, 21(3), 439–446. <http://doi.org/10.1017/S1474746421000853>. EDN: XESLIB.
- Niño-Zarazúa, M., Barrientos, A., Hulme, D., & Hickey, S. (2010). *Social protection in sub-Saharan Africa: Will the green shoots blossom? (Brooks World Poverty Institute Paper No. 116)*. Manchester: Brooks World Poverty Institute. Retrieved May 21, 2025 from <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/22422/>
- Niño-Zarazúa, M., Barrientos, A., Hulme, D., & Hickey, S. (2012). Social protection in Sub-Saharan Africa: Getting the politics right. *World Development*, 40(1), 163–176. <http://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.04.004>.
- Piskunov, D.S. (2022). The model of the workfare state. *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry = Education. Science. Scientific personnel*, 1, 31–33. (In Russian) <http://doi.org/10.24411/2073-3305-2022-1-31-33>. EDN: TORKUY.

- Rudra, N. (2007). Welfare states in developing countries: Unique or universal? *The Journal of Politics*, 69(2), 378–396. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00538.x>.
- Sidorina, T.Yu. (2012). The “welfare state” campaign: Has it decided the problems of the ideal state? *Terra Economicus*, 10(3.1), 84–99.
- Swank, D. (2005). Globalisation, domestic politics, and welfare state retrenchment in capitalist democracies. *Social Policy and Society*, 4(2), 183–195. <http://doi.org/10.1017/S1474746404002337>. EDN: HLCWFR.
- Tangian, A. (2007). European flexicurity: Concepts, methodology and policies. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 13(4), 551–573. <http://doi.org/10.1177/102425890701300404>.
- Van, Kersbergen, K., & Hemerijck, A. (2012). Two decades of change in Europe: The emergence of the social investment state. *Journal of Social Policy*, 41(3), 475–492. <http://doi.org/10.1017/S0047279412000050>.
- Vis, B. (2007). States of welfare or states of workfare? Welfare state restructuring in 16 capitalist democracies, 1985–2002. *Policy & Politics*, 35(1), 105–122. <http://doi.org/10.1332/030557307779657720>.
- Wilthagen, T., & Tros, F. (2004). The concept of ‘flexicurity’: A new approach to regulating employment and labour markets. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 10(2), 166–186. <http://doi.org/10.1177/102425890401000204>.
- Yang, N., & Kühner, S. (2020). Beyond the limits of the productivist regime: Capturing three decades of East Asian welfare development with fuzzy sets. *Social Policy & Society*, 19(4), 613–627. <http://doi.org/10.1017/S147474641900054X>. EDN: NLQKKQ.
- Zakharyan, D.A. (2016). Welfare state: Milestones of development and the current status. *RUDN Journal of Sociology*, 16(3), 649–658. (In Russian).
- Zylan, Y., & Soule, S.A. (2000). Ending welfare as we know it (again): Welfare state retrenchment, 1989–1995. *Social Forces*, 79(2), 623–652. <http://doi.org/10.1093/sf/79.2.623>. EDN: EOPTPF.

Сведения об авторе:

Сересова Ульяна Игоревна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры туризма и сервиса, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: seresova_ui@pfur.ru) (ORCID: 0009-0008-7747-5625)

About the author:

Uliana I. Seresova — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Tourism and Service, Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: seresova_ui@pfur.ru) (ORCID: 0009-0008-7747-5625)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-793-804

EDN: GREGRX

Research article / Научная статья

Impacts of COVID-19 on the Economic and Humanitarian Situation of Food Security in West Africa

Alisa R. Shishkina^{1,2} , Olubunmi Florence Ibuowo¹

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² The Institute for African Studies, Moscow, Russian Federation

 ashishkina@hse.ru

Abstract. There has been a noticeable spike in food insecurity during the aftermath of the COVID-19 which has been on the increase in both Nigeria and Burkina Faso. This study made use of mixed methods research design to explore how COVID-19 affected the economic and humanitarian aspects of food security in West Africa. The purpose of this document is to provide clear highlight on the actions and responses of Nigeria and Burkina Faso to the emergence of COVID-19 concerning its implications on the food sector. Findings revealed that agriculture has made a significant contribution to the GDP of both Nigeria and Burkina Faso but witnessed a change during the outburst of COVID-19. We concluded that the government rolled out a series of policies both cash-based and food-based through subsidies and palliatives that ensure prices of food are monitored and that the vulnerable are provided with food. This paper therefore recommended that more work be done on how to integrate the use of technology to improve food security in both Nigeria and Burkina Faso and the rest of West Africa.

Keywords: pandemic, COVID-19, food security, disruption, policies

Acknowledgements. The study is the output of the research project implemented as a part of the Basic Research Programme at HSE University in 2025 with support by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00650).

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Shishkina, A.R., & Ibuowo O.F. (2025). Impacts of COVID-19 on the economic and humanitarian situation of food security in West Africa. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 793–804. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-793-804>

© Shishkina A.R., Ibuowo O.F., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Влияние COVID-19 на экономическую и гуманитарную ситуацию в сфере продовольственной безопасности в Западной Африке

А.Р. Шишкина^{1,2} , О.Ф. Ибуово¹

¹ Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

² Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 ashishkina@hse.ru

Аннотация. В период после COVID-19 произошел заметный всплеск продовольственной нестабильности, который усилился как в Нигерии, так и в Буркина-Фасо. В данном исследовании с использованием смешанных методов исследования было проанализировано, как COVID-19 повлиял на экономические и гуманитарные аспекты продовольственной безопасности в Западной Африке. Цель исследования — выявить действия и меры реагирования Нигерии и Буркина-Фасо на появление COVID-19 в отношении его последствий для продовольственного сектора. Результаты работы показали, что сельское хозяйство внесло значительный вклад в ВВП как Нигерии, так и Буркина-Фасо, но ситуация существенно изменилась во время вспышки COVID-19. Авторы приходят к выводу, что правительства развернули ряд политических мер, как финансовых, так и продовольственных, посредством субсидий и паллиативов, которые обеспечивают мониторинг цен на продукты питания и обеспечение уязвимых слоев населения продуктами питания. В качестве мер снижения рисков приводится рекомендация провести дополнительную работу по интеграции использования технологий для улучшения продовольственной безопасности как в Нигерии, так и в Буркина-Фасо, а также других странах Западной Африки.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, продовольственная безопасность, сбои, политика

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке гранта РФФ No 24-18-00650.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Shishkina A.R., Ibuowo O.F. Impacts of COVID-19 on the economic and humanitarian situation of food security in West Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. №4. С. 793–804. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-793-804>*

Introduction

The United Nations reported in 2017 that the world hunger rate had begun to rise as 11% of the world's population are likely to go hungry as a result of the absence of food. With the appearance of COVID-19, the condition of living had not improved [Mouloudj 2020]. Food security has received unwavering attention in recent times because of its importance to humanity and the sustenance of the country's economy globally. This could be traced back to 1974 when the first food conference was held to address the issue of hunger in the world [Ibukun et al. 2020]. Food security

in the millennium received a boost during the outbreak of coronavirus also known as COVID-19. According to [Onyeaka 2022], the socioeconomic repercussions of COVID-19 pushed approximately half a billion people into poverty and hunger, especially in economies that have low to middle-incomes, where people already live below the poverty line of \$1.90 a day, thus contributing to the pool of poor people in Nigeria and Burkina Faso.

The World Health Organization declared COVID-19 a public health emergency due to the virus's rapid spread, which left the international system anxious. By March 2020 it was declared a pandemic, resulting in the death of about 6 million persons across the world [El Bilali et al. 2023]. In Africa, the first COVID-19 cases were documented on February 14, 2020, in Egypt and subsequently Algeria and Nigeria reported cases of COVID-19 [Bonnet et al. 2021; Martinez-Alvarez et al. 2020 & Osayomi et al. 2021]. Owing to the late spread of the virus to Africa, there were speculations that the warm weather in Africa could have played a significant role in curtailing the spread of the virus, meanwhile, in some quarters, others thought that the experience that African states had during the outbreak of Ebola virus came handy in controlling the virus's spread. Contrary to the widely held view that the virus will not survive in Africa, it spread to the rest of Africa, the whole of West Africa which is the focal point of the study was not left out. When the disease broke out in Africa it was anticipated to be the epicentre of the virus, but this was not so. However, due to poor health facilities, Africa recorded 170, 843 confirmed cases and 1,915 deaths of which 73, 624 were cases that were from West Africa with 1352 deaths [Taboe et al. 2020].

Beyond the consequences on health, the ripple effect of the virus resonated across different sectors, it triggered a multi-layered crisis in the financial sector, production sector, distribution sector, and agricultural sector thus leading to mass unemployment and an increase in poverty [El Bilali et al. 2020]. The pandemic disrupted global food security and agri-food system, disrupting the food supply chain, which is the distribution of food by influencing the behaviour of consumers regarding patterns of food and diet [El Bilali et al. 2020]. The effect of COVID-19 pandemic on food security was not limited to a particular section of the economy, it was felt in countries with high-income as well as middle and low-income states. Despite this, it is noteworthy to point out that the severity of loss recorded during this period also differs from country to country and how the virus was managed as well as the number of deaths recorded differs. Food security has been conceived by different scholars but the thrust of this study is to address the actions and responses of countries to COVID-19, particularly Nigeria and Burkina Faso and its implication on food security.

Literature Analysis

COVID-19 influence on global and regional trends

Numerous academic papers are devoted to various types of consequences of pandemics on global world development trends, including macroeconomic ones [Bell, Lewis 2004; Abraham 2011; Swinburn 2011; Ullah, Ferdous 2022]. One of the

important focuses in this case is the relationship between economic indicators and the consequences of the crisis caused by pandemics. Even though the connection in this case is ambiguous and some studies find economic growth after a pandemic, for example, the Spanish flu [Brainerd, Siegler 2003] or an increase in per capita consumption in the context of the HIV epidemic in South Africa [Young 2004], negative trends are also recorded by scientists [Bell, Gersbach 2004].

The discussion on the impact of pandemics on country development, in case of Africa, acquires particular importance since some regions of the continent, for example West Africa, are particularly in the focus of researchers, as they are the least prepared and protected from the devastating consequences of pandemics in both the short and long term [Jonung, Roeger 2006; Acemoglu, Johnson 2007; Bhargava, Docquier 2008; Madhav et al. 2017].

In the research and academic literature devoted to the consequences of COVID-19 on global development trends, the negative impact of the pandemic on global security is generally noted [Bjelajac, Filipovic 2020]. Thus, according to experts from the World Health Organization, one of the consequences of the pandemic has been a noticeable decline in the global economy as a whole, as well as fluctuations in food prices, serious disruptions in food supply chains, increased inequality, etc. Bergmann notes that the trends the world has faced during the COVID-19 pandemic are pervasive, ubiquitous and interdependent, and shape the crises that have emerged since then in various areas of societies [Bergman 2020].

We may also identify a cluster of studies highlighting some of the practices African states use to minimize security and food industry threats [Mouloudj et al. 2020; Aslam 2022; Ojokoh et al. 2022]. At the same time, the impact of COVID-19 on the economic and humanitarian situation of food security in West African countries have not yet been studied comprehensively, including in the field of analyzing individual responses to COVID crises in particular countries of this part of African continent. This article aims to fill this gap and examine the impact of the COVID pandemic in countries such as Nigeria and Burkina Faso.

Case Analysis

COVID-19 pandemic in West Africa, Nigeria and Burkina Faso

An infectious disease that spreads widely over national and international borders, affecting a large number of people and capable of causing high rates of death and morbidity as well as political and socio economic instability is referred to as a pandemic [Ojokoh et al. 2022]. Through importation from Asia, Europe, and America, COVID-19 made its way to Africa; the first case in West Africa was later than was expected and even took a further time to spread to the Sahelian part of the sub-region. COVID-19 gave the world a scare, because of the rapid way it spread. Since the 2nd World War ended, the world has not been thrown into deep turmoil as was encountered during the emergence of COVID-19; considering the shock and the level of preparedness to tackle such a pandemic [Ahanhazo 2021]. West Africa's population was 367 million people with 412, 178 cases of COVID-19. This is about 14.8% per cent casualty of the

continent's record, while Africa as a continent recorded 11.2% of global deaths during COVID-19 outbreak. Two weeks later, COVID-19 was declared a public health issue that requires urgent attention. The ministers of health of all 15 ECOWAS States met in Bamako the capital of Mali to agree on the approach to respond to the virus, The ministers of health agreed on the need to put in place necessary infrastructure for quarantine or self-isolation and intensive care unit facilities and other critical materials needed in the laboratory such as personal protective equipment (PPE) [Ahanhazo 2021].

According to [Bonnet et al. 2021], Francophone countries in West Africa were predicted to be at low risk of contracting coronavirus due to limited air traffic to China, to this end the number of deaths recorded as a result of the virus in Burkina Faso was few the same few numbers was recorded across Francophone states in West Africa. However, the same cannot be said of Nigeria, a country in the same sub-regions as Burkina Faso. According to [Osayomi et al. 2021], Nigeria is the heartbeat of the sub-region's political and economic affairs. In terms of human mobility, Nigeria experiences a lot more than Burkina Faso particularly in air traffic flow within and outside the region and globally, with Lagos receiving about 2 million traffic flow in 2019 alone. Therefore, this makes Nigeria the country with the highest largest COVID cases in the sub-region. With about 14, 554 cases as well as the largest death associated with the pandemic, about 387. The reason for the low spread of the virus was alluded to the fact that Africa as a continent has the highest number of young populations with strong immune systems due to their diet which is plant-based. When the virus broke out in Burkina Faso the government had prepared for it because it was not until March that it spread to Burkina Faso this gave them a head start to prepare to tackle the virus head-on [Bonnet et al. 2021]. Although there was a low spread of the pandemic in West Africa, the result of the disease on food was huge [El Bilali 2023].

COVID-19 greatly affected the economies of Nigeria and Burkina Faso disrupting trade and heavily affecting food security as a result of some of the policies embarked upon to contain the spread of COVID-19. According to [El Bilali 2023; Ibukun et al. 2021; Taboe et al. 2020], to control the virus, some of the measures taken to curb the spread of coronavirus include basic hygiene, quarantine, lockdown, self-isolation, social distancing, closure of public spaces such as school, and worship centres. These measures adversely impacted the food system. Food production is a major contributor to the GDP of both Nigeria and Burkina Faso, as it contributes to the reduction of unemployment rate. Before the pandemic, food security was a major challenge in West Africa with a high level of undernourished persons across West Africa.

Figure 1 shows food contribution to GDP in Nigeria and Burkina Faso in pre-COVID period.

The figure revealed that Burkina Faso witnessed a sharp drop in the contribution of Agriculture to the GDP of the country, the record drop from an all-time high of 18.2% in 2019 to 17.23% in 2021. This revealed that although the country had been grappling with different factors challenging the agricultural sector such as the activities of the terrorist group al-Qaida, and climate change, the contribution of agriculture during COVID-19 witnessed a drop which is an indication that COVID-19 had a significant effect on Burkina Faso's GDP.

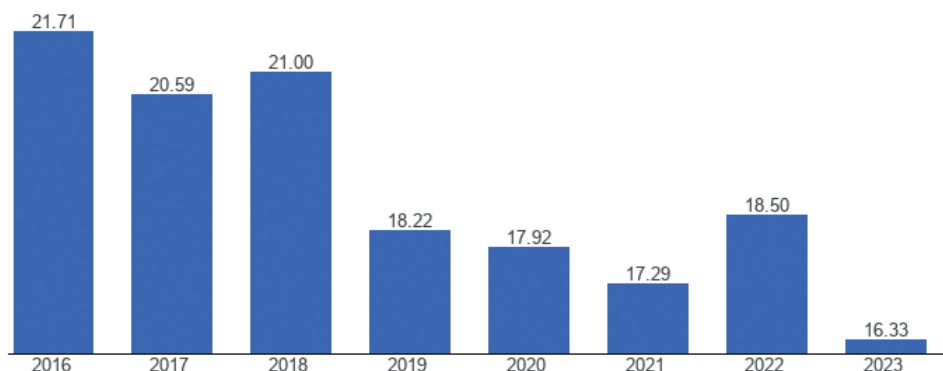

Figure 1. Agricultural product contribution to GDP in Burkina Faso in 2016–2023, %

Source: Burkina Faso Economic Indicators. Retrieved August, 12, 2025, from http://www.theglobaleconomy.com/Burkina-Faso/share_of_agriculture/

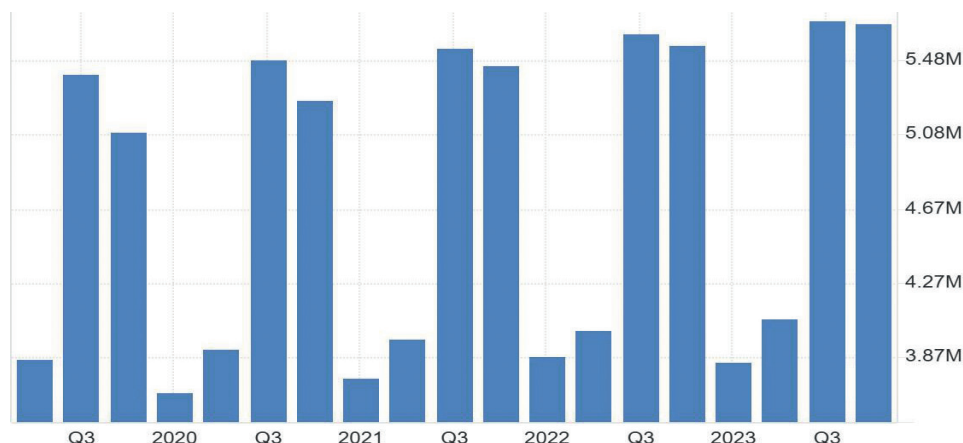

Figure 2. Agricultural products contribution to GDP in Nigeria in 2020–2023 quarterly, NGN (Nigerian Naira) millions

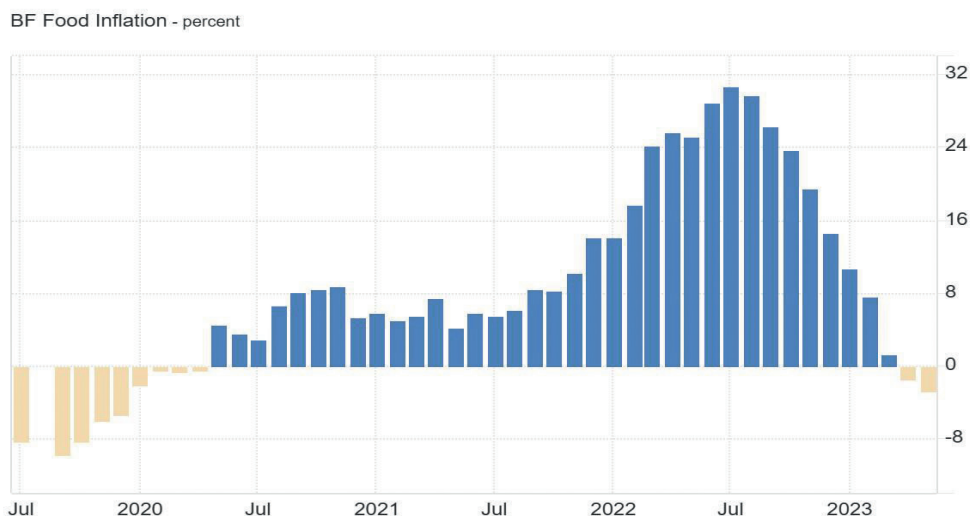
Source: Nigeria GDP From Agriculture. Retrieved August, 12, 2025, from <https://tradingeconomics.com/Nigeria/gdp-from-agriculture>

There was a noticeable decline in the contribution of agriculture to the Gross Domestic Product (GDP) of Nigeria from the last quarter of 2019 (Figure 2), it fell from a year high of about 5.41M to 5.09M. A sharp decline was noticeable in 2020, from as the contribution of agriculture to Nigeria's GDP continued to plummet by recording a low GDP of about 3.68M and 3.93M in the first and second quarter of 2020 respectively before a noticeable surge in the 3rd quarter of 2020.

Impact of COVID-19 on Food Security in Nigeria and Burkina Faso

Food security is a major concern to all countries in the world. When COVID-19 was declared a pandemic, people panicked to get foodstuff and other essential supplies that they might need, thus, affecting the prices and availability of goods and other commodities.

Figures 3 and 4 show Prices of commodities before COVID-19 and after COVID-19.

Source: tradingeconomics.com | Institut National de la Statistique et de la Demographie, Burkina Faso

Figure 3. Food inflation in Burkina Faso in 2020–2023, %

Source: Burkina Faso Food Inflation. Retrieved August, 11, 2025, from <https://tradingeconomics.com/burkina-faso/food-inflation>

As a result of COVID-19, there was inflation in the prices of commodities in Burkina Faso from 3.80 in mid-2020 to an all-time high increase of 30.70% in July 2022.

Source: tradingeconomics.com | National Bureau of Statistics, Nigeria

Figure 4. Food Inflation in Nigeria in 2020–2023, %

Source: Nigeria Food Inflation. Retrieved August, 12, 2025, from <http://tradingeconomics.com/nigeria/food-inflation>.

From the figure, Inflation is noticeable in Nigeria from about August 2020 at 15.91% and reached an all-time high of about 23% in July 2021. In Burkina Faso, poor households, households headed by females, and farmhouses were vulnerable during the pandemic, because the purchasing power of money decreased due to an increase in the prices of food as a result of the shortage of labour which was a ripple effect of social distance measure and lock down embarked upon by the government to tackle the virus [El Bilali 2023]. The pandemic affected the whole food chain from the procurement of seedlings to food waste management. According to [Vasseur 2021], food security in Burkina Faso increased by 50% between the month of January and June 2020. The impact of the COVID-19 was felt in the whole region of West Africa and the world at large.

Although the pandemic increased the awareness of healthy lifestyle, people became conscious of the need to pay more attention to healthy consumption of food crops that will prevent them from contracting the virus, however, the lockdown and movement restriction contributed adversely to the price hike on food experienced in West Africa. The measures affected both subsistence and commercial farmers because the virus broke out just at the beginning of the planting season, this discouraged farmers from further production of food crops, and livestock and fish farmers all suffered as a result of the policies that the government put in place to curtail the spread of the COVID-19 [Ojokoh et al. 2022].

Food is vital to human survival, nevertheless, when COVID-19 pandemic broke out, it disrupted the supply chain, thereby leading to the closure of many stores, malls and general markets were shut down as well. This lockdown greatly affected the procedure for the internal food supply chain, simultaneously obstructing cash flow from vendors to farmers. The number of days for the lockdown was very stressful for Nigerians and it had a great effect on the prices of food cost of transportation increased the hoarding of agricultural products by marketers and it reduced the purchasing power of the households. A decrease in household income in Burkina Faso resulted in lower purchases of produce and higher expenditures on unrelated food items like health and sanitation; this had great implications for the economy [Vasseur et al. 2020]. Perishable goods such as vegetables, meat and fruits farmers were gravely affected because only a small window was given to people to purchase items. As the number of customers reduces, so does the price, leaving the farmers worse off with low value for their goods [Mouloudj 2020]. This disruption in the agricultural sector was amplified by the fact that many engaged in subsistence farming under difficult conditions, which included outdated implements, poor infrastructure, and poor road network [Omotayo et al. 2022].

Furthermore, COVID-19 also greatly affected human activities, since agriculture is not devoid of humans, some people lost their jobs stemming to social distance measures and the stringent rules around lockdown, which gravely impacted transactional processes that prevented farmers from carrying out certain financial transactions and further handicapped the ability to procure farm implements, fertilisers and seedlings. The agricultural sector, due to the fear of farmers contracting

and spreading the virus downsized and did not recruit replacements, this further led to a fall in production, leading to a price hike [Mouloudj 2020].

COVID-19 endangered small and large-scale farming. It significantly affected the food supply chain, there was a huge drop in demand and supply as people made fewer trips to the grocery stores and opted to eat at home instead of public places like restaurants and imbibing the culture of storing essential food items in the house [Mouloudj 2020]. This greatly affected the price stability of food items as the supply chain was disrupted people were left to buy directly from the farmers; this took a toll on farmers who had to look for alternative ways to sell their commodities which were mostly perishable food crops. This made the increase in food waste, particularly in markets or during harvest season, worse. It also made labour shortages in the various food system sectors worse, leading to job and income losses. Restriction of movement and lockdown harmed food security and to this end, the government of both Burkina Faso and Nigeria each responded with measures to reduce hunger and promote access to food.

Fast response from both countries took the people by surprise as quick restrictions were placed on commodities creating instability in food production. This revealed the state of technological development in the sub-continent, particularly in Nigeria and Burkina Faso as both countries lack technologies for food processing and storage, which further caused food wastage as a result of the swift implementation of movement restriction and market closure [Vasseur 2021].

Results and discussion

Access to food is essential to human survival. It has been the goal of the United Nations through the policy of Sustainable Development Goals (SDGs) to ensure that by the year 2030, hunger will be reduced to zero level. To combat the impact of the virus in Nigeria and Burkina Faso, the government embarked on different policies to assuage the effect of the COVID-19 pandemic through the issuance of funds and credit support [Abdul 2020]. Employers of labour equally provided their employees with palliatives to reduce the effect of the disease and to ensure that the mass loss of jobs was prevented [Mouloudj 2020].

Agricultural commodities experienced disruption regarding trade and availability of commodities and labour to ensure food security, first, both Nigeria and Burkina Faso had to curb the spread of the virus. Both countries developed a response plan to COVID-19. This plan revolves around seven key indices of coordination and monitoring, epidemiological surveillance, case investigation and entry port control, prevention and control measures, biological surveillance, risk communication, case management, and evaluation and research as jointly agreed by the Ministers of Health of the West African countries [Bonnet 2021]. Some of the measures adopted by the government to contain the spread of the virus were social distancing, lockdown, and restriction of movement for a certain period, thus creating a food emergency [Bilal 2023].

The increase in the use of subsidies was deplored by the government of Nigeria to lessen the volatility of price and to improve access to food [Vasseur 2021]. Despite having enough arable land, 15% of West Africans were undernourished prior

to the pandemic outbreak in 2019 as a result of rapid population growth which had contributed to a change in nutrition and dependence on the importation of food crops [Arouna 2020]. Nigeria's minister of Agriculture confirmed recently as of the time of writing that the government has lifted the ban on the importation of certain food items such as maize, beans, wheat, husked and brown rice for a period of one hundred and fifty days (Premium times, Jul 2024), to mitigate the rising cost of food in the country.

Conclusion and policy implications

Before the outbreak of the pandemic, Nigeria and Burkina Faso had suffered different degrees of food insecurity due to poor climate and the activities of Boko Haram* and the al-Qaida* (*both prohibited in Russian Federation) terrorist groups respectively which had greatly hampered food production which was further compounded by COVID-19 pandemic. The study showed that agriculture had significantly contributed to the GDP of both Nigeria and Burkina Faso. However, there was a noticeable decline from the second quarter of 2020 till the second quarter of 2021, in Nigeria about the time when the virus was rife.

The absence of the technology necessary for the preservation of food led to waste. Nigeria and Burkina Faso are economies with low and middle-income, which have not integrated technology into farming. This greatly affected the sudden shock that the pandemic presented thus leading to waste of perishable food crop. Many lost their jobs due to the fear of contracting COVID-19 and some organizations had to let go of their employees due to a reduction in patronage. In Nigeria and Burkina Faso where the agricultural sector is the largest employer of Labour, an increase in loss of perishable items discouraged farming. The government of both countries mitigated the situation through subsidies and palliative to relieve the people of some of the burden of access to food. So also, the government rolled out a series of policies both cash-based and food-based that ensure prices of food are monitored and that the vulnerable are provided with food. Individuals put in personal effort by changing their food behaviour and diet with many adopting homemade meals and adjusting their diet to meet the price hike in food products and other commodities following the pandemic.

Conclusively, although both Nigeria and Burkina Faso were having food insecurity challenges before the pandemic, the pandemic affected food security which led to government intervention through cash-based and food-based policies to ensure that the vulnerable are protected and work was geared towards sustainable food security in both countries through subsidies and palliatives. Thus, we may conclude that paying attention to the advocacy for improved farming techniques might be helpful in reducing the risks mentioned in this article.

Received / Поступила в редакцию: 19.07.2025

Revised / Доработана после рецензирования: 04.08.2025

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2025

References

- Abdul, I.M. (2020). Covid-19, lockdown and transitory food insecurity in Nigeria. *Food Agr Manag*, 1, 26–30.
- Abraham, T. (2011). The chronicle of a disease foretold: Pandemic H1N1 and the construction of a global health security threat. *Political Studies*, 59(4), pp.797-812.
- Acemoglu, D., & Johnson, S. (2007). Disease and development: The effect of life expectancy on economic growth. *Journal of political Economy*, 115(6), 925–985.
- Ahanhanzo, C., Johnson, E.A., K., Eboreime, E.A., Issiaka, S., Traoré, B.I., Adohinzin, C.C., ..., & Okolo, S. (2021). Covid-19 in West Africa: regional resource mobilisation and allocation in the first year of the pandemic. *BMJ Global Health*, 6(5), e004762.
- Arouna, A., Soullier, G., Del, Villar, P.M., & Demont, M. (2020). Policy options for mitigating impacts of Covid-19 on domestic rice value chains and food security in West Africa. *Global Food Security*, 26, 100405.
- Aslam, M.M. (2022). Decoding the global security threat of Covid-19. In *COVID-19 Pandemic* (pp. 14–35). Routledge.
- Bamgboye, E.L., Omiye, J.A., Afolaranmi, O.J., Davids, M.R., Tannor, E.K., Wadee, S., ..., & Naicker, S. (2021). Covid-19 pandemic: Is Africa different? *Journal of the National Medical Association*, 113(3), 324–335.
- Bell, C., & Gersbach, H. (2004). Growth and epidemic diseases. *CEPR Discussion Paper*, 4800.
- Bell, C., & Lewis, M. (2004). The economic implications of epidemics old and new. *World Economics*, 5(4),
- Bergman, M.M. (2020). The world after Covid. *World*, 1(1), 5.
- Bhargava, A., & Docquier, F. (2008). HIV pandemic, medical brain drain, and economic development in Sub-Saharan Africa. *The World Bank Economic Review*, 22(2), 345–366.
- Bjelajac, Z., & Filipovic, A.M. (2020). Covid-19 Pandemic-security challenges, risks, and threats. *Kultura polisa*, 17, 9.
- Bonnet, E., Bodson, O., Le, Marcis, F., Faye, A., Sambieni, N.E., Fournet, F., ..., & Ridde, V. (2021). The Covid-19 pandemic in francophone West Africa: From the first cases to responses in seven countries. *BMC Public Health*, 21, 1–17.
- Brainerd, E., & Siegler, M. (2003). The Economic effects of the 1918 influenza epidemic. *CEPR Discussion Paper*, 3791.
- El, Bilali, H., Dambo, L., Nanema, J., Tietiambou, S.R., F., Dan, Guimbo, I., & Nanema, R.K. (2023). Impacts of the Covid-19 pandemic on agri-food systems in West Africa. *Sustainability*, 15(13), 10643.
- Ibukun, C.O., & Adebayo, A.A. (2021). Household food security and the Covid-19 pandemic in Nigeria. *African Development Review*, 33, S75-S87.
- Jonung, L., & Roeger, W. (2006). *The macroeconomic effects of a pandemic in Europe-A model-based assessment*. Available at SSRN 920851.
- Lynda, E.O., Kelechi, A.I., & Ridwan, M. (2020). Assessment of rural households food insecurity during Covid-19 pandemic in South-East Nigeria. *International Journal of Research-GRANTHAALAYAH*, 8(12), 182–94.
- Madhav, N., Oppenheim, B., Gallivan, M., Mulembakani, P., Rubin, E., & Wolfe, N. (2017). Pandemics: Risks, impacts, and mitigation. *Disease control priorities: improving health and reducing poverty*. 3rd edition.
- Martinez-Alvarez, M., Jarde, A., Usuf, E., Brotherton, H., Bittaye, M., Samateh, A.L., ..., & Roca, A. (2020). COVID-19 pandemic in West Africa. *The Lancet Global Health*, 8(5), e631-e632.
- Mouloudj, K., Bouarar, A.C., & Fechit, H. (2020). The impact of Covid-19 pandemic on food security. *Les cahiers du CREAD*, 36(3), 159–184.

- Ojokoh, B.A., Makinde, O.S., Fayeun, L.S., Babalola, O.T., Salako, K.V., & Adzitey, F. (2022). Impact of Covid-19 and lockdown policies on farming, food security, and agribusiness in West Africa. In *Data Science for COVID-19* (pp. 209–223). Academic Press.
- Ojokoh, B.A., Makinde, O.S., Fayeun, L.S., Babalola, O.T., Salako, K.V. and Adzitey, F. (2022). Impact of Covid-19 and lockdown policies on farming, food security, and agribusiness in West Africa. In *Data Science for Covid-19* (pp. 209–223). Academic Press.
- Omotayo, A.O., Omotoso, A.B., Daud, S.A., Omotayo, O.P., & Adeniyi, B.A. (2022). Rising food prices and farming households food insecurity during the Covid-19 pandemic: Policy implications from SouthWest Nigeria. *Agriculture*, 12(3), 363.
- Onyeaka, H., Tamasiga, P., Nkoutchou, H., & Guta, A.T. (2022). Food insecurity and outcomes during Covid-19 pandemic in sub-Saharan Africa (SSA). *Agriculture & Food, Security*, 11(1), 56.
- Osayomi, T., Adeleke, R., Taiwo, O.J., Gbadegesin, A.S., Fatayo, O.C., Akpoterai, L.E., ..., & Isioye, A. (2021). Cross-national variations in Covid-19 outbreak in West Africa: Where does Nigeria stand in the pandemic? *Spatial Information Research*, 29, 535–543.
- Swinburn, B.A., Sacks, G., Hall, K.D., McPherson, K., Finegood, D.T., Moodie, M.L., & Gortmaker, S.L., (2011). The global obesity pandemic: Shaped by global drivers and local environments. *The lancet*, 378(9793), 804–814.
- Taboe, H.B., Salako, K.V., Tison, J.M., Ngonghala, C.N., & Kakaï, R.G. (2020). Predicting Covid-19 spread in the face of control measures in West Africa. *Mathematical biosciences*, 328, 108431.
- Ullah, A.A., & Ferdous, J. (2022). The pandemic and global politics. In *The Post-Pandemic World and Global Politics* (pp. 1–22). Singapore: Springer Nature Singapore.
- Vasseur, L., VanVolkenburg, H., Vandeplas, I., Toure, K., Sanfo, S., & Balde, F.L. (2021). The effects of pandemics on the vulnerability of food security in West Africa — a scoping review. *Sustainability*, 13(22), 12888.
- Young, A. (2004). The gift of the dying: The tragedy of aids and the welfare of future African generations. *NBER working paper*, 10991.

About the authors:

Alisa R. Shishkina — PhD (Politics), Leading Researcher, HSE University; Senior Researcher, Institute for African Studies RAS (e-mail: isleonid@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2544-9184)

Olubunmi Florence Ibuowo — PhD student, HSE University (e-mail: oibuowo@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-3606-5928)

Сведения об авторах:

Шишкина Алиса Романовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института Африки РАН (e-mail: isleonid@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2544-9184)

Ибуово Олунми Флоренс — аспирантка НИУ ВШЭ (e-mail: oibuowo@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-3606-5928)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-805-815
EDN: GPMENK

Research article / Научная статья

From Local Conflicts to Global Implications: The Ripple Effects of Political Violence in the Horn of Africa

Marina V. Lapenko , Yayehe Asmare Muche

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 lapenko-mv@rudn.ru

Abstract. Political violence in the Horn of Africa has significant implications that resonate beyond local borders, impacting global security and international relations. This study aims to investigate the historical and socioeconomic factors contributing to regional political violence and to assess how these local conflicts cascade into global security dynamics. A historical-analytical approach was applied, drawing on various data sources, including conflict statistics and security analysis reports, to trace the pathways through which local violence escalates into broader geopolitical concerns. The findings reveal that local conflicts in the Horn of Africa contribute to transnational security threats such as terrorism, piracy, and illegal arms trade, while also influencing migration patterns and humanitarian crises that affect multiple regions worldwide. The analysis shows a strong linkage between regional instability and shifts in international relations, with increased intervention efforts by neighboring countries and international organizations. The study further identifies the impact of these conflicts on economic stability and the strategic re-calibration of foreign policies. In conclusion, understanding the ripple effects of political violence in the Horn of Africa is essential for developing effective policy strategies aimed at conflict resolution and global stability. Addressing these conflicts requires a comprehensive approach that considers both the regional and global dimensions of security.

Keywords: Political violence, Horn of Africa, global security, regional conflicts, international relations, conflict resolution, transnational threats, instability, migration, humanitarian crisis

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Lapenko, M.V., & Muche, Ya.A. (2025). From local conflicts to global implications: The ripple effects of political violence in the Horn of Africa. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 805–815. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-805-815>

© Lapenko M.V., Muche Ya.A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

От локальных конфликтов к глобальным последствиям: эффект домино политического насилия на Африканском Роге

М.В. Лапенко , Яйехе Асмаре Муче

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 lapenko-mv@rudn.ru

Аннотация. Политическое насилие на Африканском Роге имеет значительные последствия, выходящие далеко за пределы локальных границ и оказывающие влияние на глобальную безопасность и международные отношения. Цель данного исследования — изучить исторические и социально-экономические факторы, способствующие региональному политическому насилию, и оценить, каким образом эти локальные конфликты трансформируются в глобальную динамику безопасности. В работе применяется историко-аналитический подход, опирающийся на различные источники данных, включая статистику конфликтов и отчеты по состоянию режима безопасности, для анализа эскалации локального насилия и его трансформации в более широкую геополитическую проблему. Результаты показывают, что локальные конфликты на Африканском Роге способствуют возникновению транснациональных угроз безопасности, таких как терроризм, пиратство и незаконная торговля оружием, а также влияют на миграционные процессы и гуманитарные кризисы, затрагивающие многие регионы мира. Анализ демонстрирует тесную связь между региональной нестабильностью и изменениями в действиях международных акторов, выражающимися в усилении интервенционных усилий соседних стран и международных организаций. В исследовании также выявляется влияние этих конфликтов на экономическую стабильность и стратегическую перекалибровку внешней политики. В целом, понимание «эффекта домино» в распространении политического насилия на Африканском Роге имеет важное значение для разработки эффективных политических стратегий, направленных на урегулирование региональных конфликтов и обеспечение глобальной стабильности. Разрешение этих конфликтов требует комплексного подхода, учитывающего как региональные, так и глобальные аспекты безопасности.

Ключевые слова: Политическое насилие, Африканский Рог, глобальная безопасность, региональные конфликты, международные отношения, урегулирование конфликтов, транснациональные угрозы, нестабильность, миграция, гуманитарный кризис

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Lapenko M.V., Muche Ya.A. (2025). From local conflicts to global implications: The ripple effects of political violence in the Horn of Africa// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. №4. С. 805–815.* <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-805-815>

Introduction

Political violence in the Horn of Africa is a significant issue that extends far beyond regional conflicts, creating serious threats to global security and stability. The region is characterized by multilayered factors, including historical, economic, and social elements that contribute to persistent tensions and numerous local conflicts. Understanding these factors and analyzing their global implications is key to developing effective strategies for response and conflict resolution.

This study aims to identify the historical and socio-economic causes of political violence in the Horn of Africa, assess its impact on global processes, and develop policy recommendations for addressing these conflicts. The research analyzes the chain of interactions between local clashes and their global consequences, providing both theoretical and empirical justifications. The importance of this work lies in its ability to outline key principles for a long-term strategy that can not only mitigate the consequences of regional conflicts but also reduce the likelihood of their global influence.

Tracing the Pathways of Violence: Local Struggles and Their Global Reverberations

Political violence in the Horn of Africa has deep historical roots tied to colonial legacies, ethnic conflicts and internal political tensions [Matshanda 2022]. This complex context contributes to the constant escalation of violence, which is sustained by both local and international actors [Mengistu 2015]. Investigating historical premises helps to uncover the primary causes of tension and conflict, which is crucial for understanding the mechanisms of violence in the region.

Economic factors also play a significant role in the escalation of violence, particularly in conditions of resource scarcity and poverty [Kerata 2004; Unfried et al. 2022]. Limited access to water and land resources, along with competition for control over them, intensifies conflict situations. A weak economic infrastructure further exacerbates community vulnerability, making people easy targets for various political and armed groups [Humphreys 2005].

Social factors, such as ethnic and religious differences, deepen conflicts [Abbink 2020]. These differences are often exploited by political actors to mobilize supporters and intensify confrontations. The use of ethnic identity as a basis for political struggle adds further layers of violence and discrimination, complicating the situation in the region even more [Mengistu 2015].

A cycle of violence emerges that affects not only local communities but also spreads to neighboring countries and even attracts the attention of the international community [Kerata 2024]. For example, intra-regional migration and forced displacement become significant factors contributing to the spread of instability beyond the region. These dynamics create pressures on social support systems in the countries receiving migrants.

International interests in the region also contribute to the development of violence [Gebru et al. 2023]. The geopolitical importance of the Horn of Africa leads to interventions by external forces, who often pursue their own interests. Such interference sometimes aids in stabilization, but more often exacerbates the existing tension [Ayferam, Muchie 2016].

Political violence in the Horn of Africa results from the interaction of historical, economic, social, and geopolitical factors [Hove, Ndawana 2018]. These factors (see Table 1) create a complex system of interconnections that contribute to the spread of violence and its global repercussions [Cardoso 2016].

Table 1

Main Factors of Political Violence in the Horn of Africa

Factor	Description
Historical	Colonial legacy, ethnic conflicts, political instability
Economic	Poverty, limited resources (land, water), weak infrastructure
Social	Ethnic and religious differences, use of identity in political struggle
Geopolitical	Intervention of external actors, strategic importance of the region

Source: compiled by M.V. Lapenko, Asmare Muche Yayehe.

**The Cascading Effects of Instability:
How Regional Conflicts Shape International Relations**

Regional conflicts in the Horn of Africa impact international relations, affecting not only neighboring countries but also states beyond the region. Political instability in one region can become a catalyst for cross-border threats, including terrorism and illegal arms trade, posing risks to international security [De Waal 2015].

One important aspect is the impact on migration flows. Due to regional instability, many people are forced to flee their homes, creating a burden on neighboring states and leading to international migration crises [Hove, Ndawana 2018]. Host countries face economic and social challenges, which can lead to increased tension and even political confrontation [Salehyan 2008]. Regional conflicts also create conditions for the growth of extremism and terrorism [Helbling, Meierrieks 2022]. The vulnerability of society to recruitment by extremist groups rises when people feel unprotected and unsupported by the state. These groups, operating in the Horn of Africa, pose a threat to the international community and drive the enhancement of global security measures.

There are also economic consequences that affect international interests (see Table 2). Disruptions in trade routes, for example, piracy in the Gulf of Aden, threaten international trade. Pirate attacks hinder free trade and increase shipping costs, impacting the global economy [Soğancılar 2021].

Table 2

Global Consequences of Regional Conflicts

Consequence	Manifestations
Terrorism	Expansion of extremist organizations, recruitment of supporters
Piracy	Attacks in the Gulf of Aden, higher shipping costs, threats to trade routes
Migration	Refugees and forced displacement, pressure on host countries
Illegal arms trade	Spread of weapons to neighboring regions, increase in violence
Humanitarian crises	Need for international aid, overburdening of resources

Source: compiled by M.V. Lapenko, Asmare Muche Yayehe.

The further escalation of conflicts in the region prompts reactions from major international organizations and alliances. The United Nations, African Union, and other international organizations are forced to intervene to prevent the escalation of violence [Mengistu 2015; Kirui 2020]. Such interventions shift the dynamics of international relations and create long-term strategic alliances [Holla 2021]. It's also important to note the influence of regional conflicts on the foreign policy of other countries. States involved in peacekeeping missions (see Table 3) often shape their relations based on mutual security and interests.

Table 3

International Community Response

Actor	Measures
United Nations	Peacekeeping missions, humanitarian operations
African Union	Mediation, regional peacekeeping initiatives
Neighboring states	Military operations, migration control, border security
Global powers	Strategic alliances, economic and military assistance

Source: compiled by M.V. Lapenko, Asmare Muche Yayehe.

These alliances can significantly impact the global balance of power, altering previous diplomatic priorities.

Understanding the Nexus of Local Disputes and Global Security Threats

Political violence in the Horn of Africa is interconnected with global security threats such as terrorism, piracy, and the illegal arms trade [Shah 2023]. The link between local conflicts and international security becomes apparent when regional disputes begin to threaten stability beyond the region's borders.

Regional instability contributes to the expansion of illegal networks that may use the territory to coordinate cross-border operations. Territories affected by conflict create “favorable conditions” for extremist organizations, such as Al-Shabaab, which pose threats not only to the region but also to countries beyond. These groups exploit the weakness of state authority to extend their influence, leading to increased terrorist activity on an international level [Van der Walt, Solomon 2014; Tar, Mustapha 2017].

Piracy in the waters surrounding the Horn of Africa poses another major threat. Economic losses from pirate attacks affect not only neighboring countries but also international trade routes, increasing shipping costs and restricting the free movement of goods. Piracy creates risks for international shipping and undermine global efforts to maintain open trade routes [Sullivan 2010].

The illegal arms trade also increases the global risks associated with conflicts in the region. Weapons supplied to the Horn of Africa spread to neighboring regions, fueling further violence. This weaponry is used not only in local conflicts but also in cross-border operations, heightening instability in several countries [Wasara 2002].

This situation requires active international involvement and the development of new security control approaches. State responses to these threats include heightened security measures and sanctions aimed at preventing arms trafficking and combating piracy. This highlights the need for comprehensive measures that include both political and economic tools to minimize threats originating from the region.

Additionally, the spread of security threats from the Horn of Africa intensifies global discussions on the need for cooperation in international security. Countries involved in addressing the crises face the need to share intelligence information and coordinate efforts to prevent terrorist activity and piracy [Gatuiku, 2016].

Moreover, international cooperation is critical in addressing the political violence stemming from the Horn of Africa. For example, joint efforts between regional organizations like the African Union (AU) and international bodies such as the United Nations (UN) have aimed to foster stability in the region through peacekeeping missions, conflict mediation, and political dialogue [Healy 2011, De Jong 2010]. These efforts (see Table 4) underscore the interconnectedness of regional and global security, where resolving the conflicts in the Horn of Africa is not just about restoring peace locally, but also about contributing to global security and economic stability.

Table 4

Ways to Mitigate Threats

Direction	Description
Socio-economic development	Fighting poverty, improving infrastructure, providing resources
Strengthening institutions	Improving governance, developing rule of law
International cooperation	Joint counter-terrorism operations, intelligence sharing
Preventive diplomacy	Mediation, early warning of conflicts

Source:compiled by M.V. Lapenko, Asmare Muche Yayehe.

Thus, political violence and conflicts in the Horn of Africa are not only a regional but also a global problem. These threats require comprehensive measures from the international community aimed at their neutralization and prevention of further spread [Hailu 2007, Thelma et al. 2024].

**From Grassroots Tensions to International Crises:
The Broader Impact of Conflict**

Conflicts at the local community level are often precursors to international crises, significantly complicating global security and necessitating substantial external intervention. When local tensions escalate into open conflicts, the consequences can extend beyond one region, affecting peace and stability worldwide [Mijailoff et al. 2023].

One of the key aspects of conflict spread is forced population displacement. In search of safety, people migrate in mass from conflict-affected areas, placing enormous pressure on host countries. Migration crises can exacerbate economic and social tensions in neighboring states, leading to political destabilization [Kassaw 2018].

The weakness of state structures in the region also creates conditions for the growth of cross-border criminal groups involved in illegal activities such as human and drug trafficking. These groups use chaos to expand their control, becoming sources of new threats to neighboring countries and the global community [Kassaw 2018].

The presence of humanitarian crises amid political violence also requires international intervention. Large numbers of people need aid, which puts pressure on resources and infrastructure of humanitarian organizations. This, in turn, creates problems for states forced to allocate resources to assist the residents of the Horn of Africa [Bardwell, Iqbal 2021].

Regional crises in the Horn of Africa also increase the risk of economic fluctuations on a global scale. Disruptions to trade routes and instability in the region can negatively impact the economies of countries dependent on international trade [Ades, Chua 1997]. This underscores the importance of creating sustainable solutions to prevent conflict and maintain international stability.

International community intervention in Horn of Africa conflicts becomes a necessity, especially when crises begin to threaten security and interests of states outside the region. The involvement of peacekeeping forces and humanitarian missions in conflict resolution helps reduce violence levels and prevent further spread of threats [Smidt 2020].

Thus, conflict at the level of individual communities can escalate into an international crisis, with a lasting impact on global security and stability [Feron, Voytiv 2022]. Recognizing this interconnection allows for more effective measures to resolve conflicts and prevent their global consequences.

Exploring the Chain Reaction: Local Political Violence and Its Global Consequences

Local political violence can trigger a chain reaction that leads to global consequences, threatening world security and stability. Political conflicts that develop at the local level often attract the attention of the international community, laying the groundwork for further international interventions and alliances [Hameiri, Jones 2017].

Firstly, the chain reaction of violence becomes evident when local conflicts spill over borders. Neighboring countries are compelled to engage in conflict resolution efforts, fearing that further spread of violence will negatively impact their stability. This leads to increased political and military tension in the region. International interests and intervention by global powers also play a significant role in the chain reaction of violence. The geopolitical importance of the Horn of Africa attracts the attention of world powers interested in stabilizing the region to protect their strategic and economic interests. However, such interventions often generate additional conflicts and local dissatisfaction, further escalating violence [Gebru, Zeru, Tekalign 2023].

The presence of extremist groups in the region also contributes to the escalation of global threats. These groups use the Horn of Africa to plan attacks and recruit supporters, creating danger for the international community. The spread of extremism

drives the growth of global security measures, which also affects international relations [Mulinge, Ouma 2021].

The economic impact of conflict also influences the international market. Disruption of trade routes and economic instability caused by conflicts complicate international cooperation and increase economic risks. This emphasizes the need for coordinated efforts to ensure security and stability in the region [Shinn 2004].

Conclusion

The political violence and regional conflicts in the Horn of Africa present not only a localized issue but a complex problem with significant global implications. These conflicts, driven by historical grievances, economic instability, and social tensions, create cascading effects that impact neighboring countries and reverberate through international security systems. The challenges in the Horn of Africa exemplify how regional instabilities can escalate into broader global security threats, influencing international migration patterns, fostering transnational crime networks, and inciting extremism and terrorism.

The persistence of violence in the region has led to repeated humanitarian crises, economic disruptions, and increased involvement from international actors. These actors often face difficult trade-offs in balancing immediate stabilization efforts with long-term development goals, sometimes inadvertently intensifying local grievances or increasing regional dependency on foreign aid.

The ongoing instability disrupts international trade and creates complex security challenges that require a cohesive response from multiple stakeholders, including neighboring nations, regional organizations, and international institutions. To mitigate these risks, a multi-dimensional approach is essential. Conflict resolution strategies should focus not only on immediate security needs but also on fostering sustainable socio-economic development, strengthening governance, and promoting regional cooperation. Addressing the root causes of violence — such as poverty, resource scarcity, and ethnic divisions — can help alleviate tensions and prevent future conflicts from erupting. Additionally, international policy frameworks should prioritize the prevention of arms trafficking and counter-terrorism initiatives while simultaneously investing in programs aimed at economic resilience and social cohesion within affected communities.

Received / Поступила в редакцию: 29.07.2025

Revised / Доработана после рецензирования: 08.08.2025

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2025

References

- Abbink, J. (2020). Religion and violence in the Horn of Africa: Trajectories of mimetic rivalry and escalation between ‘Political Islam’ and the state. *Politics, Religion & Ideology*, 21(2), 94–215. <http://doi.org/10.1080/21567689.2020.1754206> EDN: MHTBFN.

- Ades, A., & Chua, H.B. (1997). The neighbor's curse: Regional instability and economic growth. *Journal of Economic Growth*, 3(2), 279–304. <http://doi.org/10.1023/A:1009782809329> EDN: AJUHSE.
- Aronson, S.L. (2013). Kenya and the global war on terror: Neglecting history and geopolitics in approaches to counter terrorism. *African Journal of Criminology and Justice Studies*, 7(1), 23–34.
- Asrat, G., & Getachew, G. (2024). The enigmatic path of political transition in the Horn of Africa. *SN Social Sciences*, 4(84), 183–185. <http://doi.org/10.1007/s43545-024-00979-6> EDN: UOIJTI.
- Ayferam, G., & Muchie, Z. (2016). The advent of competing foreign powers in the geostrategic Horn of Africa: Analysis of opportunity and security risk for Ethiopia. *International Relations and Diplomacy*, 4(12), 787–800.
- Bardwell, H., & Iqbal, M. (2021). The economic impact of terrorism from 2000 to 2018. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*, 27(2), 227–261. <http://doi.org/10.1515/peps-2020-0031> EDN: LQBZQF.
- Barron, P., Kaiser, K., & Pradhan, M. (2009). Understanding variations in local conflict: Evidence and implications from Indonesia. *World Development*, 37(3), 698–713. <http://doi.org/10.1016/j.worlddev.2008.08.007>.
- Cardoso, N.C. (2016). Regional security in the Horn of Africa: Conflicts, agendas and threats. *Brazilian Journal of African Studies*, 1(2), 131–165.
- De Jong, J.T. (2010). A public health framework to translate risk factors related to political violence and war into multi-level preventive interventions. *Social Science & Medicine*, 70(1), 71–79. <http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.09.044>.
- de Waal A. (2015). *The Real Politics of the Horn of Africa: Money, war and the business of power*. Polity Press: Cambridge.
- Demmers, J. (2002). Diaspora and conflict: Locality, long-distance nationalism, and delocalisation of conflict dynamics. *Javnost — The Public*, 9(1), 85–96. <http://doi.org/10.1080/13183222.2002.11008795>.
- Ezugwu, O.A., Kehinde, T.B., & Moses, M.D. (2023). Regional dynamics and conflict spillover in North Africa: assessing the impact of foreign military intervention in Libya. *Zamfara Journal of Politics and Development*, 4(2), 1–12.
- Feron, E., & Voytiv, S. (2022). Understanding conflicts as clouds: An exploration of Northern Irish conflict narratives. *Globalizations*, 19(7), 1088–1102. <http://doi.org/10.1080/14747731.2022.2031793> EDN: NNZXIP.
- Gatuiku, P.V. (2016). *Countering terrorism in the Horn of Africa: A Case Study of Kenya* (Doctoral dissertation, University Of Nairobi).
- Gebbru, M.K., Zeru, G., & Tekalign, Y. (2023). The impact of the Middle East and Gulf states' involvement on the Horn of Africa's peace and security: Applying regional security complex theory. *Digest of Middle East Studies*, 32, 223–245. <http://doi.org/10.1111/dome.12301> EDN: YUZVKA.
- Hailu, A. (2007). Political violence, terrorism and US foreign policy in the Horn of Africa: Causes, effects, prospects. *International Journal of Ethiopian Studies*, 1–27.
- Hameiri, S., & Jones, L. (2017). Beyond hybridity to the politics of scale: International intervention and 'local' politics. *Development and Change* 48(1), 54–77.
- Healy, S. (2011). Seeking peace and security in the Horn of Africa: The contribution of the inter-governmental authority on development. *International Affairs*, 87(1), 105–120. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2011.00962.x>.
- Holla, A. (2021). Rethinking strategic security: Juxtaposing Kenya's participation in regional security with stability in the Horn of Africa region. *International Journal of Research and Innovation in Social Science*, 5(6), 51–54. <http://doi.org/10.47772/ijriss.2021.5602> EDN: XNSUWM.

- Hove, M., & Ndawana, E. (2018). National instability as a threat to Africa's vision to transform borders from barriers into bridges of development. *Migration and Development*, 7(2), 201–221. <http://doi.org/10.1080/21632324.2017.1285850>.
- Humphreys, M. (2005). Natural resources, conflict, and conflict resolution: Uncovering the mechanisms. *Journal of Conflict and resolution*, 49(4), 508–537. <http://doi.org/10.1177/0022002705277545> EDN: JNGPGF.
- Kassaw, A. (2018). Trans-border security threats in the Horn of Africa and their security implications in Ethiopia. *Abyssinia Journal of Business and Social Sciences*, 3(2), 27–35.
- Kerata, B. (2004). From local conflicts to global terrorism: Can refugees and regional security problems jeopardise the renewal of Kenya? *African Journal of International Affairs*, 7, 57–79.
- Kirui, B.K. (2020). Conceptualizing small arms control in the Horn of Africa Region: An epistemological debate. *African Journal of Education and Social Sciences*, 7(2), 64–70.
- Matshanda, N.T. (2022). The crisis of the postcolonial nation-state and the emergence of alternative forms of statehood in the Horn of Africa. *History Compass*, 20(10), <http://doi.org/10.1111/hic3.12750> EDN: VYUAUL.
- Mengistu, M.M. (2015). The root causes of conflicts in the Horn of Africa. *American Journal of Applied Psychology*, 4(2), 28–34. <http://doi.org/10.11648/j.ajap.20150402.12>.
- Mijailoff, J.D., Giessen, L., & Burns, S.L. (2023). Local to global escalation of land use conflicts: Long-term dynamics on social movements protests against pulp mills and plantation forests in Argentina and Uruguay. *Land Use Policy*, 134, 106884. <http://doi.org/10.1016/j.landusepol.2023.106884> EDN: BJAIDE.
- Mulinge, P.M., & Ouma, M. (2021). Terrorism mitigation strategies in the Horn of Africa region. *Journal of Diplomacy and International Studies*, 4(02), 18–25.
- Obwogi, C. O (2023). Uncontrolled immigration and transnational organized crime in the Horn of Africa. *African Research Journal of Education and Social Sciences*, 10(1), 1–10.
- Salehyan, I. (2008). The externalities of civil strife: Refugees as a source of international conflict. *American Journal of Political Science*, 52(4), 787–801. <http://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00343.x>.
- Shah, H. (2023). A study of the complexities of violence in the Horn of Africa region. *International Journal of Law and Politics Studies*, 5(4), 15–28. <http://doi.org/10.32996/ijlps.2023.5.4.3> EDN: MBRWAC.
- Shinn, D.H. (2004). Fighting terrorism in East Africa and the Horn. *Foreign Service Journal*, 36–42.
- Smidt, H. (2020). United Nations peacekeeping locally: Enabling conflict resolution, reducing communal violence. *Journal of Conflict Resolution*, 6(2–3), 344–372. <http://doi.org/10.1177/0022002719859631>.
- Soğancılar, N. (2021). Maritime piracy and its impacts on international trade. *Journal of Politics, Economy and Management*, 4(1), 38–48.
- Sullivan, A.K. (2010). Piracy in the horn of Africa and its effects on the global supply chain. *Trans Sec* 3(4), 231–243. <http://doi.org/10.1007/s12198-010-0049-9> EDN: GGXAİK.
- Tar, U.A., & Mustapha, M. (2017). Al-Shabaab: State collapse, warlords and Islamist insurgency in Somalia. In Varin, C., Abubakar, D. (Eds.). *Violent non-state actors in Africa* (pp. 277–299). Palgrave Macmillan, Cham. http://doi.org/10.1007/978-3-319-51352-2_11.
- Tenaw, A. (2024). Conflict dynamics in the Horn of Africa: Causes, consequences, and the way forward. *International Journal of Peace and Conflict Studies (IJPCS)*, 9, (1), 18–36.
- Thelma, C.C., Chitondo, L., Sylvester, C., Phiri, E.V., & Gilbert, M.M. (2024). Analyzing sources of instability in Africa: A comprehensive review. *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*, 6(2), 23–39.
- Unfried, K., Kis-Katos K., Poser T. (2022). Water scarcity and social conflict. *Journal of Environmental Economics and Management*, 113, 102633. <http://doi.org/10.1016/j.jeem.2022.102633> EDN: PFZGRS.

- Van der Walt, R., & Solomon, H. (2014). Histories and spaces of terrorism in Africa: The post-9/11 strategic challenge of Somalia's al Shabab. *Afro Eurasian Studies*, 3(1), 71–99.
- Wasara, S.S. (2002). Conflict and state security in the Horn of Africa: Militarization of civilian groups. *African Journal of Political Science*, 7(2), 39–60. <http://doi.org/10.4314/ajps.v7i2.27330>.
- Yazgan, P., Utku, D., & Sirkeci, I. Syrian crisis and migration. *Migr. Lett*, 2015(12), 181–192. <http://doi.org/10.33182/ml.v12i3.273>.

About the authors:

Marina V. Lapenko — PhD of Historical Science, Associate Professor at Department of Comparative Politics, RUDN University, Russian Federation (e-mail: lapenko-mv@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-1946-5521)

Yayehe Asmare Muche — Master Student, Department of Comparative Politics, RUDN University, Russian Federation (e-mail: yayeheasmare@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-7656-2363)

Сведения об авторах:

Лапенко Марина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация (e-mail: lapenko-mv@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-1946-5521)

Муче Яйехе Асмаре — магистр кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация (e-mail: yayeheasmare@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-7656-2363)

СТРАНОВОЙ АНАЛИЗ COUNTRY-SPECIFIC CASE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-816-832
EDN: GCNMMZ

Научная статья / Research article

Эволюция традиционной власти вождей в политическом управлении Ганы: исторический опыт и современный контекст

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу института традиционной власти племенных вождей, в современной Гане. Несмотря на то, что их политическое влияние менялось с течением истории, вожди в Гане до сих пор являются политически авторитетными фигурами, влияют на избирательный процесс, распоряжаются землями племени и реализуют локальные, нормативно не урегулированные, формы управления сообществом и судопроизводством в роли «мирового судьи». Подобная роль вождей в обществе ставит проблему их политической включенности в систему управления разных уровней и их статуса как инфлюэнсеров в рамках избирательных кампаний. В связи с этим целью работы становится изучение современной политической роли вождей в системе социально-политических отношений в Гане с акцентом на историческую трансформацию их роли в постколониальный период. Методология исследования представлена структурно-функциональным подходом к анализу роли вождей в системе политической власти Ганы, нормативно-правовым и институциональным анализом, применяемым для представления правового и административного измерения их деятельности, а также ретроспективным анализом, позволяющим представить эволюцию их полномочий, функций и, как следствие, политического влияния. На примере Республики Гана автор статьи показывает характерную для всей Западной Африки глубокую связь традиционных форм власти, сохраняющихся в племенных сообществах, и демократических институтов национальной государственной системы. Представленная в исследовании система отношений государственной и традиционной власти демонстрирует парадокс, в соответствии с которым традиционная власть, по конституции, носит номинальный и символический характер и не интегрирована в систему

© Медушевский Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

государственных институтов, но в реальности выступает медиатором между государством и племенными сообществами, дублирует на неформальной основе многие функции муниципальных институтов и контролирует значительную часть национального земельного ресурса. Анализ, проведенный автором, показывает сохранение у вождей в Гане высокого уровня авторитета в племенных сообществах, что обеспечивает им возможность для реализации политического лоббизма и распространения политического влияния на национальную избирательную систему. В итоге автор констатирует, что неформальное участие вождей в политике, в значительной степени определяет результаты выборов в парламент страны и влияет на результаты президентских избирательных кампаний. В данной связи политический процесс в Гане предстает как квазидемократический и основанный на традиционных формах власти, выступающих неформальной платформой политической борьбы партий, политических и бизнес-элит.

Ключевые слова: Гана, конституция Ганы, вожди, политическое участие, традиционализм, партии, выборы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Медушевский Н.А. Эволюция традиционной власти вождей в политическом управлении Ганы: исторический опыт и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 816–832. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-816-832>

The Evolution of Chieftaincy Power in Ghana's Political Governance: From Historical Legacy to Contemporary Role

Nikolaj A. Medushevsky

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Lucky5659@yandex.ru

Abstract. The presented research provides an up-to-date view of the institution of traditional authority — the power of chiefs, in modern Ghana. Despite the fact that their political influence has changed over the course of history, Chiefs in Ghana are still politically authoritative figures, influence the electoral process, manage tribal lands and implement local, normatively unregulated forms of community governance and legal proceedings in the role of a «justice of the peace». This role of chiefs in society raises the problem of their political inclusion in the system of governance at different levels and their status as influencers in election campaigns. In this regard, the aim of the work is to study the modern political role of chiefs in the system of socio-political relations in Ghana with an emphasis on the historical transformation of this role in the postcolonial period. To this end, the author applies a structural-functional approach to the analysis of the role of chiefs in the system of political power in Ghana, a normative-legal analysis to present the legal dimension of their activities and a retrospective analysis to present the evolution of their powers, functions, and, as a consequence, political influence. The example of the Republic of Ghana, considered in this article, clearly demonstrates that even one of the most developed democratic systems in Africa has a pronounced traditionalist political dimension. Despite the fact that the country's constitution does not allow chiefs to participate in elections at all levels as candidates,

the political reality demonstrates their deep involvement in the political process on an informal basis. Authority in tribal communities and the right to dispose of the historical land of the tribe makes them priority agents of political influence in the national electoral system. As the study shows, it is their support that largely determines the victory of not only members of parliament, but also presidents of the country. In this regard, the political process in Ghana appears as quasi-democratic and based on traditional forms of power, which act as an informal platform for the political struggle of parties and elites.

Keywords: Ghana, Ghanaian constitution, chiefs, political participation, traditionalism, parties, elections

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Medushevsky, N.A. (2025). The evolution of chieftaincy power in Ghana's political governance: From historical legacy to contemporary role. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 816–832. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-816-832>

Введение

Африканские общества, получившие независимость лишь во второй половине XX в., во многих случаях сохранили выраженную связь с традиционными формами политического управления, сложившимися еще в доколониальный период. Во многом сохранение связи политических систем с традиционными институтами власти, в том числе вождями, обусловлено спецификой организации самих африканских обществ, которые в большинстве случаев слабо интегрированы политически и разделены по этнокультурному, религиозному и территориальному признакам. В них сохраняется традиционная самоидентификация граждан по племенному, клановому и родовому признаку, которая, в свою очередь, закрепляет внутреннюю стратификацию и систему традиционной власти, представленной вождями (королями), родовой аристократией, старейшинами, племенными советами и другими институтами традиционной власти. Сохранение данных моделей локального управления вряд ли можно считать атавизмом, так как носители традиционной власти часто сохраняют реальные полномочия, пользуются авторитетом и почитаются как символ сообщества и хранитель его идентичности. Кроме того, в условиях часто возникающей национальной политической нестабильности такие традиционные лидеры мобилизуют возглавляемые ими сообщества для защиты, самообеспечения, а в некоторых случаях и для войны.

Высокий локальный авторитет вождей заставляет государственную власть считаться с их интересами под угрозой сепаратизма, но в то же время проводить политику недопущения сращивания институтов традиционной и государственной власти, обратной стороной которого становится распространение этнизма и дискриминации в государственной политике.

В итоге диалог государственной и традиционной племенной власти превращается в сложную систему политического балансирования между обеспечением лояльности вождей и сдерживанием их политических амбиций.

Одной из стран Африки, где данная политика получила активное воплощение и может характеризоваться как успешная, является Республика Гана. Однако и здесь власть традиционных лидеров остается фактором политической напряженности и объектом дискуссий о роли, которую вожди должны играть в политической жизни страны.

Методология и историография проблемы

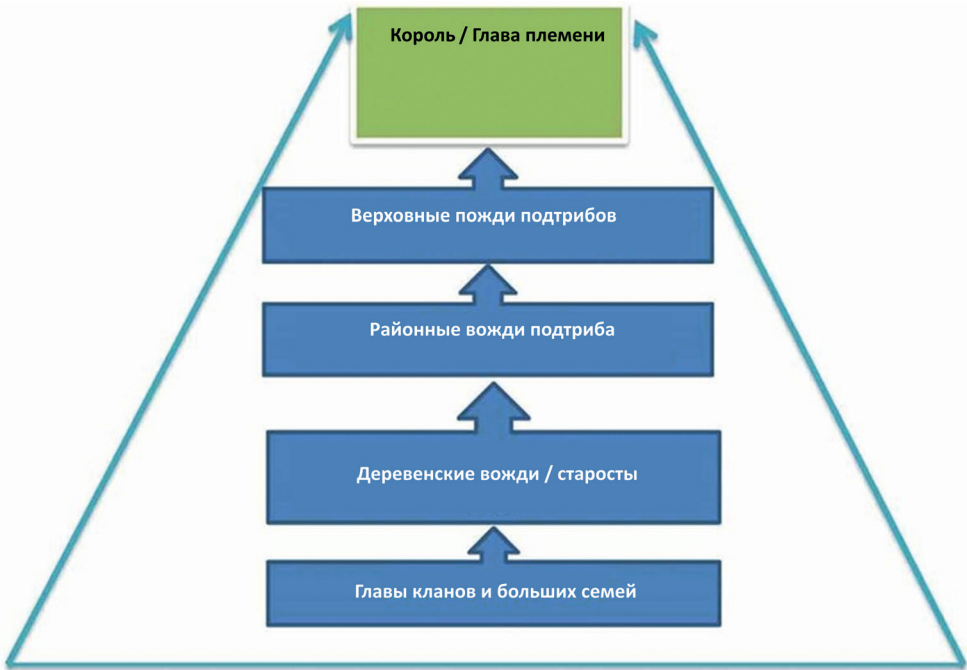
Проблема традиционной власти в современной Гане активно изучалась в 1960-е гг., когда происходило строительство государства, и после завершения авторитарного периода истории — в 1990–2000-е гг. Несмотря на обилие работ, развитие политического контекста страны сохраняет актуальность таких исследований и сегодня, в том числе и в России, заинтересованной в расширении диалога со странами Африки. В современной российской историографии власть вождей в африканских обществах, в том числе в Гане, рассматривалась фрагментарно, например, в работах Н.А. Ксенофонтовой [Ксенофونتова 2023], Г.М. Сидоровой [Сидорова 2015], А.Д. Иванова [Иванов 2024], а также в статье А.В. Коротаева, Л.М. Исаева и А.Р. Шишкиной [Коротаев, Исаев, Шишкина 2023] и в нашей статье о выборах в Гане 2024 г. [Медушевский, Вишняков 2025].

В иностранной историографии, особенно среди ганских исследователей, количество публикаций значительно выше, в том числе показательны работы К.С. Аманора [Amanor 2022], И. Гьямпо [Gyampo 2011], И. Овуса-Менса [Owusu-Mensah 2013], Дж.У. Качима [Kachim 2020], С. Берри [Berry 2013], Р. Ресбона [Rathbone 2000] и др.

Представленное в данной статье исследование опирается на структурно-функциональный подход в анализе роли вождей в системе политической власти Ганы. Для изучения правового контекста проблемы автором применяется нормативно-правовой анализ. Также для изучения трансформации статуса вождей после образования государства Гана автор прибегает к применению ретроспективного анализа изменения их полномочий с момента получения страной независимости.

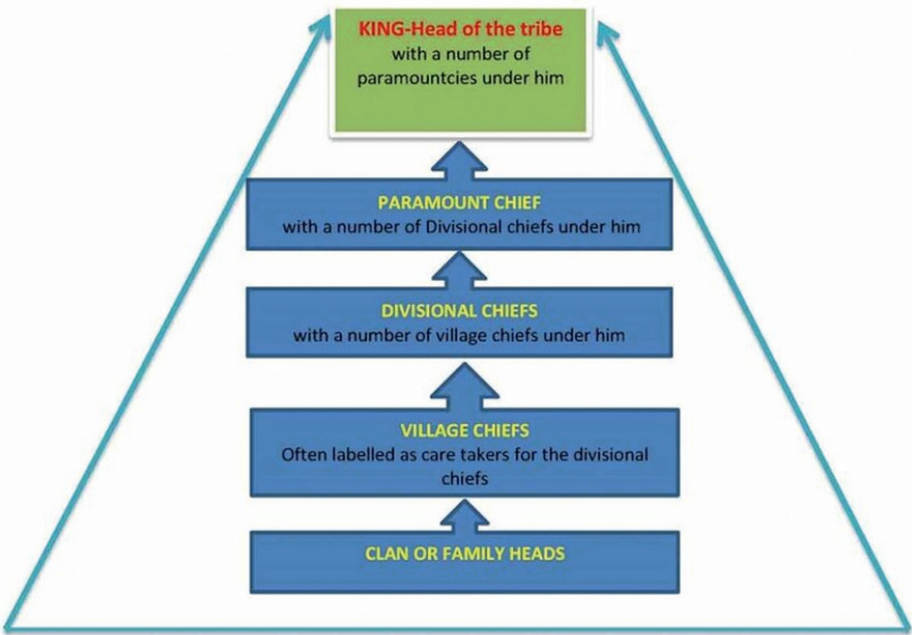
Законодательство Ганы как источник политического порядка власти вождей

Гана по конституции является президентской представительной демократической республикой, в которой президент страны является одновременно главой государства и главой правительства. Законодательная власть сосредоточена в руках однопалатного парламента. Судебная власть представлена судами различных инстанций. Все три ветви власти независимы друг от друга, что обеспечивает соблюдение принципа разделения властей. Несмотря на демократический характер институциональной модели, она выстроена в традиционном обществе с выраженной племенной дифференциацией населения. Исторически каждое племя управлялось вождями, династии которых сохраняются и сегодня. Иерархия традиционной власти представлена на рис.

Иерархия племенной власти в Гане

Источник: Ghana's traditional power structure and hierarchy. URL: https://www.google.ru/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fwww.researchgate.net%2Ffigure%2FGhanas-traditional-power-structure-and-hierarchy_fig1_324095201&psig=AOvVaw1pDDP37ZoQexUKLPP213t9&ust=1755890690715000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CBUQjhxqFwoTCKik99jQnI8DFQAAAAAdAAAAABAE (accessed: 28.05.2025).

Ghana's traditional power structure

Source: Ghana's traditional power structure and hierarchy. Retrieved May 28, 2025, from https://www.google.ru/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fwww.researchgate.net%2Ffigure%2FGhanas-traditional-power-structure-and-hierarchy_fig1_324095201&psig=AOvVaw1pDDP37ZoQexUKLPP213t9&ust=1755890690715000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CBUQjhxqFwoTCKik99jQnI8DFQAAAAAdAAAAABAE

Система традиционной власти в каждом племени сохранилась, однако формально вожди всех уровней данной иерархии выполняют лишь презентационную функцию и никак не интегрированы в структуры государственной, региональной или муниципальной власти. Тем не менее реальная ситуация такова, что вожди племен тесно связаны с государственными институтами на неформальной основе, что ставит вопрос о специфике данной связи и объеме реальной власти у племенных лидеров.

Современная конституция Ганы, принятая в 1992 г.¹ в разделе 22, регулирует статус вождей. В соответствии со ст. 270 «вождь — это лицо (мужчина или женщина (королева-мать)), происходящее из конкретного рода (племени), которое было должным образом избрано и короновано в данном сообществе на основе обычного права»². Конституция гарантирует признание института «вождей» и института «традиционных советов» (совет племени / сообщества) как органов локального самоуправления, но запрещает вождям участвовать в деятельности политических партий. Также есть набор ограничений, запрещающих лицу избираться вождем. В их числе: «государственная измена, тяжкое правонарушение, мошенничество или аморальное поведение»³, причем ни одно ограничение в конституции не конкретизируется.

В основном законе Ганы статус вождей защищен, и ст. 270 ч. 2. запрещает парламенту принимать законы, умаляющие честь и достоинство института вождей.

Согласно ст. 271, в Гане действует Национальная палата вождей, члены которой избираются региональными Палатами вождей, в каждой из которых заседает по пять вождей, избранных от региона, либо меньше, если в регионе нет пяти вождей.

Полномочия Национальной палаты вождей закрепляются конституцией страны в ст. 272. Согласно данной статье, Национальная палата вождей должна консультировать любые органы государственной власти по любому вопросу, связанному с властью вождей; проводить толкование и кодификацию обычного права для создания свода норм обычного права и линий наследования, применимых к племени, которое представляет вождь; проводить оценку обычаев и обрядов с целью устранения «устаревших и социально вредных» из них (не конкретизировано); выполнять другие функции, не противоречащие функциям, возложенным на Палату вождей региона. Таким образом, Национальная палата вождей — это совещательный орган, необходимый для осуществления прямой связи между государственными институтами всех уровней и племенными системами традиционной власти.

Несмотря на то, что власть вождей регулируют локальные системы обычного права, данные системы вписаны в общенациональную правовую систему

¹ Chieftaincy / Constitution of Ghana. Ghana Official Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20080416045924/http://www.ghana.gov.gh/ghana/chieftaincy.jsp> (accessed: 28.05.2025).

² Ibid.

³ Ibid.

через полномочия по апелляции, прописанные в ст. 273 конституции страны. Согласно положению конституции, если вопрос не решается Региональной палатой вождей, он переходит на рассмотрение в Национальную палату вождей, и далее, при необходимости, может быть передан в Верховный суд Ганы⁴. В региональной и Национальной палатах для работы с апелляциями действуют собственные судебные комитеты, работающие при поддержке генерального прокурора страны.

Институт апелляции и судебных разбирательств в отношении власти вождей является основной системой решения споров неуголовного характера, так как правовая связь системы внутриплеменного обычного права и государственного законодательства относительна. В этой связи политика государства в отношении вождей и советов вождей двух уровней направлена на формализацию связей. Так, принципиальное внимание конституция уделяет принципу кодификации норм обычного права в каждом племени, за что отвечает не только каждый вождь, но и Региональные советы вождей.

Кроме того, принципиальным вопросом, имеющим государственное значение, является вопрос об избрании вождя и регулировании споров, связанных с избранием. В ст. 274 конституции закреплено, что Региональная палата вождей не только консультирует органы власти по вопросам власти вождей, но и рассматривает обращения традиционных советов в своем регионе по поводу назначения, избрания, выбора, утверждения или отстранения человека от должности вождя, а также обладает юрисдикцией первой инстанции по всем вопросам, связанным с престолом (верховным табушетом или шкурой, чей статус является священным и которые, по вере местных племен, в рамках систем гадания, сами определяют достойного стать вождем).

Причина, по которой столь большое внимание уделяется спорам о престолонаследии, связана с непрозрачностью процедур и существованием в племенных сообществах собственных клановых группировок, продвигающих кандидатуры своих лидеров. В критических ситуациях подобные споры имеют тенденции перерастать в клановые междоусобицы или раскол племени.

С этой точки зрения, требования к региональным советам по арбитражу, а также кодификации норм обычного права, правил престолонаследия и атрибутов культуры, являются обоснованными и востребованными, как инструменты преодоления конфликтов в племенах «сверху».

В целом конституция Ганы в сфере регулирования власти вождей племен является достаточно гибкой и может подразумевать множество толкований, что удобно для удержания контроля государства над традиционными сообществами.

Во-первых, следует отметить право государства лишать человека статуса вождя, например, в связи с «государственной изменой или аморальным

⁴ Art. 273. Chieftaincy / Constitution of Ghana. Ghana Official Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20080416045924/http://www.ghana.gov.gh/ghana/chieftaincy.jsp> (accessed: 28.05.2025).

поведением», где оба данных критерия являются крайне вариативными и могут быть задействованы даже при намеке на неподчинение государственной власти.

Во-вторых, обращает на себя внимание высокий уровень коллегиальности в практике политической деятельности глав племен. Действия Регионального и Национального советов вождей фактически вынуждают отдельных традиционных правителей следовать общим для всех принципам политического поведения, несмотря на то, что сами эти принципы не регламентированы. Заседая в советах, главы племен в продвижении племенных интересов вынуждены мимикрировать под общие для всех них неписанные правила, чтобы договариваться друг с другом в принятии коллегиальных решений. Таким образом, в советах вождей формируется неинституциональная модель с выраженным «кулуарным сегментом» и разветвленной системой неформального лоббизма.

В-третьих, главы племен ограничены от партийной политики под страхом потери своего статуса вождя, признаваемого государством. Данное требование конституции обосновано запретом на создание и деятельность этнических партий, что должно препятствовать углублению этнической конфронтации в парламенте страны или региональных собраниях. Здесь показательна ст. 276 конституции Ганы, которая сохраняет возможность выхода для вождей на более высокий политический уровень, так как у вождя есть право принять назначение «на любую государственную должность»⁵ (на общегражданских основаниях), что открывает отдельным вождям дорогу к исполнительной власти.

Практика реализации политических ограничений на участие вождей в политике Ганы

Исторически статус вождей в политической жизни племен на территории современной Ганы был близок к абсолютному и ограничивался только традиционной системой властных отношений раннефеодальных обществ. Колониализм трансформировал власть вождей в низовой элемент административной системы. Начало политики регулирования власти вождей относится к 1878 г. и представлено «Указом о местной юрисдикции». Указ создал иерархию, по которой лидеры племен были назначены главными вождями (chiefs), имевшими в подчинении вождей более низкого уровня (sub-chiefs). Вожди сохраняли определенную судебную власть над населением [Elias 1962], но высшей инстанцией выступали колониальные суды [Benion 1962]. Также вожди осуществляли законосовещательную власть в колонии, с 1916 г. являясь членами Законодательного совета (в него вошли вожди Аким Абуаквы, Аномабо и Анлоги) [Kimble 1965]. В 1927 г. локальные полномочия вождей были расширены [Apter 1963] и в таком положении оставались до избрания первого правительства Ганы в 1951 г.

Избрание правительства было связано с реорганизацией исполнительной власти и созданием государственной системы местного самоуправления

⁵ Art. 276. Chieftaincy / Constitution of Ghana. Ghana Official Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20080416045924/http://www.ghana.gov.gh/ghana/chieftaincy.jsp> (accessed: 28.05.2025).

и земельного контроля, которая отняла у вождей большую часть исполнительных полномочий в пользу народа Ганы [Rathbone 2000]. В период диктатуры, продлившейся до 1992 г., ситуация оставалась практически неизменной.

И. Гьямпу высказывает в своей статье мнение, что политическая роль вождей к 1992 г. настолько снизилась, что конституция 1992 г. и Закон № 574 «О политических партиях» 2000 г. не ограничили право вождей на власть (так как ограничение уже существовало и раньше), а, наоборот, гарантировали, что правительство не вмешивается в дела вождей в сфере их сохранившихся компетенций местного самоуправления и управления земельными ресурсами племени [Gyampo 2011].

Тем не менее, несмотря на принудительную деэтнизацию политики, власть вождей в регионах сохраняла свое значение, и в условиях демократизации, начавшейся в 1992 г., вожди стали важными акторами политического влияния, а конституционные ограничения во многих случаях соблюдаются ими только в соответствии с буквой, но не духом закона [Gyampo 2011].

Здесь показательны исследования таких авторов, как Анса-Кои [Ansa-Koi 1998] и Боафо-Артура [Boafo-Arthur 2001], которые уже по итогам вторых выборов в Республике в 1996 г. отмечали политическую активность вождей и игнорирование ими конституционного требования. Во многом это говорит об осовременивании вождей и нарушении ими традиций [Boateng 2020], так как согласно традиции, вождь — это одновременно политический, военный и духовный лидер, чья власть сакральна.

В данной связи Боатенг отмечает, что вождь просто не может заниматься публичной политикой, так как это унизит его достоинство, с ним будут спорить, над ним могут насмехаться и его воля и власть перестанут быть абсолютными и авторитетными [Boateng 2020]. Исходя из этого, Анса Кои делает вывод, что конституционный запрет для вождей участвовать в партийной политике представляет собой защиту статуса и традиции их почитания, ставя их выше политики [Ansa-Koi 1998].

Представленные основания для запрета вождям заниматься политикой защищают традицию, но не учитывают реального лишения вождей традиционной власти, что безусловно является контраргументом, стимулирующим их политическую активность. Так, после 1996 г. участие вождей в национальной политике стремительно росло, чему способствовали как развитие сферы неформального лоббизма, так и амбиции самих вождей, столкнувшихся с серьезными ограничениями своей локальной власти и оттоком «подданных» в крупные города. Данные проблемы поставили вопрос о сохранении авторитета их традиционного лидерства, следствием чего становится «скрытое включение» вождей в большую политику.

Включенность вождей в политику через реализацию официальных и полуофициальных полномочий

Несмотря на сокращение формальных полномочий, вожди в ганском обществе сохраняют авторитет среди населения, более 85 % которого относит себя к определенным вождествам [Gyampo 2011]. В связи с данным положением вожди выполняют ряд функций⁶, значимых для политики и стимулирующих их политическую включенность. В конституции закреплено две функции вождей. Первая — это консультативная, в соответствии с которой в рамках региональных палат и Национальной палаты вождей вожди консультируют все органы власти. Данная деятельность связана с социальным и экономическим лоббизмом.

Вторая роль, отмеченная в конституции, — это представительская (традиционная). Вождь не только представляет свое сообщество, но и является хранителем его традиций, являясь объектом широкого почитания и уважения «подданных». Подобный статус позволяет вождю мобилизовывать членов своего сообщества для решения определенных задач, как правило, неформального характера. Обладание данным ресурсом делает вождя ценным партнером политических сил в агитации и пропаганде.

Третья роль, не обозначенная в конституции, — это посредничество между государственной властью и сообществом племени. Данная роль выражается в транслировании вождем важной для государства информации напрямую гражданам. Выполнению данной роли способствует глубокая включенность вождя в социальные отношения своего сообщества.

Четвертая роль (также неформальная) — продвижение региона и привлечение инвестиций. Выполнение данной роли обусловлено заботой о «подданных», которая находит выражение в деловой активности вождя, проводящего на многочисленных мероприятиях переговоры о реализации проектов и их финансировании. Во многом данная роль связана и с личной экономической выгодой вождя, как правило, владеющего на подчиненной ему территории значимым имуществом.

Пятая роль⁷, реализуемая вождем, связана с разрешением споров как неформальным, но авторитетным судьей, к которому «подданные» обращаются в первую очередь. Более того, даже органы полиции, при необходимости урегулирования локальных конфликтов, обращаются к вождю как к авторитетному арбитру. Данная роль вождя также имеет политическое измерение, так как она способствует наращиванию авторитета и не исключает возможности решения споров в интересах самого вождя. Кроме того, данная функция, как и многие другие, требующие участия вождя, является прибыльной, так как за свое участие вождь получает благодарность в виде денег и иных материальных благ.

⁶ The role of chiefs in modern government in Ghana Chester Morton // Virtual Kollage. 30.06.2016. URL: <https://www.virtualkollage.com/2016/06/the-role-of-chiefs-in-modern-government.html> (accessed: 28.05.2025).

⁷ Примечание: информация подтверждена интервью автора с представителями традиционной власти сообщества анло (Гана 2024). Интервью находится в архиве автора.

Шестая роль, несмотря на то, что замыкает перечень, вероятно, является самой политизированной. Она также основана на национальном законодательстве и связана с управлением землей, которая находится в доверительном управлении вождя и действующего при нем совета. Вожди имеют право выделять землю для любого вида использования, что порождает крайне непрозрачную схему принятия решений, особенно когда речь идет о строительстве коммерческого объекта, создании плантации или добыче полезных ископаемых.

Племенные земли, полномочия вождей и политика

Современная роль вождей в управлении земельными ресурсами требует отдельного раскрытия, так как является основой ресурсной базы вождеств и определяет сохранение и расширение их политического влияния.

Право вождя распоряжаться землями племени является историческим. В колониальный период вожди имели право распоряжаться историческими землями по своему усмотрению, но при условии преференций для колониальной администрации. Колониальная гарантия власти вождей повышала их лояльность администрации, но подрывала их авторитет в глазах молодых реформаторов, выступавших за деколонизацию и видевших в вождях реакционную силу [Asiamah 2000]. В ряде регионов в период с 1949 по 1952 г. против вождей даже вспыхивали народные протесты, требовавшие упразднить систему вождеств [Amamoo 1958].

Кваме Нкрума, пришедший к власти в 1955 г., постепенно установил контроль над оборотом племенных земель и передал земли вождеств севера страны под управление государства [Rathbone 2000]. В то же время вожди южных районов сохранили контроль над традиционными землями, что было обусловлено фактором политической лояльности. Установление государственного контроля фактически заблокировало социальное развитие в сельской местности, основанное именно на деятельности вождей по управлению землями.

После переворота 1966 г. полномочия вождей начали возвращаться как в сфере местного самоуправления, так и в сфере контроля над природными ресурсами и землей. Данное включение в политический процесс привело к активному участию вождей в земельной политике, которую они вели от лица государства.

Во время реформ 1990-х гг., направленных на повышение эффективности управления землей, вожди окончательно приняли на себя роль медиаторов государственной политики в вопросах управления земельными ресурсами племенных сообществ. Также еще с 1970-х гг. институт вождей начал активно срастаться с политической и бизнес-элитой страны на уровне семейных связей. На должности вождей выбирались представители бизнеса, происходящие из конкретного клана, и сами бизнесмены искали возможность избраться вождями. Тенденция привела к укрупнению вождеств, так как сообщества отдельных кланов стремились приобщиться к успешным лидерам [Arhin 2001].

Росту влияния вождей способствовала проводимая ими при сотрудничестве с государством в 1970–1980 гг. политика по развитию коммерческого фермерства, в рамках которой сельскохозяйственные угодья передавались отдельным аграриям под выращивание торговых культур, например риса. В данных проектах роль государства сводилась к поощрению аграрного предпринимательства через предоставление льготных кредитов, что получило особенно широкое развитие на севере страны [Konings 1986]. В реализацию данного типа проектов включились, в качестве участников, и сами вожди, за счет кредитов государства, осваивавшие земли племени [Konings 1986].

Спекуляция земель и сращивание общественных функций и бизнеса привели к росту политического статуса вождей и обеспечили окончательное возвращение к ним контроля над землями в 1979 г. В то же время следствием возврата земли вождям на севере страны стали конфликты между племенными сообществами по вопросу раздела территорий, так как отдельные сообщества захотели земельного самоуправления [Tsikata 2004]. Передел земель пробудил несколько этнических конфликтов, самым сильным, из которых стал конфликт между племенами конкомба, нанумба и дагомба [Kachim 2020].

Возникшие конфликты продемонстрировали опасность социальной дестабилизации, и для управления земельными ресурсами в начале 2000-х гг. были созданы секретариаты по управлению традиционными землями (CLS), включенные в состав института традиционной власти [Ubink 2008]. Новая система сделала систему более прозрачной, но фактически узаконила вождей в качестве организаторов распределения земли. Прозрачность и организованность системы повысили привлекательность земельных сделок для крупных компаний, чьи права в рамках купли-продажи оказались официально зафиксированы. В то же время вопрос обеспечения прав владельцев небольших наделов остался нерешенным, и более того, право на утверждение геодезических планов, которое получили вожди, открыло дорогу к спекуляции границами наделов в пользу крупных землевладельцев [Kasanga 2001]. Данное обстоятельство снизило доверие «подданных» к вождям, на что указывает интенсификация урбанизации, прогрессирующая до сих пор [Yaro 2012].

Кроме того, принятие вождями решений о распоряжении землей имело относительную легальность, так как сделки не являлись полноценной продажей, а предполагали механизм, трактуемый государством как аренда на срок до 90 лет.

Еще один механизм спекуляции землей связан с процессом урбанизации. В соответствии с ним в случаях, когда город расширяется за счет сельскохозяйственных земель племенного сообщества, данные земли возвращаются в распоряжение вождя. Данный механизм позволил вождям наживаться на строительстве недвижимости. Особенно актуальна оказалась в окрестностях Кумаси [Ubink, Quan 2008].

В итоге можно констатировать, что право на управление земельными ресурсами племен позволяет вождям выступать в роли крупных землевладельцев и получать прибыль от совершаемых сделок, что обеспечивает

сохранение их доминирующей роли на уровне локалитетов, подтверждает властные полномочия на уровне племени и делает их активными участниками как бизнес-процессов, так и государственных программ, направленных на поддержку фермеров, развитие сельской местности, строительство дорог и инфраструктуры.

Политическое влияние вождей и интерпретация запрета на политическое участие

Высокий авторитет вождей, их экономическая значимость, а также неформальные судебные полномочия в племенных сообществах формируют потенциал их политического влияния, а в некоторых случаях, и участия. При этом данное влияние не формализовано и, как следствие, государство не может предъявить конкретному вождю обвинение в политической агитации или манипулировании мнением электората. Это обстоятельство открывает для вождей возможность к политической спекуляции [Jonah 2003], которая имеет две основные формы. Первая представляет патронаж кандидата от партии через ограничение конкурентов. В данной модели вождь или группа вождей используют свое неформальное влияние для убеждения или принуждения альтернативных кандидатов отказаться от участия в выборах или участвовать номинально. Данная форма влияния направлена на продвижение во власть удобного для сообщества кандидата, обязанного своей должностью лично вождю и старейшинам [Guampo 2011].

Вторая модель — это патронаж через мобилизацию избирателей. В этой модели вождь призывает сообщество голосовать за «нужного» кандидата. Данный механизм применяется при условии высокой популярности вождя среди населения [Guampo 2011].

Включенность вождей в политику нашла подтверждение в соцопросе И. Гьямпо, в соответствии с которым 46 из 50 опрошенных депутатов парламента страны подтвердили влияние вождей на их избрание, причем в рамках предвыборной кампании к вождям обращались все 50 респондентов [Guampo 2011]. Также делают и все кандидаты в президенты страны, однако это всегда представляется как визиты вежливости и демонстрация почтения к традиционной власти.

Исследование Гьямпо продемонстрировало «номинальность» факта почтения на фоне прагматических целей, на что указывает реальная мотивация опрошенных парламентариев, 26 из которых были заинтересованы в мобилизации электората, а 17 — в подавлении оппонентов. Несмотря на влияние вождей на избрание опрошенных депутатов, все они заявили, что вожди должны следовать закону и не участвовать в избирательном процессе. Этот дуализм является вполне логичным, так как для политиков вожди выступают выгодным агрегатором электорального поведения, но их прямое участие неизбежно снизит возможности обычных кандидатов получить власть, так как вожди станут использовать подконтрольный электоральный ресурс для продвижения себя.

Исследование И. Гьямпо показало и обратную сторону электорального манипулирования. Так, 75 % опрошенных рядовых граждан заявили о том, что вожди должны участвовать в политике и иметь право избираться в рамках партийной системы.

Заключение

По итогам рассмотрения проблемы участия вождей в политике Ганы мы приходим к следующим выводам. Во-первых, согласно конституции, вожди не имеют полномочий к участию в электоральном процессе, хотя конституция закрепляет их номинальную традиционную власть в племенных сообществах.

Во-вторых, вожди обладают реальной, хотя и не всегда формализованной, властью над землей племени и над людьми племени, среди которых вождь может вершить правосудие по административным вопросам, выступая в качестве неформального мирового судьи. Данные неформальные или полужформальные полномочия определяют высокий социальный статус вождей и необходимость государственных институтов учитывать их мнение и интересы.

В-третьих, вожди проводят свою политику опосредованно, влияя на кандидатов и электорат в зоне своего контроля. Фактически данное влияние является прямым вмешательством в избирательный процесс, однако формально вожди остаются в зоне своих полномочий, так как работают с представителями своей группы номинально в интересах самой группы. Таким образом, участие вождей в политике соответствует букве, но не духу закона.

В-четвертых, сложившаяся ситуация неформального влияния на выборы, существующая еще с конца XX в., устраивает и политиков, и вождей, и само общество, воспринимаясь как часть политической культуры, и, более того, значительная часть населения считает, что политическое участие вождей должно стать официальным.

Все перечисленные выводы подводят к мысли о том, что в Гане сложилась квазидемократическая система, основанная не на борьбе электоральных предпочтений, а на противостоянии интересов вождей, а победа того или иного кандидата, даже на пост президента, зависит от того, какое количество вождей он смог склонить на свою сторону. В итоге мы можем сделать вывод о частично имитационном характере демократии, в реальности камуфлирующей сложную систему традиционалистских связей. Данная модель, безусловно, позволяет сохранять политический баланс между этническими группами, но не способствует формированию единой политической нации.

Поступила в редакцию / Received: 10.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Иванов А.Д.* История развития местного самоуправления в республике Гана // Закон и право. 2024. № 6. С. 77–80. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Коротяев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Факторы социально-политической стабильности в Гане // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 4 (3). С. 316–331. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Ксенофонтowa Н.А.* Традиционная африканская культура в контексте современности: между архаикой и модернизацией // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 79–82. <https://doi.org/10.31857/S032150750027145-1> EDN: GIVSIU.
- Медушевский Н.А., Вишняков М.Д.* Президентские выборы 2024 г. в Гане с позиции исторической преемственности национальных политических практик // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2025. № 3. С. 11–15. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.03.24> EDN: EKQIWO.
- Сидорова Г.М.* Традиционная власть в политическом процессе демократической республики Конго // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 1 (3). С. 55–67. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-6-77-80> EDN: OWVOCS.
- Amatoo J.G.* The new Ghana: The birth of a nation. London: Pan Books. 1958. 145 p.
- Amanor K.S.* Land Administration, Chiefs, and Governance in Ghana // African Land Reform Under Economic Liberalisation / Ed. by Shinichi Takeuchi. Singapore: Springer, 2022. 199 p.
- Ansa-Koi K.* Walking a Political Tightrope: Chiefs, Chieftaincy and the 1996 Elections in Ghana // The 1996 General Elections and Democratic Consolidation in Ghana / J.R.A. Ayee (ed.). Accra: Gold-Type Ltd., 1998. P. 143–151.
- Apter D.* Ghana in Transition. Princeton: Princeton University Press, 1963. 463 p.
- Arhin K.* Transformations in traditional rule in Ghana (1951–1996). Accra: Sedco, 2001. 149 p.
- Asiamah E.A.E.* The mass factor in rural politics: The case of the Asafo revolution in Kwahu political history. Accra: Ghana Universities Press, 2000. 204 p.
- Benion F.A.R.* The constitutional law of Ghana. London: Butterworths, 1962. 527 p.
- Berry S.* Questions of ownership: Proprietorship and control in a changing rural terrain — A case study from Ghana // Africa: Journal of the International African Institute. 2013. Vol. 83. No. 1. P. 35–56.
- Boafo-Arthur K.* Chieftaincy and Politics in Ghana since 1982 // West Africa Review. 2001. Vol. 3. No. 1.
- Boateng K. Afranie S.* Chieftaincy: An Anachronistic Institution within a Democratic Dispensation? The Case of a Traditional Political System in Ghana // Journal of Development Studies. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 25–47.
- Elias T.O.* Ghana and Sierra Leone. London: Stevens and Son Ltd., 1962. 334 p.
- Gyampo E.* Chiefs and electoral politics in Ghana's Fourth Republic // Ransford humanities review journal. 2011. Vol. 8. No. 1. P. 1–23.
- Jonah K.* The Electoral Response of Ghana's Traditional Rulers to their Subordination and Alienation in Local Governance // Local Government in Ghana: Grassroots Participation in the 2002 Local Government Elections / Nicholas Amponsah and K. Boafo-Arthur (ed.) Accra: Livog Ltd., 2003. P. 213–219.
- Kachim J.U.* The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s // Southern Journal of Contemporary History, 2020. Vol. 45. No. 1. P. 57–75.
- Kachim J.U.* The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s // Southern Journal of Contemporary History 2020. Vol. 45. No. 1. P. 57–75.

- Kasanga K., Kotey N.A. Land management in Ghana: Building on tradition and modernity. London: International Institute for Environment and Development, 2001. 34 p.
- Kimble D. A Political History of Ghana. Clarendon: Oxford University Press, 1965. 587 p.
- Konings P. The state and rural class formation in Ghana: A comparative analysis. London: Routledge and Kegan Paul, 1986. 391 p.
- Owusu-Mensah I. Politics, chieftaincy and customary law in Ghana // Tradition and justice / Ed. by G. Wahlers. Berlin: Konrad Adenauer Stiftung, 2013. P. 31–48.
- Rathbone R. Nkrumah & the Chiefs: Politics of Chieftaincy in Ghana, 1951–1960 (Western African Studies). Athens, Ohio: Ohio University Press, 2000. 200 p.
- Tsikata D., Seine W. Identities, inequalities and conflicts in Ghana. Oxford: University of Oxford, 2004. 52 p.
- Ubink J.M., Quan J.F. How to combine tradition and modernity? Regulating customary land management in Ghana // Land Use Policy 2008. Vol. 25. No. 2. P. 198–213.
- Yaro J.A. Re-inventing traditional land tenure in the era of land commoditization: Some consequences in periurban northern Ghana // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2012. Vol. 94. No. 4. P. 351–368.

References

- Amamoo, J.G. (1958). *The new Ghana: The birth of a nation*. London: Pan Books.
- Amanor, K.S. (2022). Land administration, chiefs, and governance in Ghana. In Takeuchi Shinichi (Ed.), *African Land Reform Under Economic Liberalisation*. Singapore: Springer.
- Ansa-Koi, K. (1998). Walking a political tightrope: Chiefs, chieftaincy and the 1996 elections in Ghana. In J.R.A. Ayee (Ed.), *The 1996 general elections and democratic consolidation in Ghana* (pp. 143–151). Accra: Gold-Type Ltd.
- Apter, D. (1963). *Ghana in transition*. Princeton: Princeton University Press.
- Arhin, K. (2001). *Transformations in traditional rule in Ghana (1951–1996)*. Accra: Sedco.
- Asiamah, E.A.E. (2000). *The mass factor in rural politics: The case of the Asafo revolution in Kwahu political history*. Accra: Ghana Universities Press.
- Benion, F.A.R. (1962). *The constitutional law of Ghana*. London: Butterworths.
- Berry, S. (2013). Questions of ownership: Proprietorship and control in a changing rural terrain — A case study from Ghana. *Africa: Journal of the International African Institute*, 83(1), 35–56.
- Boafo-Arthur, K. (2001). Chieftaincy and politics in Ghana since 1982. *West Africa Review*, 3(1),
- Boateng, K., & Afranie, S. (2020). Chieftaincy: An anachronistic institution within a democratic dispensation? The case of a traditional political system in Ghana. *Journal of Development Studies*, 17(1), 25–47.
- Elias, T.O. (1962). *Ghana and Sierra Leone*. London: Stevens and Son Ltd.
- Gyamp, E. (2011). Chiefs and electoral politics in Ghana's Fourth Republic. *Ransford humanities review journal*, 8(1), 1–23.
- Ivanov, A.D. (2024). History of the development of local self-government in the Republic of Ghana. *Law and Right*, 6, 77–80. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Jonah, K. (2003). The electoral response of Ghana's traditional rulers to their subordination and alienation in local governance. In N. Amponsah and K. Boafo-Arthur (Ed.), *Local government in Ghana: Grassroots participation in the 2002 local government elections* (pp. 213–219). Accra: Livog Ltd.
- Kachim, J.U. (2020). The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s. *Southern Journal of Contemporary History*, 45(1), 57–75.

- Kachim, J.U. (2020). The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s. *Southern Journal of Contemporary History*, 45(1), 57–75.
- Kasanga, K., & Kotey, N.A. (2001). *Land management in Ghana: Building on tradition and modernity*. London: International Institute for Environment and Development.
- Kimble, D. (1965). *A political history of Ghana*. Clarendon: Oxford University Press.
- Konings, P. (1986). *The state and rural class formation in Ghana: A comparative analysis*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Korotaev, A.V., Isaev, L.M., & Shishkina, A.R. (2023). Factors of socio-political stability in Ghana. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations*, 4(3), 316–331. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Ksenofontova, N.A. (2023). Traditional African culture in the context of modernity: Between archaism and modernization. *Asia and Africa Today*, 8, 79–82. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750027145-1> EDN: GIVSIU.
- Medushevsky, N.A., & Vishnyakov, M.D. (2025). Presidential elections in Ghana from the position of historical continuity of national political practices. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series «Humanities»*, 3, 11–15. (In Russian). <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.03.24> EDN: EKQIWO.
- Owusu-Mensah, I. (2013). Politics, chieftaincy and customary law in Ghana. In G. Wahlers (Ed.), *Tradition and justice* (pp. 31–48). Berlin: Konrad Adenauer Stiftung.
- Rathbone, R. (2000). *Nkrumah & the Chiefs: Politics of chieftaincy in Ghana, 1951–1960 (Western African Studies)*. Athens, Ohio: Ohio University Press.
- Sidorova, G.M. (2015). Traditional power in the political process of the Democratic Republic of the Congo. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia*, 1(3), 55–67. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-6-77-80> EDN: OWVOCS.
- Tsikata, D., & Seine, W. (2004). *Identities, inequalities and conflicts in Ghana*. Oxford: University of Oxford.
- Ubink, J.M., & Quan, J.F. (2008). How to combine tradition and modernity? Regulating customary land management in Ghana. *Land Use Policy*, 25(2), 198–213.
- Yaro, J.A. (2012). Re-inventing traditional land tenure in the era of land commoditization: Some consequences in periurban northern Ghana. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 94(4), 351–368.

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, главный научный сотрудник УМУНЦ прикладной африканистики, РГТУ; профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: Lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

About the author:

Nikolaj A. Medushevsky — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Modern East and Africa, Chief Researcher of the Center for Applied African Studies, Russian State University for the Humanities, Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: Lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-833-847
EDN: FXXUZM

Научная статья / Research article

Природные ресурсы, этнополитические конфликты и факторы риска устойчивого развития Демократической Республики Конго

А.В. Коротаев^{1,2} , И.Ю. Черноморченко¹ , А.С. Якубчук² ,
С.С. Сергеев² , А.В. Глущенко³

¹Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация

³Акционерное общество «Рособоронэкспорт», Москва, Российская Федерация
 akorotayev@gmail.com

Аннотация. Исследование направлено на выявление механизмов, через которые природные ресурсы становятся фактором политической дестабилизации в Демократической Республике Конго (ДРК). Методология основана на междисциплинарном системном подходе, сочетающем политологический, демографический, экономический и экологический анализ, а также кейс- и контент-анализ конкретных конфликтов (Батеке, Конфликт в Восточном Киву). Результаты исследования показывают, как ресурсы становятся катализатором этнополитических конфликтов через четыре ключевых механизма: институциональный, социально-демографический, этнический и внешний. Экологические и климатические изменения усиливают эти процессы, обостряя конкуренцию за землю, воду и другие ресурсы, провоцируя миграционные и этнические конфликты. Сделан вывод, что устойчивое развитие в ДРК возможно исключительно при укреплении государственных и политических институтов, преодолении взаимозависимых социально-экономических и экологических вызовов и угроз.

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго, природные ресурсы, политическая дестабилизация, межэтнические отношения, этнополитические конфликты, институциональные факторы, молодежный бугор, конфликтные минералы

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 24-Ш05-07 на тему «Исследование потенциала природных ресурсов и новых форматов отношений между Россией и странами Азии и Африки: моделирование экономического, политического и культурного сотрудничества».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Коротаев А.В., Черноморченко И.Ю., Якубчук А.С., Сергеев С.С., Глущенко А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Коротаев А.В., Черноморченко И.Ю., Якубчук А.С., Сергеев С.С., Глущенко А.В. Природные ресурсы, этнополитические конфликты и факторы риска устойчивого развития Демократической Республики Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 833–847. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-833-847>

Natural Resources, Ethnopolitical Conflicts and Risk Factors for Sustainable Development in the Democratic Republic of the Congo

Andrey V. Korotayev^{1,2} , Ivan Yu. Chernomorchenko¹ ,
Alexander S. Yakubchuk² , Stepan S. Sergeev² , Andrey V. Glushchenko³

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Joint Stock Company “Rosoboronexport”, Moscow, Russian Federation

 akorotayev@gmail.com

Abstract. The issue of natural resources as a driver of political destabilization in the Democratic Republic of the Congo (DRC) is a critical focus of scholarly analysis. However, the complex interplay of resources with weak institutions, demographic pressures, ethnic fragmentation, and external intervention requires deeper systematic examination. Studying these mechanisms, determining their specific causal pathways and combined destabilizing effects, is paramount for political science and development studies, as it allows for assessing for multifaceted challenges to sustainable peace and governance in resource-rich, fragile states. A systemic interdisciplinary approach, combining political science, demographic, economic and ecological analysis, was employed to understand the destabilizing dynamics. Case study and content analysis of specific conflicts (Bateke Plateau, Eastern Kivu) enabled the identification of causal links and the role of resource control. It has been found that resources catalyze ethnopolitical conflicts through four interconnected mechanisms: the institutional, the socio-demographic, the ethnic, and the external. Environmental degradation and climate change impacts further exacerbate these dynamics by intensifying competition over land, water, and livelihoods, provoking displacement and new conflict lines. Unlike simplistic notions of the “resource curse”, this study demonstrates that sustainable development in the DRC is contingent upon fundamentally strengthening state and political institutions to manage resources, mitigate interconnected socio-economic and environmental threats, and counter fragmentation, as the primary prerequisite for stability.

Keywords: Democratic Republic of the Congo, natural resources, political destabilization, interethnic relations, ethnopolitical conflicts, institutional factors, youth bulge, conflict minerals

Acknowledgements. The research was supported by the MSU Development Program, Project No. 24-III05-07, “Exploring the Potential of Natural Resources and New Formats of Relations between Russia and the Countries of Asia and Africa: Modeling Economic, Political, and Cultural Cooperation.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Korotayev, A.V., Chernomorchenko, I.Yu., Yakubchuk, A.S., Sergeev, S.S., & Glushchenko, A.V. (2025). Natural resources, ethnopolitical conflicts and risk factors for sustainable development in the Democratic Republic of the Congo. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 833–847. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-833-847>

Введение

Богатство природными ресурсами в условиях слаборазвитых политических и государственных институтов Демократической Республики Конго (ДРК) стало одним из основных факторов, провоцирующих многолетние этнополитические конфликты, фрагментацию власти и подпитывающих деятельность негосударственных военизированных групп, что представляет ключевую угрозу для устойчивого развития страны. Настоящее исследование направлено на выявление политических факторов и механизмов, через которые природные ресурсы становятся фактором риска. Таким образом, в рамках настоящего исследования ресурсы рассматриваются не только как экономический ресурс, но и как политический, выступая предметом борьбы этнических и политических групп, а также объектом интереса внешних акторов.

Борьба за контроль над природными ресурсами часто усугубляет существующие в обществе этнические противоречия, провоцируя острые этнополитические конфликты. В частности, если ресурсы сконцентрированы на территории проживания этнических меньшинств или этнических групп, проживающих на территории соседних стран. Местные лидеры организуют политические организации и военизированные группы по принципу этнической принадлежности, обосновывая претензии на политическую власть. С момента обретения независимости ДРК сталкивается с постоянной угрозой межэтнических конфликтов. В стране проживает около 112 миллионов человек, распределенных между 200–250 этническими группами, что делает ее одной из самых этнически разнообразных в мире [Karbo, Mutisi 2012].

Внимание взаимосвязи между этнополитическими конфликтами в ДРК и ее природными ресурсами уделяли ряд отечественных авторов. Исследования, проведенные Г.М. Сидоровой, рассматривают исторические предпосылки политических конфликтов в ДРК, их динамику, а также широкий спектр проблем, связанных с исследованием богатства природными ресурсами в качестве дестабилизирующего фактора в контексте политического развития ДРК [Сидорова 2019; Сидорова 2013]. С.А. Бокерия, М. Махапа, А. Киамба [Бокерия и др. 2024], а также Т.С. Денисова и С.В. Костелянец [Денисова, Костелянец 2023; Денисова, Костелянец 2024] исследовали влияние Руанды на хроническую нестабильность в ДРК, связывая ее военное присутствие с борьбой за ресурсы, расположенные на востоке страны. С.Л. Сазанова и Н.Н. Карманов анализировали экономическое развитие ДРК в конце XX — начале XXI в., показав взаимосвязь между экономическими и политическими факторами развития страны [Сазанова, Карманов 2023].

Однако следует отметить также, что ДРК относится к числу наиболее бедных африканских государств с высокими темпами роста населения, очень высокой долей молодежи (так называемым «молодежным бугром») и низким уровнем урбанизации и образованности. В списке африканских стран по уровню рисков крупномасштабной политической дестабилизации, составленном

И.А. Медведевым и соавторами [Медведев и др. 2024], ДРК оказалась «лидером» рейтинга с наиболее высоким риском политической дестабилизации. В сложившихся условиях исследование этнополитических конфликтов, а также существующей взаимосвязи между ними и природными ресурсами страны приобретает особый интерес.

Методология исследования

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер, сочетая политологический, экономический, экологический и демографический анализ и активно применяя качественные и количественные методы анализа. Для политологического анализа применялся институциональный подход, исследующий, каким образом слаборазвитые государственные и политические институты способствуют тому, что природные ресурсы становятся фактором дестабилизации. Опираясь на системный подход, устойчивое развитие рассматривается как результат взаимодействия политических, социально-демографических, экономических, экологических и климатических факторов: использование настоящего подхода позволяет выявить взаимосвязи между богатыми природными ресурсами и эскалацией этнополитических конфликтов. В настоящем исследовании кейс- и контент-анализ сочетаются с элементами политической экономики и сравнительного анализа, что позволило выявить корреляцию между природными ресурсами, экономической нестабильностью, экологическими вызовами и угрозами, а также этнополитическими конфликтами и внешним вмешательством в политические процессы ДРК. Для оценки макроэкономической роли горнодобывающего сектора используются данные Всемирного банка, USGS, ООН и национальной статистики ДРК. Это позволяет всесторонне оценить вызовы и угрозы устойчивому развитию ДРК и определить ключевые факторы риска. В отличие от упрощенных концепций «ресурсного проклятия» данное исследование рассматривает устойчивое развитие в ДРК как зависящее от развития политических и государственных институтов для централизации и укрепления контроля над территорией страны, смягчения взаимосвязанных социально-экономических и экологических угроз и противодействия политизации этничности.

Результаты исследования

Высокий индекс политического риска в ДРК во многом подтверждает классическую теорию «молодежных бугров» о влиянии демографических факторов, таких как высокая рождаемость, быстрый рост населения, значительная доля молодежи в обществе, а также низкая урбанизация, низкий уровень грамотности и низкий подушевой ВВП на политическую дестабилизацию [Устюжанин и др. 2021; Grinin, Korotayev 2022]. Страна входит в пятерку наиболее бедных стран мира. В 2024 г. около 78 млн человек, что составляет 73,5 % от общей

численности населения ДРК, проживало менее чем на 2,15 долл. США в день¹. Показатель ВВП на душу населения сохраняется на рекордно низком уровне: в 2023 г. он составил 627,5 долл.²

В сфере образования 86 % детей среди мальчиков и 79 % среди девочек получают начальное образование, однако неполное среднее получают уже только 63,5 % мальчиков и 51,4 % девочек. Индекс человеческого капитала в ДРК составляет 0,37, что ниже среднего показателя среди стран Африки южнее Сахары (АЮС), сохраняющегося на уровне 0,4³. Высокая концентрация молодежи создает давление на рынок труда и социальные институты, провоцируя усиление политической конкуренции и борьбы за ресурсы, что в условиях этнической фрагментации ведет к межэтнической напряженности и эскалации этнополитических конфликтов. В условиях вооруженного конфликта на востоке страны и усугубляющегося гуманитарного кризиса в стране будет расти число вынужденных переселенцев. К настоящему времени число внутренне перемещенных лиц на территории ДРК достигло 7 млн⁴.

Неспособность государственных институтов и национальной экономики эффективно реагировать на возникающие социально-экономические вызовы, в частности быстрый рост населения при низком уровне урбанизации, образованности и перегруженности социальной и городской инфраструктуры, приводит к замедлению экономического роста и общему снижению качества жизни. Сложившиеся условия способствуют росту недовольства в обществе на фоне увеличения безработицы и отсутствия перспектив у молодого населения, из-за чего безработная молодежь становится фактором нестабильности и в обществе значительно увеличиваются риски социальных конфликтов [Медведев и др. 2024].

Одним из ключевых рисков для развития ДРК является межэтническая напряженность, связанная с особо высоким значением этнической принадлежности в общественной жизни — с момента обретения страной независимости в 1960 г. исследователи отмечали восприятие населением политической конкуренции преимущественно в качестве борьбы за положение и ресурсы различных этнических групп [Weiss 2019; Lemarchand 1964]. Более поздние труды ученых, посвященные роли отношений между различными этносоциальными группами в последующих войнах и современной социально-политической жизни в ДРК, подтверждают предыдущие выводы [Reynthens 2009; Mamdani 2001].

Межэтнические отношения непосредственно воздействуют на политические процессы, поскольку этническая принадлежность становится своеобразным каналом, центральным элементом политической мобилизации,

¹ World Bank. 2025a. World Development Indicators Online. Washington, D.C.: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

² Там же.

³ World Bank. 2021. Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. Washington, D.C.: The World Bank. 2021. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1552-2>

⁴ World Bank. 2024. Democratic Republic of Congo Poverty and Equity Brief: October 2024 (English). Poverty and Equity Brief. Washington D.C.: World Bank Group.

через который реализуются коллективные устремления, направленные на достижение этнической группой власти и богатства [Тоюоуе, 2014]. В развивающихся странах межэтнические отношения чаще провоцируют конфликты, поскольку в условиях формирующихся институтов этнический фактор сохраняет доминирующее значение в общественной жизни. Традиционно именно в рамках этноса осуществляются многие социальные практики и возникают институты, функции которых еще не успело или не смогло перенять на себя государство.

В результате последствия сохраняющейся социальной и политической нестабильности в стране усугубляются взаимосвязанностью с межэтническими отношениями, поскольку любые социально-экономические вызовы рискуют привести к эскалации этнополитических конфликтов и крупномасштабной дестабилизации. Так, в 2022 г. из-за повышения налогов в провинции Май-Ндомбе на плато Батеке вспыхнул вооруженный конфликт между традиционно проживающими в районе общинами теке и общинами других мигрировавших из соседних регионов этнических групп, в частности яка. Массовые выступления из-за недовольства установлением привычных для фермеров налогов среди новых поселенцев быстро переросли в межэтническое насилие, в поселениях начали формироваться отряды вооруженного ополчения, что поспособствовало дальнейшей эскалации конфликта, продолжающегося в настоящее время.

Эскалация межэтнической напряженности начинается вследствие опасений этнических групп за доступ к экономическим благам, а также свою безопасность и «возможность оставаться собой», в условиях этнического фаворитизма становящуюся невозможной без достижения политической власти. Именно этнические стереотипы и предубеждения, как традиционные, так и современные, становятся основой современных конфликтов в стране [Yakti 2022]. При наличии крупных этнических групп, в частности концентрированно проживающих в отдельных районах, богатых природными ресурсами или находящихся на приграничных территориях, межэтническая напряженность оказывается сильным катализатором дестабилизации. Особенно резко возрастают риски этнических конфликтов в странах, где власти не заинтересованы в поддержании этнического и социокультурного плюрализма, ограничивая права других этносов и навязывая им собственные ценности и язык [Walter 2023].

Кроме того, с межэтническими конфликтами связаны значительные внешнеполитические риски для развития ДРК. Геноцид тутси в Руанде значительно усугубил межэтническую напряженность в регионе, вызвав волну насилия между проживающими в восточноафриканских странах этносоциальными группами хуту и тутси [Lemarchand 2009], в особенности в ДРК, Руанде и Бурунди. Отношения между проживающими в восточной части ДРК представителями этнических групп нунде, нанде, ньянга, хуту и тутси всегда оставались напряженными. Так, в 1981 г. тутси были значительно ограничены в правах и лишены гражданства, обыденными стали случаи межэтнического насилия, а две Конголезские войны и последующий конфликт в Киву начались именно вследствие руандийского геноцида 1994 г. [Денисова, Костелянец 2024].

Продолжающаяся вражда этносоциальных групп хуту и тутси остается значительной угрозой для развития стран региона, в особенности самой ДРК, центральное правительство которой не контролирует в настоящее время обширные территории, занятые противостоящей конголезскому правительству группировкой тутси «Движение 23 марта» (М23), которую неофициально поддерживают Руанда и Уганда [El Miviri 2023; Ntanyoma, Hintjens 2022]. Дальнейшая эскалация конфликта значительно увеличивает экономические и политические риски для ДРК, поскольку с переходом Гомы и ближайших районов под контроль М23 группировка сможет беспрепятственно контролировать озеро Киву — один из важнейших источников пресной воды в регионе, сталкиваемомся с усугубляющимися последствиями изменения климата. В дальнейшем ДРК рискует потерять территории в районе г. Нумби, богатые такими природными ресурсами, как олово, вольфрам, колтан (колумбо-танталит), кобальт и медь, а также г. Букаву — административный центр Южного Киву и ключевой центр дислокации правительственных войск в районе озера Киву после падения Гомы. С укреплением позиций этносоциальной группы тутси через успехи М23 также увеличиваются риски регионального конфликта, в который могут быть втянуты Руанда и Бурунди [Денисова, Костелянец 2023].

Исследования демонстрируют высокую значимость укрепления государственных и политических институтов в африканских странах для достижения стабильности, поскольку в странах с неустойчивыми институтами существенно увеличиваются риски дестабилизации, а наличие богатых запасов природных ресурсов становится фактором риска, а не стабильности [Olaniyi, Oladeji 2021]. Усугубляющееся ослабление политической централизации, отсутствие последовательной государственной политики в сфере горной добычи и фактически отсутствие контроля центрального правительства над значительными территориями, богатыми природными ресурсами, что произошло де факто после гражданской войны 1997–1999 гг., существенно дестабилизирует экономику и общество ДРК [Asiamah et al. 2022; Mlambo 2022].

Экономика ДРК страдает от «ресурсного проклятия»: национальная экономика не диверсифицирована, и ее рост обусловлен развитием горнодобывающего сектора. В 2018 г. горная добыча обеспечила 76 % от роста ВВП за год [Rapanuane 2021; Mufungizi 2024]. Ресурсное проклятие само по себе не является значительным риском для развития страны и в значительной степени обеспечивает ВВП страны, однако в случае с ДРК ситуация существенно усугубляется существующими социально-демографическими, экономическими и политическими вызовами.

Горнодобывающий сектор ДРК занимает ключевое положение в экономике, однако его развитие сопровождается серьезными экологическими рисками: обезлесением, загрязнением воздуха, воды и почвы, накоплением отходов и техногенными землетрясениями [Mufungizi 2024; Ruppen et al. 2023]. Эти процессы наносят ущерб биоразнообразию, угрожают здоровью населения (в частности через рост заболеваний дыхательных путей) и ведут к снижению сельскохозяйственной продуктивности и экономического развития, лишая местные

сообщества доступа к традиционным источникам средств к сосуществованию и источников энергии [Mwitwa et al. 2012; Ofosu et al. 2020].

В стране сохраняется катастрофическая нагрузка на систему здравоохранения: население сталкивается с недоеданием, антисанитарией и ограниченным доступом к медицинской помощи, что способствует высокой смертности от диарейных заболеваний и хроническому недоеданию у детей [Baharanyi et al. 2024; Mbaka, Vieira 2022]. Эффективное использование международной помощи осложняется политической нестабильностью и боевыми действиями, из-за чего наиболее уязвимые провинции получают недостаточную поддержку [Lordemus 2022].

Кроме того, страны региона, включая ДРК, сталкиваются с усугубляющимися последствиями изменения климата. Экстремальные погодные явления и ранее не были редкостью в Центральной Африке, однако увеличение частоты таких событий, как засухи и наводнения, значительно увеличивает риски для развития стран региона. В ДРК, сталкивающейся с эскалацией вооруженных конфликтов и нарастающей нестабильностью, находится более половины оставшихся лесов Африки. Экваториальный тропический лес в бассейне Конго является вторым по величине в мире, и от его сохранения на фоне изменения количества осадков и увеличения частоты экстремальных погодных явлений зависит будущее всего региона [Karam et al. 2022].

Предыдущие климатические исследования обнаружили непосредственную связь между изменением климата и увеличением случаев наводнений, в том числе в бассейне Конго [Mao et al. 2019], а также доказали, что с 1994 г. гидрологический режим р. Конго значительно изменился под влиянием экстремальных климатических явлений [Ndehedehe et al. 2019]. Исследователи также пришли к выводу, что в будущем предполагается увеличение числа наводнений и засух в регионе, в частности площади, сталкивающиеся с последствиями усиления засух, значительно расширятся [Karam et al. 2022; Onyutha 2020]. Усиление экстремальных погодных явлений ведет к миграции населения, конкуренции за истощающиеся ресурсы и усиливает существующие этнические противоречия, создавая благодатную почву для политической мобилизации по этническому признаку и роста влияния местных этнических политических организаций и военизированных групп.

Межэтнические конфликты оказывают значительное влияние на экономические риски для развития ДРК, поскольку приводят к вооруженным столкновениям и ведению боевых действий на территориях, на которых содержится значительная часть запасов так называемых «критических минералов» — полезных ископаемых и редкоземельных элементов, жизненно важных для современной электронной промышленности и осуществления энергетического перехода [Свиридов 2024]. Концентрация ресурсов подобного рода значительно увеличивает значимость ДРК в современной экономике, что усиливает заинтересованность внешних акторов. Кроме того, прибыль от экспорта олова, вольфрама, колтана, золота и «кровавых алмазов» принято относить к «конфликтным минералам» — ресурсам, которые негосударственные военизированные группы используют для обеспечения своего финансирования [Vogel, Raeymaekers 2016]. Особое внимание стоит уделить

природным ресурсам, доступным для кустарной добычи, которые сохраняют ключевое значение в контексте продолжения конфликта на востоке страны.

Ресурсный аспект является особенно важным в контексте изучения рисков на пути ДРК к достижению стабильности, поскольку многие ресурсы, которыми богаты восточные территории ДРК, добываются кустарным образом, не требующим химического воздействия или применения сложных технологических подходов [Така 2017; Wakenge 2018]. Доступный процесс добычи не только мотивирует негосударственные военизированные группы бороться за месторождения, но и способствует образованию новых группировок, так как любая военизированная группа подобного рода, контролирующая месторождение, сможет беспрепятственно эксплуатировать его для финансирования собственной деятельности и закупки оружия [Медведев и др. 2024].

Основными природными ресурсами ДРК являются кобальт, медь, ниобий, тантал, нефть, промышленные и драгоценные алмазы, золото, серебро, цинк, марганец, олово, уран, уголь, гидроэнергетические ресурсы, древесина. ДРК является ведущим в мире производителем кобальта, на долю которого приходится около 70–80 % мировых поставок, или 130–150 тыс. тонн/год [Hitzman et al., 2012]. Страна занимает важное место в мировой алмазодобывающей промышленности с 5-м местом по объемам добычи. ДРК входит в число крупнейших золотодобывающих стран Африки. По данным USGS, страна занимает 16-е место в мире по объемам добычи золота⁵ [Allibone et al. 2020].

Запасы и ресурсы нефти распределены в ДРК крайне неравномерно и расположены в бассейнах Конго и Альбертин [Еремин и др. 2024] при суммарной ресурсной базе до 2,5 млрд баррелей (восточная часть страны характеризуется значительными неразведанными запасами углеводородов). В юго-восточных провинциях ДРК расположены месторождения каменного и бурого угля, с сильно варьирующей (от 15 до 60 тыс. тонн) суммарной величиной годовой добычи. ДРК обладает значительными запасами урана, хотя точные данные о структуре запасов разнятся. Основные месторождения сосредоточены в южных провинциях, особенно в регионе Катанга⁶.

Эскалация межэтнических конфликтов не только усложняет эффективное использование природных ресурсов, но и способствует потере контроля правительства над территорией, что широко используется вооруженными группировками, в особенности М23, для нелегальной добычи и торговли конголезскими природными ресурсами. В предыдущих исследованиях утверждалось, что с конца 1990-х гг. большая часть золота, алмазов, а также олова, вольфрама и колтана, экспортированных соседними странами, были контрабандой вывезены из ДРК, что подтверждается сохраняющейся ситуацией, когда соседние

⁵ USGS. (2023). Mineral commodity summaries (USGS Numbered Series). Reston, VA: United States Geological Survey. <https://doi.org/10.3133/mcs2023>; World Bank. (2020). The Democratic Republic of Congo: Power Sector Reform. Washington, DC: World Bank.

⁶ IAEA. (2021). Uranium 2020: Resources, Production and Demand (Red Book). Organization for Economic Co-operation and Development. Retrieved March 30, 2025, from https://www.oecd-neo.org/jcms/pl_52718/uranium-2020-resources-production-and-demand

страны экспортируют значительно больше ресурсов, чем производят на собственной территории [Martin, Taylor 2014]. Таким образом, наличие богатых запасов природных ресурсов в приграничных провинциях, а также в районах, сталкивающихся с межэтническими конфликтами, значительно увеличивает риски дестабилизации в ДРК [Бокерия и др. 2024].

Так, занятые год назад М23 месторождения в Рубайя содержат около 15 % мировых запасов колтана, а общая выручка М23 от контрабанды полезных ископаемых составляет не менее 300 тыс. долл. США в месяц [Mahdi et al. 2024]. Добыча данных ресурсов и сохранение роли ДРК в цепочке поставок являются крайне значимыми для экономического развития. Несмотря на чудовищные потери конголезской экономики ввиду незаконной добычи ресурсов на неконтролируемых территориях, горнодобывающая промышленность в ДРК составляет около 30 % от объема национальной экономики. Восстановление контроля над богатыми природными ресурсами территориями является критически важным для страны [Mufungizi 2024]. Оловянно-танталовый пояс Манонго-Китенге на юго-востоке и медный пояс Катанга на юге страны составляют основу экономики ДРК, из-за чего угроза распространения боевых действий вглубь страны угрожает коллапсом всей национальной экономики, как это уже происходило в конце 1990-х гг. [Abdulwahab, Firmansyah 2024].

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что этнополитические конфликты сохраняют статус ключевой угрозы для ДРК. В результате последствия сохраняющейся социальной и политической нестабильности в стране усугубляются взаимосвязанностью с межэтническими отношениями, поскольку любые социально-экономические вызовы рискуют привести к эскалации этнополитических конфликтов и крупномасштабной политической дестабилизации. При этом природные ресурсы ДРК становятся фактором дестабилизации через совокупность взаимосвязанных механизмов. Установлено, что их пространственная концентрация, в частности на пограничных территориях, и доступность для кустарной добычи создают условия для эскалации этнополитических конфликтов, усиливают этническую и региональную фрагментацию и подрывают позиции центральной власти, выступая экономическим стимулом для создания новых негосударственных военизированных групп. Утверждается, что институциональная слабость и низкая степень централизации значительно увеличивают риски от наличия природных ресурсов, создавая условия для потери контроля над территориями и финансирования негосударственных военизированных групп. Социально-демографическое давление в форме «молодежного бугра» и ограниченных возможностей занятости приводит к тому, что этническая идентичность сохраняет свою ключевую значимость и выступает основным каналом политической мобилизации, а также непосредственно увеличивает риски вооруженных конфликтов. Политизация этничности провоцирует усиление политической конкуренции между этническими группами, закрепляя контроль над отдельными территориями и природными

ресурсами за отдельными этническими группами и провоцируя этнополитические конфликты. Значительную роль играет и внешний фактор: ресурсы приграничных территорий становятся объектом интереса соседних государств и транснациональных корпораций, стимулируя вмешательство внешних акторов и нелегальную торговлю. Экологические и климатические изменения выступают дополнительным фактором, увеличивающим описанные риски: деградация экосистем, наводнения и засухи усиливают конкуренцию за землю и воду, провоцируя миграционные потоки и стимулируя новые политические конфликты в стране. Таким образом, существующие риски для устойчивого развития страны имеют комплексный часто взаимозависимый характер, что значительно усугубляет масштабы стоящих перед страной вызовов и угроз, значительно сокращая политические и экономические возможности центральной власти.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список / References

- Abdulwahab, L.O., & Firmansyah, E.A. (2024). Are abundant natural resources in the Democratic Republic of the Congo a blessing or curse? *Journal of Innovation in Business and Economics*, 8(1), 47–60. <https://doi.org/10.22219/jibe.v8i01.30330>
- Allibone, A., Vargas, C., Mwandale, E., Kwibisa, J., Jongens, R., Quick, S., Komarnisky, N., Fanning, M., Bird, P., MacKenzie, D., Turnbull, R., Holliday, J., Quick, S., Komarnisky, N., & Funning, C.M. (2020). Orogenic gold deposits of the Kibali district, Neoproterozoic Moto belt, Northeastern Democratic Republic of Congo. *Economic Geology. Special Publication*, 23, 185–202. <https://doi.org/10.5382/SP.23.09>
- Asiamah, O., Agyei, S.K., Bossman, A., Agyei, E.A., Asucam, J., & Arku-Asare, M. (2022). Natural resource dependence and institutional quality: Evidence from Sub-Saharan Africa. *Resources Policy*, 79, Article no. 102967. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102967>
- Baharanyi, S.N., Mambo, L.N.K., & Muluma, A.M. (2024). Socioeconomic determinants and impacts of life expectancy in the Democratic Republic of the Congo: A time series analysis from 1960–2020. *Economics, Management and Sustainability*, 9(2), 59–71. <https://doi.org/10.14254/jems.2024.9-2.5>
- Bokeriya, S.A., Mahapa, M., & Kiamba, A. (2024). Peacekeeping strategies and the role of Rwanda in the conflict in the Democratic Republic of the Congo. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 606–615. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615> EDN: MCYIRR.
- Бокерия С.А., Махана М., Куамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 4. С. 606–615. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615> EDN: MCYIRR.
- Denisova T.S., & Kostelyanets S.V. (2023). The Democratic Republic of the Congo: Political instability and the Rwandan factor. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47> EDN: UUQCLB.
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник РУДН. Серия: Международные

- отношения. 2023. Т. 23. No. 1. С. 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47> EDN: UUQCLB.
- Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2024). Historical background of the conflict between the DRC and Rwanda. In S.M. Gavrilova, T.S. Bogdasarova, M.V. Nikolkaya & D.O. Rastegayev (Eds.), *Fault line: The conflict in the Great Lakes region and its international context* (Workbook No. 88) (pp. 6–10). Moscow: NP RSMD. (In Russian).
Денисова Т.С., Костелянец С.В. Исторические предпосылки конфликта между ДРК и Руандой. Линия разлома: конфликт в районе Великих африканских озер и его международный контекст: рабочая тетрадь № 88 [под ред. С.М. Гавриловой, Т.С. Богдасаровой, М.В. Никольской, Д.О. Растегаева]. Москва : НП РСМД, 2024. С. 6–10.
- Eremin, N.N., Sitar, K.A., Baranovskaya, E.I., Orlova, L.N., Korotayev, A.V., Fesyun, A.G., Avdalyan, M.R., Glukhova, S.A., Georgievskiy, B.V., & Grishin, I.Yu. (2024). Geological background of Africa's natural energy resources. *Moscow University Geological Bulletin*, 6, 100–113. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9406-4-2024-63-6-100-113> EDN: QLLFXJ.
Еремин Н.Н., Ситар К.А., Барановская Е.И., Орлова Л.Н., Коротаев А.В., Фесюн А.Г., Авдалян М.Р., Глухова С.А., Георгиевский Б.В., Гришин И.Ю. Геологические предпосылки энергетических природных ресурсов Африки // Вестник Московского университета. Серия 4: Геология. 2024. Т. 63. № 6. С. 100–113. <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9406-4-2024-63-6-100-113> EDN: QLLFXJ.
- El Miviri, R. (2023, January 26). RDC-Rwanda: Un Conflit Remis Au Goût Du Jour Par Le M23. *Diplomatie*. Retrieved March 30, 2025, from <https://www.areion24.news/2023/01/26/rdc-rwanda-un-conflit-remis-au-gout-du-jour-par-le-m23/>
- Grinin, L., & Korotayev, A. (2022). Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In J.A. Goldstone, L. Grinin & A. Korotayev (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century* (pp. 105–136). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_4
- Hitzman, M.W., Broughton, D., Selly, D., Woodhead, J., Wood, D., & Bull, S. (2012). The Central African Copperbelt: Diverse stratigraphic, structural, and temporal settings in the world's largest sedimentary copper district. In J.W. Hedenquist, M. Harris & F. Camus (Eds.), *Geology and Genesis of Major Copper Deposits and Districts of the World: A Tribute to Richard H. Sillitoe* (pp. 487–514). Society of Economic Geologists. <https://doi.org/10.5382/sp.16.19>
- Kabamba, M.M., Mata, H.N., Mulaji, C.K., Mbuyi, F.B., Elongi, J-P.M., & Tuakuila, J.K. (2021). Human biomonitoring in the Democratic Republic of Congo (DRC): A systematic review. *Scientific African*, 13, e00906. <https://doi.org/10.1016/j.sciaf.2021.e00906>
- Karam, S., Seidou, O., Nagabhatla, N., Perera, D., & Tshimanga, R.M. (2022). Assessing the impacts of climate change on climatic extremes in the Congo River Basin. *Climate Change*, 170(40), <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03326-x>
- Karbo, T., & Mutisi, M. (2012). Ethnic Conflict in the Democratic Republic of Congo (DRC). In D. Landis & R.D. Albert (Eds.), *Handbook of Ethnic Conflict: International perspectives* (pp. 381–402). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-0448-4_15
- Lemarchand, R. (1964). *Political Awakening in the Congo*. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520338630>
- Lemarchand, R. (2009). *The Dynamics of Violence in Central Africa*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt3fj2cq>
- Lordemus, S. (2022). Does Aid for Malaria Increase with Exposure to Malaria Risk? Evidence from Mining Sites in the DR Congo. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 84(4), 719–748. <https://doi.org/10.1111/obes.12483>

- Lowes, S., & Montero, E. (2021). Concessions, Violence, and Indirect Rule: Evidence from the Congo Free State. *The Quarterly Journal of Economics*, 136(4), 2047–2091. <https://doi.org/10.1093/qje/qjab021>
- Mahdi, M., Soumahoro, M., Sirengo, E., Atta-Asamoah, A., & Handy, P.S. (2024). *Keeping Africa's natural assets from lining plunderers pockets* (ISS Peace and Security Council Report. No. 173). Institute for Security Studies. Retrieved March 30, 2025, from <https://journals.co.za/doi/epdf/10.10520/ejc-ispser-v2024-n173-a4>
- Mamdani, M. (2001). *Understanding the Crisis in Kivu: Report of the CODESRIA Mission to the Democratic Republic of Congo*. Dakar: CODESRIA. <https://doi.org/10.1604/9782869781030>
- Mao, Y., Zhou, T., Ruby, Leung, L., Tesfa, T.K., Li, H.-Y., Wang, K., Tan, Z., & Getirana, A. (2019). Flood Inundation Generation Mechanisms and Their Changes in 1953–2004 in Global Major River Basins. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, 124(22), 11672–11692. <https://doi.org/10.1029/2019JD031381>
- Martin, A., & Taylor, B. (Eds.). (2014). *All that Glitters is Not Gold: Dubai, Congo and the Illicit Trade of Conflict Minerals*. Toronto: Partnership Africa Canada. Retrieved March 30, 2025, from <https://impacttransform.org/wp-content/uploads/2017/09/2014-May-All-That-Glitters-is-not-Gold-Dubai-Congo-and-the-Illicit-Trade-of-Conflict-Minerals.pdf>
- Mbaka, G.O., & Vieira, R. (2022). The burden of diarrheal diseases in the Democratic Republic of Congo: a time-series analysis of the global burden of disease study estimates (1990–2019). *BMC Public Health*, 22, 1043. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13385-5>
- Medvedev, I.A., Ustyuzhanin, V.V., Zinkina, Yu.V., Chernomorchenko, I.Yu., & Korotayev, A.V. (2024). Experience in Assessing the Risks of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods. *History and Modernity*, (3), 18–44. (In Russian). <http://doi.org/10.30884/iis/2024.03.02>. EDN: JFMSWQ.
Медведев И.А., Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Черноморченко И.Ю., Коротяев А.В. Опыт оценки рисков крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки с использованием методов машинного обучения // История и современность. 2024. № 3. С. 18–44. <http://doi.org/10.30884/iis/2024.03.02>. EDN: JFMSWQ.
- Mlambo, C. (2022). Politics and the natural resource curse: Evidence from selected African states. *Cogent Social Sciences*, 8(1), 2035911. <https://doi.org/10.1080/23311886.2022.2035911>
- Mufungizi, I. (2024). Mineral potential facing socio-economic development challenges: case study of the Democratic Republic of Congo, a ‘geological scandal’. *International Geology Review*, 66(16), 1–23. <https://doi.org/10.1080/00206814.2024.2401575>
- Mwitwa, J., German, L., Muimba-Kankolongo, A., & Puntodewo, A. (2012). Governance and sustainability challenges in landscapes shaped by mining: Mining-forestry linkages and impacts in the copper belt of Zambia and the DR Congo. *Forest Policy and Economics*, 25, 19–30. <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2012.08.001>
- Ndehedehe, C.E., Anyah, R.O., Alsdorf, D., Agutu, N.O., & Ferreira, V.G. (2019). Modelling the impacts of global multi-scale climatic drivers on hydro-climatic extremes (1901–2014) over the Congo basin. *Science of the Total Environment*, 651(1), 1569–1587. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.09.203>
- Ntanyoma, R.D., & Hintjens, H. (2022). Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu. *Ethnicities*, 22(3), 374–403. <https://doi.org/10.1177/14687968211009895>
- Ofosu, G., Dittmann, A., Sarpong, D., & Botchie, D. (2020). Socio-economic and environmental implications of Artisanal and Small-scale Mining (ASM) on agriculture and livelihoods. *Environmental Science & Policy*, 106(4), 210–220. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2020.02.005>
- Olaniyi, C.O., & Oladeji, S.I. (2021). Moderating the effect of institutional quality on the finance-growth nexus: insights from West African countries. *Economic Change and Restructuring*, 54, 43–74. <https://doi.org/10.1007/s10644-020-09275-8>
- Onyutha, C. (2020). Analyses of rainfall extremes in East Africa based on observations from rain gauges and climate change simulations by CORDEX RCMs. *Climate Dynamics*, 54(3), 4841–4864. <https://doi.org/10.1007/s00382-020-05264-9>

- Rapanyane, M.B. (2021). China's involvement in the Democratic Republic of Congo's resource curse mineral driven conflict: An Afrocentric review. *Contemporary Social Science*, 17(2), 117–128. <https://doi.org/10.1080/21582041.2021.1919749>
- Reynthens, F. (2009). *The Great African War: Congo and Regional Geopolitics, 1996–2006*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511596698>
- Ruppen, D., Runnals, J., Tshimanga, R.M., Wehrli, B., & Odermatt, D. (2023). Optical remote sensing of large-scale water pollution in Angola and DR Congo caused by the Catoca mine tailing spill. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*, 118, 103237. <https://doi.org/10.1016/j.jag.2023.103237>
- Sazanova, S.L. & Karmanov, N.N. (2023). Relationship between economic and political factors of the country's economic development (on the example of the Democratic Republic of the Congo). *Scientific notes of the Russian academy of entrepreneurship*, 22(2), 28–33. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2023-22-2-28-33> EDN: NSVIRT.
Сазанова С.Л., Карманов Н.Н. Взаимосвязь экономических и, политических факторов экономического развития страны (на примере Демократической Республики Конго) // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2023. Т. 22. № 2. С. 28–33. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2023-22-2-28-33> EDN: NSVIRT
- Sidorova, G.M. The Military Conflicts in the Africa (Democratic Republic of Congo). Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. EDN: UZZYMN.
Сидорова Г.М. Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. Москва : ИАФР РАН, 2013. EDN: UZZYMN
- Sidorova, G.M. (2019). Political opposition in the Democratic Republic of the Congo: actors, resources and strategies of struggle. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 13(3), 36–43. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-36-43> EDN: ZWEXKV.
Сидорова, Г.М. Политическая оппозиция в Демократической Республике Конго: акторы, ресурсы и стратегии борьбы // Вестник Пермского университета. 2019. Т. 13. № 3. С. 36–43. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-36-43> EDN: ZWEXKV
- Sviridov, V.Yu. (2024). Mineral extraction in Eastern Congo: Current state and prospects. In S.M. Gavrilova, T.S. Bogdasarova, M.V. Nikolskaya & D.O. Rastegayev (Eds.), *Fault line: The conflict in the Great Lakes region and its international context* (Workbook No. 88) (pp. 36–41). Moscow: NP RSMD.
Свиридов В.Ю. Добыча полезных ископаемых в Восточном Конго: состояние и перспективы. Линия разлома: конфликт в районе Великих африканских озер и его международный контекст: рабочая тетрадь № 88 / под ред. С.М. Гавриловой, Т.С. Богдасаровой, М.В. Никольской, Д.О. Растегаева]. Москва : НП РСМД, 2024. С. 36–41.
- Taka, M. (2017). Coltan mining and conflict in the eastern Democratic Republic of Congo (DRC). In M. McIntosh & A. Hunter (Eds.), *New Perspectives on Human Security* (pp. 159–174). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351278805-10>
- Touoyem, P. (2014). *Dynamiques de l'ethnicité en Afrique: éléments pour une théorie de l'État multinational*. Bamenda, Cameroon: Langaa Research and Publishing Common Initiative Group.
- Ustyuzhanin, V.V., Grinin, L.E., & Korotayev, A.V. (2021). Revolutionary events of the 21st century in the Afro-Asian macro-zone of instability and other world-system zones: A preliminary quantitative analysis. *System monitoring of global and regional risks*, 12, 106–144. EDN: FZSTVS.
Устюжанин В.В., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Революционные события XXI века в афразийской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2021. Т. 12. С. 106–144. EDN: FZSTVS.
- Vogel, C., & Raemaekers, T. (2016). Terr(it) or(ies) of Peace? The Congolese Mining Frontier and the Fight Against “Conflict Minerals”. *Antipode*, 48(4), 1102–1121. <https://doi.org/10.1111/anti.12236>

- Wakenge, C.I. (2018). "Referees become players": Accessing coltan mines in the Eastern Democratic Republic of Congo. *The Extractive Industries and Society*, 5(1), 66–72. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2017.11.008>
- Walter, B.F. (2023). *How Civil Wars Start: And How to Stop Them*. London: Penguin Group.
- Weiss, H. (2019). *Political Protest in the Congo: The Parti Solidaire Africain During the Independence Struggle*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691198644>
- Yakti, P.D. (2022). The 1994 Hutu and Tutsi Ethnopolitics Conflict in Rwanda: Genocide Revenge Settlement Through the Gacaca Reconciliation System. *Jurnal Hubungan Internasional*, 15(1), 37–52.

Сведения об авторах:

Коротаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: akorotayev@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-3014-2037)

Черноморченко Иван Юрьевич — стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ (e-mail: chekoioan@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-1860-1279)

Якубчук Александр Сергеевич — доктор геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии, геохимии и экономики полезных ископаемых геологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: slaurum@aol.com) (ORCID: 0009-0009-7108-847X)

Сергеев Степан Сергеевич — ассистент кафедры экономики инновационного развития Факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: sergeevss@spa.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-7872-0193)

Глушченко Андрей Владимирович — начальник 5-го управления Департамента маркетинговой деятельности АО «Рособоронэкспорт», аспирант Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: gllev@yandex.ru, africont@roe.ru) (ORCID: 0009-0005-9032-538X)

About the authors:

Andrey V. Korotayev (corresponding author) — DrSc (History), PhD (Middle Eastern Studies), Director of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Professor of the Department of Globalistics, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: akorotayev@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-3014-2037)

Ivan Yu. Chernomorchenko — Research Intern of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University (e-mail: chekoioan@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-1860-1279)

Alexander S. Yakubchuk — DrSc (Geological and Mineralogical Sciences), Associate Professor of the Department of Geology and Geochemistry of Ore Deposits, Faculty of Geology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: slaurum@aol.com) (ORCID: 0009-0009-7108-847X)

Stepan S. Sergeev — Assistant of the Department of Innovation Development Economics, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sergeevss@spa.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-7872-0193)

Andrey V. Glushchenko — Head of the 5th Administration of Marketing Administration of Rosoboronexport; PhD Student of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gllev@yandex.ru, africont@roe.ru) (ORCID: 0009-0005-9032-538X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-848-866

EDN: DWWWNV

Научная статья / Research article

Ресурсы и власть в Демократической Республике Конго: формальные и неформальные режимы управления

М.Р. Авдалян , Л.Н. Орлова , К.А. Ситар , Е.И. Барановская ,
А.Г. Фесюн , Р.Р. Тимиргалеева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

l.orlova@spa.msu.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ взаимосвязи природных ресурсов и власти в Демократической Республике Конго через призму функционирования формальных и неформальных режимов управления. Методология основана на междисциплинарном подходе с опорой на концепцию правового плюрализма, исследования феномена «ресурсного проклятия» и анализ взаимодействия формальных и неформальных акторов, а также внешних игроков. В ходе исследования выявлены механизмы, через которые природные богатства ДРК становятся фактором социально-экономической уязвимости и политической нестабильности. Результаты исследования показывают, что в ДРК ресурсное проклятие проявляется комплексно, охватывая минеральные, земельные, водные ресурсы и экологические системы, и трансформируется в структурный фактор внутренней нестабильности. Контроль над добычей ресурсов становится источником как дохода, так и власти, что усиливает институциональную слабость, провоцирует конфликты и усугубляет бедность. Сделан вывод, что без институциональной реформы и выстраивания механизмов подотчетного и инклюзивного управления ресурсами ДРК останется в состоянии хронической нестабильности, где природное богатство воспроизводит кризис, а не развитие.

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго, природные ресурсы, горнодобывающая промышленность, политические институты, конфликтные минералы, бедность, неформальная экономика, традиционная власть, колониальное наследие

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 24-Ш05-07 на тему «Исследование потенциала природных ресурсов и новых форматов отношений между Россией и странами Азии и Африки: моделирование экономического, политического и культурного сотрудничества».

© Авдалян М.Р., Орлова Л.Н., Ситар К.А., Барановская Е.И., Фесюн А.Г., Тимиргалеева Р.Р., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авдалян М.Р., Орлова Л.Н., Ситар К.А., Барановская Е.И., Фесюн А.Г., Тимиргалева Р.Р. Ресурсы и власть в Демократической Республике Конго: формальные и неформальные режимы управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 848–866. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-848-866>

Resources and Power Dynamics in the Democratic Republic of the Congo: Interplay Between Formal Institutions and Informal Networks of Governance

Mary R. Avdalyan , Liubov N. Orlova , Ksenia A. Sitar ,
Ekaterina I. Baranovskaya , Andrey G. Fesyun , Rena R. Timirgaleeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 l.orlova@spa.msu.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze the interrelation between natural resources and power in the Democratic Republic of Congo through the lens of formal and informal governance regimes. The methodology is based on an interdisciplinary approach, drawing on the concept of legal pluralism, research on the “resource curse” phenomenon, and analysis of the interaction between formal and informal actors as well as external players. The study identifies the mechanisms through which the DRC’s natural wealth becomes a driver of socio-economic vulnerability and political instability. The results show that in the DRC, the resource curse manifests in a complex manner, encompassing mineral, land, and water resources, as well as ecological systems, and transforms into a structural factor of internal instability. Control over resource extraction serves as a source of both revenue and power, which reinforces institutional weakness, provokes conflicts, and exacerbates poverty. The conclusion is drawn that without institutional reform and the establishment of mechanisms for accountable and inclusive resource governance, the DRC will remain in a state of chronic instability, where natural wealth reproduces crisis rather than development.

Keywords: Democratic Republic of the Congo, natural resources, mining industry, political institutions, conflict minerals, poverty, informal economy, traditional authority, colonial legacy

Acknowledgements. The research was supported by the MSU Development Program, Project No. 24-III05-07, “Exploring the Potential of Natural Resources and New Formats of Relations between Russia and the Countries of Asia and Africa: Modeling Economic, Political, and Cultural Cooperation.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Avdalyan, M.R., Orlova, L.N., Sitar, K.A., Baranovskaya, E.I., Fesyun, A.G., & Timirgaleeva, R.R. (2025). Resources and power dynamics in the Democratic Republic of the Congo: Interplay between formal institutions and informal networks of governance. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 848–866. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-848-866>

Введение

В настоящее время возрастает роль африканских стран в формировании нового многополярного мира. Африканские страны предоставляют на мировой рынок большое количество ресурсов, а также являются нишей производства и потребления товаров. Благодаря региональной интеграции африканские страны расширяют торговлю, инвестиции и экономическое сотрудничество на континенте и за его пределами. Несмотря на существующие экономические и геополитические проблемы, Африка с ее растущим населением все чаще признается ключевым игроком в мировой политике и экономике.

Демократическая Республика Конго (ДРК) является одновременно одной из беднейших и богатейших стран как Африканского континента, так и всего мира. Страна обладает стратегическим ресурсным портфелем: она занимает ведущее место в мире по добыче кобальта, контролируя до 70 % мирового производства, а также является значительным производителем меди, алмазов, золота, угля и нефти, расположенные в бассейнах Конго и Альбертин, а также многих других редких полезных ископаемых [Еремин и др., 2024]. Эти ресурсы создают потенциальные драйверы роста, однако их политическая роль чрезвычайно сложна. Слабость центральной власти в стране позволяет многочисленным вооруженным группировкам брать под контроль добычу в ресурсных районах и устанавливать «налоги» и незаконные сборы как альтернативу легальному регулированию, что нарушает государственную монополию на фискальное регулирование.

Например, в восточных регионах с апреля 2024 г. шахта Рубая (одна из крупнейших по добыче колтана) захвачена вооруженной группировкой «Движение 23 марта» (M23). Группа использует доходы (около 800 тыс. долл. США ежемесячно) от налогообложения купли-продажи минерала для финансирования своей деятельности¹. Это типичный пример нестабильности в ДРК, который выражается в существовании параллельных институциональных структур. Подобное положение дел порождает многие гуманитарные и правозащитные кризисы в стране.

За доступ к ресурсам в ДРК также борются несколько международных держав. Так, Китай доминирует в добыче и переработке кобальта и меди через государственные компании и долгосрочные проекты, такие как Sicomin (Sino-Congolese mining), обеспечивающий инфраструктурные инвестиции за доступ к местным ресурсам². В ответ США и другие западные инвесторы, включая KoBold Metals (поддерживаемую Биллом Гейтсом и Джеффом Безосом), пытаются диверсифицировать цепочки поставок, но сталкиваются с такими

¹ Reuters. Inside the mine that feeds the tech world and funds Congo's rebels. URL: <https://www.reuters.com/investigations/inside-mine-that-feeds-tech-world-funds-congos-rebels-2025-08-13/> (accessed: 18.08.2025).

² Center for Strategic and International Studies (CSIS). Building Critical Minerals Cooperation Between the United States and the Democratic Republic of Congo. URL: <https://www.csis.org/analysis/building-critical-minerals-cooperation-between-united-states-and-democratic-republic-congo> (accessed: 18.08.2025).

системными проблемами, как несовершенство правовой базы, экологические издержки и коррупция³. Кроме того, обсуждаются заявления о заключении соглашения по схеме «минералы в обмен на безопасность» с администрацией США, которое вызывает сравнения с неокOLONиальной практикой и ставит под угрозу суверенитет ДРК⁴.

Таким образом, государственные горнодобывающие компании типа Gécamines формально контролируют ресурсы, но, по сути, действуют в условиях системной коррумпированности и институциональной нестабильности, что снижает способность государства конвертировать ресурсную ренту в факторы национального развития.

Вопросы управления ресурсами в ДРК традиционно привлекали внимание отечественных исследователей. Так, в работах А.В. Гончарова рассматривается ресурсный потенциал страны и проблемы его использования в условиях хронической нестабильности, а также подчеркивается значение сырьевого фактора в формировании внешнеэкономических связей государства⁵. С.Л. Сазанова и Н.Н. Карманов анализировали экономическое развитие ДРК в конце XX — начале XXI в., выявив взаимосвязь между добывающей промышленностью, внешними инвестициями и политическими процессами в стране [Сазанова, Карманов 2023]. В свою очередь, Т.С. Денисова и С.В. Костелянец исследовали роль региональных акторов, показав, что вовлечение Руанды и Уганды в конфликты на востоке ДРК во многом связано с контролем над минеральными ресурсами [Денисова, Костелянец 2023; Денисова, Костелянец 2024].

Зарубежная литература сосредоточена преимущественно на проблемах институциональной слабости и «ресурсного проклятия». Так, в исследованиях показывалось, каким образом нелегальная добыча полезных ископаемых подпитывает вооруженные конфликты и препятствует институционализации ресурсного сектора [Stoop и др., 2019]. Другие исследования рассматривают влияние колониального наследия и правового плюрализма на современные практики управления в ДРК, связывая их с воспроизводством неэффективности и коррупции [Lowe, Montero 2021]. Была исследована роль транснациональных корпораций в формировании асимметричных моделей распределения доходов от добычи полезных ископаемых [Karpend 2023].

Таким образом, **цель исследования** — восполнить существующий пробел в исследованиях, интегрируя подходы отечественных и зарубежных авторов. В частности, она направлена на описание распределения контроля

³ The Times. Jeff Bezos and Bill Gates back Congo minerals mining. URL: <https://www.thetimes.com/world/africa/article/jeff-bezos-bill-gates-minerals-mining-congo-v3qj6nt0b> (accessed: 18.08.2025).

⁴ The Guardian. The Guardian view on Donald Trump's Congo deal: mineral riches for protection. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/apr/13/the-guardian-view-on-donald-trumps-congo-deal-mineral-riches-for-protection> (accessed: 18.08.2025).

⁵ Гончаров В. О положении дел в Демократической Республике Конго и вокруг нее // Международная жизнь. 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25776> (дата обращения: 27.11.2024).

над природными ресурсами в ДРК, а также на анализ его влияния на конфигурацию политической власти и устойчивость государственных институтов. Особое внимание уделено взаимодействию формальных и неформальных режимов управления и его роли в воспроизводстве политической нестабильности. Такой подход позволяет объединить анализ внутреннего и внешнего влияния на ресурсное управление, сочетая локальные и институциональные аспекты.

Водные ресурсы и проблемы водоснабжения

Демократическая Республика Конго является одной из наиболее водообеспеченных стран Африки. На ее территории формируется свыше 50 % общего поверхностного стока континента. Устойчивый водный режим поддерживается экваториальным климатом с годовым количеством осадков от 800 до 2000 мм и густо развитой речной сетью. Главным элементом регионального водного баланса служит бассейн реки Конго, площадь которого достигает ~3,7 млн км², из них около 62 % расположено в пределах ДРК⁶.

Несмотря на значительный водный потенциал, уровень обеспеченности населения питьевой водой кондиционного качества остается крайне низким. В сельской местности централизованный водозабор охватывает менее 35 % населения, а существующие системы водоснабжения находятся в неудовлетворительном состоянии⁷. В городской среде ситуация также напряженная: инфраструктура REGIDESO⁸ устарела и местами выведена из эксплуатации вследствие физического износа, отсутствия технического обслуживания и недостаточного финансирования. В том числе в столице Киншаса система централизованного водоснабжения была построена в 1950-х гг. и рассчитана на население в десятки раз меньше современного.

Около 90 % населения получают питьевую воду из подземных источников — преимущественно из родников, неглубоких колодцев [Chishugi 2018]. Однако серьезной экологической проблемой является загрязнение подземных вод и поверхностных источников. В большинстве обследованных водопунктов обнаружены бактерии группы колиформов, включая кишечную палочку (*E. coli*), что указывает на серьезные санитарно-гигиенические риски⁹. Особенно тяжелое положение наблюдается в районах горнодобычи (Катанга, Итури, Южное Киву), где зафиксированы многократные превышения содержания тяжелых металлов (ртуть, свинец, медь, кобальт и др.) в подземных

⁶ United Nations Environment Programme. Annual Report 2011. <https://www.unep.org/resources/annual-report/unep-2011-annual-report> (accessed: 29.11.2025).

⁷ African Development Bank Group. Annual Report 2020. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/annual-report-2020> (accessed: 29.11.2025).

⁸ REGIDESO (Régie de Distribution d'Eau et d'Électricité) — государственная компания, отвечающая за водоснабжение и электроснабжение в Демократической Республике Конго.

⁹ United Nations Environment Programme. Annual Report 2011. URL: <https://www.unep.org/resources/annual-report/unep-2011-annual-report> (accessed: 29.11.2025).

водах. Дополнительную нагрузку на водные ресурсы создают вырубка лесов, эрозия и неустойчивое землепользование. Всё это усугубляется последствиями вооруженных конфликтов и хроническим недофинансированием сектора водоснабжения.

Формально управление водными ресурсами регулируется Конституцией, а с 2015 г. действует Национальный водный закон, который внедряет принципы интегрированного управления водными ресурсами и предусматривает участие частного сектора. Однако фактическое распределение полномочий между многочисленными министерствами (энергетики, сельского хозяйства, экологии и др.) при отсутствии эффективной координации и недостатке ресурсно-технического обеспечения в очередной раз создает институциональные вакуумы, заполняемые неформальными властными структурами.

На местном уровне управление водоснабжением часто осуществляется традиционными лидерами, комитетами пользователей воды, а также церквями и больницами, которые компенсируют отсутствие государства. Однако эти структуры страдают от нехватки квалифицированных специалистов, финансов и политической поддержки, что затрудняет расширение и обслуживание инфраструктуры. В восточных регионах, таких как Северное и Южное Киву, контроль над источниками воды и инфраструктурой становится объектом борьбы вооруженных группировок, как государственных (FARDC¹⁰), так и самоуправляемых (майи-майи¹¹). Центральная власть не в состоянии обеспечить эффективное управление, и это позволяет им вмешиваться в распределение ресурсов, устанавливать неформальные сборы и ограничивать доступ к воде. По данным глобальной конфедерации неправительственных организаций Oxfam International, сотни тысяч перемещенных лиц в зонах боевых действий оказываются без доступа к воде и санитарии, а в лагерях беженцев и временных поселениях нередко отсутствуют туалеты и душевые, люди вынуждены преодолевать десятки километров в поисках питьевой воды¹². Это не только создает серьезные санитарно-гигиенические угрозы, но и усиливает социальную напряженность, подрывая доверие к государству. В результате водные ресурсы также становятся инструментом политического давления и фактором обострения конфликтов.

¹⁰ FARDC (Forces Armées de la République Démocratique du Congo) — государственная военная организация ДР Конго, созданная для защиты суверенитета и территориальной целостности страны.

¹¹ Обобщенное название локальных вооруженных формирований в Демократической Республике Конго (ДРК), действующих преимущественно на востоке страны. Большинство групп возникло для противодействия руандийским повстанцам и иностранным вмешательствам.

¹² Oxfam International. Conflict in DRC: over a hundred thousand people without clean water live in disastrous conditions. URL: https://www.oxfam.org/en/press-releases/conflict-drc-over-hundred-thousand-people-without-clean-water-live-disastrous?utm_source=chatgpt.com (accessed: 20.08.2025).

Компенсировать дефицит инфраструктуры пытаются международные организации. Например, проекты ООН по управлению речными бассейнами позволили в отдельных районах восстановить водоснабжение и улучшить качество воды, однако такие инициативы остаются локальными и зависят почти исключительно от внешнего финансирования¹³.

Таким образом, управление водными ресурсами в ДРК выходит далеко за рамки технической или экологической повестки: это сфера политической борьбы, где конкурируют государственные структуры, традиционные лидеры, вооруженные группировки и международные акторы. Контроль над доступом к воде становится индикатором власти, а сама вода — стратегическим ресурсом, от которого зависят устойчивость государства и уровень конфликтности в обществе.

Ресурсное проклятие и социально-экономическая уязвимость ДРК

При всем богатстве недр земли ДРК страна находится в состоянии крайней нищеты. Согласно последним данным ООН, 64,5 % населения ДРК (почти 62 млн человек) живут в условиях многомерной бедности, испытывая лишения в базовых потребностях. Интенсивность этих лишений крайне высока и составляет 51,3 %, что свидетельствует о глубоком и всеобъемлющем характере нищеты в стране¹⁴. Закономерно для многих бедных стран с обширными природными ресурсами ДРК оказалась жертвой «ресурсного проклятия»: ресурсы являются не источником экономического роста и благополучия населения, а источником конфликтов. Однако, в отличие от традиционных интерпретаций этого термина, в ДРК оно проявляется комплексно и охватывает как водные, земельные и минеральные ресурсы, так и экологические системы. При этом контроль над ресурсами становится не только источником дохода, но и инструментом власти. Это позволяет рассматривать ДРК как уникальное государство, где ресурсное проклятие выходит за рамки экономической теории и становится структурным фактором внутренней политической нестабильности. Вторая конголезская война, также известная как Великая Африканская война, продолжавшаяся с 2 августа 1998 г. по 18 июля 2003 г., за контроль над полезными ископаемыми привела к огромным человеческим потерям, распространению болезней и голоду среди населения [Lalji 2007]. К сожалению, в современной ДРК военные конфликты продолжают оказывать огромное влияние на экономическое развитие, ухудшая уровень жизни населения страны [Сазанова, Карманов 2023]. Сложившееся социально-экономическое состояние страны можно охарактеризовать как попадание в ловушку неэффективных

¹³ United Nations Environment Programme (UNEP). River basin management improves access to drinking water in DR Congo. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/story/river-basin-management-improves-access-drinking-water-dr-congo-0?utm_source=chatgpt.com (accessed: 20.08.2025).

¹⁴ Country briefing 2023: Democratic Republic of the Congo (MPI). URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/MPI/COD.pdf> (accessed: 22.08.2024).

политических институтов. Стремление политических акторов к контролю за добычей и производством ресурсов приводит к вооруженным конфликтам, которые, в свою очередь, отражаются на социально-экономических показателях (ВВП, ВВП на душу населения, государственный долг и др.). Наиболее значимые риски, с которыми сталкивается ДРК, — это межгосударственные вооруженные конфликты, безработица, инфляция, нестабильность государственности, неравенство¹⁵.

В 2024 г. валовый внутренний продукт (gross domestic product, GDP) в стране составил 72 482 млн долл. США, что соответствует 88-му месту в мире по масштабам производства. В 2023 г. наблюдались высокие темпы экономического роста — 6,14 % — одни из самых высоких в мире, но в 2024 г. они немного снизились до 4,7 %. Однако показатель валового внутреннего продукта на душу населения (GDP per capita) в Республике крайне низок и составляет 702 долл. США на душу населения. Это одно из самых низких значений в мире — 184-е место (табл.). Для сравнения средний ВВП на душу населения по странам Африки составляет 1927 долл. США (2024 г.), в Алжире (сопоставим с ДНР по территории) ВВП составляет 260 134 млн долл. США, ВВП на душу населения — 5579 долл. США, экономический рост — 3,8 %

Экономические показатели Демократической Республики Конго в 2020–2024 гг.

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
ВВП, млн. долл. США	49077	55088	66553,15	66726,8	72482
ВВП на душу населения, долл. США	540	587	613,2	673	702
Рост реального ВВП, % в год	3,0	3,0	4,2	6,14	4,7
Инфляция, %	4,9	5,0	3,9	3,4	11,69
Уровень безработицы, %	13,2	12,8	12,0	11,5	19,8
Процентная ставка, %					
- по кредитам	10,08	10,13	7,71	7,04	
- по депозитам	7,00	7,01	4,88	3,82	—
Сальдо внешней торговли (экспорт-импорт), млн долл. США	–20,0	–17,5	1,8	9,6	—
Прямые иностранные инвестиции, млн долл. США	1646,9	1870,03	1845,77	1634,63	—

Источник: составлено авторами по данным GDP Indicators. URL: <https://statisticstimes.com/economy/world-statistics.php>; International labour organization <https://test-ilostat.pantheonsite.io/data/africa/>; Statebase <https://statbase.ru/data/cod-consumer-inflation-percent-change/>; UNCTAD <https://unctadstat.unctad.org/insights/theme/102> (accessed: 19.04.2025).

¹⁵ The Global Risks Report 2024. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (accessed: 19.04.2025).

Key economic indicators of the Democratic Republic of the Congo , 2020-2024

Indicators	2020	2021	2022	2023	2024
GDP, million \$	49077	55088	66553.15	66726.8	72482
GDP per capita, \$	540	587	613.2	673	702
GDP growth, annual %	3.0	3.0	4.2	6.14	4.7
Inflation,%	4.9	5.0	3.9	3.4	11.69
Unemployment, %	13.2	12.8	12.0	11.5	19.8
Interest rate, %					
- loans	10.08	10.13	7.71	7.04	
- deposits	7.00	7.01	4.88	3.82	–
Foreign trade balance (export-import), million \$	–20.0	–17.5	1.8	9.6	–
Foreign investment, million \$	1646.9	1870.03	1845.77	1634.63	–

Source: compiled by the authors based on data from GDP Indicators Retrieved April 19, 2025, from <https://statisticstimes.com/economy/world-statistics.php>; International labour organization <https://test-ilotat.pantheonsite.io/data/africa/>; Statebase <https://statbase.ru/data/cod-consumer-inflation-percent-change/>; UNCTAD <https://unctadstat.unctad.org/insights/theme/102>

Замедление темпов экономического роста связано с неэффективной деятельностью добывающих отраслей. Однако прирост показали такие отрасли, как сельское хозяйство, строительство, транспорт и телекоммуникации. Существенное положительное влияние на экономический рост оказали экспорт и инвестиции. Рост инфляции обусловлен снижением курса конголезского франка по отношению к доллару США и ограничениями на поставки продовольствия и энергоносителей¹⁶. Экономическая динамика ДРК демонстрирует зависимость политической стабильности от колебаний в добывающем секторе: снижение темпов его роста подрывает финансовую базу государства, ослабляет его способность обеспечивать социальные обязательства и тем самым уменьшает легитимность власти. Одновременно рост непродовольственных отраслей открывает возможности для диверсификации экономики, что теоретически может быть использовано для перераспределения центров политического влияния и усиления региональных элит. Однако на практике для реализации такого сценария необходимы продуманная государственная стратегия, инвестиции, прозрачное управление и эффективные институты, способные регулировать конкуренцию между центром и регионами, но в условиях ДРК эти предпосылки пока отсутствуют.

¹⁶ African Economic Outlook 2024. Driving Africa’s Transformation. The Reform of the Global Financial Architecture // African Development Bank Group. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2024/06/06/aeo_2024_-_chapter_1.pdf (accessed: 19.04.2025).

По данным 2024 г., численность населения страны составила 109 276 000 человек (11 место в мире), и по прогнозам может удвоиться к 2054 году¹⁷. Однако, за чертой бедности (уровень потребления (2,15 долл. США в день) живет 78,94 % населения¹⁸. Согласно последнему доступному докладу Всемирного Банка, несмотря на устойчивый рост ВВП на душу населения, в среднем на 6 % в год в период с 2011 по 2022 г., экономические достижения ДРК не привели к существенному снижению уровня бедности или улучшению распределения доходов. Сохраняется высокая степень неравенства: хотя доля населения за чертой национальной бедности снизилась с 64 % в 2012 г. до 56,2 % в 2020-м, общее количество бедных из-за быстрого роста населения остается практически неизменным¹⁹.

Таким образом, несмотря на колоссальные природные богатства, потенциал Демократической Республики Конго остается не реализованным из-за совокупности экономических, политических и социальных факторов. Особое значение здесь приобретает горнодобывающий сектор, который, будучи ключевым драйвером экономики страны, одновременно является одним из главных источников многочисленных конфликтов и институциональной нестабильности.

Институциональные и неинституциональные акторы в политике вокруг недропользования в Демократической Республике Конго

Горнодобывающий сектор в Демократической Республике Конго развивается в крайне сложной среде, где множество этнических групп, традиционные институты власти и вооруженные группировки обладают значительным влиянием. Хотя конголезское правительство обеспечивает формальную основу для горнодобывающих операций, реалии на местах часто требуют взаимодействия с неформальными властными структурами.

Горнодобывающий сектор ДРК включает в себя несколько групп участников, каждая из которых играет важную роль в добыче, регулировании и коммерциализации полезных ископаемых:

1. *Государство и государственные предприятия.* Правительство ДРК через государственные агентства, такие как Gécamines, играет важную роль в выдаче лицензий на добычу и предоставлении концессий. Однако участие государственных органов часто омрачается коррупцией, неэффективностью и отсутствием прозрачности [Гончаров 2020]. Государственные структуры нередко сотрудничают с частными интересами для присвоения

¹⁷ World Population Prospect. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2024/Jul/wpp2024_summary_of_results_final_web.pdf (accessed: 21.04.2025).

¹⁸ World Bank (2025), Poverty and Inequality Platform. URL: <https://pip.worldbank.org/country-profiles/COD> (accessed: 21.04.2025).

¹⁹ World Bank. Democratic Republic of Congo Poverty and Equity Brief : October 2024 (English). Poverty and Equity Brief Washington, D.C. : World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099700301032538532> (accessed: 21.04.2025).

доходов, что лишает правительство значительной части возможных доходов от добычи ресурсов.

2. *Транснациональные корпорации.* Крупные международные компании, такие как Glencore, China Molybdenum и Barrick, занимают значительные позиции в промышленной добыче полезных ископаемых в ДРК²⁰. Эти корпорации получают концессии от государства. Деятельность этих компаний зачастую критикуется международными организациями, местными профсоюзами и международной федерацией профсоюзов IndustriALL Global Union, а также экологическими НПО за вытеснение местных сообществ, нанесение ущерба окружающей среде, коррупцию и недостаточное распределение прибыли с правительством или населением страны. Однако эти компании вынуждены считаться с местными неформальными группировками (см. ниже).

3. *Кустарные и мелкие горняки.* Кустари представляют собой значительную часть горнодобывающей экономики ДРК. Они работают в неформальных условиях, зачастую без надлежащего оборудования и мер безопасности, что создает риск для их жизни. Эта группа особенно задействована в добыче золота, колтана и касситерита (минерал олова). Однако этот сектор слабо регулируется, что приводит к разрушению окружающей среды, контрабанде и нарушениям прав человека, включая детский труд²¹. Интересы кустарных шахтеров представлены через местные кооперативы и ассоциации и государственные программы поддержки²², и тем не менее они остаются слабой организационной силой в политических и экономических процессах, поскольку их влияние подрывается доминированием транснациональных компаний, вооруженных групп и недостаточно эффективными институтами.

4. *Традиционные вожди.* Местные традиционные лидеры, или вожди, также обладают значительным влиянием на горнодобывающую деятельность. Они контролируют доступ к земле и природным ресурсам, выступая в качестве посредников между местными общинами, горнодобывающими компаниями и вооруженными группами [Kapend 2023]. В то время как некоторые традиционные лидеры стремятся защищать интересы своих общин, другие оказываются вовлеченными в коррупционные схемы, предоставляя доступ к месторождениям в обмен на взятки или личные выгоды.

²⁰ См.: Kobore E. Cobalt mining in the DRC: Glencore and China Molybdenum Company in pole position // *Mines Actu Burkina*. 2023. URL: https://minesactu.info/en/2023/03/30/cobalt-mining-in-the-drc-glencore-and-china-molybdenum-company-in-pole-position/?utm_source=chatgpt.com (accessed: 27.11.2024); Вержозин С.С. Золотодобыча в Демократической Республике Конго // *ЗолотоДобыча*. 2022. URL: <https://zolotodb.ru/article/11186/?page=all> (accessed: 27.11.2025).

²¹ United Nations General Assembly. Human Rights Council. Report A/HRC/42/5 // United Nations. 2019. URL: <https://documents.un.org/access.nsf/get?DS=A%2FHRC%2F42%2F5&Lang=R&Open=> (accessed: 29.11.2025).

²² United Nations Economic Commission for Africa (UNECA). Democratic Republic of the Congo: ASM profile. URL: https://knowledge.uneca.org/asm/drc?utm_source=chatgpt.com (accessed: 20.08.2025).

5. *Вооруженные группировки и ополчения.* Вооруженные формирования, особенно действующие в восточных провинциях Северное и Южное Киву, играют значительную роль в горнодобывающей экономике региона. Такие группы, как Демократические силы освобождения Руанды (*Forces démocratiques de libération du Rwanda, FDLR*) и различные ополчения майи-майи, контролируют места добычи полезных ископаемых, взимают налоги и получают прибыль от незаконной торговли ресурсами. Доходы от этой деятельности являются основным источником финансирования вооруженных группировок, что позволяет им поддерживать вооруженные конфликты и способствовать нестабильности в регионе. Участие вооруженных групп в добыче полезных ископаемых породило термин «конфликтные полезные ископаемые» (или «конфликтные минералы»), отражающий связь между добычей ресурсов и насилием в ДРК [Stoop и др. 2019].

Важно отметить, что традиционные вожди и вооруженные группы играют важную роль в горнодобывающем секторе ДРК, часто имея большее влияние, чем официальные государственные структуры и транснациональные корпорации. Они контролируют доступ к ресурсам, формируют альтернативные механизмы управления и распределения доходов, а также определяют социально-экономическую ситуацию в регионах добычи.

Историческое развитие управления землей и ресурсами в ДРК сформировано, как уже отмечалось выше, колониальным наследием и трансформациями в системе местной власти. В колониальный период управление ресурсами основывалось на системе косвенного управления, предоставлявшей значительные полномочия местным элитам. Эти элиты выполняли роль посредников, способствовали добыче ресурсов и тем самым оставались в значительной степени неподотчетными местному населению. Такое положение способствовало формированию элиты, ориентированной на поддержку колониальной системы и обогащение за счет общин.

Введение двойной правовой структуры в колониальный период оказало значительное влияние на систему землевладения. Колониальная администрация разделила земли на «государственные», регулируемые европейским правом, и «коренные», подчиняющиеся обычному праву [Lowes, Montero 2021]. Хотя принятый в 1973 г. Закон о всеобщей собственности объявил всю землю государственной, традиционное владение землей сохранилось на практике, особенно в сельских районах²³. Это породило сложное взаимодействие между традиционной властью и государственным управлением. Постколониальный период характеризовался политической нестабильностью и усиленной эксплуатацией ресурсов. Диктатура Жозефа Мобуту (Мобуту Сесе Секо) укрепила систему, в которой местные элиты продолжали извлекать выгоду из природных богатств, сохраняя символическую традиционную власть [Bakamana 2021].

Традиционные лидеры, несмотря на изменение политического ландшафта, сохранили влияние на местные общины благодаря их культурной и духовной

²³ Samndong R.A., Nhandumbo I. Natural resources governance in the Democratic Republic of Congo // IIED Country Report. London: IIED, 2015.

значимости. Они занимают ключевое место в системе местного управления и управления ресурсами. Их деятельность сосредоточена на пересечении традиционных форм власти и современных экономических реалий, что особенно проявляется в вопросах землевладения и доступа к природным ресурсам. В настоящее время традиционные вожди все еще сохраняют значительное влияние, особенно в сельских районах, где они продолжают играть центральную роль в управлении общинами.

Устойчивый авторитет традиционных лидеров проявляется не только в управлении общинами, но и в вопросах контроля над земельными ресурсами, особенно в контексте горнодобывающей промышленности. В Демократической Республике Конго государство юридически владеет всеми природными ресурсами, включая минеральные залежи. Однако на практике реализация этого права осложняется доминирующей ролью обычного права. Традиционные власти управляют землей от имени местных общин и выступают посредниками между сообществами и государственными структурами, что формирует многослойную систему прав собственности. В результате одна и та же территория может одновременно регулироваться как государственным, так и обычным правом, создавая правовую неопределенность и провоцируя земельные споры²⁴.

Правовой плюрализм, возникающий из сосуществования государственных законов и традиционных норм, усиливает сложность управления ресурсами. Традиционные правители маневрируют между этими правовыми системами, применяя разные механизмы контроля над доступом к земле в зависимости от ситуации. Такая гибкость в управлении земельными ресурсами часто приводит к правовым конфликтам и конкуренции за юрисдикцию. Кроме того, динамика распределения власти меняется под влиянием политических и экономических факторов, что делает доступ к ресурсам нестабильным и непредсказуемым.

Согласно данным ООН²⁵, традиционная власть играет ключевую роль в управлении природными ресурсами и регулировании конфликтов в ДР Конго. Одной из основных причин противостояний являются споры между различными традиционными вождями, особенно в регионах, богатых полезными ископаемыми. Часто такие конфликты связаны с оспариванием границ территорий и прав на землю, что нередко приводит к насильственным столкновениям²⁶. Эти конфликты обостряются из-за правового плюрализма, когда государственное законодательство и нормы обычного права пересекаются, создавая правовую неопределенность.

Вместе с тем данные подчеркивают важность роли традиционных лидеров не только как участников конфликтов, но и как посредников в их урегулировании. Отмечается, что подготовка традиционных руководителей

²⁴ Samndong R.A., Nhantumbo I. Natural resources governance in the Democratic Republic of Congo // IED Country Report. London: IED, 2015.

²⁵ Организация Объединенных Наций. Коренные народы и конфликты из-за ресурсов в Сахеле и в бассейне реки Конго. Док. E/C.19/2022/7. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/243/01/pdf/n2224301.pdf> (дата обращения: 09.12.2024).

²⁶ Там же. С. 10.

и представителей местных органов власти по методам мирного разрешения споров может существенно снизить уровень насилия и способствовать эффективному управлению конфликтами, связанными с природными ресурсами²⁷.

Другой документ ООН обращает внимание на проблемы, с которыми сталкиваются некоторые коренные меньшинства²⁸. В отчете указано, что, несмотря на важную роль традиционных правителей в распределении ресурсов, это влияние не всегда способствует защите прав местных общин. В качестве примера приведены представители народа батва, у которых были экспроприированы традиционные земли²⁹. Они сталкиваются с ограничениями доступа к ресурсам и исключены из процессов принятия решений. Это отражает ситуацию, когда государственные и рыночные интересы преобладают над традиционными правами и нуждами местного населения. Кроме того, традиционные лидеры, обладая значительным влиянием на распределение земель и ресурсов, не всегда выступают (либо не всегда имеют возможность) защитниками прав уязвимых групп.

Таким образом, традиционная власть в ДРК признается неотъемлемым элементом системы управления природными ресурсами, способным как провоцировать, так и предотвращать конфликты, особенно при условии надлежащего обучения и активного вовлечения местных общин.

Помимо внутренних противоречий и правового плюрализма на ситуацию существенно влияют внешние факторы, такие как вооруженные конфликты. Присутствие вооруженных группировок в горнодобывающих регионах не только усугубляет противостояние между традиционными правителями и коммерческими интересами, но и подрывает их влияние на управление ресурсами, создавая новую динамику конфликтов и препятствуя устойчивому развитию региона. Эти группировки часто вводят незаконные налоговые режимы, что влияет на цепочки поставок и приводит к волатильности цен на международных рынках. Милитаризованный ландшафт создает значительные проблемы для регулирования и прозрачности, позволяя вооруженным группировкам манипулировать местным управлением и доступом к ресурсам, тем самым подрывая авторитет традиционных лидеров [Perks, Vlassenroot 2010: 45, 49, 68, 74].

Международным научно-исследовательским институтом экономики развития Университета Организации Объединенных Наций (UNU-WIDER) было проведено исследование о динамике отношений между вооруженными группировками и местной традиционной властью [Henn et al. 2024]. В нем проведен

²⁷ Организация Объединенных Наций. Коренные народы и конфликты из-за ресурсов в Сахеле и в бассейне реки Конго. Док. E/C.19/2022/7. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/243/01/pdf/n2224301.pdf> (дата обращения: 09.12.2024). С. 17.

²⁸ Организация Объединенных Наций. Резюме материалов, представленных заинтересованными сторонами по Демократической Республике Конго. Док. A/HRC/WG.6/33/COD/3. 2019. URL: https://upr-info.org/sites/default/files/documents/2019-04/a_hrw_wg.6_33_cod_3_r.pdf (дата обращения: 09.12.2024).

²⁹ Там же. С. 11.

анализ того, как вооруженные группировки управляют подконтрольными территориями и как их взаимодействие с вождями влияет на формы правления и легитимность.

В условиях подобной политической фрагментации в ДРК можно выделить два основных подхода к управлению территориями, находящимися под контролем вооруженных группировок:

1) прямой подход подразумевает активное и непосредственное управление территориями, которые находятся под контролем вооруженных групп. При таком виде контроля группировки сами занимаются сбором налогов, предоставлением услуг, управлением экономикой (контроль над ресурсами и над производственными процессами) и контролируют доступ к власти [Henn et al. 2024: 29];

2) при косвенном подходе к управлению вооруженные группировки работают в сотрудничестве с местными традиционными властями, оставляя за ними некоторую степень власти и управления. Группировки также полагаются на вождей для легитимизации своего присутствия и власти среди местного населения. В этом случае вооруженные группировки делегируют часть управленческих функций, но сохраняют за собой право на добычу ресурсов и контроль над важными экономическими секторами [Henn et al. 2024: 29].

Вооруженные группировки с меньшей вероятностью устанавливают прямую форму правления в областях с сильной местной властью. Это можно объяснить тем, что сильные вожди обладают сравнительным преимуществом в легитимности и доверии. Тем не менее с течением времени тип управления может меняться, в том числе переходить от косвенного к прямому по мере укрепления своей власти на территории.

В исследовании также отмечается роль этнической принадлежности. В случае если члены вооруженной группировки принадлежат к иной этнической группе, чем местное население, они чаще стремятся установить косвенную систему контроля [Henn et al. 2024: 5].

Как отмечают Т.С. Денисова и С.В. Костелянец, вооруженные группировки участвуют в незаконной добыче полезных ископаемых, что предоставляет местным жителям рабочие места и позволяет им обеспечивать свои семьи. Однако это также способствует криминализации социальной жизни и может привести к долгосрочным негативным последствиям для экономического и политического развития страны [Денисова, Костелянец 2024: 3]. Они также отмечают, что некоторые общины могут защитить себя и извлекать выгоду от незаконной деятельности в то время, как другие подвергаются насилию и атакующим действиям со стороны вооруженных групп. Это создает неоднородность в условиях жизни разных групп местных жителей [Денисова, Костелянец 2024: 5].

Таким образом, вооруженные группировки в ДРК имеют значительное влияние на экономические, социальные и политические процессы в регионе. Прямые и косвенные формы управления, применяемые группировками, формируют различные модели взаимоотношений с традиционными властями, влияя на локальные системы управления и распределения ресурсов. Вмешательство

вооруженных акторов в экономику через незаконную добычу полезных ископаемых не только способствует криминализации социальной среды, но и усиливает экономическое неравенство среди местных общин.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о специфике взаимодействия формальных и неформальных режимов управления в Демократической Республике Конго и их влиянии на распределение ресурсов и устойчивость государства.

В ресурсной сфере ДРК наблюдается постоянное наложение формальных институтов — государственных компаний, правовых норм и международных соглашений — и неформальных структур, представленных вооруженными группировками, традиционными лидерами и местными сообществами. Эта двойственность проявляется в существовании параллельных систем налогообложения и контроля над добычей, что ослабляет государственную монополию на регулирование экономики и порождает новые линии конфликтов.

Ситуация в сфере водных ресурсов демонстрирует схожую динамику. Несмотря на наличие правовой базы, слабость инфраструктуры и институциональной координации делает управление водой объектом политической борьбы. Вакуум власти восполняется традиционными лидерами, церковными структурами, гуманитарными организациями и вооруженными группировками. Контроль над источниками воды становится не только социальным, но и стратегическим фактором, определяющим уровень конфликтности в обществе.

Экономические показатели страны, хотя и демонстрируют отдельные всплески роста, остаются крайне низкими в пересчете на душу населения. Высокая инфляция, рост безработицы и зависимость от экспорта сырья отражают «ресурсное проклятие» ДРК. При этом ресурсное проклятие носит комплексный характер, охватывая не только минеральные, но и водные, земельные и экологические ресурсы. Это усиливает политическую нестабильность и социальное неравенство.

Анализ институциональных и неинституциональных акторов показал, что именно традиционные лидеры и вооруженные группировки во многих случаях играют большую роль, чем государственные структуры и транснациональные корпорации. Система правового плюрализма, восходящая к колониальному наследию, создает пространство для конкуренции между государственными и традиционными нормами. Это порождает правовую неопределенность и способствует затяжным конфликтам вокруг земли и ресурсов. Взаимодействие между вооруженными группировками и вождями варьируется от прямого управления территориями до косвенного контроля через систему посредничества, что делает управление крайне фрагментированным и нестабильным.

Таким образом, контроль над природными ресурсами в ДРК определяется сложной динамикой взаимодействия формальных и неформальных режимов управления, где ресурсы становятся одновременно источником дохода и инструментом власти. Такое взаимодействие формирует уникальную систему распределения ресурсов, воспроизводящую политическую нестабильность и препятствующую эффективной институционализации управления.

Итоги исследования позволяют сделать вывод о том, что для повышения устойчивости политической системы и оптимизации использования ресурсов необходимо не только укрепление государственных институтов, но и интеграция традиционных лидеров и местных сообществ в процессы управления, а также разработка механизмов регулирования конфликта между формальными и неформальными структурами.

Поступила в редакцию / Received: 29.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 08.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47> EDN: UUQCLB.
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Исторические предпосылки конфликта между ДРК и Руандой // Линия разлома: конфликт в районе Великих африканских озер и его международный контекст: рабочая тетрадь № 88 / под ред. С.М. Гавриловой, Т.С. Богдасаровой, М.В. Никольской, Д.О. Растегаева. Москва : НП РСМД, 2024. С. 6–10.
- Еремин Н.Н., Ситар К.А., Барановская Е.И., Орлова Л.Н., Коротаев А.В., Фесюн А.Г., Авдальян М.Р., Глухова С.А., Георгиевский Б.В., Гришин И.Ю. Геологические предпосылки энергетических природных ресурсов Африки // Вестник Московского университета. Серия 4: Геология. 2024. Т. 63. № 6. С. 100–113. <http://doi.org/10.55959/MSU0579-9406-4-2024-63-6-100-113> EDN: QLLFXJ.
- Сазанова С.Л., Карманов Н.Н. Взаимосвязь экономических и политических факторов экономического развития страны (на примере Демократической Республики Конго) // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2023. Т. 22. № 2. С. 28–33. <http://doi.org/10.24182/2073-6258-2023-22-2-28-33> EDN: NSVIRT.
- Bakamana D.B. Impacts of political dynamics and implications to development in the Democratic Republic of Congo (DRC) // Journal of African Interdisciplinary Studies. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 32–47.
- Chishugi B., Birikomo J., Upton Ó Dochartaigh B., Bellwood-Howard I. Hydrogeology of Democratic Republic of the Congo, 2018.
- Henn S.J., Marchais G., Mastaki Mugaruka C., Sánchez de la Sierra R. Indirect rule: Armed groups and customary chiefs in Eastern DRC (ICTD Working Paper No. 182). Institute of Development Studies, 2024. <https://doi.org/10.19088/ICTD.2024.01>
- Kapend M.F. Conflicts emergence in the mining localities of Lualaba in DRC: Prevention, management and solving strategies // International Journal of Science and Research. 2023. Advance online publication. <https://doi.org/10.21275/SR221108012337>

- Lalji N. The resource curse revised: Conflict and coltan in the Congo // *Harvard International Review*. 2007. Vol. 29. No. 3. P. 34–38.
- Lowes S., Montero E. Concessions, violence, and indirect rule: Evidence from the Congo Free State // *The Quarterly Journal of Economics*. 2021. Vol. 136. No. 4. P. 2047–2091. <https://doi.org/10.1093/qje/qjab027>
- Perks R., Vlassenroot K. From discourse to practice: A sharper perspective on the relationship between minerals and violence in DR Congo // *The complexity of resource governance in a context of state fragility: The case of Eastern DRC*. International Alert, 2010.
- Stoop N., Verpoorten M., van der Windt P. Artisanal or industrial conflict minerals? Evidence from Eastern Congo // *World Development*. 2019. Vol. 122. P. 660–674. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.06.018>

References

- Bakamana, D.B. (2021). Impacts of political dynamics and implications to development in the Democratic Republic of Congo (DRC). *Journal of African Interdisciplinary Studies*, 5(1), 32–47.
- Chishugi, B., Birikomo, J., Upton Ó, Dochartaigh, B., & Bellwood-Howard (2018). *Hydrogeology of Democratic Republic of the Congo*.
- Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2023). The Democratic Republic of the Congo: Political instability and the Rwandan factor [Abstract in English]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47> EDN: UUQCLB.
- Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2024). Historical background of the conflict between the DRC and Rwanda. In S.M. Gavrilova, T.S. Bogdasarova, M.V. Eremin, N.N., Sitar, K.A., Baranovskaya, E.I., Orlova, L.N., Korotaev, A.V., Fesyun, A.G., Avdalyan, M.R., Glukhova, S.A., Georgievskiy, B.V., & Grishin, I.Yu. (2024). Geological prerequisites of energy natural resources of Africa. *Moscow University Bulletin. Series 4: Geology*, 63(6), 100–113. <http://doi.org/10.55959/MSU0579-9406-4-2024-63-6-100-113> EDN: QLLFXJ.
- Henn, S.J., Marchais, G., Mastaki, Mugaruka, C., & Sánchez de la Sierra, R. (2024). *Indirect rule: Armed groups and customary chiefs in Eastern DRC* (ICTD Working Paper No. 182). Institute of Development Studies. <https://doi.org/10.19088/ICTD.2024.01>
- Kapend, M.F. (2023). Conflicts emergence in the mining localities of Lualaba in DRC: Prevention, management and solving strategies. *International Journal of Science and Research*. Advance online publication. <https://doi.org/10.21275/SR221108012337>
- Lalji, N. (2007). The resource curse revised: Conflict and coltan in the Congo. *Harvard International Review*, 29(3), 34–38.
- Lowes, S., & Montero, E. (2021). Concessions, violence, and indirect rule: Evidence from the Congo Free State. *The Quarterly Journal of Economics*, 136(4), 2047–2091. <https://doi.org/10.1093/qje/qjab027>
- Perks, R., & Vlassenroot, K. (2010). From discourse to practice: A sharper perspective on the relationship between minerals and violence in DR Congo. In *The complexity of resource governance in a context of state fragility: The case of Eastern DRC*. International Alert.
- Sazanova, S.L., & Karmanov, N.N. (2023). Interconnection of economic and political factors of economic development of the country (on the example of the Democratic Republic of the Congo). *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*, 22(2), 28–33. <http://doi.org/10.24182/2073-6258-2023-22-2-28-33> EDN: NSVIRT.
- Stoop, N., Verpoorten, M., & van der Windt, P. (2019). Artisanal or industrial conflict minerals? Evidence from Eastern Congo. *World Development*, 122, 660–674. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.06.018>

Сведения об авторах:

Авдалян Мэри Рафаэлевна — старший научный сотрудник, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: avdalyanmr@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0001-6872-3748)

Орлова Любовь Николаевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики инновационного развития, Факультет государственного управления, МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: l.orlova@spa.msu.ru) (ORCID: 0009-0009-5354-0047)

Ситар Ксения Александровна — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, кафедра геологии и геохимии горючих ископаемых, Геологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: sitarka@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0003-1386-8442)

Барановская Екатерина Ивановна — кандидат геолого-минералогических наук, доцент, кафедра гидрогеологии, Геологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, (e-mail: baranovskaya_kat@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3423-6970)

Фесюн Андрей Григорьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: fesyun@iaas.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-0700-8262)

Тимиргалеева Рена Ринатовна — доктор экономических наук, профессор, ведущий программист, Институт математических исследований сложных систем, МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: timirgaleevarr@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-3078-1050)

About the authors:

Mary R. Avdalyan — Senior Research Fellow, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: avdalyanmr@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0001-6872-3748)

Liubov N. Orlova — Dr.Sc. (Economics), Professor, Department of Economics of Innovative Development, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (e-mail: l.orlova@spa.msu.ru) (ORCID: 0009-0009-5354-0047)

Ksenia A. Sitar — PhD (Geology and Mineralogy), Senior Research Fellow, Department of Geology and Geochemistry of Combustible Minerals, Faculty of Geology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sitarka@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0003-1386-8442)

Ekaterina I. Baranovskaya — PhD (Geology and Mineralogy), Associate Professor, Department of Hydrogeology, Faculty of Geology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: baranovskaya_kat@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3423-6970)

Andrey G. Fesyun — PhD (History), Research Fellow, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: fesyun@iaas.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-0700-8262)

Rena R. Timirgaleeva — Dr.Sc. (Economics), Professor, Lead Programmer, Institute of Mathematical Research of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University (e-mail: timirgaleevarr@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-3078-1050)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-867-880

EDN: FVAWMW

Научная статья / Research article

Расширение влияния политического ислама в Южно-Африканской Республике на примере деятельности транснациональных организаций

Е.Е. Самойлова

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

✉ helenaxsam@gmail.com

Аннотация. Проведен политологический анализ механизмов и каналов влияния транснациональных движений, относящихся к идеологическому спектру политического ислама, на политические процессы в принимающих странах. На примере Южно-Африканской Республики (ЮАР) исследован феномен адаптации глобальных исламистских идей к условиям светского демократического государства с этноконфессиональным меньшинством. Методология исследования включает сравнительный анализ источников, критический дискурс-анализ и изучение деятельности неправительственных организаций. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении южноафриканского кейса через призму теоретических концепций политического ислама и введения в научный оборот актуальных и современных данных, а также местных экспертных оценок. Автором сделан вывод, что в ЮАР доминируют не революционные, а социально-политические и правозащитные формы активности, интегрированные в правовое поле страны.

Ключевые слова: политический ислам, транснациональные сети, Южноафриканская Республика (ЮАР), политический активизм, неправительственные организации

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Самойлова Е.Е. Расширение влияния политического ислама в Южно-Африканской Республике на примере деятельности транснациональных организаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 867–880. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-867-880>

© Самойлова Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Expansion of the Influence of Political Islam in South Africa, as Exemplified by the Activities of Transnational Organizations

Elena E. Samoilova

Institute of Oriental Studies of the RAS

Moscow, *Russian Federation*

✉ helenaxsam@gmail.com

Abstract. This research provides a political science analysis of the mechanisms and channels of influence of transnational movements within the ideological spectrum of political Islam on political processes in host countries. Using the case of South Africa, the adaptation of global Islamist ideas to the conditions of a secular democratic state with an ethno-confessional minority is explored. The research methodology includes a comparative analysis of sources, critical discourse analysis, and an examination of the activities of non-governmental organizations. The scientific novelty of the work lies in its comprehensive examination of the South African case through the prism of theoretical concepts of political Islam and the introduction of relevant and modern data, as well as local expert assessments, into scholarly discourse. It is concluded that in South Africa, socio-political and human rights forms of activism, integrated into the country's legal framework, rather than revolutionary ones, predominate.

Keywords: political Islam, transnational networks, South Africa, Muslim Brotherhood, political activism, non-governmental organizations

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Samoilova, E.E. (2025). The expansion of the influence of political Islam in South Africa, as exemplified by the activities of transnational organizations. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 867–880. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-867-880>

Введение

Изучение транснациональных сетей политического ислама остается одной из ключевых задач современной политологии, но традиционно исследования смещены в сторону Ближнего Востока и Европы. Африканский континент, где исламистские движения разворачивают активную деятельность, в последние годы стал привлекать внимание исследователей ввиду событий, происходящих в Мали, Буркина-Фасо или Нигерии, где действуют радикальные группировки.

Однако регион Южной Африки оказывается на периферии академического дискурса, и восполнение этого пробела является одной из целей настоящего исследования, поскольку Южно-Африканская Республика представляет собой уникальное поле для исследования в силу своего светского демократического устройства и сложного расово-религиозного ландшафта. Мусульманская община, составляющая менее 2 % населения, исторически играла заметную роль в борьбе с апартеидом, что сформировало мощную традицию социального активизма. Кроме того, что касается части взаимодействия с государственными структурами, южноафриканский эксперт Питер Фабрициус отметил, что

правительство ЮАР традиционно занимает сбалансированную позицию, осуждая терроризм, но сохраняя дипломатические отношения с движениями, имеющими политическое крыло, например с ХАМАС¹. Это создает среду, в которой непрямые формы влияния оказываются более эффективными, чем прямая радикальная деятельность.

Данная работа в основной части сосредоточена на деятельности организации «Братья-мусульмане»* (БМ²) в ЮАР. В отличие от Египта или Судана представители этой транснациональной сети никогда не формировали политическую партию в Южной Африке, работая в основном в гуманитарной и социальной сферах. При этом совершенно точно можно отметить, что местное правительство избегало преследований групп, связанных с «Братьями-мусульманами»*, как это было опять же в Египте или странах Персидского залива, создавая тем самым пространство возможностей для движения. В представленной статье предпринята попытка изучить роль отделения организации в Южной Африке на фоне споров, вспыхнувших между двумя фронтами «Братства»* — Лондонской и Стамбульской фракциями. В контексте этой конкуренции южноафриканское отделение получило пристальное внимание от обеих сторон, чем и вызвало интерес.

Научная литература, посвященная идеологическим течениям в рамках политического ислама, обширна. Фундаментальный вклад в ее развитие внесли такие авторы, как Оливье Рой [Roy, 2004], проанализировавший феномен глобализированного ислама и декультурации религиозной идентичности; Бассам Тиби [Tibi, 2002], разработавший концепцию «евроислама» и критиковавший исламизм; Петер Мандавиль [Mandaville, 2007], изучавший транснациональные связи и гибридную идентичность мусульман в современном мире. Что касается непосредственно южноафриканского контекста, то, в отличие от ближневосточного, он не был столь системно изучен, что обуславливает обращение к отчетам экспертов и аналитических центров как к первичным источникам эмпирических данных.

Изучение организации «Братья-мусульмане»* в научной литературе прошло несколько этапов, отражающих эволюцию самого движения. Первые работы появились еще в 1940–1970-х гг. — это труды основателя движения Хасана аль-Банна, идеолога Сайида Кутба, а также ранние академические исследования. Среди таковых особое место занимает монография «The Society of the Muslim Brothers» [Mitchell, 1969], посвященная деятельности ассоциации «Братья-мусульмане»* на разных этапах существования. В отечественной историографии необходимо отметить монографию «Халифы без Халифата» [Игнатенко, 1988], в которой описывается организационная структура, принципы действия военизированных

¹ Fabricius P. Are red flags about Islamic State in South Africa alarmist? // Institute for Security Studies. URL: <https://issafrica.org/iss-today/are-red-flags-about-islamic-state-in-south-africa-alarmist> (accessed: 25.10.2025).

² *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

подразделений и способы вербовки новых членов. Кроме того, в книге «Египетское движение „Братьев-мусульман“³» [Ражбадинов, 2003] рассматривается становление ассоциации, ее деятельность на территории Египта и других стран. В 1980–2000-х гг., по мере политизации движения и расширения его международных связей, появились новые фундаментальные работы. Жиль Кепель анализировал роль «Братьев»^{*} в радикализации ислама [Kerel, 1986], а Кэрри Розефски Уикхем исследовала их социальные сети и стратегии легализации [Wickham, 2002]. После событий Арабской весны и свержения президента Мурси в 2013 г. научный дискурс сместился в сторону анализа кризиса движения и его трансформации в условиях репрессий [Al-Anani, 2016]. Большое количество исследований сосредоточены на международных сетях организации и ее адаптации к новым условиям, включая и цифровой активизм. Ключевые дискуссии в современной историографии вращаются вокруг вопроса о природе движения, его способности к реформам и перспективах в существующих условиях.

В исследовании применен комплексный подход, сочетающий структурно-функциональный и неоинституциональный методы анализа. Это позволяет рассмотреть организацию «Братья-мусульмане»^{*} в ЮАР как динамичную систему, взаимодействующую с местными социально-политическими институтами. Также использован акторный анализ, при помощи чего представляется возможным выявить стратегии движения и механизмы влияния; а также системный анализ, направленный на изучение форм репрезентации организации в публичном пространстве. Такой методологический синтез дает возможность оценить не только внутреннюю структуру и функции филиала, но и его адаптацию к контексту Южной Африки, включая взаимодействие с государственными органами, религиозными общинами и гражданским обществом⁴.

«Братья-мусульмане»^{*} долгое время представляли собой единую организацию с едиными лидером, линией и иерархией. Именно в этом заключался их успех в египетском обществе, а позднее — и мировой⁵. Благодаря такому укладу им удавалось оставаться на плаву в течение долгих лет и стать «матричной» организацией, породив множество ответвлений и новых самостоятельных движений. Однако после отстранения от власти в Египте в 2013 г. внутри организации произошел серьезный раскол. В первую очередь разногласия касались таких вопросов, как противостояние политическому кризису и поиск путей реагирования на унижительное положение, в котором они оказались. Одна фракция выбрала ненасильственные протесты в качестве временной стратегии, в то время как вторая

³ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Быстров А.А. О радикальных исламистских организациях ЮАР (17 декабря 2015) // Институт Ближнего Востока. URL: <https://www.iimes.ru/?p=26928> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵ Trends Muslim Brotherhood's International Power Index 2022-2023 // Trends research. 19.05.2024. URL: https://trendsresearch.org/insight/trends-muslim-brotherhoods-international-power-index-2022-2023/?srsltid=AfmBOop7x5ePyTNZe_NhUR8ziTZRxu4BnSur9Phyhy6Rm3HpB4zfVJTw (accessed: 25.10.2025).

выбрала более решительную модель — вести жесткую игру с правительством Египта. Тюремное заключение верховного лидера «Братства»⁶ Мохаммеда Бади и его заместителя Хайрата аль-Шатера (то есть отсутствие центральных голосов) еще больше усложнило дебаты о будущем группы. Этот шокирующий провал заставил союзников «Братства»^{*} не только коренным образом пересмотреть свою позицию в их отношении и наметить линию выстраивания диалога с нынешним президентом Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси.

После смерти генерального руководителя организации «Братья-мусульмане»^{*} Ибрагима Мунира в ноябре 2022 г. внутри организации произошел ряд серьезных пертурбаций, сравнимых по значимости с событиями 2013 г. Уход Мунира спровоцировал виток внутриорганизационной борьбы за власть. На данный момент существует две крупные группировки, борющиеся за контроль над глобальной организацией: одна — в Великобритании, вторая — в Турции. Лондонскую фракцию, которую когда-то возглавлял Мунир, теперь возглавляет Салах Абдулхак. Стамбульскую фракцию возглавляет Махмуд Хусейн. На фоне эскалации недавнего конфликта внутри «Братьев-мусульман»^{*} за последние несколько лет два соперничающих фронта стремились расширить свое влияние за пределы своих традиционных сфер, захватывая контроль над международными отделениями. Одним из важнейших в этой связи является филиал организации в Южной Африке.

Глобальная организация «Братья-мусульмане»^{*} (в СМИ ее называют международной) стала главной ареной соперничества между двумя конфликтующими сторонами. Каждая из них стремилась заручиться лояльностью как можно большего числа отделений по всему миру, укрепляя свои позиции и ресурсы. То, что осталось от египетской организации, не представляет для Лондона и Стамбула интереса. Этому есть несколько объяснений. В первую очередь — озабоченность руководства вопросами финансирования и старательные попытки оградить себя от любых споров, скандалов или репутационных рисков, которые могут повлиять на и без того хрупкий имидж организации в последнее время. Принимая во внимание тот факт, что многие руководители и огромное количество членов «отечественного Братства»^{*} до сих пор находятся в тюрьмах и осуждены по политическим статьям, попытки снискать поддержку среди оставшихся на свободе членов БМ^{*} означали бы автоматическое подключение британского и турецкого офисов к решению этого вопроса. И если стамбульская группировка время от времени позиционировала себя в качестве оппозиции действующей власти в Египте, то представители лондонского фронта в последние несколько лет открыто демонстрировали аполитичность.

Но как уже отмечалось выше, обеим фракциям важна поддержка международных офисов. На фоне этой конкуренции южноафриканское отделение «Братства»^{*} привлекло к себе значительное внимание обеих сторон, поскольку

⁶ * Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

играет важную роль в финансировании деятельности группы. Хотя предположительное присутствие «Братьев-мусульман»^{*7} в ЮАР может насчитывать уже несколько десятилетий, этой теме не уделялось достаточного внимания, особенно учитывая небольшое количество информации и широко распространенную дезинформацию. Таким образом, в настоящем исследовании предпринята попытка дать более точное представление о характере присутствия и деятельности «Братьев-мусульман»^{*} в Южной Африке: проанализировать специфику присутствия и адаптационные стратегии группы.

Присутствие в ЮАР

«Братья-мусульмане»^{*} не раскрывают историю и характер своего присутствия во многих странах, где они действуют. Однако при внимательном изучении истории группы можно отметить некоторые поворотные моменты в ее развитии. К середине XX в. «Братство»^{*} представляло собой разветвленную сеть организаций и имело значительное влияние в странах Северной Африки. В этой связи 1952 г. особенно важен, поскольку он знаменует собой ключевой момент в истории «Братьев-мусульман»^{*} — в ходе революции 23 июля 1952 г. организация «Свободные офицеры» совершила государственный переворот, монархический режим короля Фарука был свергнут. «Братья-мусульмане»^{*} поддержали военных и сохраняли контакты с хунтой. Однако отношения с новым режимом быстро ухудшились, и в 1954 г. движение было официально запрещено в Египте [Carré, Michaud, 1983]. Есть все основания предположить, что преследования, ставшие наиболее болезненным опытом государственных репрессий, спровоцировали отток членов «Братства»^{*} в страны Ближнего Востока и Африки. Если распространение и дальнейшее развитие идеологии БМ^{*} в Ближневосточном регионе и Северной Африке исследовано достаточно подробно, то передвижение «братьев»^{*} в Африку южнее Сахары изучено в меньшей степени.

Некоторые египетские и суданские изгнанники, связанные с Братством^{*}, обосновались в Южной Африке, внедряя вдохновленные движением идеи. Однако активная фаза деятельности БМ^{*} в Южно-Африканской Республике восходит к 1990-м гг. В работах многих исследователей отмечается, что после трансформации политического режима и отмены апартеида наблюдался всплеск активности религиозных организаций, в частности — исламских [Воеводский, 2008]. Кроме того, во второй половине 1990-х отмечается миграция в страну ряда проповедников и членов «Братьев-мусульман»^{*}. К тому же в 1994 г. были внесены поправки⁸ в устав и положения о всемирной организации БМ^{*} в связи с расширением деятельности группы. Поэтому можно

⁷ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Международный список «Братьев-мусульман»^{*} 1994 // Ikhwanwiki URL: https://www.ikhwanwiki.com/index.php?title=اللائحة_العالمية_لجماعة_الإخوان_المسلمين_1994م (дата обращения: 05.05.2025). *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

предположить, что южноафриканское отделение было одним из новых, созданных в то время. Контекст происходящих в стране событий (политическое развитие общества и поиск идейных концепций) способствовал развитию деятельности группы.

В 2016 г. издание «Египет сегодня» опубликовало архивные документы «Братьев-мусульман»⁹, касающиеся планов по расширению деятельности в Африке¹⁰. Отчет под названием «Результаты деятельности Африканского офиса за 1433 г. по хиджре/2012 г. н.э.» включал планы развития региональных офисов. Согласно представленным документам, Бюро руководства стремилось обеспечить эффективную роль Египта в Африке, пересмотреть структуру существующего офиса и добавить отдел для реализации заявленных целей. В бумагах указывалось, что административная структура Африканского бюро разделена на четыре секции: проекты в образовательной сфере, деятельность женского крыла (так называемое «сестринство»), проведение проповедей и работа со студентами. В отчете предлагалось добавить еще один раздел, посвященный политике и СМИ, в ответ на произошедшие после египетской революции трансформации. Кроме того, в докладе предлагалось создать секретариаты для африканских отделений, организовать встречи локального руководства с Советом шуры, согласовать повестки дня на всех уровнях и урегулировать совместную работу в плане принятия решений между офисами и Советом. Документы также содержали информацию о нескольких важных мероприятиях, проведенных в африканских странах. Среди них указывалось собрание членов «Братства» в Буркина-Фасо, целью которого было донести концепцию призыва до франкоговорящих членов без необходимости перевода на арабский язык. Второе такое собрание было организовано в танзанийском городе Дар-эс-Салам — уже на английском языке.

В целом «братские»* планы на Африку можно оценить как довольно серьезные, принимая во внимание контакты членов организации с властями Мали, Сенегала, Ганы и Бенина, где планировалось открытие египетских школ при посредничестве местных министерств образования. В отчете также были представлены предложения увеличить число египтян, направляемых на просветительскую работу в Африку, особенно в страны, где на тот момент офисов не было (Кения, Конго, Сьерра-Леоне и Маврикий). Что касается южноафриканского филиала «Братства»*, он мог служить в качестве стартовой площадки для распространения идей группы в ряде стран юга Африки, включая Мозамбик, Зимбабве, Малави, и даже Коморские Острова, где близкие организации идеи были довольно популярны с середины XX в. [Хайруллин, 2019].

⁹ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰ Аль-Масри Аль-Юм публикует документы, раскрывающие планы Братства* по осуществлению мечты о престолонаследии (эпизод третий) // Аль-Масри Аль-Юм URL: <https://www.almasryalyoum.com/news/details/1062582> (дата обращения: 11.05.2025). *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

Связанные с «Братством»^{*11} учреждения в Южной Африке

По-видимому, набранная после событий Арабской весны динамика поспособствовала деятельности «Братьев-мусульман»^{*} в Африканском регионе. По исторически сложившейся традиции «Братья»^{*} используют миссионерскую деятельность для проникновения в местные мусульманские общины в немусульманских странах, действуя под видом не только миссионерских, но и социальных, благотворительных и других организаций, а иногда и в сотрудничестве с уже существующими на местах организациями. Также и в Африке был создан ряд ассоциаций и учреждений, которые функционировали как зонтичная сеть для группы. По понятным причинам «Братство»^{*} тщательно скрывает эти организации и не раскрывает отношения с ними.

Эксперт по изучению политических исламских движений Ахмад Султан в своем исследовании «Братья-мусульмане» в Южной Африке: база организации для проникновения на черный континент» обнаружил, что БМ^{*} занимают руководящие должности в некоторых учреждениях в ЮАР, вследствие чего он утверждает о связях оных с БМ^{*} [Sultan, 2024]. Согласно исследованию, сеть в Южной Африке управляется исполнительным офисом, в состав которого входят египетские лидеры группы. Именно они контролируют Африканское бюро, включая его дочерние ассоциации, центры и организации, и координируют свою деятельность с головной группой и глобальной организацией. Они также контролируют финансовое управление и сбор ежемесячных взносов, которые представляют собой фиксированные суммы денег, выплачиваемые всеми членами организации и составляющие от 7 до 10 % от ежемесячной зарплаты.

В своей работе Султан утверждает, что один из членов Совета шуры в течение нескольких лет занимал пост главы Африканского бюро, курировал южноафриканское направление и даже получил прозвище «завоеватель Африки» за успехи в распространении идеологии «Братства»^{*} на континенте. По имеющейся информации, в состав исполнительного офиса в Южной Африке входили ряд лидеров «Братьев-мусульман»^{*} из Египта. Он также указывает, что многие из них позже переехали в Турцию, но не порвали связей с «Братями-мусульманами»^{*} в Африке. По результатам исследования Султана, с «Братством»^{*} связан целый ряд ассоциаций и организаций в Южно-Африканской Республике. Среди таковых числится Фонд аль-Иман в Йоханнесбурге¹², деятельность которого связана с множеством местных мечетей, исламскими центрами и образовательными учреждениями. Фонд также реализует социальные проекты, такие как попечительство сирот, и иную помощь. Далее в списке идет Ассоциация мусульман Южной Африки, которая интересна тем, что предоставляет похоронные услуги в соответствии с исламскими законами для мусульман в ЮАР. Также указывается, что организация

¹¹ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

¹² Ахмед Султан пишет, что на начальном этапе работы фонда пост председателя совета директоров занимал один из лидеров египетской организации (*прим. автора*).

участвовала в мероприятиях по вакцинации против COVID-19 и направляла помощь в сектор Газа после столкновений между палестинскими группировками и Израилем в 2022 г. Кроме того, ассоциация устраивала сборы для жертв землетрясения в Турции в сотрудничестве с Турецким культурным центром, связанным с Институтом Юнуса Эмре. В качестве источников своего исследования Султан указывает серию интервью с лидерами «Братства»*, однако вопрос о достоверности вышеизложенной информации остается открытым.

К числу аффилированных с БМ¹³ учреждений средства массовой информации относят Ассоциацию мусульманских юристов и Мусульманский судебный совет, которые служили интересам «Братьев-мусульман»* во время кампании по дискредитации египетского правительства во главе с Абдель Фаттахом ас-Сиси. В 2016 г. две профессиональные ассоциации вместе с правозащитной организацией Media Review Network (тоже, как указывается, связанной с группой) направили письмо в посольство Египта в Йоханнесбурге¹⁴. В нем они выразили свое неприятие визита в страну Верховного муфтия Египта — доктора Шауки Алляма, поскольку тот утвердил смертные приговоры бывшему президенту АРЕ Мухаммеду Мурси и сотням его сторонников. Эти же организации годом ранее выражали свое несогласие с визитом в ЮАР президента Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси, обвинив его в военных преступлениях и преступлениях против человечности¹⁵. В конечном итоге египетский президент отменил свою поездку, так и не приняв участие в сессии Ассамблеи глав государств и правительств стран Африканского союза.

Медиа субъекты

«Братья-мусульмане»* — пионеры арабского мира по части использования социальных сетей и электронных платформ — добились с их помощью значительных успехов в Египте до и во время событий Арабской весны, а после продолжали оставаться на плаву именно из-за обширного присутствия в Интернете. Учитывая все это, стоит обратить внимание и на африканские медиасети, которым приписывают связи с организацией.

Деятельность «Братьев-мусульман»* в Южной Африке часто связывают с работой с уже упоминавшейся ранее Media Review Network, которая фокусируется на противостоянии Израилю. На основном сайте в разделе «О нас» указано: «... мусульманские взгляды на проблемы, влияющие на южноафриканцев, являются предпосылкой для лучшего понимания ислама... наша группа работает над

¹³ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁴ После «Сиси»... Верховный муфтий Египта не поедет в Южную Африку // *الترا صوت* URL: <https://www.ultrasawt.com/بعد-السياسي-مصري-لن-يدخل-جنوب-أفريقيا/الترا-صوت-سياق-متصل/سياسة> (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁵ Сиси избегает «демонстраций братства»* в Южной Африке // *Новости*. URL: <https://www.al-akhbar.com/Arab/22442> (дата обращения: 12.05.2025). *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

разоблачением сионистского апартеида и оккупации Палестины»¹⁶. В контакте с «Братством»^{*17} обвиняли канал Hilal TV, который базируется в пригороде Йоханнесбурга Ривонии. Якобы в программах этого канала освещается деятельность связанных ассоциаций и проповедников БМ*. В этом же ряду оказалось мультимедийное агентство Salama Media, получившее обвинение в продвижении идеологии «Братьев-мусульман»*. Примечательно, что почти все организации, так или иначе связанные с БМ*, существуют за счет сбора пожертвований под предлогом использования их для «исламской работы» и гуманитарной помощи в Южной Африке. Однако неизвестно, используются ли эти средства для финансирования деятельности группировки и ее фирм-прикрытий, созданных в этой африканской стране. По крайней мере, в озвученных обвинениях этот довод применяется.

Оценке влияния стратегий «Братьев-мусульман»* на международное сообщество посвящено представленное на Парижской международной книжной ярмарке в апреле 2024 г. исследование «Muslim Brotherhood Global Influence Index», опубликованное исследовательским центром TRENDS Research & Advisory¹⁸. Представленные в нем данные указывают на преобладающие антибратские настроения на платформах социальных сетей: 81,8 % взаимодействий отображают негативные взгляды. Авторы работы оценивали восприятие «Братства»* пользователями социальных сетей в период с 1 января по 31 декабря 2023 г., анализируя все упоминания для оценки популярности движения и отношения к нему мировой общественности. Используя аналитическую базу SWOT (англ. аббревиатура strength, weakness, opportunity, and threat)¹⁹, в отчете были рассмотрены сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, связанные с присутствием «Братьев-мусульман»* в социальных сетях.

Интересным фактом в отчете стала географическая составляющая лояльности «Братству»*: Европа продемонстрировала самый высокий уровень оппозиции в социальных сетях, тогда как Африка — наибольшую поддержку. Это можно объяснить присутствием и деятельностью различных организаций подобного рода на континенте, учитывая, что некоторые африканские страны стали убежищами для довольно большого потока бежавших из Египта «Братьев»*. К тому же популярности «Братства»* в Африке способствует еще и некая схожесть местных режимов с тем, который существовал и продолжает

¹⁶ About Us & Services // Media Review Network. URL: <https://mediareviewnet.com/about-us-services/> (accessed: 12.05.2025).

¹⁷ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁸ Muslim Brotherhood Global Influence Index // TRENDS Research & Advisory. URL: <https://trendsresearch.org/news/trends-unveils-worlds-first-index-measuring-brotherhoods-global-influence-at-paris-book-fair/> (accessed: 29.04.2024).

¹⁹ Примечание: SWOT-анализ включает в себя как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на фирмы или организации. Сила и слабость — это внутренние факторы, которые зависят от способностей и недостатков внутри компании. Напротив, возможность и угроза — это внешние факторы, относящиеся к областям возможностей, которые фирма может использовать, или к угрозе конкуренции, преобладающей на рынке.

существовать в Египте. Многие государства Центральной и Западной Африки десятилетиями находятся под контролем военных и сталкиваются с попытками переворотов, поэтому в какой-то степени присутствие БМ^{*20} там может обеспечить передачу их опыта борьбы. Это обращает нас к обсуждению стереотипа о «Братьях»^{*} как о зачинщиках Арабской весны в Египте, что не соответствует реальности. Но то, что «Братья-мусульмане»^{*} действительно могут предложить раздираемым кризисами африканским странам, — это опыт реализации социальных проектов, который уже может быть рассмотрен как фактор, способствующий распространению влияния группы.

Выводы, которые логично возникают после разбора обозначенного отчета, следующие. Учитывая, что исследование было сделано под эгидой центра из Объединенных Арабских Эмиратов, а соответственно — необходимо иметь в виду и официальную неприязнь в риторике государства по отношению к БМ^{*}, вполне возможно предположить, что представленные в отчете данные могут быть в определенной степени ангажированы. Это обстоятельство в полной мере раскрывает ту проблему, с которой сталкивается каждый исследователь, занимающийся такого рода организациями, и в частности — «Братством»^{*}. Проблема заключается в недостатке объективных мнений и данных на тему, которая воспринимается довольно остро и обросла множеством стереотипов. «Братьям»^{*} в некотором смысле это на руку, потому что отголоски имиджа «великих и ужасных» все еще заставляет ссылаться на них и поддерживать упоминания в СМИ, и это хорошо заметно на примере исследования Ахмада Султана, сделанного на базе все того же центра из ОАЭ. Однако, с другой стороны, — все вышесказанное создает неправильное впечатление при попытке самопрезентации в ином, более позитивном ключе. Последний кейс в настоящие дни как никогда актуален, и мы можем наблюдать все последствия этого образа, когда «Братья»^{*} пытаются реанимироваться сейчас. Объективно говорить о восприятии «Братства»^{*} в современном обществе достаточно трудно ввиду того, что тема исламизма как такового, политического опыта БМ^{*} и всего связанного с группой является довольно острой. Однако то, что «Братство»^{*} еще долгое время будет испытывать репутационные проблемы, вполне доказуемо.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы, вытекающие непосредственно из материала исследования. В Южно-Африканской Республике группы, аффилированные с идеологией политического ислама, применяют в основном адаптивные, а не конфронтационные стратегии. Их деятельность легализована и интегрирована в сферу гражданского активизма, что соответствует глобальным трендам, описанным в современной политологической литературе. Специфика южноафриканского кейса заключается в том, что

²⁰ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

светский и демократический характер государства, а также опыт борьбы с апартеидом внутри мусульманской общины выступают в роли структурных ограничителей для радикальных форм политического ислама. Основными формами присутствия являются не политические партии, а сети неправительственных организаций, благотворительных фондов и медиаресурсов, фокусирующихся на социальных услугах, защите прав мусульман и пропаганде определенной идеологической повестки в рамках закона.

Таким образом, южноафриканский пример демонстрирует успешную адаптацию транснациональных исламистских сетей к условиям конкурентной демократии, где они действуют как элементы гражданского общества, что, однако, не отменяет их идеологической направленности, требующей постоянного мониторинга со стороны экспертного сообщества.

Что же касается непосредственно южноафриканского филиала «Братьев-мусульман»^{*21}, на основе той информации, которая в настоящий момент доступна, можно сделать вывод о том, что он является одним из самых важных и перспективных отделений группировки на Африканском континенте. В исследовании рассмотрена история присутствия организации в Южной Африке, проанализированы связи филиала с различными социальными и политическими компонентами в стране. Все это показывает, что присутствие «Братьев-мусульман»^{*} в ЮАР было сдержанным, но постоянным, сосредоточенным на образовании, благотворительности и низовом активизме, а не на прямой политике. Хотя и не столь влиятельные как в Северной Африке, вдохновленные «Братями-мусульманами»^{*} группы внесли свой вклад в исламское гражданское общество в ЮАР после отмены режима апартеида.

Говоря о перспективах дальнейшего развития деятельности «Братства»^{*} в ЮАР, следует отметить что, во-первых, оно может служить стартовой площадкой для распространения своих идей по всему континенту. Во-вторых, оно неоднократно доказывало свою состоятельность как арена для международной деятельности глобальной организации — наиболее ярким примером этого является неоднократное пребывание в стране лидеров движения ХАМАС, а также пребывание на политических мероприятиях членов Бюро руководства движения «Братья-мусульмане»^{*}. Это подчеркивает масштаб влияния и тесное взаимодействие, которые отделение БМ^{*} успешно установило за последние десятилетия в этой африканской стране. Кроме того, жесткая позиция ЮАР по поводу событий в секторе Газа и выдвинутое в сторону Израиля обвинение в геноциде (и сравнение с апартеидом) во многом могут быть объяснены именно развернувшимся в своем масштабе влиянии БМ^{*} на политическую сферу.

Важно, что отделение «Братьев-мусульман»^{*} в Южной Африке оказалось в эпицентре организационных конфликтов. Несмотря на то, что в конечном счете руководство из Йоханнесбурга приняло решение занять сторону Стамбульского фронта и поддержать Махмуда Хусейна (который за последние

²¹ *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

несколько лет совершил серию визитов в ЮАР), тем не менее, оно сыграло свою роль в посредничестве в разрешении этого кризиса. Такое посредничество в будущем может принести плоды, если нынешние обстоятельства трансформируются и лидеры обоих фронтов захотят положить конец расколу. Однако даже в противном случае, если текущие организационные разногласия не будут разрешены, южноафриканский филиал «Братства»^{*22} останется одним из самых амбициозных международных отделений группы ввиду усиливающегося давления на британский и французский офисы.

Поступила в редакцию / Received: 12.08.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 29.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 01.09.2025

Библиографический список

- Воеводский А. Ислам в жизни ЮАР (1994–2007 гг.) // Африка: Континент и диаспора в поисках себя в XX веке / отв. ред. А.Б. Давидсон. Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 195–207.
- Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: Наука, 1988. 250 с.
- Ражбадинов М.З. «Египетское движение „Братьев-мусульман“». Москва : ИИИиБВ, 2003. 432 с. *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.
- Хайруллин Т.Р. Подъем арабского национализма и кризис исламистских идей в 50-60-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 203–206. <http://doi.org/10.31857/S013038640003815-4>. EDN: MSOSDU.
- Al-Anani K. Inside the Muslim Brotherhood: religion, identity, and politics. New York: Oxford University Press, 2016. 225 p. <http://doi.org/10.1093/9780190279738.001.0001>.
- Carré O., Michaud G. Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928–1982). Paris: Gallimard — Julliard, 1983. (Collection Archives). 234 p. <http://doi.org/10.4000/rsa.560>.
- Kepel G. Muslim Extremism in Egypt: The Prophet and Pharaoh. Berkeley: University of California Press, 1986. 250 p.
- Mandaville P. Global Political Islam. London: Routledge, 2007. 358 p. <http://doi.org/10.4324/9780203358511>.
- Mitchell R.P. The Society of the Muslim Brothers. London: Oxford University Press, 1969. 349 p.
- Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York: Columbia University Press, 2004. 352 p. <http://doi.org/10.24848/islm1g.07.1.01>.
- Sultan A. السمرات القارة في للتغلغل التنظيم قاعدة: إفريقيا جنوب في الإخوان [The Brotherhood in South Africa: the organization's base to penetrate the African continent]. Dubai: TRENDS Research & Advisory, 2024. 42 p.
- Tibi B. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder. Berkeley: University of California Press, 2002. 292 p. <http://doi.org/10.2307/jj.2711591>.
- Wickham C.R. Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt. New York: Columbia University Press, 2002. 324 p.

²² *Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

References

- Al-Anani, K. (2016). *Inside the Muslim Brotherhood: Religion, Identity, and Politics*. New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/9780190279738.001.0001>.
- Carré, O., & Michaud, G. (1983). *Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928–1982)*. Paris: Gallimard — Julliard. (Collection Archives). <http://doi.org/10.4000/rsa.560>.
- Ignatenko, A.A. (1988). *Caliphs Without a Caliphate. Islamic Non-Governmental Religious and Political Organizations in the Middle East: History, Ideology, Activities*. Moscow: Nauka.
- Kepel, G. (1986). *Muslim Extremism in Egypt: The Prophet and Pharaoh*. Berkeley: University of California Press.
- Khairullin, T.R. (2019). The rise of Arab nationalism and the crisis of Islamist ideas in the 50-60s of the XX century. *Modern and Contemporary History*, (1), 203–206. <http://doi.org/10.31857/S013038640003815-4>. EDN: MSOSDU.
- Mandaville, P. (2007). *Global Political Islam*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203358511>.
- Mitchell, R.P. (1969). *The Society of the Muslim Brothers*. London: Oxford University Press.
- Razhbadinov, M.Z. (2003). *The Egyptian Movement of the Muslim Brotherhood**. Moscow: IIIiBV. * This organization is recognized as terrorist and banned in the Russian Federation.
- Roy, O. (2004). *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press. <http://doi.org/10.24848/islm1g.07.1.01>.
- Sultan, A. (2024). *السمراء القارة في التغلغل التنظيمي قاعدة: إفريقيا جنوب في الإخوان* [The Brotherhood in South Africa: The organization's base to penetrate the African continent]. Dubai: TRENDS Research & Advisory.
- Tibi, B. (2002). *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder*. Berkeley: University of California Press. <http://doi.org/10.2307/jj.2711591>.
- Voevodsky, A. (2008). Islam in the life of South Africa (1994–2007). In A.B. Davidson (Ed.), *Africa: The Continent and Diaspora in Search of Themselves in the 20th Century* (pp. 195–207). Moscow: Institute of World History RAS.
- Wickham, C.R. (2002). *Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt*. New York: Columbia University Press.

Сведения об авторе:

Самойлова Елена Евгеньевна — младший научный сотрудник Центра антропологии исламских культур, Отдел антропологии Востока, Институт востоковедения Российской академии наук. (e-mail: helenaxsam@gmail.com) (ORCID: 0009-0005-4780-1440)

About the author:

Elena E. Samoilova — Junior Research Fellow, Center for Anthropology of Islamic Cultures, Department of Anthropology of the East, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (e-mail: helenaxsam@gmail.com)) (ORCID: 0009-0005-4780-1440)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-881-895

EDN: FUCCRK

Научная статья / Research article

Особенности партийной системы в современном Тунисе

А.Н. Бурова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ burova-denjak@mail.ru

Аннотация. Тунис является одной из наиболее развитых стран арабского мира с активной партийно-политической жизнью. Исследование посвящено анализу партийного развития и современной партийной ситуации в Тунисской Республике. Рассмотрены основные черты политической системы, история формирования партийной системы, взаимоотношения между различными партиями, а также актуальная расстановка политических сил в стране. Автор приходит к выводу, что партии в Тунисе неоднократно сталкивались с рядом кризисных ситуаций, одна из которых наблюдается на сегодняшний день. Причины данного кризиса связаны как с внешними обстоятельствами, связанными с политической реформой президента К. Саида и принятием нового законодательства, которое существенно ограничило роль партий как политических игроков, так и с внутренним нестабильным состоянием в партиях и партийной среде в целом. После событий «арабской весны» в политическую систему Туниса были добавлены новые элементы и внесены серьезные изменения, однако факторы преемственности прежнего режима по-прежнему сохраняли свое влияние. Демократических реформ оказалось недостаточно для улучшения общего уровня жизни граждан страны и ее выхода из тяжелого экономического положения. В настоящее время ряд партий предпринимают попытки объединить свои усилия для продвижения своих требований и защиты своих интересов, в то время как ряд политических сил и движений заявляют о своей поддержке президентского курса. Возможности для выхода из кризисной ситуации будут во многом зависеть от того, смогут ли различные партии и общественно-политические движения прийти к договоренностям. Вместе с тем президенту для сохранения своих позиций будет необходимо разработать новую устойчивую политическую модель, чтобы обеспечить стабильность существующего государственного строя.

Ключевые слова: Тунис, политика, партии, политическая система, партийная ситуация, «арабская весна», протесты

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бурова А.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бурова А.Н. Особенности партийной системы в современном Тунисе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 881–895. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-881-895>

The Peculiarities of the Modern Tunisian Party System

Anna N. Burova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ burova-denjak@mail.ru

Abstract. Tunisia is one of the most developed countries in the Arab world with an active party and political life. This research analyses the development of political parties and the current state of the party system in Tunisia. It examines the main features of the political system, the history of the formation of the party system, the relationships between the parties and the current alignment of the country's political forces. The author concludes that Tunisian parties have repeatedly faced crisis situations, one of which is evident at the present time. This crisis can be attributed to a combination of external circumstances, such as the political reforms of president K. Said and the adoption of new legislation that significantly limited the influence of political parties, as well as internal instability within the parties themselves. Following the events of the 'Arab Spring', new elements were introduced to Tunisia's political system and serious changes were made; however, the factors of continuity from the previous regime still retained their influence. Democratic reforms have not been sufficient to improve the standard of living of the country's citizens or to resolve its difficult economic situation. Currently, several parties are attempting to unite their efforts to advance their demands and protect their interests, while several political forces and movements are declaring their support for the presidential course. The ability to overcome the crisis largely depends on whether the various parties and socio-political movements can reach an agreement. Conversely, the president will need to develop a new, sustainable political model to maintain his position and ensure the stability of the existing state system.

Keywords: Tunisia, politics, parties, political system, party situation, «Arab spring», protests

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Burova, A.N. (2025). The peculiarities of the modern Tunisian party system. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 881–895. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-881-895>

Введение

Отношения между Россией и Тунисом, которые восходят к началу XIX в., исторически носят дружественный характер. В настоящее время Россия заинтересована в развитии отношений с Тунисом, в том числе поскольку он находится в важных для нее регионах — арабском мире, Северной Африке и Средиземноморье.

Для Туниса поддержание дружественных отношений с РФ позволяет ему диверсифицировать свои внешние связи. В будущем Тунис не исключает возможности присоединения к группе БРИКС. Как заявил тунисский политический деятель М. бен Мабрук, его страна «движется к присоединению к группе стран БРИКС»¹. Он охарактеризовал БРИКС как «политическую, экономическую и финансовую альтернативу, которая позволит Тунису открыться новому миру», что может повлечь за собой получение значительных выгод в экономической сфере и, как следствие, улучшить социальное положение в стране².

В этом случае между Тунисом и Россией может открыться новая глава экономического сотрудничества, в котором большую актуальность приобретают научные исследования, посвященные не только социально-экономическому, но и внутривнутриполитическому развитию Туниса, в частности его партийной системе, которая в период после событий «арабской весны» находилась в состоянии динамичного развития. В связи с этим обращение к вопросам партийного строительства в Тунисе не теряет своей научной актуальности.

Исследовательская проблема связана с общей динамикой трансформации арабских стран в контексте противостояния традиционных исламских ценностей и принципов светского государства, ориентированного на западные страны. Политический процесс в данном контексте зачастую осуществляется в условиях патриархально-подданнической культуры в арабских обществах, что влечет за собой сложности в реализации демократического процесса.

В исследовании применен ряд следующих научных методов и подходов:

- ретроспективный анализ для восстановления преемственности партийно-политической деятельности на разных этапах новейшей истории;
- хронологический подход для изучения последовательной трансформации партийного ландшафта;
- метод структурно-акторного анализа, поскольку партии рассматривались как системно взаимодействующие политические силы, представляющие группы элит и обладающие собственной электоральной платформой;
- институциональный подход для анализа роли партий в процессе принятия государственных решений.

Историческое развитие Туниса и его политическая система получили широкое освещение в работах ряда российских исследователей как советского, так и постсоветского и современного периода. К авторам ставших классическими работ по истории Туниса необходимо отнести таких исследователей, как М.Ф. Видясова [Видясова 2018], Р.Г. Ланда [Ланда 2017], Б.В. Долгов [Долгов 2017]. Конституционное развитие Туниса было детально изучено в работах М.А. Сапроновой [Сапронова 2014; Сапронова 2015]. События, связанные с протестами «арабской весны» и их последствиями для Туниса,

¹ 08.04.2023. تونس تعتزم الانضمام لمجموعة دول «بريكس» \\ الشرق الأوسط. (Тунис намерен присоединиться к группе БРИКС // Аш-Шарк Аль-Аусат. 08.04.2023.) URL: <https://aawsat.com/home/article/4261686/«بريكس»-لتونس-تعتزم-الانضمام-لمجموعة-دول> (дата обращения: 26.02.2025). (на араб. яз.).

² Там же.

были проанализированы в работах многих отечественных исследователей, таких как А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина [Коротаев, Исаев, Шишкина 2016], К.М. Труевцев [Труевцев 2013], В.А. Кузнецов [Кузнецов 2018], А.А. Кашина [Кашина 2018], И.Т. Кофанов [Кофанов 2020], И.А. Царегородцева [Царегородцева 2017]. Среди зарубежных исследователей современного Туниса необходимо выделить таких авторов, как А. Аль-Хаддад [El-Haddad 2020], Ш. Мако, В.М. Могадам [Mako, Moghadam 2021]. Общая теория партий и партийных систем стала объектом изучения таких отечественных авторов, как В.И. Тимошенко и Д.Н. Салыков [Тимошенко, Салыков 2016].

История функционирования партийной системы в Тунисе

Тунис — государство с развитой партийной системой и богатыми традициями партийной борьбы, которые восходят к началу XX в. С 1881 по 1956 г. Тунис находился под французским протекторатом, реальные властные полномочия находились в руках генеральных резидентов. В соответствии с декретом президента Франции от 1885 г. генеральный резидент получал всю полноту власти на управляемой территории [Видясова 2018: 23].

Примерно с 1906 г. до начала Первой мировой войны в Тунисе действовало движение младотунисцев, которое оформилось в одноименную партию в 1908 г. [Аль-Фаси 1948: 43] и выдвигало требования отмены французского протектората, возвращения к конституционному развитию, основанному на Конституции 1861 г.³, восстановления суверенитета страны.

После окончания Первой мировой войны группа молодых патриотически настроенных людей начала реорганизовывать национальное движение. В 1919 г. группа тунисских политических деятелей с помощью студентов, обучавшихся в Париже, развернула там бурную пропагандистскую кампанию, требуя постановки тунисского вопроса на Парижской мирной конференции. Тогда же было объявлено о создании Тунисской партии свободы, которая направила меморандум американскому президенту Вудро Вильсону, апеллируя к «Декларации Вильсона», в которой говорилось о праве народов на самоопределение. Однако все усилия националистов не встретили желаемого отклика [Аль-Фаси 1948: 49].

В 1920 г. на основе партии младотунисцев тунисским политическим деятелем А. Ат-Таальби была основана партия Дустур (полное название: Тунисская либерально-конституционная партия), которая впоследствии внесла большой вклад в обретение политической самостоятельности страны. Политическая программа партии включала в себя следующие требования: учреждение законодательного совета, в состав которого должны были войти как европейцы, так и тунисцы; формирование правительства, ответственного перед законодательным советом; разделение трех ветвей власти; предоставление тунисцам права

³ Конституция 1981 г. — первая писаная конституция в арабо-мусульманском мире. Данная Конституция закрепляла режим конституционной монархии и предусматривала разделение трех ветвей власти.

занятия всех государственных должностей (при соответствии установленных требований к кандидатам); равенство в заработной плате для французских и тунисских госслужащих; создание муниципальных избираемых советов; предоставление тунисцам права на покупку земель, принадлежащих департаменту сельского хозяйства и находящихся в государственной собственности; предоставление свободы прессе, собраниям, ассоциациям; введение обязательного образования [Аль-Фаси 1948: 52].

В начале 1930-х гг. в рядах партии появилась внутренняя оппозиция, представленная более радикально настроенными деятелями. Из состава партии Дустур выделилась группа молодых людей, получивших образование во Франции, в числе которых был будущий президент Туниса Х. Бургиба. Эти деятели, составившие новое «ядро партии», продвигали стратегию, основанную на организации и последующей мобилизации народных масс с целью борьбы против режима французского протектората. Помимо этого, уделялось внимание социально-экономическим проблемам, в особенности экономическому кризису, начавшемуся в 1930 г., а также проблемам, связанным с процессами французской натурализации тунисских граждан. Возможность натурализации рассматривалась не только националистами, но и в целом населением Туниса как крайне нежелательное явление, способное привести к исчезновению тунисской нации. Вследствие этого политика натурализации столкнулась с крайне негативной общественной реакцией и не смогла быть реализована в полном объеме [Аль-Фаси 1948: 62].

В 1933 г. по итогам съезда партии, в котором приняли участие некоторые члены исполнительного комитета, представители народа и примкнувшее к ним тунисское Трудовое объединение, были приняты новые, более категоричные требования помимо тех, которые были определены ранее. К их числу относилось требование о создании полностью избираемого тунисского парламента, который бы располагал всей полнотой исполнительной власти; ответственного перед ним правительства; разделение властей, причем юрисдикция судебной власти должна была распространяться на всех лиц, проживающих на территории Туниса; предоставление прав и свобод всем гражданам без исключений; обязательное образование для всех; защита экономической жизни страны; а также «все, что могло способствовать возрождению страны и ее подъему из морального и материального застоя, с тем, чтобы она могла занять надлежащее место в кругу цивилизованных народов, самостоятельно определяющих свою судьбу» [Аль-Фаси 1948: 62].

На внеочередном чрезвычайном партийном съезде 1934 г. официально было объявлено о создании партии Новый Дустур. Ряд партийных деятелей приняли решение остаться в прежней организации, которая вскоре стала называться партией Старый Дустур [Ланда 2017: 65].

В 1956 г. Тунис получил политическую независимость от Франции, сохранив с ней конструктивные отношения и в то же время став полностью самостоятельным государством и субъектом мировой политики. 20 марта 1956 г. было провозглашено независимое Королевство Тунис. Но уже через год, 25 июля

1957 г., Учредительное собрание Туниса, созванное партией Новый Дустур, единогласно провозгласило страну республикой. Ее президентом был избран лидер этой партии Х. Бургиба, который смог приступить к реализации давно задуманных им реформ государства и общества. Тунис приобрел форму президентской республики, согласно положениям Конституции 1959 г., по которой президент получал чрезвычайно обширные властные полномочия [Ланда 2017: 122].

В 1960-е гг. в Тунисе была принята однопартийная система; с марта 1963 г. партия Новый Дустур стала правящей партией, будучи практически единственной политической партией в стране. В октябре 1964 г. партия получила новое наименование — Социалистическая Дустуровская партия, которое отражало новый вектор развития страны.

Одновременно с установлением однопартийного режима в Тунисе наблюдалось соединение партийного и государственного аппаратов, замыкавшееся на фигуре главы государства [Бурова, Ведяшкин, Макарец 2023: 435].

Однако уже в 1970-е гг. внутривластный спектр Туниса начал постепенно расширяться; в частности, появился ряд партийных образований исламской направленности, деятельность которых не была легализована властями. Как отмечает Р.Г. Ланда, «появление исламистского движения было связано с общим подъемом исламизма во второй половине XX в. практически на всех территориях распространения ислама» [Ланда 2017: 143]. Тунис в данном случае не был исключением, однако исламистское движение возникло здесь несколько позже, чем в иных арабских странах. Исламские молодежные организации начали вставать в оппозицию политическому руководству страны, в особенности его религиозно-правовому курсу [Царегородцева 2017: 127].

В 1987 г. в Тунисе произошел государственный переворот и приход к власти нового президента — З. Бен Али. В феврале 1988 г. правящая партия была вновь переименована, став Демократическим конституционным объединением (ДКО). Формально с 1987 г. Тунис вступил в эпоху многопартийности. В общей сложности право политического участия получили порядка 10 партий. Тем не менее правящей партии принадлежал приоритет в политической системе страны (в том числе большинство мандатов в парламенте, а также местных советах) вплоть до начала «арабской весны» в 2011 г. Что касается исламистских партий, особенно крупнейшей из них — «Ан-Нахда», они так и не получили разрешения на свою деятельность и, соответственно, не могли принимать участия в выборах. Однако исламисты могли баллотироваться в качестве независимых кандидатов.

По свидетельству М.А. Сапроновой, политические партии Туниса опирались на одну и ту же социальную базу, представленную кругами национальной интеллигенции, мелкой и средней буржуазии. В то же время программы партий и их идеологические установки не имели значительных расхождений и служили цели привлечения максимального электората. Это приводило к тому, что на протяжении 1990-х и 2000-х гг. светская оппозиция теряла свое влияние, не имея каких-либо четких убедительных программ, помимо лозунгов с критикой правительства и призывами к социальной справедливости [Сапронова 2015: 130].

Партийная жизнь в Тунисе в первое десятилетие после начала «арабской весны»: от резкой активизации к затуханию

Вскоре после начала событий «арабской весны» 2011 г. и отстранения от власти Бен Али партийная ситуация в Тунисе претерпела кардинальные изменения, связанные с активизацией общественно-политической жизни и ростом политического участия граждан. В течение достаточно короткого периода времени, не превышающего полугода после начала протестов, было зарегистрировано около ста новых политических партий, которые были весьма разнородными. Примерно такое же число политических групп получило отказ в регистрации из-за несоответствия критериям Закона о политических партиях [Кашина 2018: 192].

Особое место среди разнообразных политических сил занимала партия «Движение Ан-Нахда» (ДН), которая впервые получила возможность легального политического участия и развернула активную деятельность по подготовке к выборам в Национальное учредительное собрание (НУС). Две другие исламистские партии («Фронт реформы» и «Справедливость и развитие») оказались в числе организаций, которым было отказано в официальной регистрации [Царегородцева 2017: 130].

Партии «Ан-Нахда» удалось получить обширную поддержку граждан в ходе предвыборной кампании и занять первое место в НУС по результатам выборов 2011 г. Второе и третье места заняли партии «Конгресс за республику» (КЗР) и «Народная петиция». В результате выборов была сформирована парламентская коалиция («правлящую тройку») в составе трех партий: ДН, которая играла лидирующую роль, КЗР и «Демократический форум за труд и свободы». Лидеры данных партий возглавили вновь созданные высшие органы государственной власти, была принята временная конституция [Труевцев 2013: 398].

Однако внутривнутриполитическая ситуация оставалась нестабильной вследствие продолжающейся борьбы светских и религиозных политических сил на фоне осложнения экономического положения в стране. Снижение качества жизни граждан вызвало серьезную критику действий новых властей, и постепенно правящая партия стала утрачивать народную поддержку. В начале 2013 г. три крупные светские партии сформировали оппозиционный блок под названием «Союз за Тунис» во главе с партией «Тунисский призыв» [Бурова, Ведяшкин, Макарец 2023: 446].

В конце 2013 г. противоречия между светскими и исламистскими силами дошли до стадии глубокого кризиса, что привело к отставке правительства и назначению нового премьер-министра без партийной принадлежности, который сформировал новое правительство, преимущественно из технократов [Долгов 2017: 89]. В 2014 г. после долгих непростых переговоров произошло принятие новой конституции, которая закрепила основные демократические достижения и светскую направленность развития страны [Сапронова 2014: 36–37]. В том же году прошли парламентские выборы, первое место на которых заняла партия «Тунисский призыв», за которой следовала ДН.

Множество вновь созданных политических партий и движений приобрело отрицательную роль, поскольку препятствовало консолидации политических сил и мобилизационных возможностей государства. По свидетельству И.Т. Кофанова, на разных уровнях общественно-политической жизни страны стали появляться заявления о желательности пересмотра Конституции 2014 г. [Кофанов 2020: 10].

В этих условиях Кейс Саид, ставший президентом Туниса в 2019 г., принял решение инициировать и осуществить достаточно радикальные реформы. Одним из итогов данных реформ стало значительное сокращение роли политических партий в стране. 25 июля 2021 г. президентом был распущен парламент и принят новый избирательный закон — Закон-декрет № 55, устанавливающий мажоритарную двухтуровую систему голосования вместо пропорциональной системы. Для обоснования этого шага президент апеллировал к статье 80 Конституции 2014 г., согласно которой одно из полномочий президента состояло в том, чтобы принимать все необходимые меры для защиты суверенитета страны в чрезвычайных условиях [Гендуз, Мабтуш, Каибуш 2023: 714]. Депутаты парламента охарактеризовали действия президента как неконституционные, поскольку, согласно той же статье, президенту было необходимо проконсультироваться с главой правительства и спикером нижней палаты парламента, а также уведомить о принятом решении главу Конституционного суда, что не было им осуществлено [Leksour 2023: 360].

Состояние партийной системы в Тунисе после парламентских выборов 2022 г.

17 декабря 2022 г. в Тунисе состоялись внеочередные парламентские выборы в связи с конституционными поправками, принятыми в июле 2022 г. Данные поправки способствовали трансформации формы правления в стране в сторону президентской республики. Одним из следствий данных поправок стало снижение роли политических партий, которые лишились права проводить избирательные кампании и финансировать своих кандидатов. Все кандидаты, в том числе представители партий, должны были баллотироваться в индивидуальном порядке. После введения новой избирательной системы ЦИК Туниса объявил о запрете на проведение избирательной кампании для политических партий. Выборы, которые были бойкотированы основными оппозиционными партиями, продемонстрировали крайне низкую явку — менее 9 % избирателей⁴.

Таким образом, партии Туниса, многие из которых накопили большой опыт политической деятельности и партийной работы, столкнулись с новыми, кардинально иными внешними условиями. Конституционные поправки 2021 г. предоставили президенту очевидный приоритет над иными ветвями власти. Форма правления в Тунисе вновь изменилась в направлении президентской республики. В соответствии с поправками президенту передавались полномочия,

⁴ Быстров А.А. К итогам парламентских выборов в Тунисе // Институт Ближнего Востока. 20.12.2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=93088> (дата обращения: 26.02.2025).

связанные с назначением премьер-министра, а также право законодательной инициативы, причем законопроектам, выдвинутым президентом, принадлежал приоритет над законопроектами, предлагаемыми парламентом.

Обращаясь к причинам произошедшего, некоторые тунисские эксперты полагают, что подобный переход власти и ее концентрация в руках президента стали возможными в том числе как следствие структурных проблем внутри партий, их общей слабости и аморфности⁵. Необходимо отметить, что данные шаги президента, которые были весьма радикальными и шли вразрез с предыдущим вектором развития страны, тем не менее, встретили поддержку среди достаточно широких слоев населения. Как показали опросы общественного мнения, граждане Туниса критически относились к государственным институтам, в особенности к деятельности парламента (около 64 % опрошенных в 2019–2020 гг.). Что касается отношения граждан страны к правительству, оно оценивается чуть более положительно (49 % опрошенных в 2019–2020 гг.) [Гендуз, Мабтуш, Каибуш 2023: 716].

По мнению не только многих тунисских политических деятелей (в том числе оппозиционно настроенных), но и значительной части тунисских граждан, большинство политических партий не смогли привнести какие-либо положительные изменения в жизнь страны. Согласно опросу, около 70 % граждан выразили свое недоверие по отношению к партиям. По некоторым данным, к 2020 г. число политических партий в Тунисе приблизилось к 250. В ноябре 2023 г. премьер-министром было объявлено о роспуске 97 партий по причине непредоставления финансовой отчетности с 2018 г. В период с 2020 по 2022 г. судебные органы приняли решение о роспуске 15 партий, в то время как 14 партий приняли решение о самороспуске⁶. По мнению некоторых экспертов, в Тунисе реально функционирует не более 50 партий. Одновременно с этим отмечается, что большинство из функционирующих партий не соблюдают требования Указа 87, регулирующего деятельность партий, в частности, не предоставляют финансовую отчетность контролирующим органам. Необходимые годовые отчеты смогли предоставить не более 10 партий [Гендуз, Мабтуш, Каибуш 2023: 716].

Ряд исследователей отмечают, что партийная ситуация в Тунисе в период до «конституционного переворота» К. Саида была беспрецедентно фрагментированной и характеризовалась дроблением и расколами среди большинства партий [Гендуз, Мабтуш, Каибуш 2023: 717]. Необходимо также отметить, что за период, последовавший за событиями арабской весны, которая началась

⁵ حجابي م. بعد تقليص دورها بقانون قيس سعيد الانتخابي المعدل.. ما مصير 228 حزبا سياسيا في تونس؟ // الجزيرة. 01.10.2022. (Хаджлауи М. Какое будущее ждет 228 политических партий в Тунисе после снижения их роли вследствие принятия Кейсом Саидом скорректированного избирательного закона? // Аль-Джазира. 01.10.2022). URL: <https://www.aljazeera.net/politics/2022/10/1/> (дата обращения: 26.02.2025). (на араб. яз.).

⁶ هل بدأ دور الأحزاب السياسية يتلاشى في تونس؟ // الشرق الأوسط. 02.03.2024. URL: <https://aawsat.com/> (Политические партии утрачивают свою значимость в Тунисе? // Аш-Шарк Аль-Аусат. 02.03.2024). URL: <https://aawsat.com/> (дата обращения: 26.02.2025). (на араб. яз.).

в 2011 г., ни одна партия не смогла реализовать успехи в развитии страны, в том числе такая крупная и известная партия, как ДН. Влияние даже таких значимых партий, как ДН, Республиканская партия, партия Трудящихся, стало ограниченным, поскольку их популярность в глазах населения страны снизилась. В 2021 г. около 120 депутатов парламента от данной партии заявили о своем уходе в отставку. Та же ситуация наблюдалась в партии «Кальбу Тунис», которая также состояла в правящей парламентской коалиции. Ряд членов данной партии приняли решение приостановить свое членство в партии или уйти в отставку по причине разногласий относительно вышеуказанных конституционных поправок, выдвинутых К. Саидом⁷. В рядах партий левой направленности также наблюдались разногласия по данному вопросу (партия «Демократический и социальный путь» и партия Трудящихся), как среди членов партии, так и среди ее руководящего состава [Гендуз, Мабтуш, Каибуш 2023: 717]. Как отмечает В.М. Ахмедов, некоторые сторонники ДН присутствовали на демонстрациях в поддержку действий президента⁸.

В начале 2023 г. власти Туниса вынесли решение о тюремном заключении для ряда политических деятелей, бизнесменов и представителей СМИ. В число таких деятелей попали многие лидеры политических партий, в том числе глава ДН Р. Аль-Ганнуши и глава Свободной дустурианской партии А. Мусси. Против них были выдвинуты достаточно серьезные обвинения вплоть до обвинения в заговоре против государственной безопасности. Таким образом, в преддверии начала избирательной кампании 2024 г. целый ряд перспективных оппозиционных лидеров были подвергнуты репрессиям со стороны действующих властей. К. Саид стал, по сути, главным кандидатом и единственным лидером на президентских выборах, которые состоялись в октябре 2024 г.⁹

Согласно официальным результатам выборов, К. Саид получил 90,69 % голосов, по сравнению с независимым кандидатом А. Земалем (7,35 %) и кандидатом от Народного движения З. Магзауи (1,97 %)¹⁰. Таким образом, президент получил полномочия для продолжения своего курса. В то же время крупнейшие, наиболее влиятельные партии (такие как ДН, Республиканская партия, Партия трудящихся и пр.) призвали к противодействию политике К. Саида и тому, что

⁷ ارتباك داخل حزب "قلب تونس" .. استقالات واختفاء رئيسه \ العربية. 19.08.2021. (Смятение в партии «Кальбу Тунис»: отставки и исчезновение главы партии // Аль-Арабийя. 19.09.2021). URL: <https://www.alarabiya.net/north-africa/2021/08/19/ارتباك-داخل-حزب-قلب-تونس-استقالات-واختفاء-رئيسه> (дата обращения: 26.02.2025). (на араб. яз.).

⁸ Ахмедов В.М. Переворот в Тунисе: потенциальная угроза для России? Часть 1 // Институт Ближнего Востока. 10.08.2021. URL: <http://www.iimes.ru/?p=78980> (дата обращения: 26.02.2025).

⁹ Розов А.А. О подготовке к президентским выборам в Тунисе // Институт Ближнего Востока. 02.09.2024. URL: <http://www.iimes.ru/?p=111568> (дата обращения: 26.02.2025).

¹⁰ قيس سعيد رئيسا لتونس لولاية ثانية بـ 90.69% من الأصوات \ الجزيرة. 08.10.2024. (Кейс Саид получил второй президентский срок, набрав 90.69 % голосов // Аль-Джазира. 08.10.2024). URL: <https://www.aljazeera.net/news/2024/10/8/907-قيس-سعيد-رئيسا-لتونس-لولاية-ثانية> (дата обращения: 26.02.2025). (на араб. яз.).

было охарактеризовано как конституционный переворот, положивший начало единоличному правлению¹¹. Глава влиятельного профсоюза Туниса, состав членов которого насчитывает более миллиона, также присоединился к деятелям и политическим группам, осуждающим данный шаг¹². Генеральный секретарь партии «Демократический и социальный путь» Ф. Шарфи указал, что президентский указ «должен быть отменен, поскольку он наносит решающий удар по правам и свободам в стране, не давая гражданам возможности свободно выразить свое мнение». Он отметил, что ситуация в стране после выборов характеризовалась кризисными явлениями в политической, экономической и социальной сферах¹³.

В таких непростых условиях ряд партийных лидеров выразили, тем не менее, конструктивный настрой относительно будущего политических партий. А. Аль-Мекки, генеральный секретарь Партии действий и достижений, выразил мнение о том, что, поскольку правительство дискредитирует себя своей репрессивной политикой, неудачами в экономической области, партии получили возможность восстановить свою политическую роль. Однако они должны возобновить свою деятельность на новых, более основательных началах; при условии проведения переоценки своей деятельности и восстановления отношений с общественностью¹⁴. Тунисский политический аналитик С. Аль-Джурши также считает, что «партии должны осуществить реструктуризацию и внутреннюю перестройку» либо необходимо создать «новые партии во главе с молодыми лидерами». Тем не менее, по его словам, возобновление функционирования партий «требует корректировки отношений между президентом и политическим классом», в ином случае они не смогут выполнять свои функции в общественной и политической сфере¹⁵.

У. Увейдат, представитель партии «Народное движение», заявил, что, несмотря на значительный спад активности политических организаций, политическую жизнь невозможно представить без политических партий. По его мнению,

¹¹ 25.09.2021. تونس.. حزب العمال يبدأ مشاورات لتشكيل جبهة ضد "استبداد" سعيد // الأناضول. (Тунис: Партия трудящихся начала консультации для формирования фронта против «произвола» Саида // Агентство «Анадолу». 25.09.2021). URL: <https://www.aa.com.tr/ar/2374212/-حزب-العمال-يبدأ-مشاورات-ات-تشكيل-جبهة-ضد-استبداد-سعيد> (дата обращения: 26.02.2025). (на араб. яз.).

¹² Быстров А.А. К итогам парламентских выборов в Тунисе // Институт Ближнего Востока. 20.12.2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=93088> (дата обращения: 26.02.2025).

¹³ أمين عام حزب المسار الديمقراطي الاجتماعي في تونس فوزي الشرفي: من الضروري أن تفتح السلطة وأن تسير بروح .26.10.2024. (Генеральный секретарь партии «Демократический и социальный путь» в Тунисе Фаузи Аш-Шарфи: необходимо, чтобы власть была более открытой и действовала в духе [политической культуры] участия, не боясь мнения оппозиции // Аль-Кудс Аль-Араби. 26.10.2024). URL: <https://www.alquds.co.uk/الأمين-عام-حزب-المسار-الديمقراطي-الاجتم> (дата обращения: 10.03.2025). (на араб. яз.).

¹⁴ هل بدأ دور الأحزاب السياسية يتلاشى في تونس؟ // الشرق الأوسط .02.03.2024 (Политические партии утрачивают свою значимость в Тунисе? // Аш-Шарк Аль-Аусат. 02.03.2024). URL: <https://aawsat.com/العالم-العربي/شمال-افريقيا/4888526-هل-بدأ-دور-الأحزاب-السياسية-يتلاشى-في-تونس؟> (дата обращения: 10.03.2025). (на араб. яз.).

¹⁵ Там же.

необходимо разработать новые механизмы достижения основных целей для возобновления партийной работы, для чего необходимо «извлечь уроки из ошибок прошлого»¹⁶.

В начале февраля 2025 г. оппозиционная Свободная дустурианская партия заявила о разработанной дорожной карте с целью объединения оппозиции против режима президента. Как упоминалось ранее, глава партии А. Мусси стала одним из политиков, оказавшихся в тюремном заключении с конца 2023 г. Данная партия выразила намерение вступить в контакт с различными партиями на политической арене страны, а также с представителями гражданского общества. В официальном заявлении было указано, что целью этого является «принятие совместных шагов и мер для того, чтобы положить конец диктаторскому режиму и его неспособности реализовать требования и чаяния народа в экономической и социальной сфере». В ходе пресс-конференции партия заявила о начале составления Национальной хартии — рамочного соглашения, объединяющего широкий политический блок разнообразных сил и организаций гражданского общества. В их числе такие партии, как движение «Хакк», партии «Национальный альянс», «Афак Тунис», «Демократическое течение» и пр.

Заключение

После событий «арабской весны» политическая система Туниса стала полем для противоборства различных общественно-политических сил. В политическую систему были добавлены новые элементы и внесены серьезные изменения, однако факторы преемственности прежнего режима по-прежнему сохраняли свое влияние. Как показала практика, демократических реформ оказалось недостаточно для улучшения общего уровня жизни граждан страны и ее выхода из тяжелого экономического положения.

В настоящее время политические партии Туниса оказались в чрезвычайно сложной кризисной ситуации. Однако причины данного кризиса связаны не только с внешними факторами, т.е. неблагоприятными внешними условиями, выразившимися в подавлении со стороны президента, но и состоянием внутренней раздробленности и разобщенности внутри партий, их неспособности мобилизоваться и дать адекватный ответ на давление извне. В настоящее время наблюдаются попытки ряда партий объединить усилия, оппозиционные действиям президента, с тем чтобы противостоять тому, что они называют «диктатурой и авторитаризмом». Успешность этих попыток будет во многом зависеть от того, смогут ли различные партии и общественно-политические движения прийти к договоренностям, перегруппировать силы и выступить единым фронтом для продвижения своих требований и защиты своих интересов. Вместе с тем стороны, президенту

¹⁶ أين اختفت الأحزاب التونسية؟ // العرب. (Куда исчезли тунисские партии? // Аль-Араб. 24.12.2024). URL: <https://www.alarab.co.uk/أين-اختفت-الأحزاب-التونسية/> (дата обращения: 10.03.2025). (на араб. яз.).

для сохранения своих позиций будет необходимо разработать новую устойчивую модель политической жизни, чтобы обеспечить стабильность режима и существующего государственного строя.

Поступила в редакцию / Received: 20.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 09.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Аль-Фаси А. Движения за независимость в арабском Магрибе. — Танжер: Абдуссалам Джасус, 1948. 1948 الفاسي ع. الحركات الاستقلالية في المغرب العربي. طنجة: عبد السلام جوس، 1948.
- Видясова М.Ф. Тунис. Маршрут в XXI век. Москва : Садра, 2018.
- Гендуз А., Мабтуш А., Каибуш О. Партийные расколы и их влияние на демократический процесс в Тунисе // Алжирский журнал политологических и правовых исследований. 2023. Т. 9. № 1. С. 706–723. قندوز ع، مبطوش ا، كعيوش ع. الانشقاقات الحزبية وانعكاساتها على العملية الديمقراطية في تونس \ مجلة البحوث في الحقوق والعلوم السياسية. 2023. المجلد 09. العدد 01
- Долгов Б.В. Социально-политическое развитие Туниса и стратегия «Движения Нахда» // Россия и мусульманский мир. 2017. № 12 (306). С. 85–101.
- Кашина А.А. Революция свободы и достоинства» в Тунисе: большие надежды. Москва : ИБВ, ДА МИД, 2018.
- Кортаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Арабская весна как квазисуперкритическое явление? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков : ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Кортаев, Л.М. Исаев, К.В. Мещерина. Волгоград : Учитель, 2016. С. 127–156. EDN: ZKHHWN.
- Кофанов И.Т. Тунис: время перемен. Москва : ИАФР РАН, 2020.
- Кузнецов В.А. Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию. Москва : ИВ РАН, ГАУГН Пресс, 2018. EDN: YWOQGD.
- Ланда Р.Г. История Туниса. XX век. Москва : ИВ РАН, 2017.
- Сапронова М.А. Особенности конституционного строительства в Тунисе и Египте после «арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2014. № 3. С. 30–38. EDN: RAWJDX.
- Сапронова М.А. Политические системы арабских стран: учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. EDN: VIZISJ.
- Современные избирательные системы. Вып. 18: Венгрия, Казахстан, Тунис / А.Н. Бурова, С.В. Ведяшкин, А.А. Макарец и т.д.; науч. ред. А.А. Автономов, В.И. Лысенко. Москва : РЦОИТ, 2023. EDN: IWEWVT.
- Тимошенко В.И., Салыков Д.Н. К теории партий и партийных систем // Politbook. 2016. № 2. С. 52–72. EDN: WTDCCCL.
- Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после «арабской весны» / отв. ред. А.В. Кортаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. Москва : ЛЕНАНД/URSS, 2013. С. 378–399.
- Царегородцева И.А. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // Islamology. 2017. 7(1). С. 122–137.
- El-Haddad A. Redefining the social contract in the wake of the Arab Spring: The experiences of Egypt, Morocco and Tunisia // World Development. 2020. No. 127. P. 1–22. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104774>

- Leksour N. The democratic uprising in North Africa. Case study of Tunisia's Jasmine revolution // *Algerian Review of Security and Development*. 2023. Vol. 12. No. 1. P. 350–362.
- Mako Sh., Moghadam V.M. *After the Arab Uprisings: Progress and Stagnation in the Middle East and North Africa*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021.
- Alexander J. *The Local State in Post-War Mozambique: Political Practice and Ideas About Authority* // *Africa*. 1997. Vol. 67, no. 1. P. 1-26. <https://doi.org/10.2307/1161268>

References

- Al-Fasi, A. (1948). *Independence movements in the Arab Maghreb*. Tangier: Abdessalam Jasus. (In Arabic).
- Burova, A.N., Vedyashkin, S.V., Makartsev, A.A. et al. (2023). *Modern Electoral Systems. Vol. 18: Hungary, Kazakhstan, Tunisia*. A.A. Avtonomov, V.I. Lysenko (Eds.). Moscow: Russian Center for Training in Electoral Technologies, (In Russian). EDN: IWEWVT.
- Dolgov, B.V. (2017). Socio-political development of Tunisia and the strategy of the «Nahda Movement». *Russia and the Muslim World*, 12(306), 85–101. (In Russian).
- El-Haddad, A. (2020). Redefining the social contract in the wake of the Arab Spring: The experiences of Egypt, Morocco and Tunisia. *World Development*, 127, 1–22. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104774>
- Genduz, A., Mabtush, A., & Kaibush, O. (2023). Divisions within political parties and their effect on the democratic process in Tunisia. *Algerian Journal of Political and Legal Studies*, 9(1), 706–723. (In Arabic).
- Kashina, A.A. (2018). *The Revolution of Freedom and Dignity in Tunisia: Great Expectations*. Moscow: Institute of Middle East Studies, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, 2018. (In Russian).
- Korotayev, A.V., Issaev, L.M., & Shishkina, A.R. (2016). The Arab Spring as a Quasi-Supercritical Phenomenon? *Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Yearbook*. Editors-in-chief L.E. Grinin, A.V. Korotayev, L.M. Isaev, K.V. Meshcherina. Volgograd: Uchitel, 127–156. (In Russian). EDN: ZKHHWN.
- Kofanov, I.T. (2020). *Tunisia: Time for Change*. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2020. (In Russian).
- Kuznetsov, V.A. (2018). *Hidden Paths of Tunisia: Living and Telling the Revolution*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, GAUGN Press. (In Russian). EDN: YWOQGD.
- Landa, R.G. (2017). *History of Tunisia. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Leksour, N. (2023). The democratic uprising in North Africa. Case study of Tunisia's Jasmine revolution. *Algerian Review of Security and Development*, 12(1), 350–362.
- Mako, S., & Moghadam, V.M. (2021). *After the Arab uprisings: Progress and stagnation in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sapronova, M.A. (2014). Features of constitutional construction in Tunisia and Egypt after the «Arab Spring». *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series International Relations*, 3, 30–38. (In Russian). EDN: RAWJDX.
- Sapronova, M.A. (2025). *Political systems of Arab countries: training manual*. Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russian). EDN: VIZISJ.
- Timoshenko, V.I., & Salykov, D.N. (2016). On the theory of parties and party systems. *Politbook*, 2, 52–72. (In Russian). EDN: WTDCCCL.
- Truevtsev, K.M. (2013). Jasmine Revolution in Tunisia. *Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: The Arab World after the «Arab Spring»*. Editors-in-chief A.V. Korotayev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina. Moscow: LENAND/URSS, 378–399. (In Russian).

- Tsaregorodtseva, I.A. (2017). Islamists in the Politics of Egypt and Tunisia after the Arab Spring. *Islamology*, 7(1), 122–137. (In Russian). <https://doi.org/10.24848/islm1g.07.1.07>
- Vidyasova, M.F. (2018). *Tunisia. Route to the 21st century*. Moscow: Sadra. (In Russian). EDN: LCCAQP.

Сведения об авторе:

Бурова Анна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока и Африки, факультет востоковедения и африканистики, Институт евразийских и восточных исследований, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: burova-denjak@mail.ru) (ORCID: 0009-0004-1895-8935)

About the author:

Anna N. Burova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department for Modern East and Africa, Faculty of Oriental and African Studies, Institute of Eurasian and Oriental Studies, Russian State University for the Humanities (e-mail: burova-denjak@mail.ru) (ORCID: 0009-0004-1895-8935)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-896-908

EDN: FTTNAM

Научная статья / Research article

Динамика электоральных процессов в Мозамбике в 2014–2024: на стыке глобальных влияний и локальной специфики

А.И. Купалов-Ярополк

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ kazachok.anton@gmail.com

Аннотация. Одной из ключевых политических проблем во многих государствах Африки южнее Сахары в XXI в. является несменяемость правящих партий при формальном признании свободы выбора населения. Цель данного исследования — характеристика основных трансформаций электоральных предпочтений граждан Республики Мозамбик с учетом ключевых факторов, влияющих на пространственное распределение голосов избирателей в 2014–2024 гг. Научная новизна работы заключается в том, что изменения социально-политической ситуации в Мозамбике рассматриваются в связи с результатами электоральных циклов, выраженных в количестве голосов избирателей в каждой из 11 провинций страны. Методологическим основанием исследования служат комплексные математические методы расчета пространственного распределения голосов избирателей по административно-территориальным единицам. Удалось установить, что по прошествии трех последних циклов выборов 2014, 2019 и 2024 гг. в государстве значительно усилилась электоральная монохромность. За этот период диспропорции в пространственно-территориальном распределении голосов электората значительно нивелируются. Одновременно в большинстве провинций наблюдается нисходящий тренд поддержки правящей партии FRELIMO. На основании проведенных расчетов был определен основной сценарий развития социально-политической ситуации в Мозамбике по окончании последнего на данный момент электорального цикла 2024 г. Он предполагает дальнейшую территориальную консолидацию под властью FRELIMO, ослабление исторически наиболее активной оппозиции в лице национал-демократов RENAMO вследствие конфликта в руководстве организации и переход активистов PODEMOS в число умеренных парламентских оппозиционеров.

Ключевые слова: Африка, Мозамбик, электоральные тренды, социально-политическая ситуация, оппозиция, выборы, политический кризис

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Купалов-Ярополк А.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Купалов-Ярополк А.И. Динамика электоральных процессов в Мозамбике в 2014–2024: на стыке глобальных влияний и локальной специфики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 896–908. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-896-908>

Dynamics of the Electoral Processes in Mozambique in 2014–2024: At the Junction of Global Influences and Local Specifics

Anton I. Kupalov-Yaropolk

The Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ kazachok.anton@gmail.com

Abstract. One of the key problems in many sub-Saharan African countries in the 21st century is the irremovability of ruling parties while formally recognizing the freedom of choice of the population. The purpose of this study is to characterize the main transformations of electoral preferences of citizens of the Republic of Mozambique, taking into account the key factors influencing the spatial distribution of votes in 2014–2024. The scientific novelty of the work lies in the fact that changes in the socio-political situation in Mozambique are considered in connection with the results of electoral cycles, expressed in the number of votes in each of the 11 provinces of the country. It was established that after the last three cycles of the presidential elections in 2014, 2019 and 2024, the electoral monochromacy in the state has significantly increased: the disproportions in the spatial and territorial distribution of the electorate's votes are significantly leveled. The main scenario for the development of the socio-political situation in Mozambique was determined at the end of the current electoral cycle in 2024. It presupposes further territorial consolidation under the rule of FRELIMO, the weakening of the historically most active opposition in the person of the RENAMO national democrats due to a conflict in the leadership of the organization and the transition of PODEMOS activists to the number of moderate parliamentary oppositionists.

Keywords: Africa, Mozambique, electoral trends, socio-political situation, opposition, elections, political crisis

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kupalov-Yaropolk, A.I. (2025). Dynamics of the electoral processes in Mozambique (2014–2024): At the junction of global influences and local specifics. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 896–908. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-896-908>

Введение: формирование института выборов в странах Африки южнее Сахары

В 1960–1970-е гг. во многих странах Африканского континента государственная власть основывалась на персонифицированном гражданском управлении харизматического лидера, срок правления которого официально не ограничивался [Денисова 2015: 27–28; Mattes, Mozaffar 2016: 203]. К 1990-м гг. ситуация начала меняться: после окончания глобального противостояния в период холодной войны политические режимы Африки во избежание изоляции должны были интегрироваться в новый миропорядок. Одним из инструментов принятия условий демократизации было создание национального института выборов

[Емельянов 2012: 149; Elischer 2013: 86–87]. Партии-инкумбенты видели в этом возможность легитимизации собственной политической власти в глазах мировой общественности. Оппозиционные движения в обновленных реалиях надеялись на смену прежнего режима, расширение парламентских полномочий и увеличение числа мандатов [Murison 2003: 683; Lindberg 2005: 44].

Некоторые страны Африки южнее Сахары до сегодняшнего дня переживают этап становления локальной демократизации [Bowen 2000: 43–44]. Амбивалентные результаты перехода от персонифицированного гражданского управления к системе всеобщих выборов соотносимы с тем, что социолог Роберт Мертон называл непреднамеренными последствиями [Мертон 2009: 7–8]. Последние проявляются в симбиозе партийной стагнации и формального признания свободы политического выбора [Flores, Nooruddin 2012: 563].

Выборы в Мозамбике 2014–2024 гг.: специфика изучения

С момента первых демократических выборов 1994 г. электоральный ландшафт Мозамбика формировался под влиянием политической дихотомии «FRELIMO — RENAMO». Следовательно, расчеты распределения голосов основываются на бинарной оппозиции «Правящая партия — организованная оппозиция» [Alexander 1997: 11–12; Harrison 1996: 23]. Под первым компонентом подразумевается поддержка кандидата от FRELIMO как несменяемой правящей партии в государстве [Carbone 2005: 437]. Второй компонент в зависимости от электорального цикла включает в себя представителя оппозиционной партии, получившей более 10 % голосов. Выбранный подход позволяет поместить в фокус внимания исследователя изменения в поддержке двух наиболее влиятельных политических акторов, а также избежать эффекта электорального пуантилизма [Чугров 1998: 48–49].

В государствах Африки южнее Сахары высокая активность оппозиционных сил наблюдается в столице государства [Туровский, Сухова 2024: 105]. Это объясняется массовым присутствием в них наиболее радикально настроенной части населения — интеллигенции [Simbine, Oyekanmi 2025: 6]. Кроме того, столица Мапуту располагает крупнейшим морским портом, рабочие которого часто также являются участниками демонстраций [Климанова 2012: 606–607; Nuvunga 2017: 78].

В рассматриваемый период официальный уровень явки на выборах составил: 2014 — 47 %, 2019 — 52 %, 2024 — 43 %¹. Однако, по мнению некоторых исследователей, опубликованный показатель 2024 г. несколько выше реального, поскольку явка включает в себя массовый вброс бюллетеней в урны². По оценкам аналитиков, реальная явка на голосовании 2024 г. составляла не более 39 %³.

¹ Mozambique. URL: <https://www.electionguide.org/countries/id/147/> (accessed: 12.03.2025).

² Карамаев С.Г. Выборы в Мозамбике: новое лицо старой гвардии. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-v-mozambique-novoe-litso-staroy-gvardii> (дата обращения: 12.03.2025).

³ CIP Mozambique Elections: Podemos Now the Main Opposition; Boycott in North. URL: <https://clubofmozambique.com/news/cip-mozambique-elections-podemos-now-the-main-opposition--268961/> (accessed: 13.03.2025).

Национальная комиссия по выборам публикует результаты голосования на всеобщих выборах в Мозамбике: распределение голосов за 2014–2024 гг. приводится только на уровне административно-территориальных единиц (далее АТЕ) 1-го порядка — провинций. Исключение из расчетов данных по АТЕ 2-го порядка — округов — ограничивает интерпретацию общей картины электорального ландшафта государства. Однако сосредоточение на провинциальном уровне позволит рассмотреть более масштабные трансформации в контексте основных государствообразующих субъектов [Slider, Gimpelson, Chugrov 1994: 722].

Синтез математических методов в исследовании электорального ландшафта Мозамбика

Используемые в работе индексы расчета пространственного распределения голосов были имплементированы российскими общественными географами, в том числе П.С. Варюшиным, в исследованиях политической поляризации в США [Варюшин 2014: 46–47]. В релятивистской форме данные математические методы могут быть задействованы при анализе любого демократического государства, где существует как минимум одна оппозиционная партия. Автор адаптировал индексы под политические реалии Мозамбика, в основе каждой формулы — упомянутая ранее дихотомия «Правящая партия — организованная оппозиция (набравшая не менее 10 % голосов избирателей)». При проведении расчетов автор использовал официальные бюллетени, опубликованные Национальной избирательной комиссией Мозамбика в 2014–2024 гг.⁴

Предварительной операцией для дальнейших расчетов является определение отношения численности голосов, отданных за правящую партию FRELIMO, к числу поддержавших оппозицию в каждой из 11 провинций. Для циклов 2014 и 2019 гг. в роли организованной оппозиции выступает RENAMO под руководством А. Длакамы и О. Момаде, для 2024 — PODEMOS во главе с В. Мондлане. Полученное соотношение нормируется относительно количества набранных голосов за каждого кандидата на государственном уровне:

$$\frac{R}{O} = \frac{\left(N_{\text{правящая}} / N_{\text{оппозиция}} \right)_{\text{провинция}}}{\left(N_{\text{правящая}} / N_{\text{оппозиция}} \right)_{\text{страна}}},$$

где N — численность голосов избирателей; R — общая численность голосов за правящую партию (англ. ruling); O — общая численность голосов за оппозицию (англ. opposition).

⁴ 2023 & 2024 and earlier elections. URL: <https://university.open.ac.uk/technology/mozambique/2023-2024-and-earlier-elections> (дата обращения: 18.02.2025).

Чем больше значение коэффициента, тем выше уровень поддержки правительственной партии FRELIMO в конкретной провинции.

Составленная автором матрица нормированного соотношения голосов по циклам 2014, 2019 и 2024 г. служит первоэлементом для дальнейших математических операций (табл. 1).

Таблица 1

Нормированное соотношение голосов за кандидатов от правящей партии и оппозиции по провинциям на выборах в Мозамбике 2014–2024 гг.

Провинция	2014	2019	2024
Север			
Кабу-Делгаду	2,8	1,1	0,9
Ньяса	0,7	0,7	1,1
Нампула	0,6	0,5	0,7
Центр			
Тете	0,6	1,2	2,3
Замбезия	0,5	0,7	1,5
Маника	0,7	1,0	0,8
Софала	0,4	1,0	0,8
Юг			
Иньямбане	2,7	1,8	1,1
Газа	19,5	9,9	2,2
Мапуту	2,8	1,0	0,7
Мапуту (ст.)	2,2	0,9	0,5

Источник: составлено А.И. Купаловым-Ярополком на основе: 2023 & 2024 and earlier elections. URL: <https://university.open.ac.uk/technology/mozambique/2023-2024-and-earlier-elections> (дата обращения: 18.02.2025).

Table 1

The normalized ratio of votes for candidates from the ruling party and the opposition by province in the 2014–2024 elections in Mozambique

Province	2014	2019	2024
The North			
Cabo Delgado	2.8	1.1	0.9
Niassa	0.7	0.7	1.1
Nampula	0.6	0.5	0.7
The Center			
Tete	0.6	1.2	2.3
Zambezia	0.5	0.7	1.5
Manica	0.7	1.0	0.8
Sofala	0.4	1.0	0.8
The South			
Inhambane	2.7	1.8	1.1
Gaza	19.5	9.9	2.2
Maputo	2.8	1.0	0.7
Maputo (city)	2.2	0.9	0.5

Source: compiled by A.I. Kupalov-Yaropolk based on: 2023 & 2024 and earlier elections. Retrieved February 18, 2025, from <https://university.open.ac.uk/technology/mozambique/2023-2024-and-earlier-elections>

Первичный анализ матрицы позволяет выделить три кластера провинций.

1. Характерная черта первого кластера — заметный восходящий тренд поддержки правительства. К нему относятся провинции Ньяса на севере страны, а также Тете и Замбезия в Центральном регионе.

2. Второй, наиболее крупный кластер, является инверсией первого. Его отличительным признаком обозначается нисходящий тренд поддержки FRELIMO. Во второй кластер входит Кабу-Делгаду на севере и все провинции юга — Иньямбане, Газа, Мапуту и одноименная столица Мозамбика.

3. К третьему кластеру относятся провинции, в которых соотношение голосов за FRELIMO и оппозицию подверглось незначительным флуктуациям на протяжении 2014–2019 г. На севере его представителем является Нампула, а в Центральном регионе — Маника и Софала.

Из предварительного анализа матрицы нормированного соотношения голосов следует предварительный вывод, что преобладающий электоральный тренд в Мозамбике за указанный период 2014–2024 гг. — снижение уровня доверия правительству FRELIMO.

Далее следуют расчеты коэффициентов:

1. *Коэффициент перераспределения.* Показатели коэффициента позволяют судить о масштабе пространственных реорганизаций групп избирателей того или иного кандидата [Варюшин 2014: 46]. Перед расчетом коэффициента необходимо выстроить столбцы из предварительно полученных показателей соотношений голосов за правящую партию FRELIMO и оппозицию по каждой провинции за три рассматриваемых цикла 2014–2024 гг. Затем следует провести ранжирование от максимального к минимальному значению. После этого на основе обновленных столбцов определяется разница значений рангов по каждой провинции между двумя последовательными циклами⁵.

Формула коэффициента перераспределения применительно к административному устройству Мозамбика выглядит следующим образом:

$$K_{\text{перераспределения}} = \frac{\sum_{i=1}^{11} P}{P_{\text{max}}},$$

где $\sum_{i=1}^{11} P$ — сумма разниц между рангами по каждому ряду за два последовательных голосования для 11 мозамбикских провинций; P_{max} — максимально возможное число перестановок в ряду.

Последнее значение определяется по формуле⁶

$$P_{\text{max}} = \frac{n^2 - 1}{2},$$

где n — число АТЕ 1-го порядка.

⁵ Варюшин П.С. Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования : дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Москва : 2017. С. 54.

⁶ Там же. С. 54.

Если значение показателя возрастает — масштаб территориальной организации электората кандидата правящей партии FRELIMO увеличивается. Применив формулу, был получен результат 0,4 для периода 2014–2019 гг. и 0,5 в 2019–2024 гг. Разница между двумя циклами, составляющая 0,1, является незначительной. Территориальная организация поддержки FRELIMO практически не претерпевала изменений с 2014 по 2024 г.

2. *Коэффициент электоральной флуктуации.* Нормированное соотношение голосов по каждой провинции за определенный цикл позволяет определить, в какой степени изменился уровень поддержки FRELIMO в Мозамбике за период между двумя голосованиями:

$$\Delta_{ij} = \frac{(R/O)_j}{(R/O)_i},$$

где Δ_{ij} — показатель флуктуации численности голосов за кандидатов от правящей партии между соседними циклами, i предшествует j ; R — численность голосов за кандидата FRELIMO, O — численность голосов оппозиционного кандидата.

Чем больше значение коэффициента, тем существеннее увеличилась поддержка в конкретной провинции за выбранный период.

В период 2014–2024 гг. высокий уровень флуктуации наблюдается в традиционно поддерживавших оппозицию центральных провинциях. Наивысший показатель закономерно принадлежит «резиденции» RENAMO Софале — 5,4 (табл. 2). Наименьшие значения коэффициента наблюдаются в Мапуту (провинции и столице) — 0,8–0,9 соответственно, для которых характерен эффект столичной оппозиции, и Кабу-Делгаду — 0,9, где с 2017 г. идет вооруженный конфликт с участием радикалов-исламистов [Денисова, Костелянец 2024: 50].

Таблица 2

Значение коэффициента электоральной флуктуации 2014–2024 гг.

Провинция	2014–2019	2019–2024
Кабу-Делгаду	0,9	0,8
Ньяса	2,2	1,5
Нампула	2,0	1,3
Тете	4,2	2,0
Замбезия	3,1	2,2
Маника	3,4	0,8
Софала	5,4	0,8
Иньябане	1,5	0,6
Газа	1,1	0,2
Мапуту	0,8	0,7
Мапуту (ст.)	0,9	0,5

Источник: составлено А.И. Купаловым-Ярополком на основе: 2023 & 2024 and earlier elections. URL: <https://university.open.ac.uk/technology/mozambique/2023-2024-and-earlier-elections> (accessed: 18.02.2025).

Table 2

The value of the electoral fluctuation coefficient 2014–2024

Province	2014–2019	2019–2024
Cabo Delgado	0.9	0.8
Niassa	2.2	1.5
Nampula	2.0	1.3
Tete	4.2	2.0
Zambezia	3.1	2.2
Manica	3.4	0.8
Sofala	5.4	0.8
Inhambane	1.5	0.6
Gaza	1.1	0.2
Maputo	0.8	0.7
Maputo (city)	0.9	0.5

Source: compiled by A.I. Kupalov-Yaropolk based on: 2023 & 2024 and earlier elections. Retrieved February 18, 2025, from <https://university.open.ac.uk/technology/mozambique/2023-2024-and-earlier-elections>

Почти в половине провинций заметно серьезное снижение поддержки FRELIMO. Такой эффект создается за счет окончания периода безальтернативности, пиком которой стали выборы 2019 [Bussotti 2021: 7; Pitcher 2020: 481–482]. Тогда старая оппозиция в лице RENAMO окончательно утратила свой авторитет, и часть традиционного электората кандидатов этой партии отдала голос в пользу FRELIMO [Токарев 2020: 89–90; Hanlon 2021: 46].

К 2024 г. PODEMOS находилась на пике популярности. В лице Мондлане население впервые за прошедшие 10 лет увидело достойную альтернативу политически недееспособным руководителям RENAMO [Купалов-Ярополк 2025: 59]. Софала и Маника выделяются в группе тех провинций, что склонились в пользу новых демократов, — показатели электоральной флуктуации и, соответственно, поддержки FRELIMO, в них снизились до 0,8 — на рекордные 4,6 и 2,6 п.п. соответственно.

3. Коэффициент суммарного сдвига. Его ключевой параметр — сопоставление изменений организации региональной поддержки кандидата и его итоговых результатов на выборах. Коэффициент демонстрирует силу и глубину трансформации электорального поведения граждан. После определения разницы в нормированном соотношении голосов (см. табл. 1) за два последовательных цикла в провинциях необходимо сложить значения по модулю. Затем полученное число делится на количество АТЕ 1-го порядка:

$$K_{\text{сдвига}} = \frac{\sum \left[\Delta \frac{R}{O} \right]}{n},$$

где $\Delta \left(\frac{R}{O} \right)$ — модальная разница отношения долей голосов за FRELIMO и оппозицию от общей численности голосов за последовательные циклы; n — число АТЕ-го порядка, в случае Мозамбика равное 11.

Минимальное значение коэффициента — 0. Увеличение показателя свидетельствует о трансформации электоральных трендов.

Показатель за 2014–2019 гг. и за 2019–2024 гг. равен 1,6 и 1,1 соответственно. Снижение уровня трансформации электорального поведения, равное 0,5, является относительно небольшим. Результат объясним потерей поддержки RENAMO и переходом части его сателлитов к CODEMOS в 2024 г.

4. *Коэффициент вариации.* Метод необходим для оценки территориальных диспропорций при распределении голосов электората⁷:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{x}},$$

где σ — среднеквадратическое отклонение показателя $\frac{o}{R}$ в совокупности, за которую принимаются значения величины $\frac{o}{R}$ по 11 провинциям; \bar{x} = выборочное среднее значение величины $\frac{o}{R}$ по совокупности.

Минимальное значение коэффициента — 0.

Чем больше показатель, тем больше пространственные электоральные диспропорции. В 2014 г. показатель был равен 1,8, в 2019 — 1,4, в 2024 — 0,5. Полученный результат позволяет о поэтапно усиливающейся электоральной монохромности в Мозамбике.

Анализ результатов и прогнозирование ситуации после 2024 г.

Показатели свидетельствуют о субституции организованной оппозиции в Мозамбике: национал-демократы RENAMO уступил позиции актору нового поколения CODEMOS. Шанс национал-демократов на успешное продвижение — путь «обновления» кадров и избрание молодого лидера, готового противостоять в 2029 г. Даниэлу Шапу. Однако этот процесс представляется непредсказуемым по своим последствиям после утверждения нового кандидата: маловероятно, что за 5 лет RENAMO успеет адаптироваться к новому лидеру.

Партия CODEMOS в 2025 г. потеряла харизматического лидера Венасиу Мондлане, но сумела закрепить за собой 43 места в мозамбикском парламенте — Собрании Республики. Депутаты партии единогласно поддержали новую «Стратегию национального развития 2025-2044», составленную еще в 2024 г. преимущественно членами партии FRELIMO⁸. Депутаты CODEMOS сохраняют свой оппозиционный статус и активно высказывают замечания по программам развития, предлагаемым правительством⁹. Однако партия более не использует

⁷ Варюшин П.С. Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования : дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / П.С. Варюшин. – М., 2017. – С. 55-56.

⁸ Mozambique: Government approves 2025–2044 National Development Strategy (ENDE). URL: <https://clubofmozambique.com/news/mozambique-government-approves-2025-2044-national-development-strategy-ende-259653/> (accessed: 11.05.2025).

⁹ Mozambique: Opposition wanted public consultation on 2025–44 ENDE National Development Strategy — Watch. URL: <https://clubofmozambique.com/news/>

открытые призывы к свержению власти, как это было в 2024 г.: PODEMOS перешла в разряд умеренной оппозиции.

Позиции FRELIMO в ближайшее время могут значительно укрепиться. При поддержке позитивного курса развития страны у последнего имеются серьезные шансы на переизбрание в 2029 г. «Обновление» главной партии Мозамбика подтверждает тезис ганаянского экономиста Джорджа Айитти о том, что для плодотворного развития африканских государств «континенту нужны гепарды, а не гиппопотамы»¹⁰. Под первыми он подразумевает молодых лидеров, понимающих современный политико-экономический контекст и способных максимально оперативно реагировать на его изменения. Роль вторых он отводит возрастным деятелям, чье понимание управления государством зиждется на устаревших методах и подходах 1960-1970-х гг., когда Африка только вышла на путь самостоятельного развития.

Электоральный ландшафт Мозамбика к 2025 г. практически полностью утратил свою мозаичность. Масштабная политическая компания новых демократов носила временный характер. Проблема несогласованности действий руководства RENAMO, а затем PODEMOS фактически привела к исчезновению организованной оппозиции в стране. Заметным является нисходящий тренд поддержки правящей партии FRELIMO в большинстве провинций (особенно на юге страны). Вместе с этим электоральная монохромность Мозамбика со временем усиливается — различия в уровне поддержки правительства с 2014 по 2024 г. стали менее различимы. Одновременно территориальная организация поддержки FRELIMO за 10 лет практически не изменилась.

Тренды дальнейших социально-политических процессов в Мозамбике до 2029 г. будут продиктованы политикой партии FRELIMO. Субституция официальной оппозиции не привела к результатам более масштабным, чем появление новой фракции в парламенте. Соответственно, равносильных конкурентов у ставленника правящей партии в срок до начала новой предвыборной компании де-факто не существует.

Поступила в редакцию / Received: 31.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 03.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

Варюшин П.С. Методы исследования географии политических предпочтений населения США // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 42–48. EDN: TAVMYN.

mozambique-opposition-wanted-public-consultation-on-2025-44-ende-national-development-strategy-watch-280725/ (accessed: 11.05.2025).

¹⁰ Why Africa needs 'cheetahs', not 'hippos'. URL: <https://edition.cnn.com/2010/OPINION/08/25/ayithey.cheetahs.hippos/index.html> (accessed: 07.05.2025).

- Денисова Т.С. «Волна демократизации» и электоральные процессы в Тропической Африке // Ученые записки Института Африки РАН. 2015. Т. 32. № 1. С. 27–37. EDN: VHMPDL.
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности // Азия и Африка сегодня. 2024. № 5. С. 46–55. <http://doi.org/10.31857/S032150750030834-9> EDN: YWZYIO.
- Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары : учебное пособие. Москва : МГИМО-Университет, 2012. 491 с. EDN: SUMMTX.
- Климанова О.А. и др. Мозамбик // Большая российская энциклопедия. 2012. Т. 20. С. 605–613.
- Купалов-Ярополк А.И. Трансформация электоральных трендов в Республике Мозамбик в 2014–2024 гг // Социология. 2025. № 3. С. 56–60. <http://doi.org/10.24412/1812-9226-2025-3-56-60> EDN: HVVJVQ.
- Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17. EDN: PBDRMV.
- Токарев А.А. Всеобщие выборы в Мозамбике // Выборы в странах Юга Африки : сборник статей. Москва : Институт Африки РАН, 2020. С. 88–99. EDN: FEWENL.
- Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Национальный лидер в многонациональном обществе: сравнительный анализ африканских стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 98–110. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-98-110> EDN: LJLWSL.
- Чугров С.В. О региональной фрагментации российского политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1. С. 40–49. EDN: UDWITH.
- Alexander J. The Local State in Post-War Mozambique: Political Practice and Ideas About Authority // Africa. 1997. Vol. 67. No. 1. P. 1–26. <https://doi.org/10.2307/1161268>
- Bowen M. The State against the Peasantry. Rural Struggles in Colonial and Postcolonial Mozambique. Charlottesville and London: University Press of Virginia — 2000.
- Bussotti L. Peace and Democracy in Mozambique: An Endless Transition // Africa Development. 2021. Vol. 46. No. 2. P. 1–16.
- Carbone G. Continuidade Na Renovação? Ten Years of Multiparty Politics in Mozambique: Roots, Evolution and Stabilisation of the Frelimo–Renamo Party System // The Journal of Modern African Studies. 2005. Vol. 43. No. 3. P. 417–442. <https://doi.org/10.1017/S0022278X05001035>
- Elischer S. Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139519755>
- Flores T., Nooruddin I. The Effect of Elections on Postconflict Peace and Reconstruction // The Journal of Politics. 2012. Vol. 74. No. 2. P. 558–570. <https://doi.org/10.1017/s0022381611001733>
- Hanlon J. Collapsing Electoral Integrity in Mozambique // Journal of African Elections. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 44–66. <https://doi.org/10.20940/JAE/2021/v20i1a3>
- Harrison G. Democracy in Mozambique: The Significance of Multi-Party Elections // Review of African Political Economy. 1996. Vol. 23. No. 67. P. 19–34.
- Lindberg S. Consequences of Electoral Systems in Africa: a Preliminary Inquiry // Electoral Studies. 2005. Vol. 24. No. 1. P. 41–64. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2004.02.006>
- Mattes R., Mozaffar S. Legislatures and Democratic Development in Africa // African Studies Review. 2016. Vol. 59. No. 3. P. 201–215. <https://doi.org/10.1017/asr.2016.83>
- Nuvunga A. Mozambique's 2014 Elections: A Repeat of Misconduct, Political Tension and Frelimo Dominance // Journal of African Elections. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 71–94. <https://doi.org/10.20940/JAE/2017/v16i2a4>
- Pitcher A. Mozambique Elections 2019: Pernicious Polarization, Democratic Decline, and Rising Authoritarianism // African Affairs. 2020. Vol. 119. No. 476. P. 468–486. <https://doi.org/10.1093/afraf/adaa012>

- Murison K. (Ed.). *Regional Surveys of the World: Africa South of the Sahara 2003*. Abingdon-on-Thames: Europa Publications, 2003.
- Simbine A., Oyekanmi O. Contemporary Trends in African Elections (2013–2023) // *African Journal of Inter/Multidisciplinary Studies*. 2025. Vol. 7. No. 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.51415/ajims.v7i1.1635>
- Slider D., Gimpelson V., Chugrov S. Political Tendencies in Russia's Regions: Evidence from the 1993 Parliamentary Elections // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 3. P. 711–732. <https://doi.org/10.2307/2501517>

References

- Alexander, J. (1997). The local state in post-war Mozambique: Political practice and ideas about authority. *Africa*, 67(1), 1–26. <https://doi.org/10.2307/1161268>
- Bowen M. (2000). *The state against the peasantry: Rural struggles in colonial and postcolonial Mozambique*. Charlottesville & London: University Press of Virginia.
- Bussotti, L. (2021). Peace and democracy in Mozambique: An endless transition. *Africa Development*, 46(2), 1–16.
- Carbone, G. (2005). Continuity in Renewal? Ten Years of Multiparty Politics in Mozambique: Roots, Evolution, and Stabilization of the Frelimo–Renamo Party System. *The Journal of Modern African Studies*, 43(3), 417–442. <https://doi.org/10.1017/S0022278X05001035>
- Chugrov, S.V. (1998). On the regional fragmentation of Russian political consciousness. *World Economy and International Relations*, 1, 40–49. EDN: UDWITH.
- Denisova, T.S. (2015). “Wave of democratization” and electoral processes in Tropical Africa. *Journal of the Institute for African Studies*, 32(1), 27–37. (In Russian) EDN: VHMPDL.
- Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2024). Mozambique: Islamic radicalization as a factor of political instability. *Asia and Africa Today*, 5, 46–55. <http://doi.org/10.31857/S032150750030834-9> EDN: YWZYIO.
- Elischer, S. (2013). *Political parties in Africa: Ethnicity and party formation*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139519755>
- Emelyanov, A.L. (2012). *Postcolonial history of Africa South of the Sahara: A textbook*. Moscow: MGIMO University. EDN: SUMMTX.
- Flores, T., & Nooruddin, I. (2012). The effect of elections on postconflict peace and reconstruction. *The Journal of Politics*, 74(2), 558–570. <https://doi.org/10.1017/s0022381611001733>
- Hanlon, J. (2021). Collapsing electoral integrity in Mozambique. *Journal of African Elections*, 20(1), 44–66. <https://doi.org/10.20940/JAE/2021/v20i1a3>
- Harrison, G. (1996). Democracy in Mozambique: The significance of multi-party elections. *Review of African Political Economy*, 23(67), 19–34.
- Klimanova, O.A., et al. (2012). Mozambique. *The Great Russian Encyclopedia*, 20, 605–613.
- Kupalov-Yaropolok, A.I. (2025). Transformation of electoral trends in the Republic of Mozambique from 2014 to 2024. *Sociology*, 3, 56–60. <http://doi.org/10.24412/1812-9226-2025-3-56-60> EDN: HVVJVQ.
- Lindberg, S. (2005). Consequences of electoral systems in Africa: A preliminary inquiry. *Electoral Studies*, 24(1), 41–64. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2004.02.006>
- Mattes, R., & Mozaffar, S. (2016). Legislatures and democratic development in Africa. *African Studies Review*, 59(3), 201–215. <https://doi.org/10.1017/asr.2016.83>
- Murison, K. (Ed.). (2003). *Regional Surveys of the World: Africa South of the Sahara 2003*. Abingdon-on-Thames: Europa Publications.
- Nuvunga, A. (2017). Mozambique's 2014 elections: A repeat of misconduct, political tension, and Frelimo dominance. *Journal of African Elections*, 16(2), 71–94. <https://doi.org/10.20940/JAE/2017/v16i2a4>

- Pitcher, A. (2020). Mozambique elections 2019: Pernicious polarization, democratic decline, and rising authoritarianism. *African Affairs*, 119(476), 468–486. <https://doi.org/10.1093/afraf/adaa012>
- Simbine, A., & Oyekanmi, O. (2025). Contemporary trends in African elections (2013–2023). *African Journal of Inter/Multidisciplinary Studies*, 7(1), 1–15. <https://doi.org/10.51415/ajims.v7i1.1635>
- Slider, D., Gimpelson, V., & Chugrov, S. (1994). Political tendencies in Russia's regions: Evidence from the 1993 parliamentary elections. *Slavic Review*, 53(3), 711–732. <https://doi.org/10.2307/2501517>
- Tokarev, A.A. (2020). General elections in Mozambique. *Elections in Southern Africa*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 88–99. EDN: FEWENL.
- Turovsky, R.F., & Sukhova, M.S. (2024). National leader in a multinational society: A comparative analysis of African countries. *World Economy and International Relations*, 68(12), 98–110. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-98-110> EDN: LJLWSL.
- Varyushin, P.S. (2014). Methods of studying the geography of political preferences of the us population. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 4, 42–48. (In Russian) EDN: TAVMYN.

Сведения об авторе:

Купалов-Ярополк Антон Игоревич — младший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН (e-mail: kazachok.anton@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-3771-1780)

About the author:

Anton I. Kupalov-Yaropolk — Junior Research Fellow of the Center for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: kazachok.anton@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-3771-1780)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-909-919

EDN: FTQNIC

Научная статья / Research article

Военные перевороты в Западной Африке: пример Буркина-Фасо

А.А. Абрамова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ no.abramova@yandex.ru

Аннотация. В Буркина-Фасо с 2020 г. произошло восемь военных переворотов, включая два в 2022 г. Перевороты 2022 г. стали наиболее важными с точки зрения изменения политической парадигмы развития страны. В исследовании рассмотрены их ключевые аспекты, последовательность, а также их причины и последствия. Исследование позволило выявить факторы социально-политической нестабильности в Буркина-Фасо, в том числе внутреннее социально-экономические проблемы, угрозы терроризма, а также влияние кризиса в соседних странах — Мали и Гвинее. Помимо этого, в представленной статье проанализированы параллель и влияние военного переворота января 2022 г., а также сам процесс его осуществления, спровоцировавший военный переворот в сентябре 2022 г. Переворот в январе 2022 г. стал следствием серьезных угроз национальной безопасности, связанных с действиями террористических группировок, что вызвало массовые протесты и разочарование общества в работе правящих структур. Военные, воспользовавшись моментом, захватили власть, обосновывая свои действия необходимостью восстановления порядка и борьбы с терроризмом. На этом фоне был осуществлен второй военный переворот в сентябре 2022 г., который был вызван нарастанием внутренней дестабилизации, недовольством населения и расколом внутри вооруженных сил. Перевороты привели к двухэтапной ротации политической элиты и возвысили роль армии в политическом процессе. Также в представленном исследовании автором дается комплексный обзор текущего положения и перспектив дальнейшего развития ситуации в стране. Рассмотрены усилия правительства по восстановлению стабильности, развитию инфраструктуры и борьбе с коррупцией, а также новые политические шаги, включая отказ от выборов и расширение полномочий Президента Ибрагима Траоре. Отдельный аспект изучения представлен международной реакцией, включая осуждение совершенных военных переворотов Евросоюзом и региональными структурами, в первую очередь, ЭКОВАС.

Ключевые слова: военный переворот, Буркина-Фасо, терроризм, Альянс государств Сахеля, Западная Африка, Сахель

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Абрамова А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Абрамова А.А. Военные перевороты в Западной Африке: пример Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 909–919. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-909-919>

Military Coups in West Africa: The Case of Burkina Faso

Alina A. Abramova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ no.abramova@yandex.ru

Abstract. There were eight military coups in Burkina Faso since 2020, including two in 2022. Author examines the key aspects and sequence of military coups in Burkina Faso in 2022, as well as their main causes and consequences. It identifies the causes of instability, including internal socio-economic problems, terrorist threats from groups, and the impact of the crisis in neighboring countries — Mali and Guinea. The study highlights the parallels and impact of the military coup of January 2022, as well as the process of the military coup of September 2022 and the reactions to the coup. The first coup in January 2022 was a consequence of serious threats to national security associated with the actions of terrorist groups, which caused mass protests and public disappointment in the work of the ruling structures. The military seized the moment and took over, citing the need to restore order and combat terrorism. Against this backdrop, a second military coup was carried out in September 2022, which was caused by growing internal destabilization, popular discontent, and divisions within the armed forces. During this event, the military again seized power, replacing the leader, and emphasized its role in ensuring the country's stability. This paper also provides a comprehensive overview of the current situation and prospects for further development of the situation in the country. It examines the government's efforts to restore stability, develop infrastructure, and combat corruption, as well as new political steps, including the abandonment of elections and the expansion of the powers of President Ibrahim Traore. The article also examines the international reaction, including the condemnation of the military coups by the European Union and regional structures, primarily ECOWAS.

Keywords: Military coup, Burkina Faso, terrorism, Sahel States Alliance, West Africa, Sahel

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Abramova, A.A. (2025). Military coups in West Africa: The case of Burkina Faso. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 909–919. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-909-919>

Введение

В рамках исследования применяется структурный подход, который позволил детально проанализировать сущность военного переворота в Буркина-Фасо в 2022 г. Помимо этого, автор применяет хронологический подход к изучению конфликтного противостояния в Буркина-Фасо в контексте его трансформации с ориентацией на перевороты января и сентября 2022 г. как точки эскалации и перелома логики политического развития страны.

Изучаемая проблема нашла отражение в работах ряда российских исследователей. Так, в своих работах военные перевороты в Буркина-Фасо рассматривают Л.М. Исаев, А.В. Коротаев и Д.А. Бобарыкина [Исаев, Коротаев, Бобарыкина 2022a], Н.А. Жерлицына [Жерлицына 2022], Т.С. Денисова и С.В. Костелянец [Костелянец, Денисова 2023].

Буркина-Фасо стала третьим государством в Западной Африке с 2020 г., в котором произошел военный переворот, однако для данной страны, в отличие, к примеру, от Мали, была характерна крайне высокая интенсивность политической борьбы, в рамках которой два военных переворота произошли за один год, в январе и сентябре 2022 г.

В действительности культура насильственной смены власти в данной стране сильно развита. За период своей постколониальной истории Буркина-Фасо пережила восемь переворотов: в 1966, 1980, 1982, 1983, 1987, 2015 гг. и два в 2022 г.

Нестабильная ситуация у соседних стран (Мали и Гвинея) также повлияла политизацию общества и его радикализацию, привела к девальвации демократических ценностей и доминированию силовых инструментов в политической борьбе. Помимо этого, опыт соседних стран показал, что следование демократическим нормам «не обязательно» и не несет реальных последствий международного осуждения.

Положение в стране накануне первого переворота в 2022 г. было сложным. Фактически западноафриканское государство было охвачено серьезным военно-политическим кризисом после переворота 2015 г. Особое внимание уделялось проблемам в области безопасности, а именно невозможности противостоять джихадистским и исламистским группировкам, включая «Исламское государство в Большой Сахаре» (входит в состав «Исламского государства»¹ и «Ансар уль-Ислам»²). Данный фактор обуславливает хронический дестабилизирующий эффект и постоянное социальное напряжение, что создает основу для системного вмешательства силовых структур в политический и социальный процесс.

Кроме того, фоном политической дестабилизации стали хронические социальные дисбалансы, включая бедность (40 % населения Буркина-Фасо живут за чертой бедности) и хронический кризис в области здравоохранения и образования, особенно в период пандемии COVID-19³. Дополнительным фактором дестабилизации стал рост недовольства местного населения в отношении военного присутствия бывшей метрополии, продемонстрировавшей свою слабость и пассивность как в рамках антитеррористической деятельности G5, так и в военной операции «Бархан», которые не только не смогли принести значительных результатов (за исключением ликвидации части лидеров исламистских

¹ Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

² Перевороты в Буркина-Фасо // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/15927957> (дата обращения: 08.03.2025).

³ Военный переворот в Буркина Фасо // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/voenniy-perevorot-v-burkina-faso> (дата обращения: 30.02.2025).

объединений) [Филиппов, 2022], но и спровоцировали активизацию многих террористических группировок в регионе.

События января 2022 г.

Толчком, который привел к выходу населения на улицы, стали события в населенном пункте Ината 14 ноября 2021 г. Тогда в результате террористической атаки погибло 53 из 120 солдат гарнизона и четверо гражданских лиц [Филиппов, 2022]. Данная атака выявила как неэффективность вооруженных сил, так и слабость государственной политики в вопросах безопасности в целом. В итоге в результате ожесточенной перестрелки в январе 2022 г. в Уагадугу мятежные солдаты захватили контроль над военной базой в столице страны. Они выдвинули ряд требований, среди которых были увольнение начальника штаба армии и главы разведывательных служб, а также развертывание дополнительных войск на линии фронта в приграничных территориях севера и северо-востока страны, улучшение условий жизни раненых солдат и их семей. Однако их требования не были выполнены.

4 января военные под руководством подполковника Поля-Анри Сандаого Дамиба окружили и заняли здание государственного телевидения. В эфире они объявили о взятии власти в стране, аресте президента Рока Марка Кристиана Каборе, роспуске правительства и парламента, приостановке до особого распоряжения действия Конституции и закрытии воздушных и сухопутных границ. Захватив власть, военные заявили о создании Патриотического движения за спасение и восстановление (MPSR), в которое, по сообщению агентства Reuters, вошли все мятежные воинские подразделения. Движение возглавил П.А. Дамиба (после его свержения- орган остался действовать) [Костелянец, Денисова, 2023]. После опубликования Основного закона страны П.А. Дамиба стал президентом Буркина Фасо. В марте была принята хартия переходного периода, которая предусматривала сохранение власти в руках военных на следующие три года, были сформированы переходные правительство и парламент⁴.

В заявлении, зачитанном от имени Патриотического движения за спасение и восстановление (Le Mouvement patriotique pour sauvetage et restauration — MPSR), говорилось, что переворот совершен «без насилия, и задержанные находятся в безопасности».

⁴ Перевороты в Буркина-Фасо // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/15927957> (дата обращения: 02.03.2025).

Военный переворот 30 сентября 2022 г.

Второй эпизод смены власти состоялся также в 2022 г., и снова поводом послужила сфера безопасности — а именно произошедший в 20 км от г. Джибо 26 сентября террористический акт. Во время нападения погибли 27 военнослужащих и более 50 мирных жителей. Это, как и в прошлый раз, послужило поводом для людей выйти на улицы, поэтому на севере страны состоялся ряд демонстраций.

Но еще большим толчком послужил принятый закон, в связи с которым жителям восточных и северных территорий (зоны военного интереса) были запрещены любое присутствие или деятельность в зоне антитеррористических операций в связи с сопряженным с данными операциями риском⁵. Данное требование было обусловлено разрастанием кризиса. Согласно проекту анализа вооруженных конфликтов Location & Event Data Project (ACLED), за пять месяцев нахождения у власти П.А. Дамиба количество террористических атак увеличилось на 23 % и продолжало расти⁶, т.е. политика новых властей оказалась неэффективной.

Солдаты из буркинийских вооруженных сил, находившиеся на территориях, которые подвергались нападению, ощущали, что о них забыли и бросили на смерть в неравные с террористами условия. Это вызвало недовольство младшего офицерского состава положением рядового состава армии и спровоцировало новый раскол в силовых структурах [Исаев, Коротаев, Бобарыкина, 2022b].

Кроме того, нерешенным оставался и вопрос с присутствием Франции и французских военных на территории страны, что привело к антифранцузским и пророссийским протестам в июле 2022 г.

Помимо этого, усиливалось противостояние между политическими сторонниками и противниками Дамибы. Все чаще стали звучать слова о свержении военной хунты в связи с нарушением политических свобод и прав граждан. Начались гонения на СМИ, ввод цензуры, политические чистки.

В расколе общества большую роль сыграл факт прибытия в Уагадугу в июле 2022 г., по приглашению П.А. Дамибы, бывшего президента Б. Компаоре, свергнутого и изгнанного из страны в 2014 г. К тому же в апреле этого года он был пожизненно осужден судом страны за убийство своего предшественника Т. Санкары, остающегося и спустя 40 лет после своей гибели национальным героем для многих буркинийцев [Arieff, 2023].

Апогей кризиса наступил 30 сентября 2022 г., когда глава артиллерийского подразделения ВС Ибрагим Траоре объявил себя главой государства. Характерно, что к перевороту Траоре примкнула часть сторонников Дамибы. Сам переворот произошел достаточно быстро. Члены армии Буркина-Фасо захватили контроль над государственным телевидением и выступили с заявлением, в котором декларировали, что они свергают военного лидера Поля-Анри

⁵ Burkina Faso to create military zones to fight jihadi rebels // Yahoo. URL: <https://www.yahoo.com/news/burkina-faso-create-military-zones-143545876.html> (accessed: 05.03.2025).

⁶ Burkina Faso's coup and political situation: All you need to know // Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/10/5/coup-in-burkina-faso-what-you-need-to-know> (accessed: 03.04.2025).

Дамибу, распускают правительство и приостанавливают действие конституции и переходной хартии⁷. Сам Дамибу бежал из страны в Того, что подтвердил президент Того Фор Гнасингбе.

По оценке буркинийского журналиста Уэзена Луи Улона, по итогам переворота Военного патриотического движения по защите и восстановлению MPSR осталось у власти: это свидетельствует о том, что переворот представлял собой «дворцовую революцию»⁸.

Победа Траоре в ходе событий сентября 2022 г. не была безусловной, и сторонники П.А. Дамибы уже в 2024 г. попытались осуществить контрпереворот, также с опорой на военные части. Тем не менее данная попытка была подавлена, чему в немалой степени способствовало сотрудничество Траоре с Россией, заинтересованной в стабилизации ситуации в стране и регионе.

Реакции на военные перевороты в Буркина-Фасо

Франция отреагировала на события в Буркина-Фасо начала 2022 г. осуждением. «Мы вместе с региональной организацией ЭКОВАС осуждаем этот военный переворот», — заявил президент Франции Эммануэль Макрон а парижский МИД определил ситуацию с безопасностью французских граждан и дипломатов в африканской стране как „приоритетную“. Осуждение и акцент на вопросе безопасности французских граждан представляются закономерными, поскольку Буркина-Фасо в 2022 г. все еще состояла в Группе G-5 Сахель, и на территории страны продолжалась антитеррористическая операция «Бархан», в которую были вовлечены французские военнослужащие. Сразу после переворота в столице прошли крупные митинги с нападениями на посольство Франции. При этом сообщалось, что с согласия французского правительства бывший президент укрылся на французской базе Камбоинсин, но МИД Парижа отрицал данные заявления.

Реакция России в отношении второго военного переворота в Буркина-Фасо не была многословной. Отношение Российской Федерации к военному перевороту, произошедшему 30 сентября, нашло свое отражение в заявлении пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова, который отметил, что «Россия хотела бы быстрой нормализации ситуации в Буркина-Фасо для того, чтобы в стране был полностью наведен порядок и произошел возврат в рамки законности». На официальной странице МИДа РФ можно найти сообщение, в котором указывается, что Москва обеспокоена существующим осложнением внутривнутриполитической обстановки в дружественной африканской

⁷ Burkina Faso's military leader ousted in second coup this year // The guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/30/burkina-fasos-military-leader-ousted-in-second-coup-this-year> (accessed: 02.03.2025).

⁸ Burkina Faso: Second coup of 2022 // Parliament UK. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9633/> (accessed: 02.03.2025).

стране⁹, что представляется важным с точки зрения признания Буркина-Фасо близкой страной.

Важно отметить, что уже во второй «осенний» переворот ЕС счел, что этот путч «поставил под угрозу усилия, предпринимавшиеся в течение нескольких месяцев для перехода к гражданскому правлению». Важно, что после первого переворота в 2022 г. представитель Евросоюза Вольфрам Веттер встретился с премьер-министром Буркина-Фасо и заявил, что Евросоюз готов оказать поддержку и помочь новой власти Буркина-Фасо с условием предоставления дорожной карты переходного периода¹⁰. Африканский союз осудил военные перевороты в Буркина-Фасо, а также выразил неодобрение «неконституционной смене правительства». Помимо этого, организация призвала выполнить имеющееся после первого военного переворота января 2022 г. Соглашение о проведении конституционных выборов не позднее 1 июля 2022 г. Также членство Буркина-Фасо в Африканском союзе было повторно приостановлено 31 января 2022 г.¹¹

Второй переворот в Буркина-Фасо осудил и ЭКОВАС, однако уже 4 октября его делегация прибыла в страну для того, чтобы оценить ситуацию. Эмиссары сообщества были приняты И. Траоре. После этой встречи член делегации и посредник ЭКОВАС, бывший президент Нигерии Махамаду Иссуфу, заявил, что его представители уехали «уверенными» в том, что новый президент продолжит выполнять обязательства перед ЭКОВАС, взятые президентом Дамибой. Прежде всего это касается организации выборов и возвращения гражданских лиц к власти не позднее июля 2024 г.

Последствия военных переворотов и современное положение в Буркина-Фасо

Ибрагим Траоре, пришедший к власти в результате военного переворота в октябре 2022 г., фактически продолжает курс исторического лидера Буркина-Фасо Тома Санкары. Только за два первых года его правления ВВП Буркина-Фасо вырос примерно с 18,8 млрд долл. США до 22,1 млрд долл. Он отклонил кредиты МВФ и Всемирного банка, сказав: «Африке не нужен Всемирный банк, МВФ, Европа или Соединенные Штаты». Он снизил заработную плату министров и парламентариев на 30 % и увеличил зарплаты государственных

⁹ О военном перевороте в Буркина-Фасо // МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/useful_information/information/preduprezhdeniya_dlya_rossiyskikh_grazhdan/1795681/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20003c82109bb0b11467143009c4faf8e21a53da12146238cffe09a4378119945580084897a5861430003dbe8f106f6b235ccb4c5b936bebd157f525057e152d4318942655a6746490953450cadec2654ede5ddfb6bc9af950 (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁰ Евросоюз заявил о готовности поддержать переходный период в Буркина-Фасо // ИА Красная Весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6eb475e5> (дата обращения: 23.03.2025).

¹¹ Африкосоюз потребовал от захвативших в Буркина-Фасо власть военных соблюдать график выборов // ТАСС. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1227801/politique/guinee-condamnations-internationales-apres-le-coup-de-force-contre-alpha-conde/> (дата обращения: 26.03.2025).

чиновников на 50 %. При нем был прекращен экспорт нерафинированного золота из Буркина-Фасо в Европу. Сначала он прекратил в стране военные операции Франции, затем запретил там французские СМИ, а потом изгнал оттуда французские войска¹². Его правительство создало государственную горнодобывающую компанию, в которой иностранные корпорации, занимающиеся добычей полезных ископаемых в стране, включая российский Nordgold, обязаны выделять 15 % акций в своих местных операциях, в дополнение к передаче технических ноу-хау¹³.

14 марта 2025 г. был представлен доклад о ситуации в стране в рамках Плана действий по развитию и стабилизации на 2023–2025 гг. В нем были констатированы:

- возврат 71 % территории страны;
- построение около 500 объектов социально-экономической инфраструктуры почти во всех 13 регионах страны;
- восстановление более 200 медучреждений;
- возобновление работы более 1400 образовательных учреждений и создание 1700 временных учебных помещений;
- активное развитие сельского хозяйства и национальных ремесел;
- эффективность борьбы с коррупцией, в результате которой в 2024 г. было сохранено 3,65 миллиардов франков КФА;
- построение 340 объектов социального жилья.

О поддержке политики Траоре со стороны населения свидетельствует многотысячный митинг граждан в апреле 2025 г., организованный в поддержку правительства после предполагаемой попытки смены власти.

Важным шагом в правлении Ибрагима Траоре стал отказ от выборов в 2024 г. и продление своего правления как минимум до 2029 г. Во многом это также стало возможным из-за выхода страны из ЭКОВАС (официальный выход состоялся 28 января 2025 года)¹⁴. 25 мая 2024 г. была подписана Хартия, благодаря которой Ибрагим Траоре стал президентом и «верховным лидером» ВС, а также получил право избираться в последующих выборах.

Помимо этого, страна также активно развивает внутриафриканские и внешние связи. Например, представители страны встречаются с представителями

¹² Мощнейший удар по Парижу эхом раздался в Вашингтоне: самый таинственный гость парада победы. Главный враг Франции и США рядом с Путиным // Царьград. URL: https://by.tsargrad.tv/dzen/moshhnejshij-udar-po-parizhu-jehom-razdalsja-v-vashingtone-samyj-tainstvennyj-gost-parada-pobedy-glavnyj-vrag-francii-i-ssha-rjedom-s-putinyim_1253148?ysclid=mar7xio2ro26816264 (дата обращения: 16.03.2025).

¹³ ‘Terrorism we are witnessing today comes from imperialism’, Burkina Faso’s President Ibrahim Traoré tells Putin // Brasil defato. URL: <https://www.brasildefato.com.br/2025/05/14/terrorism-we-are-witnessing-today-comes-from-imperialism-burkina-fasos-president-ibrahim-traore-tells-putin/> (accessed: 16.03.2025).

¹⁴ Выход Буркина-Фасо, Мали и Нигера из ЭКОВАС. Контуры нового регионального порядка // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/vykhod-burkina-faso-mali-i-nigera-iz-ekovas-kontury-novogo-regionalnogo-poryadka-v-zapadnoy-afrike/> (дата обращения: 17.03.2025).

Сенегала, который активно поддерживает Буркина-Фасо в борьбе с терроризмом, а также вместе укрепляют двустороннее сотрудничество. Последняя такая встреча состоялась 16 мая 2025 г.

Важным следствием военного переворота 30 сентября 2022 г. и прихода к власти Ибрагима Траоре стало образование Альянса государств Сахеля (АГС). Датой основания Альянса можно считать 16 сентября 2023. В этот день Нигер, Буркина-Фасо и Мали подписали «Хартию Липтако — Гурма», в соответствии с которой учредили Альянс государств Сахеля, АГС (*Alliance des États du Sahel*, АЕС) «для создания архитектуры коллективной обороны и взаимопомощи на благо населения» [Медушевский, Абрамова, 2025]. Образование Альянса также служит механизмом для обеспечения безопасности в стране. Так, например, с 10 по 18 июня в Мали проходили масштабные учения курсантов «Meguetan 3», организованные Директоратом военных училищ стран — членов Альянса¹⁵.

Заключение

Буркина-Фасо обладает высокой степенью политической нестабильности, значительно усиленной серией военных переворотов, включая два переворота, произошедших в 2022 г., что свидетельствует о традиционной культуре смены власти с участием армии. Сам переворот в Буркина-Фасо — это часть долгосрочного, системного кризиса власти, вызванного сочетанием внутренней нестабильности, слабости институциональной базы и влияния внешних факторов, где вооруженные силы играют ключевую роль как в устранении существующих проблем, так и в удержании власти.

При этом, несмотря на утверждения национальных лидеров о необходимости борьбы с терроризмом и стабилизации ситуации, реальное положение продолжает оставаться нестабильным. Ситуация в Буркина-Фасо остается крайне сложной, с высоким уровнем политической, социальной и экономической неопределенности, требующей согласованных и комплексных усилий руководства и международных партнеров. Глубокие внутренние проблемы, такие как бедность, социальное расслоение, слабая государственная власть и борьба с терроризмом, способствуют сохранению и развитию повода для военных захватов власти. Усилия руководства в области развития инфраструктуры, восстановления социальной сферы и борьбы с коррупцией в 2024 г. дают надежду на улучшение ситуации, однако пока эти меры сталкиваются с внутренними вызовами и сопротивлением.

Попытки руководства страны отказаться от проведения президентских выборов и расширения полномочий руководителя, а также внутренние расколы и протесты могут угрожать дальнейшей дестабилизации ситуации.

¹⁵ Meguetan 3: What role for the AES? // Fama. URL: <https://www.fama.ml/en/meguetan-3-what-role-for-the-aes> (accessed: 18.03.2025).

Также важно, что вопросом обеспечения безопасности страны на современном этапе активно занимается и Российская Федерация. Это является возможным благодаря работе российских военных инструкторов, а также поставок вооружения. Россия планирует увеличить число военных инструкторов в Буркина-Фасо, о чем заявил министр иностранных дел Сергей Лавров на пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Буркина-Фасо Ибрагимом Траоре в июне 2024 года¹⁶. Также важным следствием является создание Альянса государств Сахеля, в рамках которого Буркина-Фасо с Мали и Нигером стараются комплексно решить общие проблемы в области обеспечения безопасности и стабилизировать действующие политические режимы с опорой на коллективные ресурсы.

Поступила в редакцию / Received: 17.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 23.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Жерлицына Н.А. Буркина-Фасо и террористический кризис в Сахеле // Неприкосновенный запас. 2022. № 5 (145). С. 165–177. EDN: VRPSHI.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022а. № 2 (22). С. 411–421. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421> EDN: EPVXPX.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022б. № 1. С. 98–109. EDN: QSOXES.
- Костелянец С.В., Денисова Т.С. Политический кризис в Буркина-Фасо: внутренние и внешние факторы дестабилизации // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 73–90. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-73-90> EDN: SSZDVU.
- Медушевский Н.А., Абрамова А.А. Анализ начального этапа становления Альянса государств Сахеля // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 3. С. 310–316. EDN: NSWVYH.
- Филиппов В.Р. Буркина-Фасо: путч 2022 года // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7. С. 40–47. <https://doi.org/10.31857/S032150750020974-3> EDN: EASHBJ.
- Arieff A. Burkina Faso: Conflict and Military Rule // Congressional Research Service (CRS) In Focus Note. Washington D.C.: CRS, 2023. 3 p.

References

- Zherlitsyna, N.A. (2022). Burkina Faso and the Terrorist Crisis in the Sahel. *Neprikosnovennyyi Zapas*, 5(145), 65–177. (In Russian). EDN: VRPSHI.
- Issaev, L.M., Korotayev, A.V., & Bobarykina, D.A. (2022a). The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(2), 411–421. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421>

¹⁶ Россия увеличит число военных инструкторов в Буркина-Фасо // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/06/2024/666045b69a794759f4c5b95a> (дата обращения: 18.03.2025).

- Issaev, L.M., Korotayev, A.V., & Bobarykina, D.A. (2022b). Impact of the Arab Spring on the Black Spring in Burkina Faso. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 1, 98–109. (In Russian). EDN: QSOXES.
- Kostelyanets, S.V., & Denisova, T.S. (2023). Political crisis in Burkina Faso: Internal and external factors of destabilization *Pathways to Peace and Security*, 2(65), 73–90. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-73-90> EDN: SSZDVU.
- Medushevsky, N.A., & Abramova, A.A. (2025). Analysis of the initial stage of the formation of the alliance of Sahel states. *Social and Humanitarian Knowledge*, 3, 310–316. (In Russian). EDN: NSWVYH.
- Filippov, V.R. (2022). Burkina Faso: the 2022 military coup. *Asia and Africa Today*, 7, 40–47. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750020974-3> EDN: EASHBJ.
- Arief, A. (2023). *Burkina Faso: Conflict and Military Rule. Congressional Research Service (CRS. In Focus Note*. Washington D.C.: CRS,.

Сведения об авторе:

Абрамова Алина Алиевна — соискатель кафедры современного Востока и Африки, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: no.abramova@yandex.ru) (ORCID: 0009-0006-6970-9714)

About the author:

Alina A. Abramova — applicant of the Department of Modern East and Africa — Russian State University for the Humanities (e-mail: no.abramova@yandex.ru) (ORCID: 0009-0006-6970-9714)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-920-930

EDN: GIZFPH

Research article / Научная статья

The Role of Military Backgrounds in the Liberation Movements of Middle Eastern Leaders: A Case Study of the Free Officers Movement in Egypt

Reem M. Elbathy

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ reem.MahmoudElbathy@outlook.com

Abstract. The military backgrounds allowed strategic discipline and command structures and elite networks to lead decolonization through the study of Egypt's Free Officers Movement. The research shows that military officers who initiated uprisings such as Gamal Abdel Nasser employed their battlefield experience to rapidly achieve revolutionary objectives, while creating enduring authoritarian systems of control. The research uses content analysis along with historical-comparative analysis of primary documents to present new insights about how military origins influenced both liberation movements and permanent government systems in the region. The research demonstrates that military leadership functioned as a fundamental power force which molded revolutionary movements and state development in post-colonial nations.

Keywords: Military Background, decolonization, coups, Egypt, historical analysis

Acknowledgements. The study is the output of the research project implemented as a part of the Basic Research Programme at HSE University in 2025 with support by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00650).

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Elbathy, R.M. (2025). The role of military backgrounds in the liberation movements of Middle Eastern leaders: A case study of the Free Officers Movement in Egypt. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 920–930. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-920-930>

© Elbathy R.M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Роль профессиональной военной подготовки в освободительных движениях лидеров Ближнего Востока: пример Движения свободных офицеров в Египте

Р. М. Эльбаси

Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

✉ reem.MahmoudElbathy@outlook.com

Аннотация. Профессиональная военная подготовка в прошлом позволило сформировать стратегическую дисциплину, командные структуры и элитные сети, что позволило Движению свободных офицеров Египта возглавить процессы деколонизации. Показано, как военные офицеры, инициировавшие восстание, такие как Гамаль Абдель Насер, использовали свой боевой опыт для быстрого достижения революционных целей, создавая при этом устойчивые авторитарные системы контроля. Исследование использует контент-анализ в сочетании с историко-сравнительным анализом первичных документов для представления выводов о том, как военное прошлое повлияло как на освободительные движения, так и на сложившиеся системы правления в регионе. Автор приходит к выводу, что военное руководство функционировало как фундаментальная опора власти, которая формировала революционные движения и векторы государственного развития в постколониальных странах.

Ключевые слова: военный опыт, деколонизация, перевороты, Египет, сравнительный анализ

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке гранта РФФ No 24-18-00650.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Elbathy R.M.* The role of military backgrounds in the liberation movements of Middle Eastern leaders: A case study of the Free Officers Movement in Egypt // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 920–930. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-920-930>

Introduction

During the twentieth century the Middle East experienced numerous anti-colonial movements which were fueled by different actors who wanted to gain independence and sovereignty. Two major leadership approaches developed during this time including military-led movements alongside civil-led movements. The two approaches developed different strategic methods alongside their organizational approaches and their post-independence governance models. Evaluating the political foundations of contemporary Middle Eastern states requires analyzing leadership backgrounds particularly the military's influence on revolutionary movements. The research defines military-led movements through their origin and leadership by professional military officers and personnel who serve in formal armed institutions. These leaders utilized their military command experience together with hierarchical discipline and power control to execute quick and well-coordinated takeovers through coups and

direct colonial authority challenges. A significant example of military-led movement occurred when the Free Officers Movement consisting of army officers Gamal Abdel Nasser and others overthrew the monarchy and British rule in Egypt to create a new republican government in 1952. Civil-led movements describe liberation efforts that are initiated by non-military actors among which political parties, trade unions along with religious leaders, professionals, student movements and civil society coalitions exist. These actors placed their emphasis on winning the masses to their cause through persuasive tactics while building support from the grassroots population. The process of consolidation took longer for civil-led movements but they worked to build pathways to independence through negotiations and participation. The Neo Destour party under Habib Bourguiba led Tunisia's fight for independence and the Sudanese Professionals Association served as the main force behind Sudan's anti-colonial and post-colonial mass uprisings. The research shows that military leadership provided specific strategic benefits to achieve liberation objectives through centralized control and logistical capabilities along with organizational structure and access to military equipment and alliances. Post-independence authoritativeness became common in nations where military leaders maintained their power because their hierarchical military systems transferred into new political systems. Civil-led movements demonstrated stronger institutional and ideological foundations than their counterparts yet they struggled to preserve unity and fight against foreign interference and military takeover.

This research examines through historical-comparative analysis the military leadership role in shaping revolutionary outcomes by focusing primarily on the Free Officers Movement in Egypt. The analysis includes a comparison between selected civil-led liberation movements to study their unique institutional characteristics and strategic features. The study also provides essential understanding of how military versus civilian leadership origins affected state development, political stability and governance practices in the Middle East after colonial rule. This case study examines how the Free Officers led by Col. Gamal Abdel Nasser and others combined their professional military backgrounds with anti-colonial nationalism to launch the 23 July Revolution. We situate the Egyptian case in a broader historical-comparative framework. "In Egypt (1952) a group of military officers abolished the Egyptian monarchy, and installed an republic ... pursued under a banner of Arab socialism" (Kårtveit & Jumbert, 2014). Their example inspired coups in Iraq, Syria, Yemen, and Libya. We also apply civil–military relations theory and institutional analysis: classic modernization theorists saw young militaries as vanguards of change, whereas scholars like Huntington (1968) and Perlmutter (1969) warned of a "praetorian state" with military rulers (Kårtveit & Jumbert, 2014). Our neutral, scholarly account draws on recent research and original Arabic sources (speeches, communiqués).

Civil–Military Theory and Institutional Context

Political science provides frameworks for understanding coups and military regimes. Early modernization scholars argued that officer corps could act as a new middle class leading development (Kårtveit & Jumbert, 2014). Halpern, Shils, and

Vatikiotis, for example, saw Middle Eastern militaries as agents of social and economic progress (Kårtveit & Jumbert, 2014). By contrast, Huntington (1968) emphasized that a professional military must remain subordinate to civilian leaders; he nonetheless allowed that in weak new states “military forces would represent the most competent, enlightened branches of society, even while serving as guardians of conservative forces” (Kårtveit & Jumbert, 2014). This view implies that officers with broad authority might pursue modernization but also resist change. Critiques followed: Perlmutter coined “praetorian state” to describe Nasser’s Egypt, where the military “dominates the executive” and officers supply most political leaders (Kårtveit & Jumbert, 2014). In a praetorian model, the armed forces institutionalize their power over civilian politics. Nordlinger (1977) and Finer (1962) elaborated related ideas, identifying conditions favoring coups. Finer argued that military interventions often stem from factors such as perceived national interest, officers’ corporate self-interest, social/sectarian loyalties, or individual ambition (Kårtveit & Jumbert, 2014). For example, Finer shows that officers may justify a coup as patriotic even while protecting their own privileges. Coup opportunities arise when civilian governance is weak or crises erupt, enabling militaries to intervene (Kårtveit & Jumbert, 2014).

Another strand of theory considers civilian control and coup-proofing. Modern authoritarian regimes often seek to prevent exactly the kind of revolt that the Free Officers carried out. (Measures include parallel security forces, political co-optation of the military, etc.) But in 1950s Egypt, no effective coup-proofing existed: the monarchy had politicized and weakened the army, creating conditions ripe for an organized officer revolt. Indeed, prior to 1952 the Egyptian military was resentful after the defeat of 1948 and influenced by rival secret societies (Liberation Party, Communist Party, Muslim Brotherhood). The Free Officers drew on such discontent and mobilized their institutional networks within the army to seize power. In summary, institutional theory and civil–military literature suggest that the Free Officers’ success reflected both their cohesive organization within the military and the failure of civilian governments to control the armed forces (Kårtveit & Jumbert, 2014).

Historical Background: Egypt, 1945–1952

Egypt under King Farouk faced growing unrest in the 1940s. The end of World War II revived nationalist demands against the British “protectorate” (which persisted *de facto*) and against the monarchy seen as corrupt. The 1948 Arab–Israeli War discredited the old guard: Egypt’s army performed poorly against Israel, suffering heavy losses. Widespread outrage blamed the monarchy and its clique. Politically, the dominant Wafd Party fractured over cooperation with the king and British; leftist and Islamist groups increasingly mobilized the masses. In this volatile environment, mid-ranking officers formed the Free Officers Movement. Gamal Nasser and others had been radicalized by anti-British sentiment (Nasser earlier spent time in prison for nationalist activities) and by frustration with military mismanagement. Many participants in the Free Officers had led units in 1948 or traveled abroad on British contracts and felt betrayed by imperialist influence.

The Free Officers organized secretly from 1949–1952. They drew together in small cells across army garrisons, motivated by personal camaraderie and shared ideology. As one officer recalled, the movement began as “a political movement within the military,” not the entire army (Gordon 1992). (Scholars similarly note it was “not the military, nor the army as such, but a political movement within the military,” representing all opposition trends.) Their stated goals were nationalist and anti-corruption. For example, the first communiqué read after the coup emphasized purging the army and government: it proclaimed a need for “the purification of the army and an uprising against corruption” and declared that “Egypt has passed on a troubled period in its recent history from bribery, corruption, and instability of judgment” (presidency.eg). This language (translated from the Arabic scripts) directly tied the Free Officers’ legitimacy to their military professionalism and moral mission. The message assured the public that the guilty corrupt officers and officials would be cleansed from power, while promising stability under the new regime.

The Free Officers Movement and 1952 Revolution

On the night of 22–23 July 1952, Free Officers launched a coordinated coup. King Farouk was effectively sidelined; the Revolution Command Council (RCC) took power. Military units occupied key points in Cairo and Alexandria, notably without mass civilian mobilization or foreign intervention. The operation was rapid and disciplined, reflecting the conspirators’ military training. The Movement’s leaders (Major General Muhammad Naguib as figurehead and Col. Nasser as organizer) then used military broadcasting to announce the Revolution. The initial communiqué written by Nasser’s aide Col. Gamal Hamad, was read on air by officer Anwar Sadat (later president). Its promises (cited above) highlighted loyalty to nationalist ideals and unity of the armed forces.

In power, the Revolutionary regime initiated institutional reforms shaped by the officers’ backgrounds. They abolished the monarchy and dissolved the old political parties; King Farouk was exiled. The RCC “installed a republic” ruled by military officers. The new state pursued Arab socialism: sweeping land reform redistributed large estates to peasants; industry and trade were placed under state control; and major projects (education, health care) were expanded. The RCC justified such policies with rhetoric of social justice. For example, Nasser later explained that true ‘*social justice*’ meant transferring wealth into the hands of the people and building a strong public sector. (This principle — to eliminate feudalism and foreign control — became a stated goal.) The officers drew upon their institutional discipline to implement reforms quickly. For instance, the extensive land-reform laws of 1952–54 were enforced by military and bureaucratic apparatuses rather than elected bodies. The regime also created new security institutions: military courts tried the former regime’s figures, and a vast police surveillance network (the Mukhabarat) was expanded, reflecting the officers’ preoccupation with order and loyalty.

The fusion of military leadership and nationalist ideology produced a distinctive political style. The Revolution’s slogans (“Salvation of the homeland!”, “Power

to the army!”) emphasized the officers’ service to Egypt. In speeches, Nasser often stressed that the army must remain nonpartisan yet dutiful. He warned against external influence and corruption, themes resonant with military values of discipline and honor. For example, in later addresses Nasser framed his rule as continuing the armed struggle: he famously said he would “live and die struggling for you” language echoing his identity as a soldier-leader. The first RCC presidency under Naguib also underscored continuity: Naguib had been Egypt’s “first soldier” in the 1920s, and his elevation reassured officers. Yet internal splits soon emerged over how far to restrict the military’s role. The RCC began purging military rivals (e.g., 1954–55 crises with Naguib), reflecting the officers’ concern for unity of command and corporate interest. Eventually Nasser sidelined moderates and assumed full power by 1956. In practice, the Free Officers’ regime operated as a military institution: decisions were made in a small council, and policies were enforced by the chain of command.

“From Major General Muhammad Naguib to the Egyptian people: Egypt has passed on a troubled period of bribery, corruption, and unstable governance... We have cleansed ourselves of traitors and placed our trust in loyal officers.”(presidency.eg) (First RCC communiqué, July 1952)

This translated excerpt from the first communiqué (as recorded in the official museum record) illustrates how the Free Officers invoked their military duty to justify regime change. The quote emphasizes “purification of the army” (tathir al-jaysh) and rectitude, central themes of the revolutionary ideology. It is a primary source in Arabic (here rendered in English) that symbolizes the movement’s self-image: the liberating army as Egypt’s protector and redeemer (presidency.eg).

Military Backgrounds and Regime Characteristics

The Free Officers’ professional training and organizational culture heavily shaped their governance. Their military backgrounds contributed to both strengths and pathologies: the officers prized order, hierarchy, and decisive action, enabling rapid implementation of policies (land reform, education expansion, etc.). As Perlmutter predicted, the new Egyptian state became “praetorian”: power was wielded through military rank and a small coterie of officers (Kårtveit & Jumbert, 2014). Entry into political leadership required loyalty to the regime’s version of nationalism and socialism.

Furthermore, the Free Officers’ unity was partly a result of their shared experiences and group identity. Many had served together in the same units, studied in the same military academies, or belonged to the same secret cells. This institutional esprit de corps helped them overcome class and ideological differences: they included conservatives and leftists, rural and urban officers, Muslims and secularists. In one sense they were a cross-section of the officer class, yet their conspiracy excluded senior generals who were seen as compromised by the monarchy. The resulting power structure was tightly controlled by the RCC’s senior members (Nasser, Amer, Sadat, etc.), who rewarded loyal subordinates. Over time, the military meant more than just men in uniform; it became the ruling party.

The regime's policies also reflected a military-influenced worldview. For example, foreign policy under Nasser stressed sovereignty and anti-imperialism, mirroring the officer caste's nationalist ethos. The military defeat at Suez in 1956 (followed by the pan-Arab mobilization) reinforced the idea that the army was the guardian of Egypt's honor. Internally, economic planning took on a quasi-military organization: five-year plans and centralized command-economy measures. The education of the population included paramilitary elements (youth brigades, civil defense training), aiming to instill collective discipline. In short, life in post-1952 Egypt was militarized in tone and structure, a legacy of the coup leaders' backgrounds.

Notably, the Free Officers regime did make concessions to popular nationalism. It mobilized public support through mass campaigns (e.g. literacy, health, Arab solidarity rallies). Yet it kept tight control of the political process. As Huntington's theory would suggest, they maintained a high degree of autonomy from society: the RCC did not rely on civil-military balancing or elections, but on the military chain of command and revolutionary councils. Scholars have characterized this arrangement as a strong "guardian" or even "ruler army" model, in which officers see their own corporate interests as intertwined with the nation's [Kårtveit, Jumbert 2014].

Analysis: Historical-Comparative and Content Analysis

The study combines historical-comparative research with process tracing alongside archival methods for identifying critical junctures and causal mechanisms according to [Mahoney, Thelen 2010]. This research shows how political leaders from military and civilian backgrounds affected the tactics used by liberation movements in the Middle East together with their end results and sustained governmental structures.

Case Selection and Rationale

- Primary Case: Egypt's Free Officers Movement (1952)
- Comparative Cases: Iraq (1958 Revolution), Syria (Ba'athist coups)
- Civilian Comparison: Tunisia's Neo Destour (1950s independence movement), early PLO organizing

This selection includes military-led and civilian-led liberation models to discover common strategies alongside differing outcomes and institutional context effects. Process Tracing and Within-Case Analysis the Free Officers succeeded in carrying out a fast and successful coup because their secret organization combined with operational discipline and coercive power control [Abdel-Malek 1968, Gordon 1992].

The Free Officers implemented extensive reforms and consolidated power because their military background promoted hierarchical decision structures and centralized command structures [Cook 2007]. Civilian actors gained no meaningful influence following the revolution so military control remained dominant in the new state [Hinnebusch 2001].

Cross-Case Comparison Military-led coups in Iraq and Syria produced immediate political upheaval which led to the creation of authoritarian regimes that frequently functioned as single-party states [Marr 2012, Hinnebusch 2001]. The Ba'athist regime of Syria obtained its control through uniting military and party structures thus forming a highly centralized repressive state [Baram 1991, Perlmutter 1977]. The Iraqi officer corps maintained continuous instability because of internal divisions which fragmented its ranks [Baram 1991]. The Syrian Ba'athist regime managed to fuse military authority with party power to form a highly centralized and repressive state structure [Perlmutter 1977]. Mass-based movements led by civilians such as the Neo Destour in Tunisia and the early PLO focused on building coalitions and negotiating with various groups [Perkins 2004, Sayigh 1997]. The movements gained stronger political support from their citizens but faced higher risks of disintegration and external interference and frequently encountered difficulties in defending their power against military or authoritarian opponents [Anderson 1986].

Iraq and Syria: Military Replication and Divergence

The Egyptian model of military-led revolution inspired similar movements across the Arab world, most notably in Iraq and Syria. In Iraq, the 1958 coup led by General Abd al-Karim Qasim overthrew the Hashemite monarchy, establishing a republic dominated by military officers. Like Egypt, the new regime embarked on ambitious land reforms and nationalization policies, but internal divisions and factionalism within the officer corps led to chronic instability and repeated coups [Marr 2012]. Eventually, the Ba'ath Party, itself heavily militarized, consolidated power through a blend of military and ideological control [Baram 1991].

In Syria, a series of coups throughout the 1950s and 1960s culminated in the rise of the Ba'athist regime, which fused military authority with party organization. The Syrian military, drawing on sectarian and regional networks, established a highly centralized and repressive state apparatus [Hinnebusch 2001]. In both cases, the initial promise of social justice and anti-imperialism gave way to entrenched authoritarianism, with the military as the ultimate arbiter of political life [Perlmutter 1977].

Civilian-Led Movements: Tunisia and the Palestine Liberation Organization

In contrast, civilian-led movements such as Tunisia's Neo Destour party under Habib Bourguiba pursued a different path to independence. The Neo Destour built broad-based coalitions, engaged in protracted negotiations with the French, and emphasized mass mobilization and political inclusivity [Perkins 2004]. The process of decolonization was slower and less dramatic than in Egypt, but it resulted in a more participatory political order—at least initially. Over time, however, Bourguiba's regime also drifted toward authoritarianism, illustrating the structural challenges faced by post-colonial states [Anderson 1986].

The early Palestine Liberation Organization (PLO) similarly prioritized popular legitimacy and coalition-building, seeking to represent the diverse interests

of Palestinians in exile and under occupation. The PLO's civilian leadership faced persistent challenges: internal fragmentation, external interference, and the constant threat of militarization. These difficulties limited its ability to consolidate power and achieve its objectives, highlighting the vulnerabilities of civilian-led movements in the face of regional and international pressures [Sayigh 1997].

Content Analysis

Military-led movements used primary documents to support their role in revolution and governance through messages about discipline, national unity and salvation according to [Abdel-Malek1968] and [Gordon 1992]. The civilian-led movements adopted negotiation approaches, popular sovereignty and broad social alliances which showed their distinct organizational priorities and legitimacy bases [Perkins 2004. Sayigh 1997].

Content Analysis: Revolutionary Rhetoric and Military Values

The primary sources including military manifestos and speeches from the Free Officers and their counterparts demonstrate how military values became fundamental to revolutionary discourse. The documents [Abdel-Malek 1968] are filled with language that emphasizes discipline and unity as well as sacrifice and national duty. The Free Officers presented their six-point program which included eliminating corruption and restoring national dignity and building a modern strong army to achieve national renewal [Gordon 1992]. Nasser and his colleagues delivered public speeches which portrayed the revolution as the solution to civilian elite failures while presenting the military takeover as essential for national salvation [Cook 2007]. Through this framing the military established its right to take power and simultaneously removed civilian actors from governing roles. The documents of civilian-led movements focused on negotiation, popular sovereignty and broad social alliances because these elements aligned with their organizational needs and legitimacy bases [Perkins 2004, Sayigh 1997].

Sequencing, Critical Junctures, and Policy Feedback

The examination reveals how specific critical periods including the Egyptian coup of 1952 and Iraqi revolution of 1958 determined institutional paths that shaped later political transformations [Mahoney, Thelen 2010]. The military seizures of power in Iraq and Syria resulted in unstable conditions which eventually developed into oppressive militarized governments [Marr 2012, Hinnebusch 2001]. Without strong military cores in Tunisia and the PLO these movements managed better political participation yet they became more susceptible to break-up and outside interference [Perkins 2004, Sayigh 1997]. Military leadership in Middle Eastern liberation movements continues to affect the region through complex historical developments. The military background of leaders in liberation movements enabled them to build organizational discipline which helped dismantle colonial regimes and establish new

states [Abdel-Malek 1968, Cook 2007]. The Egyptian military continued its control following multiple political disruptions including the 2011 uprising when the Supreme Council of the Armed Forces reasserted control over state institutions [Cook 2012].

The Egyptian case fits a broader pattern in the Middle East during the mid-20th century. Across the region, newly independent states often saw military coups and military interference [Kårtveit, Jumbert 2014]. For instance, Iraq in 1958 was overthrown by young army officers (Qasim and Abdel-Salam Aref) who similarly invoked anti-monarchy and nationalist rhetoric. Libya's 1969 coup by Lt. Col. Muammar Qaddafi, and Syria's series of coups in the 1940s–70s, also had striking similarities: charismatic officers leading small conspiracies, ousting kings or weak regimes, and establishing regimes with pan-Arab or socialist programs. Like Egypt, these leaders mixed modernizing agendas with strict rule. However, differences appear too: the Egyptian officers built stronger state institutions (especially the military itself) and remained in power longer. Other countries' armies were often fragmented by faction (e.g., sectarian splits in Iraq's army after 1958) or by external patronage. In Turkey or Pakistan (outside MENA), generals also intervened, but they often justified coups with anti-corruption or nationalist pretexts rather than a clear ideological program.

Comparatively, one can observe that officer-led revolutions tend to institute strong executive presidencies and rule by decree. This matches Perlmutter's "ruler army" type, as seen in Egypt (Nasser), Libya (Qaddafi), and later Iraq (Saddam's Ba'athists, who were civilianized military men). In contrast, coups where officers acted more as "moderators" (In Nordlinger's terms) led to shorter military juntas that eventually yielded to civilian rule (e.g., Turkey's 1960 coup, which by the 1980s began reintroducing civilian politics). In Egypt, the armed forces retained direct influence for decades, even as they professionalized. Thus, the Egyptian experience underscores the theory that once officers seize power in weak institutional contexts, they often become the new ruling class [Kårtveit, Jumbert 2014].

Middle Eastern liberation movements have inherited a complex dual nature from their military leadership. The organizational discipline and strategic cohesion of military backgrounds proved essential for dismantling colonial regimes while establishing new states according to [Abdel-Malek 1968, Cook 2007].

Conclusion

This historical-comparative analysis shows that military backgrounds profoundly shaped the Free Officers' revolution and its aftermath. Their professional identity provided the organizational capacity and elite cohesion needed to overthrow the monarchy. It also infused the new state with values of discipline, hierarchy, and nationalist zeal. As a result, Egypt's post-1952 regime combined radical social reforms with strict military rule, a pattern noted by observers from Anouar Abdel-Malek to contemporary scholars. By grounding the narrative in reputable scholarship and primary Arabic sources (as translated above), this study avoids unverified accounts and highlights how ideological and institutional factors intertwined. In essence, the Free Officers case illustrates the civil-military dynamics of decolonizing states: the

same military organization that liberated a nation can also entrench its power. Future research might compare Egypt's case with other Arab revolutions (e.g. Yemen 1962, Algeria 1962) to further test these theoretical insights within Middle East studies.

Received / Поступила в редакцию: 03.08.2025

Revised / Доработана после рецензирования: 13.08.2025

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2025

References

- Abdel-Malek, A. (1968). *Egypt: Military Society; the Army Regime, the Left, and Social Change under Nasser*. New York: Random House.
- Anderson, L. (1986). *The State and Social Transformation in Tunisia and Libya, 1830–1980*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Baram, A. (1991). *Culture, History and Ideology in the Formation of Ba'thist Iraq, 1968–89*. New York: St. Martin's Press. <http://doi.org/10.1007/978-1-349-21243-9>.
- Bellin, E. (2004). The robustness of authoritarianism in the Middle East: Exceptionalism in comparative perspective. *Comparative Politics*, 36(2), 139–157. <http://doi.org/10.2307/4150140> EDN: GTEQNV.
- Cook, S.A. (2007). *Ruling But Not Governing: The Military and Political Development in Egypt, Algeria, and Turkey*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. <http://doi.org/10.1353/book.3380>.
- Cook, S.A. (2012). *The Struggle for Egypt: From Nasser to Tahrir Square*. Oxford: Oxford University Press.
- Gordon, J. (1992). *Nasser's Blessed Movement: Egypt's Free Officers and the July Revolution*. Oxford: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/oso/9780195069358.001.0001>.
- Hinnebusch, R. (2001). *Authoritarian Power and State Formation in Ba'thist Syria: Army, Party, and Peasant*. Boulder, CO: Westview Press.
- Kårtveit, B., & Jumbert, M.G. (2014). *Civil-Military Relations in the Middle East*. Retrieved August, 12, 2025, from https://www.researchgate.net/publication/290224675_Civil-military_relations_in_the_middle_east_A_literature_review
- Mahoney, J., & Thelen, K. (2010). *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marr, P. (2012). *The Modern History of Iraq* (3rd ed.). Boulder, CO: Westview Press.
- Perkins, K. (2004). *A History of Modern Tunisia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Perlmutter, A. (1977). *The Military and Politics in Modern Times: On Professionals, Praetorians, and Revolutionary Soldiers*. New Haven: Yale University Press.
- Sayigh, Y. (1997). *Armed Struggle and the Search for State: The Palestinian National Movement, 1949–1993*. Oxford: Oxford University Press.

About the author:

Reem M. Elbathy — Postgraduate Student of the Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, HSE University (e-mail: reem.MahmoudElbathy@outlook.com) (ORCID: 0009-0004-0046-7281)

Сведения об авторе:

Эльбаси Рим Махмуд Лабиб — аспирант департамента политики и управления факультет социальных наук — НИУ ВШЭ (e-mail: reem.MahmoudElbathy@outlook.com) (ORCID: 0009-0004-0046-7281)

РОССИЯ И АФРИКА RUSSIA AND AFRICA

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-931-944

EDN: FQTNWB

Научная статья / Research article

Форматы сетевой дипломатии России в Африке

В.И. Булва

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ va.i.bulva@my.mgimo.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли новых форматов дипломатического взаимодействия с учетом углубляющегося сотрудничества России и Африки, новых тенденций в сфере международных отношений (таких как повышение вовлеченности в сотрудничество со стороны представителей многосторонних объединений и неправительственных сторон, секьюритизация новых отраслей мировой политики). Цель исследования — показать, каким образом инструменты сетевой дипломатии России могут быть использованы для укрепления партнерства Российской Федерации и африканских государств на различных направлениях — политическом, экономическом и гуманитарном. При этом автором подчеркивается, что форматы сетевой дипломатии как глобального (БРИКС, «Группа двадцати»), так и регионального (экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка», тематические рабочие группы и в перспективе — форматы по урегулированию военно-политических конфликтов) уровней могут выступать только в качестве вспомогательных треков, не подменяя традиционные каналы дипломатии (саммиты, министерские встречи и оперативные дипломатические контакты). При подготовке работы полезными оказались работы российских и зарубежных экспертов, раскрывающие теоретические основы сетевой дипломатии (Морозов, Лебедева, Бурганова, Метцль, Слотер и др.), а также посвященные анализу позиций Африки в системе международных отношений (Харберсон, Ротшильд, Кортунов и др.). Исследование выполнялось с опорой на структурно-системный и историко-сравнительный методы исследования. Уникальность статьи состоит в том, что по результатам исследования автор оценивает перспективы развития действующих форматов сетевой дипломатии с учетом стратегических внешнеполитических приоритетов России в Африке, а также предлагает пути развития новых форматов сетевого взаимодействия, которые способствовали

© Булва В.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

бы разрешению ключевых военно-политических и социально-экономических проблем региона.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, БРИКС, «Группа двадцати», экономический и гуманитарный форум «Россия-Африка»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Булва В.И. Форматы сетевой дипломатии России в Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 931–944. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-931-944>

Formats of Russia's Network Diplomacy in Africa

Valeriia I. Bulva

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

✉ va.i.bulva@my.mgimo.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to rethink the role of new formats of diplomatic interaction considering the deepening cooperation between Russia and Africa, new trends in international relations (such as increased involvement in cooperation of representatives of multilateral associations and non-governmental actors, securitization of new sectors of world politics). The purpose of this article is to show how the tools of Russia's network diplomacy can be used to strengthen partnerships between the Russian Federation and African states in various areas — political, economic and humanitarian. At the same time, the author emphasizes that the formats of network diplomacy at both the global (BRICS, G20) and regional (Russia — Africa Economic and Humanitarian Forum, thematic working groups and, in the future, formats for the settlement of military-political conflicts) levels can act only as auxiliary tracks, without replacing traditional channels of diplomacy (summits, ministerial meetings and working diplomatic contacts). The works of Russian and foreign experts revealing the theoretical foundations of network diplomacy (Morozov, Lebedeva, Burganova, Metzl, Slaughter, etc.) as well as those devoted to the analysis of Africa's positions in the system of international relations (Harberson, Rothschild, Kortunov, etc.) were useful for the current study. It was carried out based on structural-systemic and historical-comparative research methods. The uniqueness of the article lies in the fact that the author assesses the prospects for the development of existing formats of network diplomacy taking into account Russia's strategic foreign policy priorities in Africa and suggests ways to develop new formats of network interaction that would contribute to the resolution of key military-political and socio-economic problems of the region.

Keywords: network diplomacy, BRICS, G20, Russia-Africa Economic and Humanitarian Forum

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bulva, V.I. (2025). Formats of Russia's Network Diplomacy in Africa. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 931–944. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-931-944>

Введение

После распада Советского Союза и с началом процесса становления внешнеполитического курса «новой России» в начале 1990-х гг. наблюдалось снижение интереса Российской Федерации к Африканскому региону, сопровождавшееся постепенным понижением уровня политических и экономических связей между Россией и государствами Африки — традиционными партнерами СССР в годы холодной войны. Эта тенденция носила устойчивый долгосрочный характер. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в первом внешнеполитическом документе стратегического планирования — Концепции внешней политики 1993 г. Африка относилась к «другим региональным направлениям»¹ в системе приоритетов отечественной дипломатии. В аналогичных концепциях 2000² и 2008³ гг. Африка занимала предпоследнее место, опережая лишь страны Латинской Америки и Карибского бассейна, а в 2013⁴ и 2016⁵ гг. уступила и им, замкнув иерархию региональных приоритетов.

Ситуация начала кардинально меняться в середине 2010-х гг., когда окончательно проявилась тенденция по формированию многополярного мира. В этих условиях ключевой стратегической задачей дипломатии России стало содействие укреплению основ такого миропорядка, а Африка рассматривалась как один из влиятельных центров мирового развития в нем. На официальном уровне данное стратегическое видение нашло отражение в обновленной Концепции внешней политики 2023 г., где Африка в системе региональных приоритетов следовала за Исламским миром, впереди региона Латинской Америки и Карибского бассейна, Европы, США и других англосаксонских государств⁶. Кроме того, расширился и круг задач внешней политики России на данном направлении. Если ранее в документах акцент делался только на укреплении «разнопланового взаимодействия на двусторонней и многосторонней основе», то в п. 57 КВП 2023 г. были выделены принципы (прежде всего уважение суверенитета), конкретные сферы (политика, экономика и гуманитарный трек) и площадки (двусторонний уровень, взаимодействие с Африканским союзом и субрегиональными организациями, интеграционными объединениями, деятельность Форума партнерства «Россия — Африка») сотрудничества.

¹ Концепция внешней политики России от 1993 г. // Дипломатический вестник. Специальный выпуск (Январь 1993 г.).

² Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 23.01.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 2008 г. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.01.2025).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации от 2016 г. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. // МИД России : официальный сайт. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 23.01.2025).

Данная тенденция обуславливает актуальность определения наиболее перспективных областей сотрудничества России и Африки с учетом пересекающихся интересов стран и специфики развития региона. Не менее востребованным становится поиск новых инструментов укрепления связей России с государствами Африканского континента, которые дополнили бы традиционное дипломатическое взаимодействие. Исходя из этого, цель настоящего исследования — показать, каким образом различные форматы сетевой дипломатии России — одного из новых инструментов дипломатии — могут быть использованы для развития партнерских отношений России и Африки.

Теоретико-методологические основы исследования

С учетом вышеобозначенной проблематики при подготовке статьи было проанализировано два блока теоретических исследований, прежде всего, политологического характера, а также некоторые научные труды исторической направленности. Такой мультидисциплинарный подход позволил автору не просто описать текущие тенденции развития отечественной сетевой дипломатии в Африке, в том числе связав с глобальными тенденциями развития этой формы дипломатии с опорой на системно-структурный метод исследования, но и проследить эволюцию изменений внешнеполитического курса России в регионе с применением сравнительно-исторического метода.

Первый крупный блок исследований включает труды по африканской тематике. Длительное время в центре поля зрения западных исследователей находилось изучение места Африки в мировой политике [Harbeson, Rothchild 1991; Martin 2002; Haug, Braveboy-Wagner; Maihold 2021]. Данная проблема сохраняет актуальность по сей день, учитывая возрастающую экономическую мощь региона⁷, присоединение Африки к «Группе двадцати»⁸. Появляются работы, направленные на изучение региона в целом — особенностей политических и социально-экономических систем африканских государств⁹, проблем Африки [Nachum et al. 2023] (угрозе неокOLONиализма, региональным конфликтам, вызовам, связанным с низким уровнем развития, таким как политическая нестабильность и неустойчивость институтов власти, бедность, эпидемии и т.д.)¹⁰. Ряд исследований ориентированы на изучение отношений России и Африки.

⁷ Goldstone J.A., May J.F. The Global Economy's Future Depends on Africa. 2023. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/global-economy-future-depends-africa#> (accessed: 23.01.2025).

⁸ Signé L. Coulibaly B.S. Africa's Seat at the Table Why the G-20 Needs the African Union. 2023. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/africas-seat-table> (accessed: 23.01.2025).

⁹ Foresight for Africa. 2024. Top priorities for the continent in 2024. Brookings, 2023. 188 p.

¹⁰ Африка — Россия+: достижения, проблемы, перспективы: совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и СОЮЗА «Африканская деловая инициатива» (АДИ) Доклад № 53. 2020 / А.В. Картунов, Н.Г. Цайзер, Е.В. Харитонов, Г.А. Кочофа, Д.П. Ежов, Л.Е. Чкония; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2020. 60 с. EDN: MNFCFN.

Их количество начало увеличиваться после проведения первого саммита «Россия — Африка» в 2019 г.¹¹, а особое внимание экспертов данная тема привлекла на фоне второго саммита и первого экономического и гуманитарного форума «Россия — Африка», прошедших в 2024 г. [Адрианов, Жучков и др., 2024].

Второй блок охватывает работы, посвященные сетевой дипломатии как таковой, ее особенностям и форматам. При изучении трудов отечественных и зарубежных авторов был сделан вывод о наличии двух подходов к определению понятия «сетевой дипломатии». В западной литературе акцент делается на полиакторности современной системы международных отношений [Keohane, Nye 1989; Metzl 2001], что требует перераспределения ответственности между государствами и другими акторами мировой политики [Pellerin 2010]. Такая цель может быть достигнута за счет укрепления неформальных институтов, образованных в ходе взаимодействия государств и неправительственных сторон («горизонтальные сети») или на базе наднациональных/супранациональных организаций («вертикальные сети»), которые сегодня приходят на смену традиционным государствам [Slaughter 2017]. Кроме того, западные исследователи большое внимание уделяют ИКТ как драйверу развития сетевого взаимодействия, а сетевую дипломатию ассоциируют с взаимодействием через соцсети [Castells 2009, Manulak 2019, Zaharna 2005, Cooper Ramo 2016]. Не отрицая важность цифровых технологий в развитии сетевой дипломатии, автор считает некорректным отождествлять понятия сетевой и цифровой дипломатии.

В российской школе под сетевой дипломатией подразумевается форма многосторонней дипломатии, характеризующаяся открытостью, отсутствием жесткой иерархии [Лебедева, Морозов, Шебалина 2019; Колосова 2014] и формализованных институтов [Бурганова 2016, Воронцова 2017]. Подчеркивается, что ключевая роль в принятии решений сохраняется за государствами, а другие акторы выполняют совещательные функции [Кунина 2022]. В данном исследовании сетевая дипломатия будет рассматриваться именно в таком контексте. При этом будем исходить из того, что существуют различные форматы сетевой дипломатии — многопрофильные площадки для сотрудничества по политическим, экономическим и гуманитарным вопросам, а также рабочие группы и узкие форматы, создаваемые для решения конкретной проблемы, как правило, в сфере безопасности (для содействия урегулированию конфликта или противодействия новым вызовам и угрозам).

Вместе с тем в отечественной научной литературе не хватает актуализированных исследований в сфере сетевой дипломатии. Малоизученными остается работа разных форматов сетевой дипломатии по укреплению связей России и африканских государств на глобальных площадках сетевого взаимодействия

¹¹ Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке: доклад № 89. 2023. А.Р. Андропова, Т.С. Богдасарова, С.А. Бокерия и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Т.С. Богдасаровой, С.М. Гавриловой. Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2023. 72 с. EDN: ARMKWR.

(БРИКС и «Группа двадцати»). Важность представляет и изучение специфики сетевого сотрудничества в рамках форума «Россия — Африка», вспомогательных диалоговых структур и площадок. Кроме того, целесообразным было бы определение перспектив развития иных форматов сетевой дипломатии России (узкопрофильных рабочих групп и форматов по урегулированию конфликтов) на африканском направлении.

Форматы сетевого сотрудничества России и Африки — новые горизонты дипломатии

Традиционно в налаживании диалога России со странами Африканского континента ведущую роль играют механизмы классического дипломатического взаимодействия на политико-дипломатическом треке — саммит «Россия — Африка», двусторонние контакты на высшем, высоком и оперативном уровнях, сотрудничество на многосторонних площадках по дипломатическим каналам (т.е. по линии официальных представителей соответствующих многосторонних структур). Вместе с тем по мере повышения значимости Африки для России возрастает актуальность поиска вспомогательных инструментов укрепления диалога с государствами данного региона, которые позволили бы привлечь другие заинтересованные стороны из неправительственного сектора, не создавая дополнительной бюрократической нагрузки. Оптимальными механизмами в данной связи могли бы выступить форматы сетевой дипломатии, не требующие формирования формализованных институтов для поддержания связей на постоянной основе.

Востребованность развития форматов отечественной сетевой дипломатии в Африке связана и с особенностями внешнеполитической стратегии Российской Федерации. Прежде всего, как следует из КВП 2023 г., Африка рассматривается Россией как единый континент, и поэтому большое значение отводится сотрудничеству с многосторонними площадками — Африканским союзом, объединяющим все страны региона, а также субрегиональными организациями и интеграционными объединениями¹². Кроме того, в силу слаборазвитой степени политико-дипломатического взаимодействия, сохранения ряда чувствительных сфер и отсутствия опыта контактов в отдельных сферах между Россией и некоторыми африканскими странами требуется поиск более гибких механизмов, которые закладывали бы почву для дальнейшего проникновения России в регион. Речь идет, в первую очередь, об экономическом и гуманитарном треках, где особую роль играет практикоориентированное взаимодействие бизнеса, научного сообщества и представителей гражданского общества.

Преимущество сетевой дипломатии состоит в том, что ее форматы позволяют расширить число акторов, одновременно выстраивать взаимодействие

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. // МИД России : официальный сайт. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 23.01.2025).

с участием правительств, членов многосторонних объединений и неправительственных сторон. Это происходит за счет создания диалоговых площадок и структур (таких как, экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка») и узкопрофильных рабочих групп, в том числе с опорой на потенциал существующих многосторонних структур. Так, использование инструментов сетевой дипломатии позволяет создать условия для решения проблемы недостаточного присутствия России в отдельных африканских государствах и укрепления имиджа Российской Федерации в регионе. Большое значение имеет то, что при таком подходе сохраняется взаимосвязь стратегического (политико-дипломатического) и оперативного уровня взаимодействия. В политологии на важность взаимосвязи различных уровней принятия решений в сфере внешней политики впервые обратил внимание Р. Патнэм — автор концепции «двухуровневой игры» [Putnam 1988].

Вместе с тем развитие форматов сетевого сотрудничества отвечает интересам самих африканских стран. Наибольшую потребность в этом испытывают государства, в которых наблюдается нехватка собственных ресурсов для поддержания на регулярной основе политико-дипломатических контактов, но заинтересованных в расширении экономических, гуманитарных и иных связей с Россией. Таким образом, происходит постепенное налаживание отношений «снизу» по линии многосторонних объединений и неправительственных структур, что служит подспорьем классической дипломатии и создает предпосылки для интенсификации многопланового сотрудничества России и Африки в будущем.

Площадки сетевой дипломатии России в Африке

Форматы сетевой дипломатии России, используемые на африканском направлении, условно можно разделить на два типа — глобальные площадки (БРИКС и «Группа двадцати») и специально созданный для развития регионального сотрудничества форум партнерства «Россия — Африка».

БРИКС

Важную роль в развитии сотрудничества между Россией и Африкой в рамках БРИКС играет ЮАР — государство, присоединившееся к объединению в статусе полноправного члена в 2011 г. Уже в 2011 г. на встрече глав пяти государств активно обсуждались вопросы содействия реализации инфраструктурных проектов в Африканском регионе¹³, в том числе была поддержана инициатива НЕПАД по индустриализации региона [Шубин, 2015]. Во время первого председательства ЮАР в 2013 г. на саммит в Дурбан были приглашены представители Африканского союза и 8 интеграционных

¹³ Саньянская декларация БРИКС // Документы саммитов БРИКС. 2011. URL: <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty> (дата обращения: 23.01.2025).

объединений Африки, что заложило основу для создания нового формата взаимодействия с внешними партнерами — «БРИКС-аутрич» [Лагутина, 2022, с. 75]. Кроме того, в 2013 г. впервые в политическую повестку БРИКС были включены задачи проблемы урегулирования кризисов на Африканском континенте — в Мали, ДРК и ЦАР, а также политической нестабильности в Сахеле и районе Гвинейского залива¹⁴.

Беспрецедентным с точки зрения продвижения интересов Африки на площадке БРИКС стал 2023 г. — год третьего председательства ЮАР (после 2013 и 2018 гг.). Ключевым достижением стало принятие решения о расширении структуры за счет 6 государств, два из которых (Египет и Эфиопия) представляют Африку¹⁵. Значимым положением итоговой II Йоханнесбургской декларации стало закрепление задачи по содействию укреплению роли Глобального юга в международных отношениях, в том числе в институтах глобального управления (ООН и валютно-финансовые институты — МВФ и Группа Всемирного банка)¹⁶.

Сотрудничество России и Африки на площадке БРИКС не просто отвечает обоюдным интересам сторон в углублении кооперации по многочисленным политическим, экономическим и гуманитарным вопросам, но и соответствует стратегическому видению глобального миропорядка, которого придерживаются как Российская Федерация, так и страны Африки — формирующегося центра влияния. В частности, стороны объединяет стремление к поддержанию основ полицентричного мира, основанного на принципах суверенитета, равноправного сотрудничества государств, политического и экономического плюрализма, культурно-цивилизационного многообразия. В этой связи для африканских государств БРИКС могла бы стать площадкой для усиления своих позиций в мировых делах (включая повышение репрезентативности в институтах системы ООН), в процессе принятия решений по вопросам глобальной повестки, а для России — площадкой для согласования интересов и координации позиций, что обеспечивало бы дополнительную поддержку российских глобальных инициатив, а также выработку коллективных инициатив и их последующее продвижение на мировой арене.

«Группа двадцати»

«Группа двадцати» (G20) для России и африканских государств (помимо ЮАР участником Группы с 2023 г. является Африканский союз), так же как и БРИКС, выступает в качестве инструмента укрепления основ многополярного миропорядка. Однако в отличие от БРИКС в данном формате больший акцент

¹⁴ Этеквинская декларация БРИКС // Документы саммитов БРИКС. 2013. URL: <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁵ После смены политического руководства Аргентина отказалась от членства. Саудовская Аравия в 2024 г. не завершила процесс присоединения.

¹⁶ II Йоханнесбургская декларация БРИКС // Документы саммитов БРИКС. 2023. URL: <https://ocds-brics.org/wp-content/uploads/2023/08/doc-20230825-wa0119.pdf> (accessed: 23.01.2025).

делается на экономической составляющей. Изначально созданная как механизм антикризисного регулирования в ответ на Азиатский финансовый кризис 1998–1999 гг., развитие «Группы двадцати» получило дополнительный импульс на фоне глобального экономического кризиса 2008 г., когда впервые состоялся саммит участников [Hajnal 2014]¹⁷. Сегодня Группа представляет особый интерес для государств с развивающейся экономикой — стран Глобального Юга — стремящихся к повышению своей представленности в мировых экономических и валютно-финансовых институтах и участия в выработке и принятии решений по финансово-экономическим вопросам.

В 2025 г. впервые функции председателя в G20 будет осуществлять африканское государство — ЮАР¹⁸. Поскольку четвертый год подряд председательство переходит к государству развивающегося мира (2022 г. — Индонезия, 2023 г. — Индия, 2024 г. — Бразилия), особое внимание уделяется вопросам содействия экономическому развитию, преодоления неравенства и реформирования глобальных валютно-финансовых институтов. Следует помнить, что у Группы уже есть опыт успешного согласования реформы Всемирного банка и МВФ. Так, на основании решений встреч в Вашингтоне (2008 г.), Лондоне и Питтсбурге (2009 г.), где были выработаны принципы реформы МВФ и Всемирного банка, в 2010 г. были увеличены квоты развивающихся государств и государств с переходной экономикой во Всемирном банке (на 3,13 %)¹⁹ и 6 % квот перераспределены в их пользу в МВФ²⁰. Тем не менее в дальнейшем существенного прогресса на данном направлении достичь не удалось ввиду сохранения противоречий между развитыми государствами и Глобальным Югом.

Несмотря на сложную геополитическую обстановку, оказывающую влияние и на работу «Группы двадцати», Россия продолжает полноценную деятельность в данном формате. Опираясь на поддержку развивающихся стран, она стремится не допустить политизации повестки данного механизма. В 2025 г. планируется, что диалог участников будет сосредоточен вокруг таких вопросов, как содействие инклюзивному экономическому росту, поддержанию продовольственной безопасности, развитию искусственного интеллекта и инноваций для достижения ЦУР²¹. Для ЮАР важным направлением станет проблема укрепления финансовой и экономической

¹⁷ Hajnal P. The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation. Farnham : Ashgate. International Peace Institute. 2014.

¹⁸ В «Группе двадцати» председательство осуществляется «тройкой» — бывшим, нынешним и будущим председателем, в 2025 г. это Бразилия, ЮАР и США.

¹⁹ Пресс-конференция по итогам саммита «Группы двадцати». 2010 // Президент России : официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/8182 (дата обращения: 23.01.2025).

²⁰ Press Release: IMF Board of Governors Adopts Quota and Voice Reforms by Large Margin // International Monetary Fund. 2008. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr0893> (accessed: 23.01.2025).

²¹ G20 Presidency // G20 official website. URL: <https://g20.org/g20-south-africa/g20-presidency/> (accessed: 23.01.2025).

устойчивости стран Африки за счет снижения долговой нагрузки. Такая повестка вписывается в систему приоритетов, обозначенную в 2024 г. Бразилией. При этом могут возникнуть дополнительные трудности в работе «Группы двадцати» на фоне стремления ЮАР (а также входящих в «тройку» председателей США) включить в обсуждение вопросы урегулирования военно-политических кризисов на Украине и Ближнем Востоке.

Экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка»

Прорывным моментом в развитии сетевой дипломатии России в Африке стало принятие решения о проведении экономического и гуманитарного форума «Россия — Африка» в дополнение к политическому саммиту²². Впервые форум состоялся в 2023 г., что ознаменовало завершение оформления двуединого механизма партнерства. Значимо то, что оба мероприятия (саммит и форум) прошли одновременно. Такая инициатива позволила повысить оперативность и эффективность практической реализации решений, принятых на политическом уровне [Столков, 2024]. В рамках первого форума прошла серия встреч между представителями бизнеса, СМИ, гражданского общества и научного сообщества в целях налаживания рабочих контактов.

Практическим результатом стало заключение 146 соглашений между российскими и зарубежными компаниями, а также с органами власти государств Африки по экономическим вопросам²³. Подавляющее большинство составили соглашения, ориентированные на содействие преодолению неравенства в странах Африки и укрепление технологического суверенитета стран-подписантов. На гуманитарном треке значительная доля пришлась на договоренности в области науки и образования (51 документ) и научно-технологического сотрудничества (10 документов)²⁴.

Организация форума имела и важную имиджевую составляющую. На его «полях» прошли культурные мероприятия — фестиваль культуры «Петербургские сезоны», молодежные встречи и спортивные состязания, концерты, дни национальной кухни, театральные вечера, показы фильмов и т.д. Цель такой программы заключалась в том, чтобы продемонстрировать культурно-цивилизационное многообразие многополярного мира, закрепить за Россией статус государства — центра продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей, а за африканскими партнерами — статус самобытных, самодостаточных государств.

²² Экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка» : официальный сайт. URL: <https://summitafrica.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

²³ Итоги второго саммита и экономического и гуманитарного форума Россия — Африка. 2023 // Официальный сайт саммита Россия — Африка. URL: <https://summitafrica.ru/news/podvedeny-itogi-vtorogo-sammita-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossija-afrika/> (дата обращения: 23.01.2025).

²⁴ Там же.

Гуманитарная повестка в рамках партнерства «Россия — Африка» носит не событийный, а системный характер. В дополнение к форуму активно поддерживается практическое сотрудничество неправительственных сторон в межфорумный период. Усиливается информационно-аналитическая работа с привлечением интеллектуального потенциала ведущих научно-исследовательских центров и институтов стран-участниц.

Заключение

Таким образом, использование инструментов сетевой дипломатии Российской Федерации в Африке позволяет решить целый комплекс задач как стратегического характера, так и более практических, узкоспециализированных. Возрастающее сотрудничество России и африканских государств в таких сетевых институтах, как БРИКС и «Группа двадцати», направлено на достижение одной из ключевых целей отечественной внешней политики — укрепление основ формирующегося многополярного мира. Африканский регион, в свою очередь, может использовать данные площадки для усиления своих позиций в мировой политике, заручившись поддержкой России в выработке подходов по реформированию архитектуры глобального управления за счет повышения репрезентативности в структурах системы ООН (прежде всего Совете Безопасности) и мировых валютно-финансовых институтах.

Одновременно с этим сетевая дипломатия России в Африке играет роль подспорья политического трека, все активнее развивающегося на двустороннем и многостороннем уровне. Выстраивание связей с отдельными африканскими странами «снизу», т.е. с привлечением потенциала неправительственных сторон, обеспечивает решение проблемы недостаточной представленности России в некоторых субрегионах континента. Для самих же африканских стран такие площадки, как экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка», помогают преодолеть трудности, связанные с нехваткой опыта и собственных ресурсов стран путем участия в сотрудничестве с Россией на правах государств — членов ведущих интеграционных объединений и региональных организаций континента. При этом важно отметить, что экономический и гуманитарный трек развивается как продолжение трека политического — сотрудничество бизнеса, гражданского общества и научного сообщества происходит при четкой координации с национальными правительствами. Главная задача заключается в повышении уровня практической реализации стратегических приоритетов сотрудничества России и Африки в соответствии с решениями, принятыми на политическом уровне.

Учитывая гибкость и практикоориентированность форматов сетевой дипломатии, целесообразным представлялось бы усилить российскую дипломатию в Африке посредством учреждения и развития форматов, создаваемых для решения конкретной прикладной задачи. Это могут быть рабочие группы, объединяющие правительственных и неправительственных экспертов, которые сосредоточены на разрешении социально-экономических проблем континента (именно они

находятся в центре внимания большинства исследователей-политологов и политических деятелей), противодействию новым вызовам и угрозам, прежде всего, терроризму, наркотрафику, пиратству и угрозам в сфере использования ИКТ (поскольку эти проблемы обозначены в качестве главных рисков политической стабильности и безопасности африканского региона в итоговых документах политических саммитов «Россия — Африка» 2019 и 2023 гг.).

Наконец, весомый вклад в укреплении безопасности могло бы сыграть учреждение различных форматов по урегулированию военно-политических кризисов. Россия в подобных форматах играла бы роль посредника в поиске компромиссов и содействовала бы выработке решений в рамках политического урегулирования по аналогии с тем, как это было в рамках «ближневосточного квартета», Астанинского формата по Сирии и других аналогичных площадок. Для африканских государств такие форматы были бы особенно привлекательными в связи с тем, что при их создании Россия неизменно придерживается принципа обеспечения принятия финального политического решения непосредственно сторонами конфликта, что подтверждает выдвинутая в КВП 2023 г. формула «Африканским проблемам — африканское решение».

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Бурганова И.Н.* Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 6–1 (48). С. 120–123. <http://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>. EDN: WAYQVB.
- Воронцова Н.А.* Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями // *Московский журнал международного права*. 2017. № 2 (106). С. 136–143. EDN: ZMQBKZ.
- Колосова И.В.* Лабиринты «сетевой дипломатии» // *Проблемы постсоветского пространства*. 2014. № 2. С. 173–180. EDN: TZIAOX.
- Кунина И.А.* Сетевой аспект многосторонней дипломатии // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 9. С. 392–409. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>. EDN: TXHWNH.
- Лагутина М.Л.* Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // *Journal of International Analytics*. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82. <http://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>. EDN: NHGEQL.
- Лебедева О.В. Морозов В.М. Шебалина Е.О.* Network Diplomacy: Theory // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. № 11 (85). <http://doi.org/10.18254/S207987840008084-1>. EDN: ETFRWB.
- Россия в Африке. От новых сфер сотрудничества к новому имиджу / под ред. И.Д. Лошкарёва. Москва : Аспект Пресс, 2024. 224 с.
- Столков Д.С.* Новые тенденции в российской дипломатии после 24 февраля 2022 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2024. Т. 17. № 1. С. 27–42. <http://doi.org/10.21638/spbu06.2024.102>. EDN: EJBYNL.

- Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. С. 171–183. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-229>. EDN: UDJYNP.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford : Wiley-Blackwell. 2009.
- Cooper Ramo J. *The Seventh Sense: Power, Fortune, and Survival in the Age of Networks*. New York : Little, Brown and Company. 2016.
- Hajnal P. *The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation*. Farnham : Ashgate. International Peace Institute. 2014. <http://doi.org/10.4324/9781351266802>.
- Harbeson J.W., Rothchild D.S. (ed.). *Africa in world politics*. Boulder, CO : Westview Press, 1991. <http://doi.org/10.4324/9781003198130>.
- Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. The ‘Global South’ in the study of world politics: Examining a meta category // *Third World Quarterly*. 2021. Vol. 42. No. 9. P. 1923–1944. <http://doi.org/10.1080/01436597.2021.194883>.
- Pellerin H. Network Diplomacy: A New Paradigm for Global Governance? // *Global Governance*. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 121–139. <http://doi.org/10.4324/9780203793251>.
- Keohane R. Nye J. *Power and Interdependence* // Glenview, Ill : Scott, Foresman. 1989.
- Manulak M. Why and How to Succeed at Network Diplomacy // *The Washington Quarterly*. 2019. No. 42. P. 171–181. <http://doi.org/10.1080/0163660X.2019.1593668>.
- Martin G. *Africa in world politics: a Pan-African perspective*. Africa World Press, 2002.
- Metzl J. Network Diplomacy // *Carnegie Georgetown Journal of International Affairs*. Winter / Spring. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 77–87.
- Nachum L. et al. Africa rising: Opportunities for advancing theory on people, institutions, and the nation state in international business // *Journal of International Business Studies*. 2023. Vol. 54. P. 938–955 <http://doi.org/10.1057/s41267-022-00581-z>.
- Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.
- Slaughter A-M. *The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World*. New Haven, 2017. <http://doi.org/10.12987/9780300228168>.
- Zaharna R.S. The Network Paradigm of Strategic Public Diplomacy // *Foreign Policy in Focus*. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 1–4.

References

- Burganova, I.N. (2016). Phenomenon of network diplomacy in the system of international relations (on the example of the Russian Federation). *International Research Journal*, 6–1 (48), 120–123. (In Russian). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>; EDN: WAYQVB.
- Castells, M. (2009). *The rise of the network society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Cooper Ramo, J. (2016). *The seventh Sense: Power, fortune, and survival in the age of networks*. New York: Little, Brown and Company.
- Hajnal, P. (2014). *The G20: Evolution, interrelationships, documentation*. Farnham: Ashgate. International Peace Institute. <https://doi.org/10.4324/9781351266802>
- Harbeson, J.W., & Rothchild, D.S. (Eds.). (1991). *Africa in world politics*. Boulder, CO: Westview Press. <https://doi.org/10.4324/9781003198130>
- Haug, S., Braveboy-Wagner, J., Maihold, G. (2021). The ‘Global South’ in the study of world politics: Examining a meta category. *Third World Quarterly*, 42(9), 1923–1944. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.194883>
- Keohane, R., & Nye, J. (2011). *Power and interdependence*. Pearson; 4th edition.
- Kolosova, I.V. (2014). Labyrinths of “network diplomacy”. *Problems of the Post-Soviet Space*, 2, 173–180. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>
- Kunina, I.A. (2022). Network aspect of multilateral diplomacy. *Scientific dialogue*. Vol. 11. (9), 392–409. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>

- Lagutina, M.L. (2022). Regional dimension of BRICS cooperation. *Journal of International Analytics*, 13(1), 66–82. (In Russian) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>; EDN: NHGEQL.
- Lebedeva, O.V., Morozov, V.M., & Shebalina, E.O. (2019). Network diplomacy: Theory. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*, 11(85), (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207987840008084-1>; EDN: ETFRWB.
- Loshkarev, I.D. (Ed.) (2024). *Russia in Africa. From a new sphere of cooperation to a new image*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Manulak, M. (2019). Why and how to succeed at network diplomacy. *The Washington Quarterly*, 42, 171–181. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2019.1593668>
- Martin, G. (2002). *Africa in world politics: A Pan-African perspective*. Africa World Press.
- Metzl, J. (2001). Network diplomacy. *Carnegie Georgetown Journal of International Affairs*, 2(1), 77–87.
- Nachum, L. et al. (2023). Africa rising: Opportunities for advancing theory on people, institutions, and the nation state in international business. *Journal of International Business Studies*, 54, 938–955 <https://doi.org/10.1057/s41267-022-00581-z>
- Pellerin, H. (2010). Network diplomacy: A new paradigm for global governance? *Global Governance*, 18, (1), 121–139. <https://doi.org/10.4324/9780203793251>
- Putnam, R. (1998). Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games. *International Organization*, 42(3), 427–460.
- Shubin, V.G. (2015). South Africa in BRICS: Last but not least. *International Organizations Research Journal*, 2, 171–183. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-229>. EDN: UDJYNP.
- Slaughter, A.-M. (2017). *The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world*. New Haven. <https://doi.org/10.12987/9780300228168>
- Stolkov, D.S. (2024). New trends in Russian diplomacy after February 24, 2022. *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*, 17(1), 27–42. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.102>. EDN: EJBYNL.
- Vorontsova, N.A. (2017). Creation of network alliances of the Russian Federation with foreign states and international organizations. *Moscow Journal of International Law*, 2(106), 136–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-136-143>; EDN: ZMQBKZ.
- Zaharna, R.S. (2005). The network paradigm of strategic public diplomacy. *Foreign Policy in Focus*, 10(1), 1–4.

Сведения об авторе:

Булва Валерия Игоревна — кандидат исторических наук, сотрудник, Министерство иностранных дел Российской Федерации (e-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-0378-363X)

About the author:

Valeriia I. Bulva — PhD (History), employee, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-0378-363X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-945-956

EDN: GGKXXY

Научная статья / Research article

Взаимоотношения России и Африки: динамика и проблемы

К.Л.М. Диату

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1042235206@pfur.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена растущим влиянием России в Африке на фоне геополитических изменений в мире. В последние годы наблюдается активизация российской внешней политики в Африке, которая выражается в укреплении политических связей, расширении экономического сотрудничества, интенсификации военно-технического партнерства и развитии гуманитарных связей и культурного обмена. Это приводит к изменению восприятия России со стороны африканских государств и населения континента, что влияет на международные отношения и баланс сил в регионе, а также несет вызовы, такие как конкуренция с другими акторами и риски фрагментации. Цель исследования — комплексно исследовать, как и почему изменилось восприятие России в африканских странах, учитывая исторический контекст, современные политические и экономические факторы, а также взаимное влияние культурных и общественных аспектов. Автором выявлены ключевые факторы, способствующие изменению восприятия России и развитию российско-африканских отношений. Материалы и методы исследования включают анализ научной литературы, официальных документов, статистических данных, результатов социологических опросов и экспертных оценок. Применены методы исторического анализа, сравнительного анализа, системного подхода и качественного анализа контента. Исследование показало, что интеграция Африки в мировую экономику и привлекательность минеральных ресурсов создает большую конкуренцию среди стран. Россия активно расширяет свое влияние на Африканском континенте после постсоветского обрыва отношений и использует возможности по укреплению в связи с меняющимся геополитическим порядком. Несмотря на успехи в развитии всестороннего сотрудничества, наблюдаются скромные товаро-экономические отношения и вызовы в диверсификации.

Ключевые слова: Африканский континент, международные отношения, внешняя политика, экономическое сотрудничество, военно-техническое партнерство, культурный обмен

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Диату К.Л.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Диату К.Л.М. Взаимоотношения России и Африки: динамика и проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 945–956. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-945-956>

Relations Between Russia and Africa: Dynamics and Challenges

Clara Lelo Muanda Diato

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ 1042235206@pfur.ru

Abstract. The growing relevance of this topic stems from Russia's deepening engagement with Africa amid ongoing global geopolitical transformations. In recent years, Russia has expanded its political, economic, and humanitarian presence on the continent through diplomatic initiatives, trade and investment, military-technical cooperation, and cultural exchanges. These developments have reshaped African perceptions of Russia and influenced regional and global power dynamics. The research examines how Russia's image has evolved across African countries, taking into account historical legacies, political and economic factors, and socio-cultural dimensions. It identifies the main drivers behind the transformation of Russian — African relations and assesses their implications for Africa's development and the emergence of a multipolar world order. The study employs historical, comparative, and content analysis methods, drawing on official documents, policy reports, and statistical data. It investigates how Africa's growing integration into the global economy affects competition over its natural resources and attracts greater interest from external powers, including Russia. Among them, Russia seeks to strengthen its influence in the region amid shifting geopolitical dynamics. Despite progress in political and cultural cooperation, economic interaction remains limited, reflecting persistent challenges in trade diversification and institutional cooperation.

Keywords: African continent, international relations, foreign policy, economic cooperation, military-technical partnership, cultural exchange

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Diato, C.L.M. (2025). Relations between Russia and Africa: Dynamics and challenges. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 945–956. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-945-956>

Введение

Проблема, возникающая во внешней политике России с Африкой, и изменения восприятия на континенте ранее частично рассматривалась в научных работах, однако современные геополитические и социально-экономические изменения требуют нового, более глубокого изучения этой темы.

Растущее внимание африканских государств к альтернативным центрам силы отражает стремление континента к стратегической автономии.¹

¹ African Union. Agenda 2063: The Africa We Want — Progress Report 2023. Addis Ababa, 2023.

Недостаточное внимание к культурным и общественным аспектам взаимодействия, а также изменение международной обстановки, включая санкционное давление и конкуренцию великих держав, делают особенно актуальным комплексное исследование данной проблематики².

С ростом влияния держав глобального Востока, в частности Китая и России, происходит смещение исходно прозападного геополитического порядка к многополярной форме геополитических отношений, в борьбе за значимость и доминирование. Однако страны БРИКС преследуют национальные интересы, что зачастую приводит к конкуренции внутри альянса [Околи 2024]. Африканские страны становятся активными участниками процесса переформатирования глобальных альянсов, балансируя между блоками влияния и развивая собственные региональные инициативы, такие как Африканская континентальная зона свободной торговли³. Это усиливает тенденцию к многополярности и расширяет возможности для России выстраивать равноправные партнерства в обход традиционных евроатлантических структур.

Российско-африканское сотрудничество: экономические аспекты

Африканский континент претерпевает значительные изменения, активно интегрируясь в мировую экономику через участие в глобальных цепочках создания стоимости, международных производственных и маркетинговых сетях, а также в финансовых структурах. К 2023 г. совокупный ВВП региона оценивается примерно в 3 трлн долл. США, с ростом реального ВВП на 3,0 %, а доля промышленности в структуре ВВП составляет около 17–20 %⁴. Россия занимает около 1–2 % от общего объема иностранных инвестиций в Африке, но сосредоточена в стратегических секторах — энергетика, горнодобыча, инфраструктура⁵. Это создает условия для обостренной конкуренции мировых держав за ресурсы и рынки континента.

Продовольственный суверенитет Африки является одной из приоритетных задач, отраженной в Декларации Второго саммита «Россия — Африка». За счет поставок удобрений Россия способствует локализации производства и снижению зависимости от импорта [Свиридов, Андреева 2024]. В то же время сохраняется значимость Африки как источника минеральных ресурсов. Уменьшение

URL: <https://au.int/en/documents/20220210/second-continental-report-implementation-agenda-2063> (accessed: 06.10.2025).

² Chatham House. Africa Programme Annual Report 2024. London: Chatham House, 2024. P. 1–26. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2025-01/2025-01-23-africa-programme-annual-report-2024.pdf> (accessed: 06.10.2025).

³ Brookings Institution. Trade and Regional Integration: Foresight Africa 2024. Washington, DC, January 2024. URL: <https://www.brookings.edu/articles/trade-and-regional-integration-foresight-africa-2024/> (accessed: обращения 06.10.2025).

⁴ African Development Bank. African Economic Outlook 2024. Abidjan, 2024. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2024> (accessed: 06.10.2025).

⁵ UNCTAD. World Investment Report 2024. Geneva, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (accessed: 06.10.2025).

запасов руд в традиционных месторождениях и увеличение затрат на добычу в новых районах делают африканские ресурсы все более привлекательными. Особенно это касается металлов, необходимых для развития современных технологий, подчеркивая богатство и потенциал Африканского континента в новой глобальной экономике.

Как утверждает Дж. Сигель, «Россия, пожалуй, расширила свое влияние в Африке в последние годы больше, чем любой другой внешний актор. Ее участие распространяется на углубление связей в Северной Африке, расширение сферы влияния в Центрально-Африканской Республике и Сахеле, а также возрождение связей времен холодной войны на юге Африки»⁶. В 2024 г. военные режимы Буркина-Фасо, Мали и Нигера создали Альянс государств Сахеля (AES) для координации усилий по безопасности. Несмотря на это, уровень насилия остается высоким⁷, а джихадистские группировки продолжают расширять зоны активности⁸. Государства AES укрепляют сотрудничество с Россией, получая военную и техническую поддержку. По оценкам Института исследований безопасности (Institute for Security Studies) (ISS) — африканской организации, занимающейся исследованиями в области безопасности человека, — такая модель взаимодействия сочетает элементы прагматизма и риски втягивания внешних акторов в локальные конфликты, сопровождаемые нарушениями прав человека⁹. Военные власти Сахеля используют геополитическую конкуренцию для укрепления суверенитета, отвергая «неоколониальное» вмешательство и предпочитая партнеров без политических условий [Околи 2024]. Россия позиционирует свое участие как «партнерство без условий», что соответствует принципам Совместной декларации Африканского союза и России (2023)¹⁰. Вместе с тем, по наблюдениям ISS и Crisis Group, прямое участие связанных с Россией структур в боевых действиях и их экономические интересы вызывают сомнения в реализации заявленных принципов¹¹.

Как отмечается в докладе «African Economic Outlook 2024», опубликованном Банком развития Африки, в котором представлен комплексный анализ

⁶ Siegle J. Russia's Expanding Footprint in Africa // *Russia in Africa*, Africa Center for Strategic Studies, 2023. URL: <https://africacenter.org/in-focus/russia-in-africa/> (accessed: 29.11.2024).

⁷ International Crisis Group. Defining a New Approach for the Sahel's Military-Led States. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/sahel/burkina-faso-mali-niger/defining-new-approach-sahels-military-led-states> (accessed: 30.09.2025).;

⁸ Al Jazeera. Niger, Mali and Burkina Faso Military Leaders Sign New Pact, Rebuff ECOWAS. 06.07.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/7/6/niger-mali-and-burkina-faso-military-leaders-sign-new-pact-rebuff-ecowas> (accessed: 30.09.2025).

⁹ Institute for Security Studies (ISS Pretoria). Russia's Growing Influence in Africa Calls for More Balanced Partnerships. URL: <https://issafrica.org/iss-today/russia-s-growing-influence-in-africa-calls-for-more-balanced-partnerships> (accessed: 30.09.2025).

¹⁰ Декларация второго саммита Россия — Африка // Росконгресс. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5972> (дата обращения: 11.09.2024).

¹¹ Institute for Security Studies (ISS Pretoria). Russia's Growing Influence in Africa Calls for More Balanced Partnerships. URL: <https://issafrica.org/iss-today/russia-s-growing-influence-in-africa-calls-for-more-balanced-partnerships> (accessed: 30.09.2025).;

экономического состояния континента и прогнозы на будущее, Сахель остается одним из самых уязвимых регионов: насилие подрывает инвестиционный климат и усугубляет гуманитарные кризисы¹². Переориентация региона отражает стремление африканских государств к большей субъектности, но без долгосрочной стратегии этот курс может привести к новым формам зависимости.

Россия активно развивает отношения за пределами традиционного евроатлантического пространства, особенно в Азии, Латинской Америке и Африке, что подтверждается ее ролью в БРИКС. На XV саммите в Йоханнесбурге (2023) была поддержана инициатива включения африканских государств в состав организации, в частности Египет и Эфиопию¹³. Это расширение открыло возможности для координации энергетических, транспортных и финансовых проектов с участием африканских партнеров. Таким образом, БРИКС становится для России инструментом укрепления позиции в Глобальном Юге, где африканское измерение приобретает особое значение¹⁴. Ограниченные ресурсы и недостаточное понимание Африканского континента влияют на эту динамику, в то время как российский бизнес, традиционно ориентированный на Запад, сдерживает смещение фокуса [de Assis 2023]. Такие ключевые события, как Второй саммит «Россия — Африка» в Санкт-Петербурге и XV саммит БРИКС в Йоханнесбурге, а также создание Альянса государств Сахеля демонстрируют успехи в укреплении связей между Россией и африканскими странами, преодоление попыток дипломатической изоляции со стороны Запада и формирование более сбалансированной позиции по глобальной повестке и ключевым международным вопросам.

Африка, как часть Глобального Юга, играет ключевую роль в изменении мирового политического баланса, смещая фокус власти с Глобального Севера на Восток. Так, суммарный ВВП незападных стран по среднегодовым темпам экономического роста в период с 2000 по 2012 г. обгонял Запад в 5 раз [Абрамова 2019]. При использовании коэффициентов пересчета по паритетам покупательной способности, принятых Всемирным банком, получается, что конвергенция между Западом и остальным миром по ВВП приобретает особо быстрые темпы после 2002 г. настолько, что уже в 2012 г. доля в мировом ВВП превысила долю Запада [Гринин, 2019]. Торговые отношения между Россией и Африкой характеризуются умеренными объемами. Общий объем внешней торговли на 2023 г. приближается к 18 млрд долл. США, причем основная доля

¹² African Development Bank. African Economic Outlook 2024. Abidjan, 2024. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2024> (accessed: 06.10.2025).

¹³ XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration. BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. Sandton, Gauteng, South Africa, 23 August 2023. URL: <https://dirco.gov.za/xv-brics-summit-johannesburg-ii-declaration-brics-and-africa-partnership-for-mutually-accelerated-growth-sustainable-development-and-inclusive-multilateralism-sandton-gauteng-south-africa-w/> (accessed: 06.10.2025).

¹⁴ South African Institute of International Affairs (SAIIA). BRICS Expansion and Africa: Implications for Global Governance // Policy Brief. No. 57. URL: <https://saiia.org.za/research/brics-expansion-adaptive-response-or-proactive-restructuring-of-global-governance/> (accessed: 06.10.2025).

этого объема, около 70 %, приходится на страны Северной Африки. Для сравнения общий объем внешней торговли между Китаем и Африкой на 2023 г. составляет 283 млрд долл.¹⁵ Необходимость диверсифицированных партнерств для стимулирования торговли объясняется неравенством в Африке, которое препятствует устойчивому росту. При текущих тенденциях прогнозируется снижение бедности на 1,2 % в год¹⁶.

Восприятие России в Африке

Изменение роли восприятия России в Африканском континенте — это сложный и многоаспектный процесс, который охватывает различные сферы, включая политические, экономические и культурные аспекты. Далее перечислим несколько ключевых особенностей, характеризующих этот процесс.

1. *Усиление политического влияния.* Укрепление происходит за счет двусторонних встреч и участия в многосторонних африканских форумах. Это включает в себя укрепление дипломатических отношений, участие в миротворческих и антитеррористических миссиях, а также предложение медиации в разрешении конфликтов [Околи 2024].

2. *Экономическое сотрудничество.* Россия стремится расширить свое экономическое присутствие в Африке через инвестиции в ключевые сектора, такие как добыча полезных ископаемых, энергетика, сельское хозяйство и инфраструктурные проекты. Это включает в себя не только экспорт российских товаров и услуг, но и привлечение африканских инвестиций в Россию¹⁷.

3. *Военно-техническое сотрудничество.* Россия является одним из крупнейших поставщиков военной техники и оружия в Африку. Сотрудничество также включает в себя обучение африканских военных, совместные учения и предоставление консультационных услуг [Дейч, 2018: 212].

4. *Культурные и образовательные связи.* Реализуются через программы стипендий, академические обмены и культурные мероприятия. Так происходит укрепление дружественных отношений и взаимопонимания между народами [Личак 2024].

5. *Гуманитарная помощь и развитие.* Россия осуществляет поддержку в борьбе с болезнями, чрезвычайных ситуациях и обеспечение продовольствием.

¹⁵ Торговая статистика для развития международного бизнеса. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=5%7c%7c7%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 30.11.2024).

¹⁶ World Bank. *Africa's Pulse: An Analysis of Issues Shaping Africa's Economic Future*, No. 29. Washington, DC, April 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/world/africas-pulse-no-29-april-2024-tackling-inequality-revitalize-growth-and-reduce-poverty-africa-enarjapt> (accessed: 06.10.2025).

¹⁷ О подписании российско-ангольского межправительственного соглашения об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров с Анголой. URL: https://angola.mid.ru/ru/press-centre/o_podpisanii_rossiysko_angolskogo_mezhpravitelstvennogo_soglasheniya_ob_uchrezhdenii_i_usloviyakh_de/ (дата обращения: 30.11.2024).

Кроме того, Россия участвует в различных международных инициативах по развитию Африки [Попова 2024].

6. *Изменение восприятия.* Если ранее Россия воспринималась в основном как бывшая советская держава с историческими связями времен холодной войны, то теперь она всё чаще рассматривается как важный современный международный актор с широким спектром интересов и возможностей на континенте.

7. *Многополярный мир.* Влияние БРИКС на Африку многогранно: с одной стороны — новые инвестиции и альтернативные финансовые механизмы, с другой — риски фрагментации и конкуренции внутри самого блока. Расширение БРИКС и связанные с ним инициативы воспринимаются в Африке как альтернативные механизмы финансирования и репрезентации, а также с динамикой институционального «soft balancing» в международных отношениях [Bamidele 2024, Пара, Нан 2025, Zeleza 2019].

Российские компании, как частные, так и с участием государства, активно действуют на Африканском континенте. Оценки показывают, что российские инвестиции в Африке достигают 8–12 млрд долл. США. При этом планы на следующее десятилетие предусматривают увеличение инвестиций до 15 млрд долл. Основная часть этих средств направлена на исследование и разработку месторождений углеводородов и твердых минералов.

В контексте международного вклада в развитие в период с 1997 по 2012 г. Россией была списана большая часть внешней задолженности африканских государств перед СССР, общая сумма которых превысила 20 млрд долл. США¹⁸. В результате многомиллиардные активы перешли в собственность стран-должников. Среди стран-бенефициаров: Эфиопия была освобождена от долга в размере 4,8 млрд долл., Ливия — 4,5 млрд, Алжир — 4,3 млрд, а Ангола — 3,5 млрд долл. [Блищенко 2024]. Научно-техническое и культурное сотрудничество между Россией и африканскими странами постепенно расширяется: в январе 2024 г. подписано межправительственное соглашение с Анголой об учреждении информационно-культурных центров, а государственные образовательные квоты для студентов из Африки значительно выросли. По официальным сообщениям, Минобрнауки РФ увеличило число бюджетных мест для студентов из африканских стран и сообщает о примерно 35 тыс. обучающихся из Африки в российской системе высшего образования (из них часть — на бюджетной основе)¹⁹ [Личак 2024]. Несмотря на рост образовательных и культурных инициатив, охват российской «мягкой силы» в Африке остается ограниченным: доля потребителей российской продукции в медиаполе континента уступает западным и китайским каналам, а сеть российских культурных центров всё еще невелика и сконцентрирована в отдельных странах [Пара, Нан 2025]. Всего функционирует восемь российских культурных центров в семи африканских странах, при

¹⁸ Как Россия списывала долги странам Африки. URL: <https://tass.ru/info/18376435> (дата обращения: 30.11.2024).

¹⁹ Минобрнауки РФ вдвое увеличило число бюджетных мест в вузах для африканских студентов URL: <https://tass.ru/obschestvo/17309495> (дата обращения: 29.11.2024).

этом в Египте находится два таких центра. В Южно-Африканской Республике действует лишь представительство Россотрудничества, а не полноценный культурный центр. Организация «Русский мир» имеет представительства в пяти странах континента: Египте, Демократической Республике Конго, Замбии, Кении и ЮАР [Корендясов 2016].

Россия активно пытается укрепить свое присутствие в минерально-сырьевом секторе Африки через государственные и частные компании; значимым ориентиром остаются проекты в странах с богатыми запасами бокситов и руды. В Гвинее единственный крупный завод по переработке бокситов — Friguia — исторически ассоциируется с российской компанией РУСАЛ, а в последние годы в регионе обсуждаются и новые проекты по переработке и локализации цепочки добавленной стоимости. В атомной энергетике российские компании также усиливают свое присутствие (контракты и переговоры по АЭС в Египте и др.)²⁰.

В сфере атомной энергетики Россия также заключила соглашения о мирном ее использовании с десятью африканскими государствами. Строительные работы АЭС уже почти начались в Египте, а компания Росатом активно участвует в тендере на создание шести ядерных блоков в Южно-Африканской Республике, подтверждая свои амбиции в этом регионе.

Изменение роли восприятия России в Африканском континенте связано с рядом проблем и вызовов, требующих комплексных решений:

- 1) недостаточное знание о современной России — многие африканские страны воспринимают Россию через призму советского прошлого, не осознавая ее современных достижений и возможностей;
- 2) ограниченное присутствие в медиа и культуре — российские медиа и культурные продукты слабо представлены в Африке, что уменьшает возможности для культурного обмена и укрепления дружеских связей;
- 3) конкуренция с другими мировыми державами — Африка является ареной для международной конкуренции, где Россия сталкивается с влиянием Китая, США, Европейского союза и других акторов [Юрик 2020];
- 4) экономические ограничения — несмотря на значительный потенциал, экономическое сотрудничество между Россией и Африкой остается ограниченным из-за различных барьеров, включая логистические и финансовые;
- 5) недостаток институциональных связей — слаборазвитая сеть институциональных и дипломатических связей между Россией и Африкой ограничивает возможности для глубокого и многостороннего сотрудничества.

Пути решения включают в себя несколько направлений.

1. *Усиление информационной кампании.* России необходимо активнее информировать африканские страны о своих современных достижениях, культуре и возможностях через медиа, культурные обмены и образовательные программы.

²⁰ Гвинея: страна переворотов и бокситов. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gvineya-strana-perevorotov-i-boksitov/?sphrase_id=172661576#detail (дата обращения: 30.11.2024).

2. *Развитие мягкой силы.* Увеличение числа российских культурных центров и организация культурных мероприятий в Африке поможет укрепить культурные и гуманитарные связи.

3. *Экономическое партнерство.* Расширение экономического сотрудничества путем устранения торговых барьеров, создания совместных предприятий и инвестиционных проектов укрепит экономические отношения.

4. *Дипломатическая активность.* Усиление дипломатического присутствия в Африке, включая открытие новых посольств и консульств, поможет углубить двусторонние отношения.

5. *Многостороннее сотрудничество.* Россия может инициировать и поддерживать многосторонние инициативы, направленные на решение общеафриканских проблем, таких как развитие инфраструктуры, здравоохранение и образование.

6. *Научно-техническое сотрудничество.* Сотрудничество в области науки и технологий, включая космические исследования, энергетику и цифровые технологии, может стать важным фактором укрепления отношений.

Сотрудничество России с африканскими странами активно развивается и занимает важное место во внешней политике страны. В условиях меняющегося глобального порядка, который еще не сформировался окончательно, африканские государства получают уникальный шанс на более независимую роль и активное участие в международном диалоге по переосмыслению существующих правил международных отношений. Россия активно поддерживает эту тенденцию, стремясь содействовать объединению усилий стран, не входящих в блок западных государств, для формирования более справедливой мировой системы. Так, для создания более многополярного и сбалансированного мира необходимо усиление работы по налаживанию международных институтов, в которых преобладают страны, не ассоциирующие себя с Западом, по интеграции африканских инициатив в глобальные транспортные и логистические сети, а также по развитию прямых деловых связей между российским и африканским бизнес-сообществами [Pham 2010].

Заключение

Таким образом, Россия активно работает над преодолением спада в отношениях с Африкой, который наблюдался в конце XX в. Несмотря на успехи, стратегия России сталкивается с критикой и рисками, включая санкционные ограничения и противодействие западных государств. Кроме того, возможна реакция местного населения на внешнее вмешательство, что может ограничивать эффективность политического и экономического влияния. Эти вызовы требуют тщательного анализа и корректировки подходов к внешнеполитическому взаимодействию. Успехи в развитии всестороннего сотрудничества между Россией и африканскими странами во многом будут зависеть от ускорения развития Африки, современной трансформации ее экономик, а также от стабильности социально-экономического и политического устройства России. В будущем

ключевую роль в укреплении российско-африканского партнерства сыграют инновации и прогресс в экономике знаний, включая цифровые технологии и новые формы международного сотрудничества. Это потребует от России пересмотра подходов к международному экономическому взаимодействию и более глубокого осмысления роли Африки в мировой экономике и политике. Россия должна отказаться от устаревших стереотипов и увидеть в Африке не только партнера, но и важный элемент международных отношений, способный внести значительный вклад как в решение внутренних задач России, так и в укрепление глобальной стабильности и процветания.

Поступила в редакцию / Received: 15.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 19.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2025

Библиографический список

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности // Проблемы современной экономики. 2019. № 3. С. 96–100.
- Блищенко В.И. Россия–Африка: новая парадигма взаимодействия // Обозреватель-Observer. 2024. № 6. С. 49–58. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2024_6_49 EDN: GGKXXY
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике // Кондратьевские волны. 2019. № 7. С. 62–133. EDN: ZOJJKI.
- Дейч Т.Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций. 2018. Т. 10. № 2. С. 206–224.
- Корендясов Е.Н. Российско-африканские отношения на новом старте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 2. С. 203–214. EDN: WNHGWJ.
- Личак Н.А., Руденко Л.Д. Современные тенденции приобщения студентов из стран Африки к российской политической культуре // Мир русскоговорящих стран 俄语国家评论. 2024. С. 22. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-22> EDN: GGKXXY
- Околи А.Ч. Суверенитет Африки в контексте перехода к многополярному миропорядку (на примере дискурса вокруг Сахеля) // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 118–133. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133> EDN: GGKXXY
- Попова А.Ю. и др. Россия–Гвинея: исторические аспекты научного взаимодействия в области борьбы с опасными инфекционными болезнями // Проблемы особо опасных инфекций. 2024. № 3. С. 6–14. <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2024-3-6-14> EDN: GGKXXY
- Свиридов В.Ю., Андреева Т.А. Российские удобрения как элемент укрепления продовольственного суверенитета Африки // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 170–185. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-170-185> EDN: GGKXXY
- Юрик Н.Н., Богачев В.К. Африка и Россия: что дальше? // Молодой ученый. 2020. № 13 (303). С. 188–191. EDN: CJKQCV.
- Bamidele S. BRICS Expansion and Implications for Africa // The Strategic Review for Southern Africa. 2024. Vol. 46. No. 1 and 2. <https://doi.org/10.35293/srsa.v46i1.5347> EDN: GGKXXY
- de Assis C.C. et al. The BRICS in Southern Africa: A Foreign Policy Analysis in Historical Perspective // Journal of BRICS Studies. 2023. Vol. 2. No. 2. P. 38–51.

- Pham J.P. Back to Africa: Russia's new African engagement // *Africa and the New World Era: From Humanitarianism to a Strategic View*. New York : Palgrave Macmillan US, 2010. С. 71–83. https://doi.org/10.1057/9780230117303_5
- Papa M., Han Z. The evolution of soft balancing in informal institutions: the case of BRICS // *International Affairs*. 2025. Vol. 101. No. 1. P. 73–95. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae278> EDN: GGKXXY
- Zezeza P.T. Africa's persistent struggles for development and democracy in a multipolar world // *Canadian Journal of African Studies/Revue canadienne des études africaines*. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 155–170.

References

- Abramova, I.O., & Fituni, L.L. (2019). Economic globalization and problems of national and international security. *Problems of Modern Economics*, (3), 96–100.
- Bamidele, S. (2024). BRICS expansion and implications for Africa. *The Strategic Review for Southern Africa*, 46(1–2). <https://doi.org/10.35293/srsa.v46i1.5347>
- Blishchenko, V.I. (2024). Russia–Africa: A new paradigm of interaction. *Observer*, (6), 49–58. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2024_6_49
- de, Assis, C.C., de, Arruda, B.G., M., & de, Souza, A.M. (2023). The BRICS in Southern Africa: A foreign policy analysis in historical perspective. *Journal of BRICS Studies*, 2(2), 38–51.
- Deich, T.L. (2018). Regional policy of BRICS in Africa. *International Organisations Research Journal*, 13(2), 206–224. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-206>
- Grinin, L.E., & Korotayev, A.V. (2019). Divergence and convergence in the global economy. *Kondratiev Waves*, (7), 62–133.
- Korendyasov, E.N. (2016). Russia–Africa relations at a new start. *RUDN Journal of International Relations*, 16(2), 203–214.
- Lichak, N.A., & Rudenko, L.D. (2024). Modern trends in introducing students from African countries to Russian political culture. *World of Russian-Speaking Countries*, (3), 21–22. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-22>
- Okoli, A.C. (2024). Africa's sovereignty in the context of the transition to a multipolar world order (on the example of the discourse around the Sahel). *Scientific Notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*, (2), 118–133. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>
- Papa, M., & Han, Z. (2025). The evolution of soft balancing in informal institutions: The case of BRICS. *International Affairs*, 101(1), 73–95. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae278>
- Pham, J.P. (2010). Back to Africa: Russia's new African engagement. In J.P. Pham (Ed.), *Africa and the New World Era: From Humanitarianism to a Strategic View* (pp. 71–83). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/9780230117303_5
- Popova, A.Yu., Kvasov, E.E., Karan, L.S., Gladkikh, A.S., & Ivanova, A.V. (2024). Russia–Guinea: Historical aspects of scientific cooperation in the field of combating dangerous infectious diseases. *Problems of Particularly Dangerous Infections*, (3), 6–14. <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2024-3-6-14>
- Sviridov, V.Yu., & Andreeva, T.A. (2024). Russian fertilizers as an element of strengthening Africa's food sovereignty. *Scientific Notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*, (2), 170–185. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-170-185>
- Yurik, N.N., & Bogachev, V.K. (2020). Africa and Russia: What's next? *Young Scientist*, (13), 188–191.
- Zezeza, P.T. (2019). Africa's persistent struggles for development and democracy in a multipolar world. *Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines*, 53(1), 155–170. <https://doi.org/10.1080/00083968.2018.1550520>

Сведения об авторе:

Диату Клара Лелу Муанда — аспирантка кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ORCID: 0009-0000-3057-998X) (e-mail: claradiato@mail.ru)

About the author:

Diato Clara Lelo Muanda — PhD Student at the Department of Comparative Politics, RUDN University (ORCID: 0009-0000-3057-998X) (e-mail: claradiato@mail.ru)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-957-970

EDN: GGZKHQ

Research article / Научная статья

Transformation of Narrative Representation of Russia among Youth in West Africa

Micah Y.B. Zing¹ , Leonid M. Issaev^{1,2}

¹HSE University, *Moscow, Russian Federation*

²The Institute for African Studies, *Moscow, Russian Federation*

 lisaev@hse.ru

Abstract. Western mainstream media narratives about Russia affect the perception of youth in West Africa regarding Russia as a global role player. The research is based on a synthesis and integration of scholarly studies, as well as newspapers and reports from selected Western media outlets. A broad literature review was first conducted to understand the body of knowledge on Western media narratives and their effects on people's perceptions of Russia. A narrative matrix was used as the main approach to map out the narratives about Russia, and thematic analysis was finally employed to identify the themes and sub-themes from the media narratives to examine how these narratives affect youth perceptions of Russia as a global player. The study identifies three competing narratives: the first is the dominant narrative in Western media, which describes Russia negatively in terms of its imperial interests. The second is the counter-narrative from several scholars, global South media outlets, dissenting politicians, and individuals who assert that NATO's expansion to the east threatens Russia's security and is the cause of the recent geopolitical crisis. The last is the alternative narrative, which assumes that Africans see Russia as a potential ally for mutually beneficial cooperation, despite the recent geopolitical crisis. The article concludes that the counter and alternative narratives have been marginalized and overshadowed by the dominant narratives propagated by Western media, which tend to shape youth perceptions of Russia as a negative global player, especially regarding narratives about the crisis in Ukraine.

Keywords: Western mainstream Media, media narratives, Societal narratives, Russia, West Africa, youth

Acknowledgements. The study is the output of the research project implemented as a part of the Basic Research Programme at HSE University in 2025 with support by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00650).

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

© Zing M.Y., Issaev L.M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Zing, M.Y., & Issaev, L.M. (2025). Transformation of Narrative Representation of Russia among Youth in West Africa. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 957–970. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-957-970>

Трансформация нарративного представления о России среди молодежи Западной Африки

М.И. Зинг¹ , Л.М. Исаев^{1,2}

¹Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

²Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

 lisaev@hse.ru

Аннотация. Основные западные медиа-нарративы о России влияют на ее восприятие молодежью в Западной Африке как глобального игрока. Статья основана на синтезе и интеграции научных исследований, а также газет и отчетов отобранных западных СМИ. Первым этапом исследования стал широкий обзор литературы с целью выявления совокупности знаний о западных медиа-нарративах и их влиянии на восприятие населением африканских стран России. В качестве основного подхода для составления карты нарративов о России использовалась повествовательная матрица, а затем тематический анализ был применен для выявления тем и подтем медиа-нарративов, чтобы изучить, как эти нарративы влияют на восприятие молодежью России как глобального игрока. В статье определяются три конкурирующих нарратива: первый — доминирующий нарратив в западных СМИ, который описывает Россию негативно с точки зрения ее имперских интересов. Второй — контрнарратив СМИ Глобального Юга, несогласных политиков и отдельных лиц, которые утверждают, что расширение НАТО на восток угрожает безопасности России и является причиной текущего геополитического кризиса. Последний — альтернативный нарратив, который предполагает, что африканцы видят в России потенциального союзника для взаимовыгодного сотрудничества, несмотря на недавний геополитический кризис. В статье делается вывод о том, что контр- и альтернативные нарративы были маргинализированы и замещены доминирующими нарративами, распространяемыми западными СМИ, которые, как правило, формируют восприятие молодежью России как негативного глобального игрока, особенно в отношении нарративов о кризисе на Украине.

Ключевые слова: Западные СМИ, медийные нарративы, общественные нарративы, Россия, Западная Африка, молодежь

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке гранта РНФ No 24-18-00650.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Zing M.Y., Issaev L.M. Transformation of Narrative Representation of Russia among Youth in West Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 957–970. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-957-970>

Introduction

Africa has become increasingly important as a strategic region for global powers [Olivier, Suchkov 2015]. This explains the relevance of Africa for Russia, especially in recent times where Russia's return as a global role player in Africa is visible amidst the fading away of its Western allies and business partners due to recent geopolitical events¹. As a result, Russia has since returned to Africa, in various capacity, expanding its influence and presence in areas such as diplomatic relations, economic and military cooperation [Issaev et al. 2022; Singh 2022]. Also, the presence of Russia in Africa is viewed as a way to counter Western influence in the region, an important factor to challenge the dominance of Western powers in the region or break unipolarity [Stronski and Sokolsky 2020].

Taking into account the relevance of Africa to Russia nowadays, it is crucial to understand the media representation of Russia in Africa and its role in shaping public opinion about Russia's role as a global player. This is because, media narratives influence public opinion and perception of social and political events, especially in recent times when geopolitics has become the order of the day [Coban 2016]. The transformation of the media space has changed how people in the world see themselves and others. According to [Baum and Groeling 2010], the media is heavily influenced and controlled by the elites and governments to present a one-sided narrative, against antagonistic states. This represents the agenda-setting role of the media where reality is first received by the influential gatekeepers (elites and governments) to the media, which reflects as a one-sided narrative and opinion flow to the public (public agenda) and a polarised opinion in the media and among the elites creates a polarised public opinion. In the case of the transformative narratives of Western media against Russia, a perfect example of this one-sided discourse is seen.

In the current geopolitical climate, Russia has been labelled and framed throughout Western media news coverage (BBC, New York Times, the Guardian, etc.) negatively, i.e. advancing its imperial interests in Africa [Zollmann 2024]. The country has been condemned generally in various negative lights. This one-sided narratives about Russia in the Western media has created a united one-sided Western opinion against Russia, reflected in the Western audience and public opinion². Russia is a significant global player, and these transformative narratives in the media outlets has affected its diplomatic and economic relations across the world [Fisher 2023]. However, these negative sentiments are not uniform everywhere, as alternative media outlets, experts and some politicians see the

¹ See: Karström, V. (2024). *The Strategical Use of Othering in Western Media: How is the Russian advancement in Africa depicted in Western media?* Retrieved August 12, 2025, from <https://www.essays.se/about/italy/> ; [Singh 2022].

² Karström, V. (2024). *The Strategical Use of Othering in Western Media: How is the Russian advancement in Africa depicted in Western media?* Retrieved August 12, 2025, from <https://www.essays.se/about/italy/>

narratives of Western media outlets as agenda-setting to demonize Russia and advance Western interests³.

This paper therefore, seeks to examine the transformative narratives and representation of Russia in Western media and how these narratives shape the perception of Russia as a global player among the youth in West Africa, highlighting whether different historical contexts and political alignment lead to divergent perceptions of these narratives.

The target audience for the study being the youth is particularly interesting because statistics shows that the youth (15–35) represent the majority in West Africa⁴. Given the region's strategic importance, the perceptions of the majority (youth) on events can significantly influence societal attitudes and future trends.

Undoubtedly, the youth has become increasingly important in contemporary political discourse across the globe [Sukarieh and Tannock 2014]. This is due to the growing number of the youth (15–35) in terms of demographics globally⁵. According to [Kraftl, Horton and Tucker 2012], the increasing importance of the youth in the last decade has prompted national governments and relevant authorities in the World to develop and/or expand national youth policies, youth councils and youth ministries and agencies. In the same vein, civil society organization report an explosion of local, national and international youth-led NGOs, thinktanks and media channels [Van Dijk, de Bruijn, Cardoso and Butter 2011].

Research Methodology

The key methodological approach employed to analyze the Western media narratives on Russia and its role in shaping the perception of the youth in West Africa is narrative matrix. The narrative matrix is a qualitative research methodology or tool that can be used to systematically analyze and categorize narratives within a text or story. Therefore, the study used the narrative matrix to systematically categorize the themes, framing devices, and characterizations identified from the media contents mapped out of Western media sources for analysis [Shaw and Nickpour 2024].

The data for the narrative's matrix was collected from prominent Western media outlets, and these includes BBC news, the Guardian, CNN and the New York Times. The selection of these media outlets is guided by one of the author's personal regular

³ McCurry J, Lock S and Harding L (2022). Russiatargeting cities as strength of Ukraine's resistance 'continues to surprise', UK says. *The Guardian*, 6 March. Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/06/biden-and-zelenskiy-discuss-more-aid-for-ukraine-as-russian-attacks-intensify>; Badshag, N., & Sparrow, A. (2022). Boris Johnson says 'Putin must fail' after Cobra meeting — as it happened. *The Guardian*, 24 February. Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.theguardian.com/politics/live/2022/feb/24/uk-politics-live-boris-johnson-sanctions-russia-invasion-ukraine-latest-updates>

⁴ See: World Bank Blog (2021). Youth-led healing from Africa: Amid and post-COVID. Retrieved August, 14, 2025, from <https://blogs.worldbank.org/en/youth-transforming-africa/youth-led-healing-africa-amid-and-post-covid>; [Odimeywu, Adewoyin 2022].

⁵ World Bank Blog (2021). Youth-led healing from Africa: Amid and post-COVID. Retrieved August, 14, 2025, from <https://blogs.worldbank.org/en/youth-transforming-africa/youth-led-healing-africa-amid-and-post-covid>; [Odimeywu and Adewoyin 2022].

monitoring of their reportage of the 2022 Ukraine crisis till today. In addition, these media outlets are widely broadcasted in Africa and the local media depend on such outlets for international news, hence justifiable to use Western media sources that are familiar to the target audience of the study. The timeframe considered for the selection of the media content spans the last five years (2020–2025).

Having mapped out these narratives from the selected media outlets, thematic content analysis was first employed to map themes and sub-themes across the data. The themes were later grouped and merged to create superordinate themes which was used in the second phase of the analysis.

The second phase involved the narrative matrix in which an in-depth interpretative phenomenological analysis (IPA) was employed on the data to analyze and capture the finer nuances and meanings societal narratives hold for the youth as well as how they make sense of such narratives. At this stage, the themes identified from the first stage (thematic content analysis) were used as structures to investigate which narratives were dominant, counter and alternative under each theme (*see the lists of themes and their narrative status in Table 1*).

Research Results and Discussion

Table 1 in this section specifically populate the four key themes identified in the Western media through the first stage of the analysis, including: (1) Russia as the aggressor; (2) NATO’s expansion and Russia security threats; (3) Russia as a new ally; and (4) Russia’s role in African security. Each of these themes is categorized in Table 1 below according to its narrative status.

Table 1

Narrative theme and their corresponding narrative status

Theme	Narrative status		
	Dominant	Counter	Alternative
Western media negatives narrative on Russia	X	-	-
Western media narrative on NATO’s expansion and Russia security threats	-	X	-
Western media narrative on Russia as a new ally (Return of Russia to Africa)	-	-	X
Western media narrative on Russia’s role in African security	X	X	X

Source: compiled by Zing M.Y, Issaev L.M

Theme 1: Western media negative narratives on Russia

The emergence of the new Cold War based on geopolitical crisis has led to the re-emergence of ideology of how Russia is reported in Western mainstream media. While some news reporting in Russia focuses on accuracy and factual information outside the framework of the new Cold War, the prevailing trend in reporting tends to demonize the country [McLaughlin 2020; Boyd-Barrett 2016].

Since the outbreak of the Russia-Ukraine crisis in February 2022, Russia has since dominated Western news coverage for the negative reasons. Russia is largely labelled and framed negatively across Western newspapers and news media published across the world [Zollmann 2024]. For instance, during the first two weeks of the crisis in Ukraine, nine (9) Western newspapers across the US, UK, and Germany published about 3,410 news items specifically on Russia's action in Ukraine. Out of the 3,410 news items, the majority, thus about 952 (29%) of the news items labelled Russia negatively. The German press dominated such frames, probably due to their proximity to the crisis, geographically and politically. The US and UK respectively labelled Russia negatively [Zollmann 2024].

This transformative representation of Russia has led to a portrayal by various global media outlets that characterised Russia's actions in Ukraine as an effort to advance its imperial interests. To further show how Russia was dominantly labelled negatively, specific media narratives are presented. Negative framing of Russia did not only become widespread in the 2022 crisis. In the 2014, such themes were also widespread and dominated various news coverage across the West [Boyd-Barret 2016], in his book "Western mainstream media and the Ukraine crisis: a study in conflict propaganda", painstakingly examines news reports from prominent Western media, exposing the ways in which language and images were used to present Russia negatively in the 2014 Ukraine crisis. These portrayals, among others, have contributed to a pervasive framing of Russia in the media. As a result, even attempts at impartial reporting are challenged by these widespread views, leading to consistently negative coverage across various Western media outlets.

Such labelling of Russia in the media in the ongoing crisis in Ukraine has the tendency to influence the perception of West African youth about the country. This transformation of narrative is even fuelled by the combination of local media reliance on Western media sources and the pervasive influence of digital or social media platforms, where the negative representation of Russia is amplified. As a result, many young people in West Africa are likely to develop a predominantly negative image of Russia, perceiving the country as hostile rather than a potential partner for educational and cultural exchange. The effects of these narratives extend beyond just mere perceptions, as they can have tangible effects on scholarship opportunities and exchange programs between Russia and African countries. Historically, Russia played a key role in providing countless scholarship opportunities to African students, fostering academic collaboration and strengthening cultural ties. Although this area of academic support still exists, there are questions about the number of international students in Russia or who will be willing to take educational opportunities in Russia, for the fear of being asked to fight in the crisis and with many opting for alternative places perceived to be much safer or more favourable.

Theme 2: NATO's expansion and Russia security threats

Despite the dominant negative representation of Russia in the Western media as a result of the ongoing crisis in Ukraine, the other part of the divide attributes the ongoing crisis to NATO's expansion to the borders of Russia. These are

seen as alternative narratives that have emerged to counter the overly one-sided dominant narratives of Russia across Western mainstream media.

Amidst the dominant narratives, several alternative media channels have reported different perspectives grounded in accuracy and factuality. Some Chinese media outlets and global South channels, such as Al Jazeera, have suggested that NATO's expansion into Russia's sphere of influence has contributed to the crisis, creating tensions and threatening Russia's security⁶. Additionally, a handful of dissident politicians and influential figures in the West (the US, UK, Germany and France) have criticized NATO's expansion, attributing it as a key factor in the Ukraine crisis. However, these individuals faced backlash from Western powers, which viewed their opinions as threatening, leading many to retract their statements⁷.

This is because, the media continually took a defensive position, often legitimizing the expansion of NATO⁸. This is further amplified when a quantitative study of 4,300 news items published in a leading quality news media in Germany between 24 February and 31 May 2022, found that 94% of the crisis in Ukraine is attributed to Putin or Russia, while the West and Ukraine are co-responsible for only 4% and 2% respectively [Zollmann 2024].

Taking various agreements that were reached in the 1990s for NATO not to expand further to the East or the sphere of influence of Russia and verse versa, the expansion of NATO to Ukraine in recent time clearly shows that NATO for that matter the West has broken its promise not to expand beyond the sphere of influence of Russia, threatening its security and should be responsible for the ongoing crisis in Ukraine. Yet, these genuine viewpoints often go unnoticed, overshadowed by the dominant narratives propagated by major Western media outlets. The resistance of NATO expansion to Ukraine is not just a called made today due to the crisis in Ukraine, but a resistance even from the time of the Soviet Union due to the implications it has on the Russian security system. This is because, NATO's expansion to Ukraine will strengthen nationalist and communist sectors in Russia, exploit Russia's military weakness and to complete the encirclement of Russia, and many others [Zollmann 2024]. As a result, the Russian side for the fear of the security threats initiates military and political measures or strategies to combat or counter NATO's expansion to its sphere of influence. This is clearly a contributory factor to the ongoing crisis in Ukraine, yet these sentiments have

⁶ McCurry J, Lock S and Harding L (2022). Russia targeting cities as strength of Ukraine's resistance 'continues to surprise', UK says. *The Guardian*, 6 March. Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/06/biden-and-zelenskiy-discuss-more-aid-for-ukraine-as-russian-attacks-intensify>

⁷ Badshag, N., & Sparrow, A. (2022). Boris Johnson says 'Putin must fail' after Cobra meeting – as it happened. *The Guardian*, 24 February. Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.theguardian.com/politics/live/2022/feb/24/uk-politics-live-boris-johnson-sanctions-russia-invasion-ukraine-latest-updates>

⁸ Harvey, F. (2022). Is Putin's Ukraine invasion about fossil fuels? *The Guardian*, 24 February. Retrieved August, 12, 2025, from <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/qa-could-putin-use-russian-gas-supplies-to-hurt-europe>

been marginalised in the press, which has rarely assessed the role and implication of NATO's expansion on the crisis.

This one-sided narratives in the media highlight that the negative portrayal of Russia within Western narratives may not be entirely rooted in reality but rather serve as propaganda to further Western interests. It also shed more light on the power of the media to influence our thinking and perception. Amidst these viewpoints, the paper seeks to scrutinise why dissenting opinions have been marginalized and rarely address other factors (such as NATO's expansion to Ukraine) causing Russia's reactions, while inviting readers to recognize the potential biases inherent in these dominant narratives that distort reality, and to interact critically with media narratives and push for increased accountability in mainstream media reportage, as reiterated by [Boyd-Barrett 2017].

Theme 3: Russia as a new ally

The negative and transformative narratives and reporting by Western media mainstream (WMM) about Russia can be said to have little to no effect on Russia-Africa relations, as several African countries hold alternative view of Russia as their new ally amidst the ongoing crisis in Ukraine. In the last decade, Russia has started paying close attention to the African continent, which has even intensified in recent times⁹. Since the onset of the crisis in Ukraine and the rapid decline in the Russia and West relations, coupled with the numerous sanctions imposed on Russia by the West, Russia has since returned to Africa in various capacities and cooperations, including education, military technical cooperation, agro-economics, and diplomatic relations [Singh 2022]. Amidst the crisis and Western propaganda, Russia has been able to build stronger ties with several African nations than before and has become more prominent on the international stage due to frequent media coverage¹⁰.

Russia has since established strong diplomatic cooperation with Mali, Niger, Burkina Faso, and Guinea. These cooperations largely focus on military technical cooperation, energy transmission, education, and diplomatic exchange visits, including joint projects and conferences. The agenda of Russia to strengthen its relations with Africa first saw its peak in the first ever Russia-African Summit in 2019. This summit resulted to several military technical cooperations and agreements, trade relations and even agreements on non-conditional assistance from Russia to Africa [Singh 2022]. These agreements further strengthened the Russia-Africa relations, partly because as of 2019, the first Trump's administration took

⁹ CSIS (2023). *Russia Is Still Progressing in Africa.: What's the Limit?.* Center for Strategic and International Studies (CSIS). Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.csis.org/analysis/russia-still-progressing-africa-whats-limit>

¹⁰ Karström, V. (2024). *The Stragetical Use of Othering in Western Media: How is the Russian advancement in Africa depicted in Western media?* Retrieved August 12, 2025 Retrieved from <https://www.essays.se/about/italy/>

a step backward in its support for counter-terrorism in the region, resulting to less support from the US to African countries¹¹.

Since the first Russia-Africa Summit in 2019, African countries have been active participants of this summit till date, which has been a topic of discussion in the media. A recent example is that even amidst the crisis in Ukraine and the sanctions imposed on Russia, several African countries participated in the 2023 Russia-Africa Summit. For instance, during the 2023 Russia-African Summit, several African heads of state (particularly Mali, Niger and Burkina Faso) expressed support for Russia and emphasized building a strong relationship with the country. During the same summit, the president of the Russian Federation announced free grain shipments to several African countries, which were received positively by these African heads of state, signalling robust diplomatic relations between Russia and Africa despite the ongoing crisis, WMM propaganda, and sanctions imposed on Russia. The West and for that matter the WMM show this summit, the various support of Russia to Africa and the return of Russia to Africa in generally as a new way of advancing its imperial interest, and therefore, do not mean any good for Africa.

It is important to note, in these years of strong Russia-African relations, the relationship was not induced by one side, as the relationship was also heavily driven or called for by the Africa countries. This tells you that the African continent are not passive agents, and the leaders of these countries have always sought for alternative in Russia as an ally for quite a long time. This is because, unlike the West, cooperations or agreements and support from or with Russia do not come with heavy conditionalities about democratization or human rights¹². Another reason why African countries are starting to look past the West towards alternative or new partnership is because the West has been shifting its focus elsewhere, and the Africa-West relations is more of a new-colonialism than partnership. In other words, many African countries chose to be non-aligned and for matter, perceived relationship with Russia as mutually beneficial compared to the West, which often will demand that they make a choice [Strand 2022]. As a result, many African countries hold an alternative view of Russia and perceived the country as an ally that seeks for cooperations that resembles more of a partnership, despite the dominant negative narratives about Russia in the WMM. These alternative viewpoint of Russia as an ally resonate with the youth across Africa. They are preview to the news, they are preview to what is happenings in the World and the African sub region and for that matter, advocate for their leaders to pursue cooperations with powers that seeks for mutually beneficial cooperation. This is demonstrated in the series of African protest where the youth openly call for Russia support by waving the Russia flags or holding placards of solidarity with Russia.

¹¹ CSIS (2023). *Russia Is Still Progressing in Africa.: What's the Limit?.* Center for Strategic and International Studies (CSIS). Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.csis.org/analysis/russia-still-progressing-africa-whats-limit>

¹² Karström, V. (2024). *The Strategical Use of Othering in Western Media: How is the Russian advancement in Africa depicted in Western media?* Retrieved August 12, 2025, <https://www.essays.se/about/italy/>

Africa is the only region across the World to consistently increase imports from Russia amidst the ongoing geopolitical crisis [Singh 2022]. African mainly import produce such as wheat, coal, petroleum and electronics from Russia. Likewise, Russia also import produce such as fruits, vegetables, sugar, among others from Africa. According to CSIS¹³, Russia has started building state-own companies in Africa in the area of nuclear power plants, hydrocarbon projects among others in the quest to support the development of the power or energy sector in Africa. Even at the diplomatic front, it is clear that Africa is beginning to see a new friend in Russia. African countries form the largest voting block within the UN, and the impact of the Russia-Africa relation was fell when African countries represented the highest number of abstentions in the vote for resolutions on the Russia-Ukraine crisis [Singh 2022].

Theme 4: Russia's role in African security

The presence of Russia in African security, especially the military is viewed in different lens as it was identified as dominant, counter and alternative narrative. In the Western media discourse, Russia's presence in African security is a dominant narrative, viewed in a negative light. The Russians, however, view it as a counter narrative, which seeks to provide support and counter terrorism in Africa. Some African countries also see it as an alternative source of support to their military in order to fight terrorism and secure their borders.

In the Western media discourse, the presence of Russian mercenaries in West Africa is threatening the security of the region. The dominant narratives about these mercenaries across the WMM is that they are committing atrocities in the region, including killing of civilians, human right abuses, massacres, sexual violence, and exploitation of the precious African natural resources and inciting violence and autocratic principles in the region¹⁴ (BBC News). These narratives have gone viral and are aired even on the local news channels of the region. These kinds of narratives have affected the perception of the youth about Russia's role in Africa.

For instance, the UK's Minister for Development and Africa, Andrew Mitchell, during his visit to Ghana in 2022 said that Britain is very much concerned about the activities of Russian mercenaries in West Africa. He added that the presence of Russia in the region was neither constructive nor helpful [BBC News 2022]. These and many more negative narratives from prominent Western leaders and influential people have attributed the Russian's military presence or role in Africa.

In other to counter the dominance narratives portrayed about Russia's mercenary in West Africa, the Russian government also indicated that the presence of its military group in the African sub-region is in support of African effort to fight terrorism and

¹³ *Russia Is Still Progressing in Africa: What's the Limit?* Center for Strategic and International Studies (CSIS). Retrieved August, 14, 2025, from <https://www.csis.org/analysis/russia-still-progressing-africa-whats-limit>

¹⁴ *Allafrica newsletter (2024). Africa: Russia mercenaries have a bad reputation but some African regimes still employ them-study explores why*, 24 November. Retrieved August, 14, 2025, from <https://allafrica.com/stories/202411250025.html>

extremist groups in the region. This explains why the Russian presidential advisor, Anton Kobayakov, during the two-day Russia-Africa Ministerial Conference said that *“For Russia, the role of a security provider for the African countries is practical, vital, and necessary.”* He added that the West is not ready to resolve the security issues in Africa but are rather interested in creating tensions on the continent, such that any item by Russia to resolve the security issues in Africa is viewed in a negative light from the West. This has resonated with many African countries as they view partnership with Russia as mutually beneficial and continue their pursuit of military cooperation with Russia. Russia so far has signed military technical cooperation with about 33 African countries in a joint effort to counter terrorism and violent extremist groups in the region to achieve peace and stability. Despite the propaganda and dominant narratives of Russia’s military presence in Africa by the West, which of course has instilled fear, panic and negative perception among some pockets of people, the presence of these Russian mercenaries is mostly viewed positively in the region [Ishiyama 2024].

The majority of the African countries also view the role of Russia in their country’s security as an alternative narrative and actor. Russia so far has military cooperation with about 33 countries. Active engagement among these countries includes Mali, Niger, Burkina Faso, Libya, Central African Republic, Mozambique among others. To some of these countries with military agreements with Russia, the presence of Russia’s mercenaries has brought visible security improvements compared to periods under the rebel groups control. For others, the arms and training received from Russia has made them offensive and able to counter terrorism in their countries¹⁵. According to V. Karström¹⁶, the reasons why there is growing military cooperation between Russia and Africa compared to the dominant narratives out there is that arms from Russia are significantly cheaper compared to the West, and these military or trade agreements with Russia are not tied to conditionalities such as democratization and human rights. This was further fuelled when the US took a step backward in their support of fighting terrorism in Africa, which resulted in less support by the US towards African countries or security¹⁷. As a result, some African countries has since found a partner in Russia in their quest to fight terrorism and extremist group in the region.

These military technical cooperation so far is viewed positively by many of these African countries in their fight against terrorism [Ishiyama 2024]. For instance, during the 2023 Russia-African Summit, the interim president of Mali, Assimi Goita said: *“Thank you for your support and friendship. Thanks to Russia, we have been able to strengthen our armed forces, our security services and our law enforcement agencies.*

¹⁵ Dukhan, N. (2020). State of prey: Proxies, predators, and profiteers in the Central African Republic. *The Sentry*, 5. Retrieved August 13, 2025, from <https://thesentry.org/reports/state-of-prey/>

¹⁶ Karström, V. (2024). The Strategic Use of Othering in Western Media: How is the Russian advancement in Africa depicted in Western media? Retrieved August 12, 2025, from <https://www.essays.se/about/italy/>

¹⁷ CSIS (2023). Russia Is Still Progressing in Africa: What's the Limit?. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Retrieved August 15, 2025, from <https://www.csis.org/analysis/russia-still-progressing-africa-whats-limit>

*The Malian armed forces are now in an offensive dynamic, we have significantly reduced the number of attacks that were targeting military bases, and we have been able to provide security in many locations. I want to thank you again, Mr. President, for your support, for the support of your government. Thanks to you, we have been able to make great progress in the fight against terrorism. The cooperation between our countries is not limited to defense and security issues. We also cooperate in the field of human resources, as well as in commerce and trade*¹⁸. A similar assertion was made by the interim president of Burkina Faso who indicated their fight against terrorism and the support of Russia in this fight. Based on the analysis presented, depending on where you stand, the role of Russia's presence in the security of Africa is viewed in different ways (either dominant, counter or alternative narratives) based on the context, and what the news article or narrative aim to deliver.

Conclusion

This study examined the complex relationship between the narratives about Russia in Western mainstream media (WMM) and how the youth in West Africa perceive Russia as a global role player. It is evident from the study that dominant narratives often depict Russia negatively, overshadowing alternative narratives that shed light on the complexities of geopolitical dynamics. Despite the dominant narratives describing Russia as advancing its imperial interests, the study identified counter-narratives to these overly dominant narratives. The counter-narratives emphasized the role of NATO's expansion to the east as a catalyst for the recent geopolitical crisis. Other narratives (alternative narratives) found in this study present Russia as a potential ally for Africa, fostering mutually beneficial cooperation.

Although the study revealed that Africa-Russia relations or cooperation have increased and become stronger amidst the current geopolitical crisis, it does not discount the fact that the prevailing dominant narratives in WMM contribute to shaping the perceptions of youth about Russia, leading to a somewhat negative portrayal of Russia across the region.

This underscores the importance of diversifying information sources as well as promoting critical media literacy and discourse among the youth. This is because exposure to a wider range of narratives or media sources leads to a critical evaluation of media content, thereby promoting media accountability and transparency devoid of sensationalism.

Therefore, this study emphasizes the need for continued dialogue and critical evaluation of diverse perspectives in media narratives. As the geopolitical landscape evolves rapidly, it is essential for the youth, who are the future leaders, to be equipped with the necessary tools to critically assess and evaluate media narratives in order to make informed decisions about global issues; the youth in West Africa are no exception. This calls for future research to further examine the impact of social

¹⁸ Mali thankful to Russia for helping strengthen its army — transitional president. Retrieved August 15, 2025, from <https://tass.com/politics/1653473?ysclid=mharnwfr3d367569463>

media and alternative media sources on shaping youth perceptions about Russia, including a comparative assessment of Anglophone and Francophone blocs. Additionally, future studies should focus on the potential for collaborative initiatives between Africa and Russia that transcend the dominant narratives projected in Western media discourse.

Received / Поступила в редакцию: 23.07.2025

Revised / Доработана после рецензирования: 13.08.2025

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2025

References

- Azlan, A.A., Rahim, S.A., Basri, F.K., H., & Hasim, M.S. (2012). Malaysian newspaper discourse and citizen participation. *Asian Social Science*, 8(5), 116.
- Baum, M.A., & Groeling, T. (2010). Reality asserts itself: Public opinion on Iraq and the elasticity of reality. *International Organization*, 64(3), 443–479.
- Boyd-Barrett, O. (2016). *Western mainstream media and the Ukraine crisis: A study in conflict propaganda*. Routledge.
- Boyd-Barrett, O. (2017). Ukraine, mainstream media and conflict propaganda. *Journalism studies*, 18(8), 1016–1034.
- Coban, F. (2016). The Role of the media in international relations: From the CNN Effect to the Al-Jazeera Effect. *Journal of International Relations and Foreign Policy*, 4(2), 45–61.
- Fisher, H.O. (2023). *Media Objectivity and Bias in Western Coverage of the Russian-Ukrainian Conflict*. Retrieved August, 14, 2025, from https://www.academia.edu/106463424/Media_Objectivity_and_Bias_in_Western_Coverage_of_the_Russian_Ukrainian_Conflict
- Gill, G. (2021). Images of Russia in Western scholarship. *Australian Journal of International Affairs*, 75(6), 637–649.
- Ishiyama, J. (2024). Wagner PMC's Impact on Russia's Public Image in Africa. *Journal of Asian and African Studies*, 00219096241249974.
- Issaev, L., Shishkina, A., & Liokumovich, Y. (2022). Perceptions of Russia's 'return' to Africa: Views from West Africa. *South African Journal of International Affairs*, 29(4), 425–444.
- Kraftl, P., Horton, J., & Tucker, F. (2012). Editors' introduction: critical geographies of childhood and youth. In *Critical Geographies of Childhood and Youth* (pp. 1–24). Policy Press.
- McLaughlin, G. (2020). *Russia and the Media: The Makings of a New Cold War*. Pluto Press.
- Odimegwu, C.O., & Adewoyin, Y., (Eds.). (2022). *The Routledge handbook of African demography*. New York, NY: Routledge.
- Olivier, G., & Suchkov, D. (2015). Russia is back in Africa. *The Strategic Review for Southern Africa*, 37(2),
- Paterson, C.A. (2011). *The international television news agencies: The world from London* (pp. 46–54). New York: Peter Lang.
- Shaw, C., & Nickpour, F. (2024). Design as an agent of narratives: A matrix and framework for incorporating narratives into design processes. *Advanced Design Research*, 2(1), 37–44.
- Singh, P. (2022). Russia-Africa relations in an age of renewed great power competition. *ISS Africa Report*, 2022(42), 2–33.
- Sloam, J. (2014). The outraged young: Young Europeans, civic engagement and the new media in a time of crisis. *Information, Communication & Society*, 17(2), 217–231.
- Strand, M. (2022). Coloniality and othering in DFID's development partnership with South Africa. *South African Journal of International Affairs*, 29(3), 365–386.

- Stronski, P., & Sokolsky, R. (2020). *Multipolarity in practice: Understanding Russia's engagement with regional institutions* (vol. 8). Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Sukarieh, M., & Tannock, S. (2011). The positivity imperative: A critical look at the 'new' youth development movement. *Journal of Youth Studies*, 14(6), 675–691.
- Sukarieh, M., & Tannock, S. (2014). *Youth rising? The politics of youth in the global economy*. Routledge.
- Van, Dijk, R., De, Bruijn, M., Cardoso, C., & Butter, I. (2011). Introduction: Ideologies of youth. *Africa Development*, 36(3–4), 1–18.
- Zollmann, F. (2024). A war foretold: How Western mainstream news media omitted NATO eastward expansion as a contributing factor to Russia's 2022 invasion of the Ukraine. *Media, War & Conflict*, 17(3), 373–392.

About the authors:

Micah Y.B. Zing — Research Assistant, HSE University (e-mail: m.zing@hse.ru) (ORCID: 0009-0009-2501-236X)

Leonid M. Issaev — Doctor of Sciences (Politics), Professor, HSE University; Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: lisaev@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-4748-1078)

Сведения об авторах:

Зинг Мика Й.Б. — научный сотрудник НИУ ВШЭ (e-mail: m.zing@hse.ru) (ORCID: 0009-0009-2501-236X)

Исаев Леонид Маркович — доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук (e-mail: lisaev@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-4748-1078)